

К читателям

В 1999 г. вышла в свет книга автора «Я — мы — они», посвященная философским размышлениям о взаимозависимости причин и следствий, о циклических процессах в природе и обществе, об относительности пространства и времени, о сущности жизни, о субъективной и объективной основе и структуре Человека, о мировых спиралях, о социальной истории России и ее будущем.

Все эти вопросы были изложены в виде цельной новой мировоззренческой системы, интегрирующей натуралистический и метафизический взгляд на единый мир и его многоликие проявления.

При подготовке этой книги автором были использованы различные полемические заметки на полях многих философских и политических работ, как фундаментальных академических, так и текущих газетно-журнальных изданий. К сожалению, лишь малая толика этих заметок нашла отражение в книге. В то же время их самостоятельная ценность несомненна, как с позиции более полного представления взглядов различных авторов, работы которых представлялись мне (и представляются в настоящее время) наиболее значимыми по широкому спектру мировоззренческих проблем, так и с позиции более полного отражения собственных взглядов по этим проблемам. А то, что эти заметки изобилуют цитатами из десятков проштудированных мною работ, на мой взгляд, представляет дополнительную ценность для читателя, ибо дает ему возможность приобщиться к широкому спектру мнений по многим вопросам общественного бытия и сознания, остро обсуждаемым в наше переломное время, когда Россия и все россияне пытаются переосмыслить наше прошлое, настоящее и будущее.

Поэтому мне представляется полезным опубликовать в виде самостоятельного издания и эти заметки, сгруппировав их в три раздела:

- «Новая» натурфилософия.
- Человек и метаистория.
- На перекате тысячелетий.

Тематика этих заметок чрезвычайно разнообразна: от обсуждения новых представлений о пространственно-временной модели Мира, общих физических и метафизических принципов спиралевидного эволюционного развития природы и общества до представлений о главных вехах российской и мировой истории, ее прошлого, действительности и ее будущем.

При этом красной нитью прослеживаются три, на мой взгляд, ключевые позиции, имеющие общемировоззренческое значение и позволяющие во всех рассматриваемых вопросах, во всем спектре нашего мышления и бытия увидеть главные тенденции и главные проблемы.

На мой взгляд, некорректна сама постановка основного вопроса философии — о первичности бытия или сознания, разделившего философов и политиков на непримиримо враждующих материалистов и идеалистов. Мир — это циклически

развивающаяся система, в которой «начало» и «конец» — лишь две условные точки, а не объективно существующие реальности. И материальная и духовная сторона — это две грани единосущего — единой разумной жизни, вечно обновляющегося исторического бытия. И только совместное представление об обеих этих гранях, о их взаимовлиянии друг на друга, о чередовании их доминирования в истории, позволяет полнее понять мир — и нашу действительность и наше будущее.

Вторая позиция — о взаимоотношениях Личности и Общества.

Опять же — только представление об их взаимосвязи позволяет понять, как формируется позиция Человека во взаимоотношениях с другими себе подобными, с родителями и близкими, с представителями своего этноса, народа и социума, с представителями других наций и всего человечества.

Любовь и уважение, голос крови и разума, личные и общественные интересы — все это черты единосущего Человека, который и в толпе (стае) не перестает быть Личностью. От Фрейда и Ницше, акцентирующих внимание на сильном и свободном человеке — до горьковского Данко и Н. Островского, ценой своей жизни сознательно поставивших себя на благо других людей — спектр человеческих представлений и поступков. «Роевое» и «Личностное» начала в характере человека, представленные и воспетые Л. Толстым и Ф. Достоевским, сливаются в русской «соборности», отражающей гармоническую согласованность и органическое единство индивидуума и общества в нашей истории.

Именно эта «соборность» и объясняет естественную неистребимую тягу русского человека к социалистическим идеалам, реализация которых была, есть и будет нашей национальной Трагедией и Победой.

И третья позиция, которая, как мне представляется, важна для понимания российской истории и развития всего Мира — только организованное разнообразие идей и религий, стран и народов, а не гегемонизм и второсортность других, являются залогом устойчивого развития человечества.

При этом особенно важно учесть развитие Экоса (системы: природа — общество — человек) не в противопоставлении цивилизации и окружающей среды, а в гармонизации их отношений.

Ясное осознание всех этих трех позиций и позволяет полнее понять наше место в мире и пути его (и нашего) эволюционного устойчивого развития.

Разумеется, приведенное в этой книге далеко не исчерпывает всех вопросов нашей жизни, нашего понимания мироустройства и его устойчивого развития. Они в определенной степени фрагментарны, эклектичны и субъективны. Но... имеют право на существование и могут быть полезны... не для продвижения авторских идей и представлений, а для дискуссионного обсуждения и дальнейшего развития всеми читателями, интересующимися осознанно или подсознательно своим «собством» и своим местом в истории и окружающим нас мире.

Моим самым большим удовлетворением будет, если кто-то из читателей и на полях этой книги напишет *свои* заметки, выражая свои представления о жизни и

взаимоотношении людей, о роли личности и общих тенденциях развития человечества.

Мир — на пороге новых мировоззренческих представлений.

И пусть каждый из нас выберет свой путь.

В добрый час!

Автор.

ЧАСТЬ I «НОВАЯ» НАТУРФИЛОСОФИЯ

Философствование вдвоем

«Философия — это оформление и до предела развитие состояний с помощью всеобщих понятий, но на основе личного опыта» (М. Мамардашвили «Какая понимаю философию», «Прогресс», М., 1992 г).

Только в сверхчувственном состоянии, когда человек оглядывается на окружающий мир как бы отрешенным взглядом, когда он выходит из своего повседневного бытия, «и скрыт наш шанс: что-то понять». Во-первых, нужно иметь желание что-то понять сверх того, что дается непосредственно органами чувственного восприятия, войти в состояние, называемое «трансцендированием, т.е. устремлением человека к чему-то поверх и помимо его ситуации, которую он воспринимает и которая на него воздействует» (стр. 6).

Только в таком состоянии человек общается с собеседником духа: либо с философом или поэтом непосредственно, либо с его книгами. «Поэзия — это философский акт» (стр. 25).

Но подобно тому, как музыка звучит в исполнении, а не в виде нотной записи, «мысль существует только в исполнении» (стр. 21). Мысль-вопрос и мысль-ответ предполагают наличие, как минимум, двух субъектов, общающихся между собой, делающих шаги навстречу друг другу и вместе в процессе нового познания. Учитель, беседующий с учеником, это — не назидатель. Он как бы заново проходит тернистый путь познания.

«Тот, кто отдает свою душу, ее обретет, а кто боится потерять, тот теряет» (стр. 19). Подобно тому, как человеку спрашивающему нужен умный собеседник, так и поэту (по выражению О. Мандельштама) необходим «дальний собеседник» как приемник его мыслей. Но в этом собеседовании нельзя относиться с неуважением к мыслительной способности своего заочного визави. Мысль, неспособная возбудить мысль собеседника, является псевдомыслью, дидактическим нравоучением, и не более того. Она не внесет ничего нового в копилку мирового разума, она бесплодна.

А со-общение — это такой диалог, в котором обе стороны как бы рождаются заново. Поэтому учитель, поэт, философ повторяется в своих учениках-собеседниках многократно, переживая вместе с ними и каждый раз заново акты познания мира. «Акты сознания... явно дискретны... Христос в Евангелии от Иоанна говорит: вот сейчас я есть перед вами и исчезну, потом снова появлюсь и снова исчезну» (стр. 22). И это связано, по-видимому, «с некоторым фундаментально дискретным устройством нашей сознательной жизни» (стр. 22). Дискретность есть ступенчатость, многошаговость процесса познания и сознания. Пауза между этими ступенями необходима для адаптации мысли к бытию, для проверки абстрактного мышления реальной действительностью. Это — как бы «схождение конечного и бесконечного в нашей жизни, соразмерного человеку в том смысле, что это возможно» (стр. 11).

«В устройстве мира... есть особые интеллигибельные (умопостигаемые) объекты (измерения), являющиеся в то же время непосредственно, опытно

констатируемыми, хотя и далее неразложимыми образами целостностей» (стр. 10). Такие, как жизнь и сознание.

Человек, способный сказать о себе «я мыслю, я существую, я могу» и есть истинный философ, не остающийся в плену догматических рассуждений об абсолютном и о постепенном приближении к нему в процессе само- и совместного с учителем познания мира, а апробирующий, подтверждающий результаты своего познания конкретными жизненными деяниями.

«В философии нужно мыслить, чтобы существовать, быть» (стр. 7).

«Всякое серьезное философствование подобно попыткам барона Мюнхгаузена вытащить себя из болота за волосы... Но философия возможна!» (стр. 8). Решить эту задачу легче, когда рядом есть умный наставник, со-беседник, со-учитель.

Окна в мир

Мир — это большая система, которая может быть представлена тремя основными категориями: структурой, функционированием и развитием. Недаром в самом общем виде систему модно трактовать как совокупное множество элементов с упорядоченными связями между ними и свойствами, ориентированными на выполнение общей задачи.

Все системы в принципе являются открытыми, т.е. взаимодействуют с внешней средой, обмениваясь с ней вещественно-энергетически-информационными (а может быть и другими) потоками. Поэтому, говоря о зарождении системы и ее целеположении, всегда надо иметь в виду би-систему: двухуровневую систему как модуль мира.

Хотя, как правило, любая система является саморазвивающейся, однако ее зародыш, содержащий в потенции силы для формирования структуры и для проявления собственных функций, привносится извне как часть обменного потока от партнера би-системы или от сконцентрированного воздействия многих соседних субъектов-систем.

Поэтому можно говорить о первичном толчке, о первичной яйцеклетке для конкретной системы, но это — лишь одна из точек бифуркации в процессе развития мета-системы, которая сама является лишь элементом бесконечного ряда миров.

Каждая из систем характеризуется не только своим пространственно-временным или вещественно-энергетическим представлением. Она представляется множеством страт своего описания, т.е. множеством своих материальных, информационных, понятийных, знаковых и иных моделей, лишь в своей бесконечной совокупности приближающихся к раскрытию оригинала. Стратифицированность модели системы есть один из приемов познания и раскрытия сущности мира в ареале (зоне действия) данной системы. Это — дифференциация знаний о системе. Этот процесс должен дополняться одновременно представлением о системе (о мире) как о нечто едином в своей сущности.

Тезисы эзотеризма

1. Все, что мыслимо, то — возможно, следовательно, существует.
2. Все, что существует, то познаваемо.
3. Познание, как и существование — эволюционный процесс от частного — к общему (мир явлений) и встречно от общего — к частному (мир ноуменов).
4. Интеллигибельный (умопостигаемый) мир ноуменов и феноменологический мир явлений — взаимодополняемые иерархически формируемые миры. Дуальный мир — синархичен.
5. Иерархия миров формируется вдоль четвертой координаты космоса, т.н. иерархической координаты.
6. Жизнь мира есть эволюция хаоса по иерархической координате. Эволюция хаоса структурирует мир первичных монад.
7. Образование атомов нашего мира есть результат эволюции инфра-мира, прошедшего в своем развитии стадии формирования упорядоченной структуры и воздействующий как внешняя сила на соседние миры.
8. Бесконечная эволютивная организация миров реализует общую идею единства, т.е. стремление каждой монады стать единосущим и стремление каждой единой системы проявить свое единство во всех своих структурных элементах.
Человек — Все, но все раскрывается посредством индивидуумов.
«Целое существует, поскольку оно живет в единичном, единичное существует, поскольку носит в себе силу целого... Всякая монада (во Вселенной) — зеркало мира, она в одно и то же время и целое и вещь» (Дж. Бруно, цит. по В. Шмакову «Закон синархии», Киев, 1994, стр. 46).
9. Монады суть духовно-физические существа — двухъединое единство. (Лейбниц утверждает определенно, а у Канта подобное утверждение неустранимо. — В. Шмаков, стр. 42-43).
10. Множественность монад различных порядков вносит в самоощущение монады многосторонность и многокрасочность, но не распыляет ее единства (В. Шмаков, стр. 58).

«Вселенная как бы стремится сделать монаду целым миром, безграничным и совершенным, а монада пытается преобразовать мир в монаду. Мир увеличивает потенцию монады, подвигает ее экстенсивное совершенствование, а монада стремится увеличить в мире интенсивное совершенствование. Она пытается осуществить в мире внутреннюю гармонию, превратить его в художественное здание, в котором целое соответствовало бы частям, а части целому. Из взаимного их совершенствования экстенсивного и интенсивного вырабатывается их взаимное согласие и соответствие».

Это — 149-й тезис Н.В. Бугаева в его «Монадологии». Цит по В. Шмакову, стр. 39.

11. Стремление к организованности (к сложности, разнообразию и оригинальности) есть основной принцип эволюции, который, уравниваясь с противоположным началом (инволюцией, реинтеграцией в соответствии с принципом возрастания энтропии), и осуществляет биение космического пульса (по В. Шмакову, стр. 52).

12. Эволюция, развивающаяся вдоль иерархической координаты, образует спираль. Витки спирали не есть строго непрерывная кривая. В общем случае — это прерывистая траектория, когда количественные накопления приводят к качественному скачку в точке бифуркации, «поворачивая» процесс в «обратном» направлении, т.е. на новый виток спирали.

13. Нарушение «естественного» процесса возрастания энтропии возникают вследствие количественного переполнения открытой системы за счет воздействия (идейно-информационного, вещественно-энергетического) со стороны соседних миров.

14. Соседние $(n+1)$ или $(n-1)$ -й миры качественно ничем между собой не отличаются. Сравнивая размеры электрона и время его обращения вокруг ядра с размерами Земли и временем ее обращения вокруг Солнца, Фурнье Фальб установил, что в инфра-мире пространство в $K = 10^{22}$ раз меньше, а время протекает в K раз быстрее. Скорости же, наблюдаемые в обоих мирах, будут одни и те же, хотя центробежные силы для уравнивания движения в инфра-мире должны превосходить в 10^{33} раз ньютоновское тяготение. Это — сила электростатического притяжения, играющая для инфра-мира роль силы тяготения.

Аналогично наши звезды и планеты суть атомы и электроны супра-мира, время и пространство которого в K раз больше нашего.

Отсюда — мысль о бесконечности цепи миров по закону геометрической прогрессии с коэффициентом $K = 10^{22}$ (В. Шмаков, стр. 31).

15. Время и пространство в каждом мире является его внутренней характеристикой и не может быть распространимо как абсолютные характеристики всех соприкасавшихся, а тем более несмежных миров.

«Как движения души отличны от движения звезд, ее время отлично от времени звезд» (Плотин, — цит. по В. Шмакову, стр. 28). Мир не начал быть во времени, а существовал вечно, поскольку космос есть супер-мир — иерархия миров, в каждом из которых есть собственный Хронос-Время и собственный Разум как продукт высокоорганизованной системы, получающий начало (толчок) в виде импульса из над-мира и передающий импульс в следующий инфра-мир. В результате этого импульса из хаоса начинает формироваться структура. «В жизни космоса идеи вечно раскрываются, а все живущее в нем эволюционирует».

16. «Жизнь космоса есть постоянная реализация множественности потенций единства и гармонизация множественности в единстве». Два неразрывно сопряженных процесса: беспредельная дифференциация единства и организация множественности.

Принцип пирамиды: чем больше единичных монад, тем выше количество построенных из них над-миров.

17. Подобно тому как белый свет, пропускаемый через призму, разлагается на семь цветов радуги, хаос под воздействием внешнего поля организуется (как железные опилки под действием магнитного поля). Но организующиеся структуры начинают сами эволюционировать.

18. Цель структурной организации каждого мира — стремление к его внутренней гармонии, красоте как проявление генетически заложенного образа супер-мира, давшего толчок к эволюции данного мира.

Но и супер-мир не есть только источник. Он же под влиянием продукции инфра-мира: его энергетического и информационного накопленного запаса — сам эволюционирует и в точках бифуркации срывается на новую орбиту, т.е. видоизменяясь.

Так, на нашей Земле природа эволюционирует под влиянием не только геологических причин и воздействия других планет, но и от техногенного воздействия человеческой деятельности.

19. Каждый мир не вечен. Он рождается, живет и умирает. Но он успевает породить новую жизнь. И процесс жизни бесконечен.

20. В этом процессе идея мира не есть нечто застывшее. Она сама трансформируется, эволюционирует под влиянием накопления новых знаний, нового опыта, новых материальных и духовных творений.

21. Религия, философия, наука и искусство есть окна в мир реального и иррационального. С их помощью человек не только познает мир, конструирует его, но и приумножает его материальную и духовную сущность.

Вселенная как открытая система

(по поводу «Новой модели Вселенной» П.Д. Успенского, изд. Чернышева, 1993)

А наиболее разумный способ — не упираться в стенку лбом, отойти от прежних аксиом на расстояние, позволяющее охватить взглядом и старые и новые явления.

И не надо изобретать вместо одной космологической теории другую, привлекать некие потусторонние божественные силы — надо просто понять, что мир — это иерархически организованная совокупность ОТКРЫТЫХ систем. Открытых, в том смысле, что все они взаимодействуют друг с другом и существуют только благодаря такому взаимодействию.

Для такой совокупности открытых систем нет и быть не может единых аксиом, единых законов, единых правил поведения. Принцип Аристотеля, утверждавший единство законов во вселенной, просто не действует. Поэтому и такие «фундаментальные» понятия как пространство, время, энергия, движение, скорость, сила, которым даются априорные определения со времен Аристотеля, если и

действуют единообразно, то только в тех частях вселенной, которые образуют замкнутую систему, искусственно мыслимо изолированную от взаимодействия с другими открытыми системами. Изолированных систем в принципе быть не может. Все они взаимодействуют с окружающей средой. Причем эта среда сама по себе есть система. Первый исходный тезис, позволяющий по-новому взглянуть на мир, заключается не в противопоставлении одной геометрии (Евклида) другой (Лобачевского), а в признании отсутствия абсолютной аксиоматики мира, т.е. в относительности рассмотрения любой модели Вселенной.

Плохи не аксиомы, а недопустима их абсолютизация.

И все разговоры о Боге как высшем абсолюте — ересь. Так же как и бессодержательна деконстатация этих аксиом. Ибо отсутствие хотя бы условной базы делает невозможным представление любой картины, лишает это представление, пусть временной, но устойчивости.

Опасно противопоставление одного подхода другому (жестко аксиоматического беспринципному), тем более их абсолютизация. Но если мы хотим выйти за рамки привычного феноменологически проявляемого и привычно осознаваемого мира и взглянуть на совокупный мир как множественную систему, то важно найти те границы, за которыми надо отходить от ортодоксальной аксиоматики и переходить к совокупному взаимодействию открытых систем, подчиняющихся иным тоже относительным правилам.

Аксиомы возникли на основе многократно наблюдаемых физических явлений, а затем получали некоторую обобщенную трактовку в математических понятиях. Но метод индукции — от частного к общему — путь слишком утомительный и мало перспективный для получения некоторых обобщенных выводов. Так же как и путь построения чисто умозрительных понятий и подгонку практики под эти каноны.

Практика требует приземленности, а полет фантазии — окрыленности. Только разумно пользуясь этими двумя подходами, мы и есть существа разумные и одухотворенные одновременно.

Прежде всего следует задуматься над тем, что казалось настолько очевидным, что перестало быть осмысленным.

Среди расхожих, но так и не определенных понятий используются категории материи, времени и пространства.

Если под материей понималась объективная реальность, данная в ощущениях, то это определение в лучшем случае очень ограничено, а в худшем — просто неверно.

Например, «объективная» реальность означает, что материя реально существует вне сознания субъекта. Значит, о ее существовании один субъект (все субъекты) могут ничего не знать, а материя существует. Следовательно, знает о ней, о ее существовании некий Высший Разум. Еще более ограничительно понятие «данная нам в ощущениях». А если человек слеп, то цвет — неощутим, значит, не материален?

Значит, нужно более полное определение понятия «материи», если оно вообще несет в себе какой-то содержательный смысл.

Материя — все, что объективно существует. «Все мыслимое возможно», значит, было, есть или будет. Следовательно, материя есть все, о чем можно мыслить. Можно мыслить о розовых конях, о потусторонней жизни, о чудесах. Значит ли это, что все это существует объективно. Отвечаю утвердительно, потому что субъект, домысливая что-то в своем сознании, опирается на существующие аналогии и закрепляет свое изобретение. Стихотворные образы становятся материальными. «Идеи, овладевшие массами, становятся непосредственной производительной силой» и т.д.

Но если определение материи столь общо, то нужно ли оно вообще. Нужно, потому что общее — это совокупность частного, придающая совокупности некоторые новые свойства.

Попытка материю представить совокупностью своих разновидностей: органической, неорганической — это сужение универсального понятия. Переход «материи» из одной степени в другую: твердую, жидкую, газообразную, плазменную, лучистую на самом деле есть трансформация вещества и энергии, а не материи.

Материя есть субстанция — не первичный эфир, не феноменологические явления физического или любого другого мира, а именно субстанция — «все». Наверное, это определение не удовлетворит ни автора, ни читателя, ибо слишком общо. Над этим «все» надо еще размышлять и размышлять. Но сегодня опаснее сужение этого понятия, ограничительный перечень его свойств. Поэтому дабы не сковывать свободу мышления, пока остановимся на этом «все».

В привычном представлении атрибутом существования материи были две т.н. «универсальные» категории — пространство и время.

На самом деле это — либо трансформируемые друг в друга или просто проявляющиеся по-разному, по-разному измеряемые категории материального (всеобщего) мира. Попытка измерить длину, ширину и высоту объекта материального мира говорит о том, что этот объект имеет пространственные координаты. Думаю, что правильнее говорить не о самостоятельно существующем пространстве как объективной реальности, а о пространственном представлении объекта (вещи), ибо вне этого объекта существует не пустое пространство, а пространство, связанное с иным объектом. Пространство (а точнее пространственное положение объекта) — это просто внутренне (имманентно) присущая объекту (вещи) характеристика, способ его существования.

То же самое — и время. Это — не какая-то совершенно иная координата положения объекта в материальном мире, а это одна из форм его состояния.

«Шестиконечная звезда, изображавшая мир в древней символической, в действительности есть выражение пространства — времени «периода измерений», т.е. трех измерений пространства и трех измерений времени в их совершенном единстве, где каждая точка пространства связана со всем временем, а каждый момент времени — со всем пространством, когда все находится повсюду и везде» (Д.

Успенский, с. 456). За исключением попытки придать точкам пространства и моментам времени некоторую самостоятельность существования (а не различные проявления — категории объекта) это пространственно-временная форма материального мира наиболее универсальна.

Причем некоторые объекты более выражены в пространственном виде, а другие — во временном.

Например, квант (фотон) света более осознается нами как временной, а стул — как пространственный объект.

Вещество, переходящее в энергию, поворачивается к нам не пространственной, а временной стороной. Поэтому следует говорить не о трансформациях вещества, энергии, информации, понятий, а о проявлении тех или иных координат (измерений) материального мира.

Когда мы видим двухмерное звездное небо, то это не означает, что оно плоское — просто таково наше данное восприятие. Когда мы не видим летящей пули, то это не означает отсутствие самого объекта либо его скорости. Когда мы не замечаем промежутка времени между двумя озарениями памяти, то это говорит всего-навсего о различных координатных проявлениях объекта.

Либо мы наблюдаем разные координаты одного объекта, либо мы воспринимаем различные системы, характеризующиеся своими координатами.

Д. Успенский говорит о измерениях, соответствующих размеру, когда измерения окружающего пространства должны быть соотнесены с размерами самого тела, когда размеры вселенной нельзя измерить ангстремами, а размеры электрона — парсеками. Это все-таки попытка сохранить некоторый пространственный эталон. Я думаю, правильнее говорить не о пространстве кактаковом, а о пространственных (и временных) размерах данного объекта.

«Нет времени вообще», каждое отдельно существующее тело, каждая «отдельная система» (или те, что принято в качестве таковой) имеет **свое собственное время**» (там же, стр. 443).

Время — это тоже многомерная категория. Трехмерность времени аналогична трехмерности пространства. «Только три координаты, или трехкоординатная линия», т.е. объемная СПИРАЛ ь дает адекватное представление времени» (там же, стр. 438).

Очень верна, мне кажется, мысль Д. Успенского о том, что попытки вместить вселенную в пределы трехмерного и даже четырехмерного континуума порождают всякие изощрения в виде общей и специальной теории относительности и т.п. Это равносильно попытке изобразить объемное тело специальными поправками к линейным размерам, вместо того, чтобы воспринять действительную многомерность мира.

Время есть мера движения системы.

Линия, определяемая точками «прежде», «теперь» и «после», есть линия четвертого измерения — это привычное нам «историческое время» нашего

существования, линия осуществления одной возможности из числа всех возможностей, заключавшихся в предыдущей точке. По сути дела — это координата одного из вариантов развития процесса после ежемгновенно осуществляемых точек бифуркации, в которых процессы расходятся, имея различные начальные условия, и находятся под влиянием различных внутренних и внешних факторов.

Вернуться назад в точку «теперь» невозможно, однако это отнюдь не означает, что время — однонаправленный процесс.

Линия, перпендикулярная линии времени есть пятое измерение, которое Д. Успенский называет координатой (линией) вечности. Вечность, в данном случае, не есть привычная неограниченная протяженность времени. Это понятие вечности по отношению ко времени — то же самое, что понятие поверхности по отношению к линии» (стр. 442).

Из каждого «теперь» есть направление текущего времени и направление вечности. По этой координате любой миг оставляет свой след в вечности. А фигура с координатами: «текущее время» — «вечность» есть поле событий, составляющих память Мира. Шестой же координатой системы (третьей координатой времени) будет «линия осуществления возможностей, которые содержались в предыдущих мгновениях, но не были осуществлены в текущих событиях, т.е. в четвертом измерении» (стр. 442).

Можно сказать, что эти не осуществленные возможности — потенциальные траектории событий, порождаемых бифуркациями развития системы — все потенциальные события всех времен: прошлых, настоящих и будущих. Точнее говоря, это — трехмерное тело времени, в котором существует данная система. И то, что кажется бессмысленным, невозможным сегодня, при очередной бифуркации может проявить себя содержательной категорией, новым видением многомерного тела времени.

Но и систем много, и тел времени много. Это не значит, что есть некое супер-тело времени. Просто время есть имманентное свойство каждой системы, а все системы взаимодействуют между собой путем пространственно-временного сосуществования.

Те системы, которые когерентны, образуют «синфазные» группы коллективного поведения, у них пространственно-временные координаты могут совпадать. У таких групп нет межсистемной среды. Фактически это плотно скомпонованные системы, границы между которыми суть однотипные преобразования: энергия — в энергию, вещество — в вещество и т.д.

Это — не понятие единого пространства и не понятие одновременности, чего в принципе быть не может. Но если два события в разных системах покажутся наблюдателю неразличимыми, т.к. скорости движения и наблюдателя и обеих систем одинаковы (как в поездах движущихся параллельно с одинаковыми скоростями), то можно говорить лишь о синфазности систем, и не более.

Если же системы неоднотипны, то межсистемное взаимодействие — более сложное явление. Это — не гравитационные, электромагнитные информационные или другие поля, действующие посредством эфира или другой промежуточной среды.

Это взаимодействие материальных систем ощущается (и осуществляется) благодаря движению, хотя это понятие так и не определено. Движение не есть последовательное изменение состояния объекта, сканируемое по линии времени. Изменение может восприниматься (осуществляться) целостной сменой кадра, наложением одного снимка ситуации на другой. Движение есть изменение не только по одной, а по всем трем координатам времени. При этом пространственные координаты объекта могут остаться неизменными или меняться независимо. Так что в общем случае движение может быть не связано со скоростью в привычном смысле.

Это — не просто изменение пространственного положения объекта во времени. Движение — это форма существования материи. В покое нет материи, а «пустое» межсистемное пространство — это своего рода особая система, в которой осуществляются процессы более глубокой трансформации: энергии — в вещество, понятий (моделей) — в информацию, информации — в энергию и т.д.

Межсистемная среда — система, где «нарушается» принцип сохранения материи, энергии и вещества. Один вид материи превращается в другой. Экстрасенсорика, НЛО — это элементарные взаимодействия между системами с помощью посредника. Все превращения осуществляются в зоне малых вероятностей. Но эти превращения осуществляются не только путем преобразования одной физической субстанции в другую, а путем трансформации понятий, изменения ракурса, с которого воспринимаются рассматриваемые системы. Т.е. происходит объективно-субъективная смена модели системы. И даже смена «живая-неживая» система есть процесс смены понятий (категорий) в межсистемной среде. Эта смена есть более расширительное понятие движения материальных элементов мира.

«Материя создана тончайшей паутиной, сотканной траекториями движения материальных точек» (стр. 461).

К сожалению, плести эту паутину, которая характеризуется одним из главных качеств — развивающейся симметрией, пока мы еще не умеем. Любопытно и многозначительно замечание Д. Успенского, что яблоко падает от ветки к центру земли не благодаря закону притяжения двух систем (объектов), а благодаря закону симметрии, когда системы зарождаются, развиваются и заканчивают свой жизненный цикл благодаря стремлению к некоей структурно-функциональной симметрии как цели саморазвивающейся системы.

Может быть, моделью такой системы является «моллюск» Эйнштейна, который способен самостоятельно двигаться, расширяться и сжиматься, он может быть не равным самому себе, неоднородным по отношению к самому себе» (стр. 452). Пока эта тема совершенно не разработана и не обсуждена. Но и «моллюск» — это только модель, а не сама система.

«Моллюск» как некая модель пространственной системы отличается от чисто сферической модели более сложной структурой. Ибо однородная система — это система с максимальной энтропией, неспособная к развитию. Эллиптический «моллюск» всегда имеет точки неоднородности, где негэнтропийные состояния инициируют новые бифуркации и новые точки роста. Если модель и может быть замкнутой системой, то сам мир является совокупностью открытых систем, воздействующих напрямую или опосредованно друг на друга.

И все же мы воспринимаем мир, не проводя четкого различия между моделью и системой. Модель всегда умозрительна, она всегда зиждется на некоторых постулатах, с помощью которых мы вычленим из многообразия мира ту или иную систему, рассматривая ее обособленно от других систем, т.е. закрываем раковины моллюска, оставаясь внутри него. Включение в нашу умозрительную модель соседних систем несколько расширяет аксиоматику миропонимания, но мы всегда остаемся в плену определенных понятий. Метасистема как совокупность открытых систем — это бесконечное и вечное «все». Поэтому идея градаций — это главный принцип структуры материи, понимая под структурой не морфологию, а отображение, проекцию мира на заданную совокупность координатных осей. Этих осей столько, сколько мы хотим и можем себе представить. Можно жить в плоском мире, можно — в мире шести измерений, но нельзя говорить о том, что из себя не выскочишь и себя не поймешь. Нельзя понять себя, оставаясь в плену своих органов чувств — рецепторов внешнего мира. Но воображение, наитие — это те органы, которые атавистичны для большинства живых существ, но являются вполне реальными приемниками — передатчиками расширяющейся модели — образа мира. Нельзя только воспринимать весь мир как некую единообразную субстанцию. В системах разного уровня, измеряемых и оцениваемых разными шкалами, материя и все ее категории становятся другими. Органика и неорганика, время и пространство, скорость и энергия, вещество и информация не просто меняются местами, не превращаются друг в друга, а общее тело мира поворачивается к нам новыми и новыми гранями, число которых зависит лишь от нашей фантазии, а не от канонизированных моделей системы.

С этой точки зрения снимается кажущееся противоречие между конечным и бесконечным. На любой шкале, на любой оси все числа — символы являются иррациональными величинами. И между двумя соседними самыми близкими точками отсчета всегда существует система чисел неограниченного размера. Так, на шкале Млечного Пути существует бесчисленное количество планетарных систем, мельчайший атом также неисчерпаем как и вселенная. Системы разных шкал — это разные модели, построенные нашим воображением исходя из некоторых ограниченных целей. Сопоставление этих систем по каким-либо общим меркам — это всего лишь дань нашему консервативному мышлению.

Переход от одной системы к другой — это переход от одной шкалы измерений (от одной шкалы понятий) к другой. И чем дальше системы друг от друга, тем богаче должно быть воображение, желающее понять метасистему.

А бесконечность того или иного фактора — это просто переход к дополнительной координате, характеризующей данную систему. Линия есть бесконечность по отношению к точке, а вечность — не бесконечность текущего времени, а двухкоординатная память.

И еще раз о многокоординатности времени. Координаты не есть прямые линии. Любая система обладает жизненным циклом. Текущее время (четвертая координата) однонаправлена, но система «развивается» не только в этом направлении. Наряду с процессом количественного роста элементов системы и их структурной организации параллельно идет процесс отмирания других составляющих системы, деградации (разрушения) данной подсистемы. Круг времени жизни данного объекта замкнут в цикле: рождение — развитие (деградация) — смерть. Но развивающаяся система успевает за время своего жизненного цикла дать толчок к появлению нового отростка на бесконечном древе жизни. Этот отросток как новая система подвержен тому же кругообращению жизни.

«Энергия аналогична материи и обладает инертной массой» (стр. 424). А произведение энергии на время определяется как действие. «Действие есть кривизна мира» (стр. 433). Поэтому любое развитие как результат действия есть не прямолинейный, а циклический процесс.

Был ли первичный толчок, зародивший Жизнь? Для нашей планеты — да. Для любой системы ее начало есть результат воздействия соседних систем либо в виде отпочкования единоматериальной среды, либо в виде смены материальной начинки при передаче воздействия «живущей» системы своему «детищу» через межсистемную среду со всеми возможными трансформациями понятийно-вещественных категорий. И это — непрерывный процесс, вечное круговращение.

Замкнута ли координата вечности? Скорее всего, нет, эта координата возвращается периодически, но не к своему исходному состоянию, а к новому «потом», в результате чего память — не ограниченная плоскость, а разворачивающийся лист.

Третье измерение времени... есть растяжение этих листов — незамкнутых кругов вечности в спираль. Спираль есть наиболее общая форма материально-временного мира, максимально мыслимая модель открытой Вселенной.

Новое — хорошо забытое старое

В начале XX века в физике произошла смена парадигм: вместо (а не в дополнение) классической механики Ньютона законодателем научной моды стала теория относительности Эйнштейна, похоронившая теорию эфира как среды, заполняющей «пустое» пространство, и утвердившая постулат, что «скорость света в любой координатной системе одинакова и не зависит от движения в ней его источника» (С. А. Базилевский, М. П. Варин — Ошибка Эйнштейна. В кн. Проблемы пространства и времени..., Ленинград, 1991. с. 176-195).

Необходимость новых постулатов была вызвана результатами опытов Майкельсона, якобы доказавшими невозможность преодоления любой суммой скоростей предельной скорости — скорости света. Релятивистика как бы отвергла идею абсолютного, т.е. категорий, не связанных с наблюдателем.

С точки зрения релятивистики безразлично, яблоко падает на Землю, или Земля — на яблоко; Солнце вращается вокруг Земли или Земля — вокруг Солнца. Важно лишь относительное перемещение одного объекта относительно другого.

Однако этот парадокс разрешается, если вспомнить IV следствие из III закона Ньютона «...центр тяжести системы всех действующих друг на друга тел... или находится в покое, или движется равномерно и прямолинейно». Поскольку скорость и величина взаимных перемещений обратно пропорциональна массам, то за одно и то же время яблоко сместится по отношению к общему центру тяжести системы двух тел на величину в 1026 большую, чем Земля. Следовательно, понятие «яблоко падает на Землю» во столько же раз логичнее, чем обратное (с. 180).

Поэтому развитие всех сущностей, в т.ч. и научных, идет по спирали. Сегодня ученые пытаются подвергнуть критике абсолютизм теории относительности, возвращаясь к исходным концепциям Ньютона-Галилея.

Во-первых, утверждается, что опыт Майкельсона не дал оснований для тех выводов о нулевом влиянии эфира, которые и породили теорию Эйнштейна.

В. Ацюковский (с. 116), ссылаясь на С.И. Вавилова, утверждает, что эфирный ветер все-таки был получен, хотя его скорость и оказалась $3 : 8$ км/с вместо расчетных 50 км/с. Поэтому решения новых парадоксов квантовой механики, электродинамики, с трудом или вообще не дающиеся на базе теории относительности, предлагается искать, вернувшись на позиции классической нерелятивистской физики. В качестве одного из аргументов делается ссылка на то, что из классической физики не исчезают наглядные достоверные философски объяснимые причинно-следственные связи мира. При этом отвергаются выводы релятивистов о возможной смене представлений о сущности явлений в различных системах, в частности, утверждение Эйнштейна: «гравитационное поле можно создать простым изменением координатной системы».

В то же время другие авторы понимают, что новые явления как-то надо объяснить, построив теорию относительности на базе классических представлений о пространстве и времени.

В.А. Фогель и М.А. Шепсенвол вводят с этой целью некий новый безразмерный параметр θ , который, по сути является «самостоятельным параметром вакуума и может меняться не только под влиянием больших масс, но и под действием других факторов, таких как изменение плотности или спектра нулевых колебаний вакуума, эфирного ветра и т. д...» (с. 208). Синхронное изменение всех фундаментальных сил и, следовательно, всех материальных объектов, аналогичное известным эффектам теории относительности в гравитационном поле, происходит под влиянием параметра окружающего пространства θ . «Это скаляр, который выполняет роль масштабного коэффициента, входящего во все фундаментальные законы физики.

Параметр θ^2 аналогичен таким понятиям, как коэффициент преломления в оптике, диэлектрическая и магнитная проницаемость... (а также) гравитационной проницаемости среды... Все материальные объекты, находящиеся в пространстве с переменным θ , стремятся «затянуться» в область с максимальным значением θ , поскольку при этом их энергия уменьшается в θ^2 раз по сравнению с энергией при $\theta = 1$. Это и есть гравитация» (с. 207).

Как видно, авторы допускают «эффекты изменения хода времени в различных областях пространства» (с. 208). Закон сохранения энергии при этом сохраняется, однако, лишь при использовании единой, т.е. олимпийской (абсолютной) системы отсчета.

Делается попытка отказаться от теории расширяющейся Вселенной, а эффект Доплера объяснить тем, что в пространстве имеется не только вещество, энергия, но и поперечные и продольные фотоны.

Кольцевая схема: (вещество и энергия) \rightarrow (поперечные фотоны) \rightarrow (продольные фотоны) \rightarrow (вещество и энергия) иллюстрирует электродинамическую природу гравитации, необратимость времени и неуничтожимость движения (с. 214).

Однако возвращение к классической физике Ньютона — это не самоцель. Необходимо не противопоставлять, а интегрировать классическую и релятивистскую физику, абсолютный и относительный миры.

Одной из таких попыток является, на наш взгляд, теория «супер-струн», полагающая кирпичиком мира некий «осцилятор» (Б. Грин. — «Элегантная Вселенная». — М.: УРСС. 2004), находящийся в постоянной ритмодинамическом состоянии и проявляющийся в соответствующих условиях то волной, то вещественной частицей.

Радиолокационные наблюдения Венеры в интерпретации Б. Уоллеса и В.И. Секерина позволили этим авторам сделать предположение о том, что «скорость вращения наблюдателя вместе с Землей и ее орбитального движения необходимо складывать со скоростью света для получения правильных значений расстояний» (с. 256).

Б. Дж. Уоллес при этом предлагает «вернуться к концепции светоносного эфира в динамической форме... Эфир должен быть подобен сжимаемой жидкости и является первоосновой материи во Вселенной. Фотон или нейтрино должны состоять из этой материи, движущейся по прямой, а частица, или корпускула — из этой материи, движущейся по замкнутой круговой орбите... Время определялось бы при помощи периодического движения, а пространство — при помощи поступательного движения эфира» (с. 258).

К сожалению, в статье не дается никаких комментариев, поясняющих эту динамическую теорию эфира, без чего трудно представить себе обоснованность предложений автора. Хотя они и кажутся достаточно интригующими тем, что многое при этом становится на свои места.

Вещественные корпускулы — суть сгустки материи, консолидирующиеся вокруг некоего ядра, а электромагнитно-гравитационные поля являются основой межсистемной среды, осуществляя взаимодействие систем между собой.

Возврат от релятивистической к классической физике позволяет сохранить три закона сохранения: 1) энергии; 2) импульса; 3) момента импульса, которые будут действовать на всех структурных этажах материи в трехмерном пространстве (с. 368). При этом вводится новый принцип — инвариантности собственного момента количества движения любой материальной системы относительно перехода от одной инерциальной системы координат к другой. Фактически введение этого принципа — волевой акт автора (А. Ефимов, с. 368), дабы исключить возможность перехода бозона (в одной системе координат) в фермион (в другой). Однако ничего невозможного нет, и если речь вести не о системах координат, а о разных по существу системах, то такой переход не запрещен, тем более, что автор вынужден в виде оговорки делать ссылку на то, что этот принцип соблюдается в системах координат без вращения. А в большинстве систем вращательные движения присутствуют.

Правда, из инвариантности спина автор заключает, что отличие вещества от фотона — относительно. Разница в том, что «в первом случае энергия, кроме кинетической формы, законсервирована еще в форме вещества, так что даже неподвижное вещество может обладать огромным количеством энергии, которая может выделиться в виде излучения. А в случае фотона вся энергия заключена в форме излучения, т.е. носит кинетический характер. Однако, если это излучение заставить циркулировать в кольцевом светопроводе, то оно теперь в отношении инертных свойств и поведения в гравитационных полях будет вести себя как обычное вещество... Отсюда... вывод, что полная энергия любого пробного тела (внутренняя плюс кинетическая) при свободном движении этого тела в гравитационном поле остается постоянной», (с. 369).

Для полноты автор кроме энергии рассматривает и массу «как отношение полной энергии объекта к квадрату скорости света в окрестности этого объекта» (с. 369). При этом скорость света — не абсолютизируется, а в абсолют возводятся вышеперечисленные принципы. По мнению автора «есть одна масса — инертная..., а от понятия гравитационной массы следует отказаться» (с. 370).

Но в попытках развенчать теорию относительности автор подгоняет феномены под постулаты. Так, пытаясь отказаться от понятия местного времени, которое носит больше философский характер, автор столь же безапелляционно выпячивает возможность при движении фотона в гравитационном поле изменения его энергии и частоты внутренних колебаний.

Фактически он сохраняет абсолютным время, а местным параметром считает частоту колебаний, которая в принципе есть не что иное, как величина, обратная местному времени. Догматизм — с другого конца.

Упрекая теорию относительности во введении переменных величин времени и пространственных координат при больших скоростях, В. Фогель предлагает для

объяснения феноменов ввести в классическую физику представление о переменной массе тел и ее взаимосвязи с энергией (с. 297).

Но это — тоже теория относительности, точнее одна из многих ее разновидностей.

Представляется, что более оправданно все же не рассматривать различные системы в абсолютном пространстве относительно некоей контрольной системы, а считать пространство-имманентным свойством каждой отдельной системы, взаимодействие между которыми уже в пространстве межсистемной среды будет осуществляться с помощью различных полевых сигналов, переходящих из одной физической сущности в другую.

Вообще говоря, большинство полей концентрируется вблизи их источников. И только электромагнитные и гравитационные поля являются дальнедействующими, пронизывая всю видимую Вселенную. Автор (К. Бутусов, с. 388) ничего не говорит о полях нефизического характера, но делает предположение, которое можно распространить и на другие полевые воздействия, что гравитационное поле носит волновой характер, но иного класса — не поперечных, а продольных волн. При этом он ссылается на опыты, которые можно истолковать как дифракцию гравитации, а возможно, проявится и интерференция — чисто волновой эффект гравитационного поля.

По-видимому, прав Дж. Фокс, на которого ссылается Б. Уоллес (с. 258), «что, в противоположность общему мнению, ни у одной из этих моделей (волновой модели специальной теории относительности, где скорость света постоянна, или ньютоновской корпускулярной модели света, где ее скорость может складываться со скоростью движения наблюдателя) нет преимуществ перед другой. И новое — это хорошо забытое старое, но не повторяющееся в своем изначальном облике, а новый виток спирали науки, где и старые и новые постулаты не становятся догмами, а лишь подвигают на развитие теории.

«Местное» время и полевые взаимодействия (Пространственно-временная проблематика)

*(Сб. «Проблемы пространства и времени в современном естествознании»,
РАН, Ленинград, 1991, 448 с)*

Давний спор классического и релятивистского подхода к проблеме пространства и времени не окончен. Как не окончен и весь процесс сотворения научной картины мира. Знать и понимать — далеко не одно и то же. «Человечество, накопившее много сведений (информации), понесло существенный урон в понимании Мира и себя как его части» (С.А. Толчельникова-Мури, с. 439).

«Специализация в науке зашла настолько далеко (в каждой отрасли сложилась собственная терминология, собственный круг представлений, в котором часто теряются связи с представлениями в других отраслях), что необходимость синтеза,

упорядочения знания и достижения единства в представлении о Вселенной не только продолжает быть естественным желанием познающего мир человека, но и становится необходимостью для человечества, как единственный путь достижения эффективности его деятельности, разумности в использовании природных и человеческих ресурсов... Путь к единству лежит через так называемый «плюрализм мнений» (там же).

В сборнике собраны, в основном, статьи, отрицающие непогрешимость приверженцев теории Эйнштейна и пытающиеся по-новому интерпретировать Галилеевско-Ньютоновские концепции пространства и времени.

«В релятивистике свойства пространства и времени оказываются зависимыми от позиции наблюдателя (или от системы отсчета, что в философском плане суть одно и то же)... Суть методологии Ньютона...: познание сущности... через явления» (В.В. Чешев, с. 3-4). «Древняя философия... считала, что только разум постигает истинную реальность (реальность сама по себе), в то время как чувственная действительность представляет лишь внешнее (кажущееся) бытие» (с. 4). Возникает законный вопрос: а какую реальность: истинную или кажущуюся — мы постигаем методом озарения, интуиции, подсознательного ощущения. Я думаю, что нет двух или трех реальностей. Реально не все, что мы можем себе представить. Например, красные кони на картине П. Водкина — ирреальный мир, который тоже существует, пусть даже в нашем воображении. Но воображение — один из качественных скачков в познании сущности предмета, без чего «истинная реальность» будет лишь механической суммой внешних ощущений. Воображение есть способ системного (с образованием новых качеств) складывания внешних ощущений в истинную реальность. И это — главное в понимании истинной картины мира.

Ньютон пытался отделить абсолютные категории пространства и времени, как некую истинную меру длительности процесса и положения движущегося тела, от относительной меры, зависящей от выбранной точки отсчета.

Эти категории совпадают для изолированных инерциальных систем, и не более того. А таких систем в природе либо вообще нет, либо условно к ним могут быть отнесены достаточно удаленные слабо взаимодействующие между собой системы. При этом слабое взаимодействие — понятие относительное. Например, на движение поезда воздействие солнца может быть незначительным, а на самочувствии пассажиров — весьма заметным.

«Преобразование Лоренца, ставшее ядром релятивистской электродинамики, ... никакого отношения к физическому смыслу принципа относительности не имеет» (с. 13). Это — лишь формальное инвариантное преобразование — чисто математический прием, дабы избежать необходимости использования эфирной гипотезы, не получившей физического подтверждения, а опровергаемой (? - В.Б.) опытами Майкельсона. Предполагается, что «заброшенной тропинкой к истине» (с. 15) может стать путь швейцарского физика В. Ритца «на основе обновленной корпускулярной теории Ньютона, которую он называл эмиссионной теорией» (с. 14). Эмиссионную модель электричества, в частности, излагает В. Околотин (с. 412-420).

Кстати, подобную же критику общей теории относительности Эйнштейна давал и К.С. Шкенев (в кн. «Самоорганизующиеся системы природы и общества», М.: «Прометей», с. 36), утверждая, что основой теории гравитационного поля является пространство Минковского. Но и он делает ту же ошибку: пытается исправить физическую теорию не ее расширительным истолкованием, с учетом новых проявляющихся дополнительных граней предмета, описываемых дополнительными координатами, а чисто геометризацией физики, оставаясь по сути в прежнем по размерности, но уже искривленном пространстве. Ю. Шкенев даже бравирует тем, что «принцип геометризации тяготения может не связываться с истинной природой субстанции» (с. 36).

А ведь насколько важнее не частное устранение тех или иных противоречий физической теории, а шаг к пониманию «истинной природы субстанции», открывающей нам новые горизонты понимания мира. А шаг этот — в осознании (П. Успенский) того факта, что в предельных (для данной картины) условиях, когда те или иные параметры стремятся к бесконечно большим или бесконечно малым значениям своих величин, перед нами проявляется тело на единицу большей размерности. И вместо бесконечного значения одного параметра мы должны рассматривать в качестве характеристики тела, как минимум, два иных параметра. Вместо бесконечной линии — квадрат (двухкоординатную фигуру), вместо бесконечного времени — память.

По-видимому то, что Ю. Шкенев называет геометризацией физики, есть отражение факта новой физики, в которой пространственно-временные категории не оторваны от объекта, а лишь форма проявления «истинной» (в действительности, чуть более полной) реальности предмета.

И.П. Гаврилова (статья в кн. «Проблемы пространства и времени...», с. 19) правильно подметила, что, разрешая искусственным путем геометризации физики проблему влияния гравитационного поля, авторы теории относительности удаляют нас от истины, потому что завтра другие проявляющиеся поля потребуют очередной корректировки четырехмерного пространства — время для физических явлений.

Но уже ясно, что таким же образом не удастся решить проблему пространства — времени для явлений нефизического (не только физического) типа: биологических, социальных, духовных.

Хроногеометрические модели (или абстрактные параметрические пространства) для физических явлений реализуют обе концепции абсолютного и релятивистского пространства — времени, описывающие определенные стороны физической реальности и требующие для общего понимания сути физических явлений синтеза этих концепций.

Но для сущностей более общего характера, содержащих и нефизические явления (например, жизнь), необходимо системное структурирование мира и моделей, отражавших различные грани проявления этих сущностей.

«Каждому из структурных уровней (материального мира) соответствует своя группа взаимодействий: четыре (каких?) фундаментальных физических взаимодействия характерны для микромира; группа физических, геологических, биологических, социальных и некоторых других воздействий свойственны макроуровню (уровню земных явлений — В.Б.); химические взаимодействия принадлежат промежуточному подуровню...; гравитационные и электромагнитные, а также взаимодействия, связанные с λ — членом, действуют в мегамире... При этом ... электромагнитные и гравитационные взаимодействия, свойственные всем уровням физической реальности, имеют свои особенности на каждом из них. Пространство и время каждого структурного уровня определяется всеми материальными (и не только — В.Б.) взаимодействиями данного уровня и в то же время (не путать с Хроносом — В.Б.) связано с взаимодействиями соседних» (И. Гаврилова, с. 21).

Здесь важны два момента. Первый — и самый принципиальный — заключается в том, что понятия пространства и времени отрываются от монополизировавшего их гравитационного поля, когда чисто физическое понятие времени «узурпировало» понятие времени вообще, стало как бы универсальной категорией для всех уровней модели мира. Пространство и время не только присущи каждому структурному уровню; но, подчеркивая своеобразие процессов на каждом из этих уровней, пространство и время индивидуализируются для каждого из этих уровней. Ибо сущностью пространства-времени является движение, а оно несводимо только к физико-механическим процессам. Поэтому каждое тело, строго говоря, а не только тела одного уровня, имеют собственное пространственно-временное выражение. Поскольку для объектов одного уровня существует их корпоративное взаимодействие, в рамках этого взаимодействия (и только) эти категории едины.

Иная непересекающаяся группа взаимодействующих объектов будет обладать собственными категориями времени и пространства. На возможном пересечении групп эти категории могут трансформироваться в другие: энергию, информацию, вещество и т.д. Межсистемная трансформация категорий требует специального рассмотрения.

Второй момент, открывающий возможный путь такого рассмотрения, это «идея удвоения формы, разделения ее на внутреннюю и внешнюю... Внутренняя форма входит в содержание, является его моментом, представляя собой его внутреннюю структуру.

Внешняя форма относительно независима от содержания, выражаясь во внешних взаимосвязях содержания в целом с окружающей средой» (с. 21).

Пространственно-временная форма любого структурного уровня мира будет представлять собой единство его внутренней формы, имманентно присущей данному уровню (данному объекту или корпоративно действующей группе объектов), и внешней, отражающей межсистемное взаимодействие уровней (объектов, групп).

Внешняя межсистемная среда есть наложение «пустого» пространства и времени, когда исчезают взаимодействующие объекты, и внешних форм взаимодействующих объектов (систем). «Внешняя форма имеет свое основание в

структуре взаимодействий предыдущего, более глубокого уровня...» (с. 22). С повышением уровня развития (организации) материи повышается роль информационного взаимодействия, которое играет посредством межсистемного взаимодействия роль катализатора в трансформации различных материальных сред.

«Между пространственно-временными формами различных уровней наблюдается своеобразный принцип соответствия: внутренняя форма предыдущего уровня посредством предельного перехода выступает на следующий, становясь его внешней формой» (с. 23). Различные модели (риманово или евклидово пространство) отражают лишь специфику взаимодействия объектов на том или ином уровне.

Ученые Древнего мира были одновременно и естествоиспытателями и философами. Они лучше наших сегодняшних специалистов отдельных наук понимали важность обобщений с целью не уклониться от Единого, а насытить им конкретное содержание наук, либо из обобщения этой конкретики приблизиться к пониманию мироустройства как некой цельной системы.

Они шли не на «смену парадигм», отвергая гигантов, на плечах которых поднимались вверх, а на дополнение прежних теорий новыми обобщениями.

Современные теоретики пытаются сохранить не суть прежнего миропонимания, а лишь шкалу измерений той или иной категории, в том числе пространства и времени. Они делают эту шкалу сверхнеравномерной, отягощенной поправками на гравитацию и другие факторы, вместо того, чтобы заменить одномерную шкалу многомерной.

С.А. Толчельникова-Мури на примере звездной астрономии по сути повторяет тезис П. Успенского, что рассмотрение одного тела как бесконечно малого по сравнению с другим лучше заменить переходом к пространству $(n+1)$ числа измерений. При этом не происходит никакого отрыва от реальности, поскольку истинный мир всегда многогранен. И то, что наряду с метрическим пространством и временем, оцениваемыми по доступным нашим внешним рецепторам, мы начинаем оперировать с более полной моделью мира, где некоторые координаты мы не ощущаем, а лишь понимаем, не есть «коллективная шизофрения», как пишет Дж. Фразер, оценивая философское разделение времени на ощущаемое и понимаемое. А это понимание есть дополнение к ощущаемому, когда в процесс познания включаются не только биологические органы чувств, свойственные и животным, но и ощущения подсознания и Разума.

В противовес этому многоуровневому понятию времени, индивидуальному для каждого уровня, Аристотель и его последователи отстаивали единство законов и основных категорий во всем мире.

«Время же равномерно везде и во всем (с. 247)... Время есть число каждого движения. Поэтому оно есть число непрерывного движения вообще, а не какого-нибудь определенного вида (с. 157)» (Аристотель. Физика. Соч. в 4-х т., т.5 -М: Мысль, 1981 — цит по статье Л.М. Злотникова, с. 60-61).

Этот тезис Аристотеля был на вооружении ученых больше двух тысячелетий. И только анализ явлений в микромире, где движение из непрерывного превращается в определенных условиях в дискретное, заставляет усомниться вообще в Аристотелевом принципе тождественности времени для измерения всяких типов движений. По-видимому, Аристотель прав, говоря лишь о тех формах непрерывного движения, где существует корпоративность действия объектов и где время, действительно, едино. Но для весьма разделенных систем микро- и макромира, как и для иных уровней структурного устройства мира единого времени — не существует. Оно просто некая усредненная категория.

По-видимому, не следует столь категорично утверждать справедливость того или иного определения времени.

Так, взаимный анализ геологических и галактических процессов, когда их длительности уже становятся соизмеримыми, позволяет сделать предположение, что «овеществленное геологическое время выступает как диалектическое сочетание циклического обратимого времени, выражающегося в циклических геологических процессах и абсолютного времени, проявляющегося в необратимости, направленности геологического развития» (А. Шпитальная и др., с. 99).

Это сочетание и закручивает нить времени в бесконечную спираль. Именно таково было представление о времени народов майя.

Униформистская эволюционная теория геологического развития должна быть дополнена концепцией катастрофизма (Х. Кювье). Именно «катастрофы», после чего ход времени как бы поворачивается вспять, а на самом деле — на новый виток спирали, ответственны за гибель древней и зарождение молодой флоры и фауны.

Геохронометрия фиксирует цикл ~220 млн лет, связанный с продолжительностью галактического (сидерического) года — периода обращения Солнечной системы относительно центра Галактики.

Но сам этот период квантуется на более короткие циклы: 55, 56,70, 56 млн лет (зима, весна, лето, осень галактического года).

«Наличие короткого геологического периода можно объяснить быстрым перемещением Солнечной системы по участку (эллиптической) орбиты в окрестности перигалактия, а наличие большого периода объясняется медленным перемещением Солнечной системы по участку орбиты в аполлогалактии» (с. 100).

Периодические изменения скорости перемещения Солнечной системы приводят к пульсации масс и размеров тел этой системы с теми же периодами.

Любопытное замечание К.В. Мануйлова (с. 93), что и в геометрии небесных тел — звезд и планет проявляются так называемые квантовые свойства — дискретный спектр устойчивых форм вращающихся тел, а тела, составляющие атомы, движутся по орбитам, подобным тем, по которым движутся небесные тела, причем нерезонансные воздействия непрерывно деформируют, возмущают эти орбиты». Я бы сказал, что «слабые» воздействия соседних систем не только деформируют эти орбиты, но и разрывают их, превращая процесс движения тел не в орбитальный, а в

спиралевидный. По-видимому, это свойство любых взаимодействующих открытых систем. Даже диск Галактики обладает спиральной структурой» (с. 103), т.е. она находится под воздействием других галактик, образуя вместе с ними метагалактическую (тоже спиралевидную) систему.

Выпадение объектов (Солнца) из спирального рукава в некую «область коротации», где скорость твердотельного вращения спиральной волны плотности равна скорости дифференциального вращения Галактики,... (т.е. область коротации вращается вместе со спиральным узором с одинаковой угловой скоростью и потому независима от него)... и привело к возникновению жизни на Земле» (с. 104). Эти общегалактические условия, наверное, не единственны для зарождения на одной из планет нового типа движения — жизни, но то, что и в мегамире, и в макро- и в микромире существуют некие гармонические структуры, ответственные за их развитие, не вызывает сомнений. Спираль — одна из таких гармонических структур.

Еще Платон признавал возможность и необходимость представления природы как гармонически сложившейся системы, подчиняющиеся некоторым высшим соразмерностям.

«Порядок — единообразие в устройстве всех взаимоотносящихся вещей; соразмерность во взаимоотношениях... (с. 451)... Идеи определяются как вечный образец для естественного существующего,... нет идей для создаваемого искусственного..., а также для ничтожного... и для относительного...

Идеи суть вечные и самодовлеющие акты божественного мышления... Идеи суть некие бестелесные меры» (с. 448). (Платон. Диалоги. — М.: Мысль, 1986 — цит. по Л. Злотникову, с. 62).

Здесь важно признание Платона, что идеи — есть бестелесные меры. Значит, можно соотносить с неким эталоном не только пространство и время, но и сами бестелесные идеи.

Так, идея гармонично сложенного человека соответствовала у древних его росту, выражаемому «золотым числом» метров, т.е. 1,6 м.

Стандартные единицы мер проявляются и в размерах блоков горных пород как неких «квантах» пространства природной среды.

Причем наиболее дальновидные ученые и позже отмечали соответствие устройств малых и больших систем. Так, Эйлер в 1732 г., выступая в Петербургской Академии наук, остановился на огромном разнообразии микро-, макро- и мегамира и пришел к заключению, что «в мельчайшем тельце может находиться столь же много разнообразнейших вещей, сколько во всей вселенной» (цит. по Н.И. Невской, с. 74). При этом тот же Эйлер понимал, что суть вещей не есть сумма их феноменов. «... Для нас совершенно бесполезны размышления тех, которые пытаются от исследования элементов прийти к познанию природы» (там же, с. 74). Эйлер и другие петербургские астрономы рассматривали пространство и время не как абсолютные категории, а как «формы существования материи, неотделимые от нее. Пространство-абстракция одного из свойств тел — протяженности. Время — абстракция движения

тел в пространстве. Пространство и время не могут существовать отдельно от тел, точно так же, как и тела не могут быть вне времени и пространства» (Н. Невская, с. 78).

«Все науки имеют дело с абстрактными понятиями, но эти абстракции не просто выдумки ученых, а идеи, взятые из реального мира» (с. 80). «Достоинство каждой науки... тем более велико, чем на более общие, т.е. на более абстрактные понятия она распространяется» (Эйлер — цит. по Н. Невской, с. 80).

Наука о времени и пространстве не должна замыкаться в рамках только физических и сопутствующих астрономических и геологических представлений.

С одной стороны, заманчиво найти некие общие законы формирования пространственно-временных отношений реального, а тем более ирреального мира, живущего в нашем воображении. Но все же... существующего.

Очень любопытна и не лишена убедительности попытка К. Бутусова дать интерпретацию времени как физической сущности, а не только как формы существования материи. Хотя, расширительно толкуя философское (а не бытовое) понятие — времени, в такой попытке нет ничего предосудительного даже с точки зрения диалектического материализма.

Если в обычном мире малых скоростей мы имеем четырехмерное пространство Минковского: три вещественных пространственных координаты и одну мнимую — временную, то в мире тахионов (?), где скорости тел могут превышать скорость света, мы имеем трехмерное время и одномерное пространство. «Если в обычном мире... все события происходят последовательно, то в мире тахионов все события существуют одновременно, разнесенные только по координате» (с. 309).

Основываясь на гипотезе русского физика И.О. Янковского о том, что «притяжение тел к Земле обусловлено втеканием в нее эфирного потока, который в недрах Земли частично преобразуется в вещество» (с. 301), К. Бутусов объяснил подтвержденное геологами явление непрерывного роста массы Земли и предложил правдоподобной преодолению проблемы разогрева Земли падающими на нее частицами. По его теории, за 280 млн лет радиус Земли вырос в 2 раза, а масса Земли выросла в 8 раз, и в несколько же раз за последние 1,5 млрд лет выросла сила тяжести на поверхности Земли (с. 301). Здесь опять же автор использует принцип динамического эфира.

«Скорости процессов роста различных физических параметров (массы и радиуса Земли, ускорения свободного падения) пропорциональны величинам этих параметров. Следовательно, сама их величина может служить мерой протекшего времени, а скорость изменения величины параметра — мерой темпа времени» (с. 307).

Учитывая, что ускорение свободного падения тела в Южном полушарии Земли меньше, чем в Северном, автор делает вывод о том, что «эволюционные процессы в Северном полушарии должны опережать таковые в Южном» (с. 308). Это объясняет

лидирующую роль индустриального Севера по сравнению с отставшим от него в развитии цивилизации Югом.

Но «древние китайцы... рассматривали всякое поступательное развитие индивидуума или общества как движение назад, т.е. возвращение к началу» (Д. Дубровин, с. 313). Поэтому стратегически следует задуматься, по какому пути идти, по пути обгоняющего в развитии Севера, либо по пути на Юг, к началу единосущего.

Эти изменения (ход времени) на Земле связан с глубинными процессами природы, вызванными втеканием из окружающего вакуума в Землю... некоторой положительной энергии... От этого остается только один шаг до отождествления времени с самим потоком энергии», что совпадает сточкой зрения А.Н. Козырева, считавшего, что «внутренняя энергия звезд растет за счет потока времени..., что должно приводить к их взаимному притяжению» (К. Бутусов, с. 308).

Итак, «время есть некоторая физическая субстанция, обладающая положительной энергией» (там же).

«Вытекание субстанции — времени происходит из другого пространства в наше. В случае трехмерности этих пространств необходимо говорить о семимерном пространстве — времени... Процесс перекачки субстанции-времени и, соответственно, энергии и массы из одной Вселенной в другую происходит в виде колебания периодически то в одну, то в другую сторону.

Передача сигнала вдоль потока субстанции-времени, т.е. модуляция этого потока, может позволить осуществить почти мгновенную связь между точками нашей Вселенной через пространство другой Вселенной, находящейся внутри элементарных частиц. Таким образом, возможно, что через время вся Вселенная связана воедино и все процессы в ней синхронизированы» (с. 309).

Разумеется, эти предположения — не более чем гипотеза, но она заставляет думать в новом направлении.

В направлении не только рационально построенных формул, но и в направлении познания «сокровенного смысла вещей», не всегда достигаемого, по мнению древних китайских философов, «через слова и стоящие за ними образы... Гармония фактически рождает все вещи (соединяя в себе субстанции с разными свойствами)...» (Д. Дубровин, с. 315).

Древнекитайская философия считала «энергию ци» фундаментальной субстанцией, лежащей в основе строения Вселенной.

«Процесс познания космических законов и управление ими был сакральным... Древняя эзотерическая философия рассматривала сознание человека, как единственный инструмент, способный проникать в иные мерности пространства... Четыре стороны, верх и низ обозначают пространство, прошлое и настоящее обозначают вечность» (Лу - Цзююань, цит. по Д. Дубровину, с. 322).

Здесь 6 пространственных и 2 временные координаты, в отличие от П. Успенского, который дает 5 пространственных и 3 временных координаты. Китайская мудрость проявляется и в том, что все четыре стороны (север, юг, восток и запад и связанные с ними зима, лето, весна и осень) равноправны.

С эзотерической точки зрения это оправданное, чем трехмерное безликое пространство. Эти 6 направлений отождествлялись и с природными явлениями и с органами человека и с его характером. Сюда же относятся и центр.

Центр—земля — влажность—селезенка—задумчивость — мышление;

Север — вода — холод — почки — страх — желание;

Восток — дерево — ветер — печень — гнев — дух хунь;

Юг — огонь — жар — сердце — радость — дух шень;

Запад — металл — сухость — легкие — тоска — дух по;

верх — небо;

низ — пища.

Более обстоятельно эти связи пространственных координат с человеком проявлены в «Книге Перемен» (И цзин).

Что касается времени, то, продолжая мысль Козырева-Бутусова, В.А. Копылов материализует это понятие, представляя его возможным источником энергии. Хотя это и звучит несколько парадоксально, но если говорят (пусть даже образно), что «время — деньги», то почему нельзя сказать «время — энергия». Ход времени в обособленной системе зависит от ее энергооснащенности. Чем больше энергооснащенность системы, тем медленнее течет в ней время. Так, в молодости у человека энергия «кипит», а годы тянутся. Зато в старости, когда сил поменьше, года летят со страшной скоростью.

А. Вейник экспериментально обнаружил замедление хода времени электронных часов, происходящее при погружении в сон находящегося рядом человека. Энергия от спящего субъекта перешла к электронной системе, а увеличение ее энергонасыщенности изменило ритм (замедлило ход) работы часов. Хотя это объяснение и вызывает сомнение, поскольку при увеличении энергии системы пульс (частота) должны увеличиться. Как увеличение пульса приведет к замедлению хода времени, объяснить непросто. Но факт остается фактом. И у меня иногда во время сна часы начинают «отставать». То ли это случайное совпадение, то ли некоторая закономерность. Общий же «вывод о существовании разного хода времени для одного и того же биологического (и не только) объекта» (с. 333) следует считать если не достоверным, то по крайней мере, правдоподобным. В. Копылов цитирует Н.А. Козырева, который утверждал, что в силу направленности времени (что следует из некоторых астрономических данных) оно «может совершать работу и производить энергию... Звезда черпает энергию из хода времени, — ... в организмах, в некоторых процессах ход времени может отличаться от мирового хода времени. Поэтому... принципиально возможен двигатель, использующий ход времени для получения

работы. Иными словами, время обладает энергией» (с. 333). В другой работе Н.А. Козырев считает, что «...из-за взаимодействия с происходящими в Природе процессами должны меняться активные свойства времени, а это, в свою очередь, будет влиять на ход процессов и на свойства вещества... В пространстве плотность времени не равномерна, а зависит от места, где происходят процессы. Опыт показал, что процессы, вызывающие рост энтропии, излучают время. При этом у находящегося вблизи вещества упорядочивается его структура» (с. 334). Связь время — энергия — энтропия правдоподобна. Однако последний тезис Н.А. Козырева требует отсутствующих разъяснений. Например, с возрастом у человека увеличивается энтропия, т.к. сглаживаются структурные и функциональные процессы. А у кого при этом происходит упорядочение структуры — у того же человека или в окружающем его поле?

Скорее — второе. Тогда можно говорить, что насыщаемое с возрастом информационное поле человека поможет структурировать другую систему, которая станет приемником негэнтропии. Т.е. энергия, поглощаемая человеком извне в течение всей жизни, обращается в его информационное поле, пополняющее ноосферу негэнтропийными квантами. Информация, имеющая физического носителя, сама может воздействовать на другое вещество, формируя его структуру, т.е. субстанция (форма существования) вещества трансформируется в само вещество. Не только суть проявляется во внешней форме, но и форма может переходить в материальное тело. Подобно этому возможна и трансформация энергии — информации во временные частицы — «хрононы» (с. 334).

Эта трансформация и составляет сущность межсистемной среды, передающей тем или иным способом (с помощью динамического эфира, например) воздействия систем друг на друга.

Целью этого взаимодействия является придание гармонии развивающейся метасистеме, причем понятие развития можно оценить тезисом: «отдать больше, чем взять». Это возможно, если считать время дополнительной энергией (сущностью), накапливающейся у отдающей системы.

Наиболее часто процессы превращения сущностей носят экспоненциальный характер. Отрицательный показатель экспоненты описывает возвращение системы к равновесию, т.е. увеличение ее энтропии, а положительная величина характеризует «взрыв», последующий за сверхнапряжением — высоким уровнем неравновесного состояния системы. При этом резко увеличивается энергообеспеченность и замедляется ход времени.

В.А. Копылов считает, что «временной ход у каждой материальной системы свой, определяемый ее энергообеспеченностью в данный момент, а потому непостоянный, т.е. временной ход системы отражает степень ее взаимодействия с физическим вакуумом, «откуда звезда и черпает энергию (процесс негэнтропии)... Физический же смысл (хода? — В.Б.) времени — это удельная плотность энергии системы... Земное время (как и галактическое, и атомарное — В.Б.) тоже оценивается энергетическим уровнем нашей планеты... Каждый организм ... живет... со своим

собственным временным ходом» (с. 339-340). Так, бабочка-однодневка успевает за короткий срок пройти свой жизненный цикл, а жизнь деревьев длинная и замедленная (с точки зрения человека). Это значит, что энергетическая плотность бабочки очень высока, время течет в ее организме гораздо быстрее среднечеловеческого, а у деревьев — наоборот, плотность энергии, забираемая извне, невысока, они живут как бы во сне.

«Форма существования вещественной структуры (т.е. ее энергообеспеченность) определяется условиями ее взаимодействия с физическим вакуумом... Исходя из этого можно сказать, что материя есть непрерывно протекающий, закрученный в сгустки гравитационный (и другие — В.Б.) поток, а существование ее обусловлено непрерывностью взаимодействия с физическим вакуумом...

Таким образом, видится существование одновременно и параллельно двух миров:... мир грубоматериальный (вещественный) и мир тонкой материи (физический вакуум), между которыми существует жесткая непрерывная связь» (с. 330-331).

Это высказывание В. Копылова еще раз подтверждает нашу мысль о том, что чисто вещественные превращения осуществляются внутри каждой системы, а межсистемная среда (динамический эфир, физический вакуум) осуществляет полевое взаимодействие систем, причем кванты различных полей могут в этой полевой среде трансформироваться друг в друга, осуществляя непрерывный процесс функционирования и развития отдельных объектов и метасистем.

Характер этих трансформирующихся взаимодействий определяет условия существования и косного и живого вещества.

Так, по мнению Н.Н. Сазеевой и В.Б. Полякова, «живое вещество представляет собой самоорганизующуюся систему, которая использует энергию внешней среды на поддержание и развитие собственной структуры. Все проявления жизнедеятельности, в конечном счете, обеспечиваются энергетическим метаболизмом клетки, где происходит восприятие потоков энергии из внешней среды и ее расход на различные процессы жизнедеятельности... Не менее важным является информационный тип взаимодействия биосистем с внешней средой, ... определяемый процессами синхронизации внутренних (эндогенных) ритмов живой системы с ритмами внешней среды. Важен лишь период и форма колебаний, но не природа их носителя... В спектре ритмов имеются частоты, общие для космоса, земли и биосистемы» (с. 246).

Человек — многочастотная система. «Например, резонансная область частот для общей пассивной массы человека находится в пределах 4...5 Гц, печень резонирует при 6...10 Гц, биотоки мозга занимают интервал 0,5...20 Гц... Период сердечных сокращений — 0,8 с, кругооборот крови по большому кругу — 22 с. по малому — 4...5 с.

Работе дыхательного центра в норме соответствует период 6...8 с» (с. 249). Все эти биоритмы имеют своих резонансных напарников в высоко- и низкочастотных микросейсмах, в которых отражаются колебания и вибрации космических и

геофизических параметров. Эти данные служат подтверждением «универсальности информационного типа взаимодействия биосистемы с внешней средой, вне зависимости от физической природы внешнего фактора» (с. 250).

Итак, каждая система функционирует по своим внутренним правилам, в своем пространственно-временном измерении, а межсистемная среда связывает их посредством различного вида полевых субстанций, трансформирующихся друг в друга (вещество — энергия — информация — время — пространство — густоты — вещество), образуя развивающееся единство мира.

Количество и размер

Все объекты в системе подчинены правилу соизмеримости и соразмерности. Нельзя объединить в одну систему человека и звезды, макроскопические существа и молекулы, т.к. все они резко отличается друг от друга своими размерами, т.к. попросту несоизмеримы.

Неписанные правила формирования структур говорят о возможности объединения в систему только «равномощных» объектов, в которых «масса» сопоставима. Под «массой» в данном случае следует понимать не только физическую категорию, олицетворяющую степень гравитационного взаимодействия, но и любую количественную характеристику, отражающую общее свойство рассматриваемых объектов. Например, мощность двух групп энергоисточников, сила интеллекта индивида и сотоварищей, энергия человека и облепивших его комаров, живительная сила плода и семян в нем, количества молока и икры и т.д.

Соразмерность есть необходимое условие гармонии.

Равномощность объединяемых объектов может достигаться путем постоянства произведения количества элементов в этом объекте на их «размер». По-видимому, должна быть некая постоянная $C = n \times L$ (или L^2 или L^3 — в зависимости от того, является ли элемент плоским или объемным телом). Однако соседние уровни систем включают в себя (из условий гармонии управления) не произвольное, а взаимно обусловленное число элементов: $n_1 = (5...10)n_2$. Следовательно, линейные размеры объединяемых объектов тоже должны быть по соотношению близкими к $L_2 = (5...10)L_1$.

Большой разброс «размеров» (еще раз подчеркну, что речь идет не обязательно о геометрических, но и о физических и энергетических и иных пропорциях) создает дисгармонию. Такие объекты плохо группируются в системы.

Миллиарды микроскопических элементов напрямую не могут объединиться в систему. Они будут группироваться по уровням «десятками». Пусть общее число элементов = M , а число уровней, включая единую систему, = m . Тогда $M = 10^{m-1}$ или $m = 1 + \lg M \approx \lg M$.

П. Тейяр де Шарден (в кн. «Феномен человека» М.: «Наука», 1987, с.81), сопоставляя популяции живого мира в начальных стадиях, подчеркивает, что масса

живого вещества распылена в мириадах живых существ, которые, структурируясь, создают жизнеподобные коалиции. Возрастание особей того или иного вида в размерах, если происходит без соответствующего формирования органа управления — мозга, приводит к обратной картине: таких громадных особей мало по числу, и они — не выживают.

Поэтому в природе доминируют две эволюционные ветви: одна — когда элементов много, но они функционируют и развиваются не индивидуально, а организованным сообществом; другая — когда эволюционирует в сторону психизма (развития мозга — системы управления) индивид. Второй путь более динамичен, но менее устойчив; первый — обладает стабильностью, как за счет количества элементов, так и за счет порядка, но более консервативен в развитии.

Стабильность — развитие, энтропийная организованность и локальные всполохи неэнтропийности — два взаимодополняющих мировых процесса.

Мир и его символ — пятичастный крест

Человек не придумал мир — он лишь назвал его вкуче и по частям. Но в этих названиях содержится отражение объективной картины мира; т.е. он облек мир в некие образы, ассоциируемые с феноменами самого мира. Могут различаться названия символов, но суть образов остается адекватной своим прообразом.

Поэтому изучая и осмысливая древнюю символику людей, задумывавшихся более, чем мы, не о частностях, а о сущем, мы по этой Символике идентифицируем саму объективную реальность.

В этом отношении даосизм (школа дао) — одно из древнейших философских учений мира (1-е тысячелетие до н. э.), которое породило не только современную диалектику, ибо — дао — это путь, дорога; но и знание устройства и законов мира. Это уже потом учение, как всегда, разделилось на философское и религиозное течение, одно из которых пыталось объяснить и осмыслить мир, а второе — догматировало превосходство естественных природных сил над искусственными и потому призывало к следованию естественному ходу вещей, а не противостоянию ему.

Но это — не бездеяние, как приписывают сегодня догматики, а гармония природной и антропосоциальной деятельности на основе понимания законов материального мира.

Под материальным миром следует понимать (в нашей трактовке) триаду: вещественного, духовного и социального миров.

В учение дао (см. А.Е. Лукьянов «Истоки дао» —древнекитайский мир», изд. Инсан, 1992) «субстанциальное единство выражается в триединой сущности: он (природа), первопредок (бог) и род (человек)» (с. 7).

Я не вижу принципиального различия, ибо природа есть вещественный мир, а человек является средоточием двух ветвей: духовной, отождествляемой с богом, и социальной, в частном случае, родовой. Важнее, что эти миры — не изолированные

проявления некоего Абсолюта, а «находясь в субстанционально генетическом тождестве,... порождают друг друга как единое и многое» (там же). Одно является как бы объемной проекцией другого, но в замкнутом треугольнике нельзя назвать что-то первичным, а что-то вторичным. Точнее говоря, назвать можно, но это будет не более чем условный символ.

Важно другое, что все эти три ипостаси развиваются по своим жизненным циклам в соответствии с некими естественными ритмами — циклами инь (женское начало) и ян (мужское начало).

В нашей трактовке «инь» отождествляется с материально-вещественной субстанцией, трансформируемой с помощью промежуточной энергетической субстанции; а «ян» — информационно-организующая субстанция. Эти субстанции проходят через общее энтропийное поле, порождая и время и пространство, но не как некие абстрактные категории, а как индивидуализированные имманентно присущие каждому из миров сущностные свойства.

То обстоятельство, что природа кажется вечной, а человек, дух или род — гораздо более поздним проявлением материального мира — это неосознание собственного ритма каждого из миров. Когда эти миры развиваются некогерентно (вне связи друг с другом), возникает ложная проблема о первичности духа либо материи.

Человек синхронизирует эти миры, и только в этом смысле можно говорить о едином времени, в котором становятся соизмеримы проявления духовного и материального. И эта соизмеримость осуществляется шкалой символов, передающих аналогию между явлениями разных миров. Эта аналогия выступает либо в виде счетного цикла, подчеркивающего аналогию числа по-разному называемых сторон различного мира; либо в виде тотемов, обозначающих синтезированное существо, части которого принадлежат разным природным сущностям.

Например, тотемом единства мира является черепаха (сюань) либо птица «феникс» — живое антропо-тео-зооморфное существо... в облике которого передается структура, а в поведении — ритмика жизни природно-родового организма» (с. 10).

В фигурах черепах сюань... просматривается вертикальная структура природно-родового организма. Подземный уровень символизируется... змеиным хвостом, земноводный — черепахой, воздушный — птичьей головой». (Шань хай цзин — Шанхай, 1985, с. 1-2, цит. По А.Е. Лукьянову, с. II).

Птица «Феникс» в даосизме означает единство не вертикальной структуры природно-вещественного мира, а собирательные названия природно-нравственного единства трех птиц: Фэн (сама танцует), Луань (сама себя поет) и Хуан (самка-самец несет яйца). Причем в естественных узорах, например, птицы Фэн проступает пять нравственных категорий: в центре — добродетель, а по четырем сторонам — согласие и доверие, справедливость и взаимность (Лукьянов, с. 59-60).

В египетско-греческой мифологии птица феникс означала регулярное обновление природы путем самосожжения и самовозрождения из пепла (Словарь античности, с. 601).

И таких примеров тотемного единства категорий природных и духовно-нравственных миров в кн. «Шань хай цзин», комментируемой А.Е. Лукьяновым, — большое число.

Но главное в этой символике древнего мира — не тотемизм, а признание структурной аналогии всех мировых сущностей, проявляемое в горизонтально-вертикальной символике объемного мира и его спиралеобразного развития в соответствии с десятичным мужским циклом ян в двенадцатиричном женском цикле инь.

Названия десяти Солнц и двенадцати Лун использовались в древнекитайской философии для именованя первопредков (духовых сущностей).

В китайской «Книге перемен» (И. Цзин) говорится о «тождестве течения мышления природной и человеческой Поднебесной стечением циклов Солнца и Луны:

Солнце и Луна друг с другом чередуется,
и просветленность (свет разума, понимание)
рождается при этом...

Холод и тепло друг с другом чередуются
и годы вершатся при этом...

Поднебесная приходит к одному и тому же,
но разными путями (дорогами).

Единство достигается множеством разномнений»

(Цит. по А.Е. Лукьянову, т. 1, с. 15-16).

В этом единстве всего подчеркивается наличие в каждом природно-человеческо-духовном мире скрытой или явной генерирующей жизнь дуплоности и обмена между рождающимися, рождаемыми и погибающими объектами-субъектами путем соприкосновения и поглощения. При этом развитие осуществляется путем спиралеобразного продвижения постепенно по горизонтально-вертикальным осям триединого мира (любой его сущности) в соответствии с круговыми циклами инь и ян, дающими «жизненный ток» этому движению.

Вертикальная дифференциация мира (космоса) определяется триадой: Небо (вверху — мужское начало, изображаемое в даосизме кругом); внизу — Земля (женское начало — квадратное изображение); а в середине — Поднебесье — там, где осуществляется объемное рождение (голографическое образное отражение двух начал) всех природно-духовно-антропозооморфных (живых) систем.

Это рождение определяется пересечением 3-х вертикальных столбцов и 9-ти горизонтальных строк. Так ткется паутина мира, формируя изоморфные друг другу телесно-духовные системы, не противостоящие друг другу, а составляющие органическое целое — объемный и многогранный мир.

В стиле традиционного материализма, противопоставляющего одно — другому А.Е. Лукьянов пишет, что «отделившись от телесной сущности, дух шэнь надстраивается над ней и образует духовный природно-родовой организм. Духи привязаны к своим телам генетическими нитями и парят над ними в виде сложных зоо-антропоморфных образов» (с. 36).

Но мне представляется важным в трактовке этого учения даосизма не однообразное возрастание от телесного к духовному, а изоморфизм между этими мирами.

Этот изоморфизм отображается интегрированной сущностью — человеком в виде духов, подобных (морфологически) людям и зверям, а также символизирующих определенные качественно-нравственные родовые (социально-природные) начала жизни.

Девятичастная горизонтальность мира есть полная пространственность, основанная на пятичастном кресте: север — восток — юг — запад по сторонам от центра. Полнота пространства достигается его заполненностью еще четырьмя частями: северо — восток, юго — восток; юго — запад; северо — запад.

Но основой любого пространства даосизм, а вслед за ним и индийская и древнегреческая философия признают пятичастный крест.

Повидимому, распространенность этого символа означает не просто единомыслие наверняка незнакомых друг с другом философов, а субъективное отражение ими объективных реальностей.

С-З	С	С-В
З	Ц	В
Ю-З	Ю	Ю-В

В китайском варианте «пятичастно-го креста»:

Центр:

тело — Земля; дух (звезда) — Сатурн; зверь (символ животного мира) — Желтый Дракон; звук — гун; время года — весь год (?)

Север:

тело — Вода; звезда — Меркурий; зверь — Черный Сюанью (?); звук — юй; время года — Зима.

Восток:

тело — Дерево; звезда — Юпитер; зверь — Синий (зеленый) Дракон; звук — цзяо; время года — Весна.

Юг:

тело — Огонь; звезда — Марс; зверь — Красная Птица; звук — чжи; время года — Лето.

Запад:

тело — Металл; звезда — Венера; зверь — Белый Тигр; звук — шан; время года — Осень.

В индийском варианте «пятичастного креста»:

Центр: Брахман, образ солнца — дрожание.

Север: Сома, образ — очень черный.

Восток: Агни, образ — Красный.

Юг: Индра, образ — Белый.

Запад: Варуна, образ — черный.

Слабая цветовая дифференциация Солнца с лихвой возмещается богатством представлений, скрывающихся за именами божеств. Необходимо отметить, что иные авторы дают иные духовные существа в индийском пятикрестии:

Брахма — Шудра — Драхма — Кшатра — Виша.

Но это лишь демонстрирует множественность различных сторон мира и множественность его восприятий.

Еще большее множество пятичастных моделей существовало в древнегреческой философии. Например, Аристотель представлял единый космос, состоящий из пяти миров: земли, воды, воздуха, огня и эфира.

Пяти мирам единого космоса ставится в соответствие свойства пяти чувств соответственно. Земля — крепость, осязание; Вода — влажность, вкус; Воздух — сотрясение, слух; Огонь — тепло, обоняние; Эфир — плотность, зрение.

Со ссылкой на «Моралии» Плутарха указывается на наличие пяти совершенных геометрических фигур и пяти музыкальных интервалов (с. 47-48). Можно привести множество и других примеров пятичастных свойств различных систем. В частности, любопытно представление Ж. Анкосса в его «Оккультизме. Первоначальные сведения» (изд. Селена, М.: 1994), где помимо центра автор отождествляет стороны света с человеческими расами: север — белая раса; восток — желтая раса; юг — красная раса; запад — черная раса (с. 145). «Соотношение трех (по вертикали — В.Б.) и девяти (по горизонтали — В.Б.) соответствует времени порядка космоса и времени его воспламенения» (Плутарх, цит. по А.Е. Лукьянову, с. 48).

Отсюда — и двенадцатиричность женского начала инь, являющегося структурой развивающейся по спирали системы.

Спиралеобразность этого развития будет показана ниже при попытке отобразить чередование вертикально-горизонтальных шагов.

А пока любопытно отметить еще одну разновидность пятичастного креста, а именно числовую пентаграфию космоса.

«Считать — исчислять пятерками» — рассуждал Плутарх. При этом он давал оригинальную трактовку числа 5.

Единица — особая частица, прибавление которой к любому числу переводит его из разряда четных — в нечетные, и наоборот.

При этом чет соответствует женскому роду, а его начало — число 2. Нечет — мужское начало, начинающееся с числа 3. Соединение двух и трех, мужского и женского начал, дает число 5, которое называется супружеским числом. Стойкость этого числа, означающее стойкость семьи как первичной ячейки общества, определяется и тем, что «при умножении на самое себя оно оканчивается снова на самое себя» (с. 49).

«Любое объемное тело образуется на основе числа четыре: точка, линия, поверхность и эволюция. Но подлинное совершенство природе придает пятое измерение — движение души как координаты, свойственной лишь одушевленной природе.

«Рождаясь из физической массы космоса, дух растет по единому с ней генетическому коду, в основе которого лежит система пятичастного креста» (с. 58). Не отсюда ли пептидные связи в молекуле ДНК, отражающие объективность «пятичастного креста»?

Итак, единица — символ преобразования, двойка — начало женского, а тройка — мужского ряда. Четыре — это размерность физического, а пять — супружеское число — размерность духовно развивающегося объекта.

Развитие вещественного, духовного и социального миров осуществляется «на основе циклического вращения генетической матрицы пятичастного креста» (А.Е. Лукьянов, с. 63) — система «дракон» либо на основе девятичастной генетической матрицы — система «черепаха».

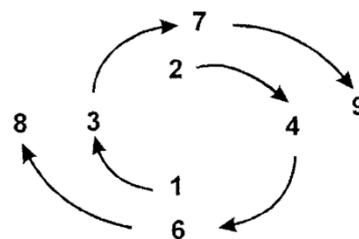
Пятичастная система «дракон» имеет центральный крест, служащий «супружеской» осью вращения мужского (нечетные числа) и женского (четные числа) витков, охватывающих элементы среднего 1-2-3-4 и внешнего 6-7-8-9 крестов.

Виток из нечетных (мужских) чисел разворачивается в полуспираль в направлении к мужскому «Небу», а женская (четная) полуспираль тянется к Земле.

В более сложной девятичастной системе «черепаха» числовая символика образует также центральный крест — число 5, и два внешних пятичастных креста, состоящих из нечетных чисел 2-4-6-8, образующих пространственную таблицу цифр — «магический квадрат» (см. таблицу пространственности).

Полуспиральи ян и инь образуют встречно направленные синусоиды, а обе последовательности 1-2-3-4 и 6-7-8-9, соединяемые через центр 5, образует уже не просто полуспиральи, а сложные генетические петли.

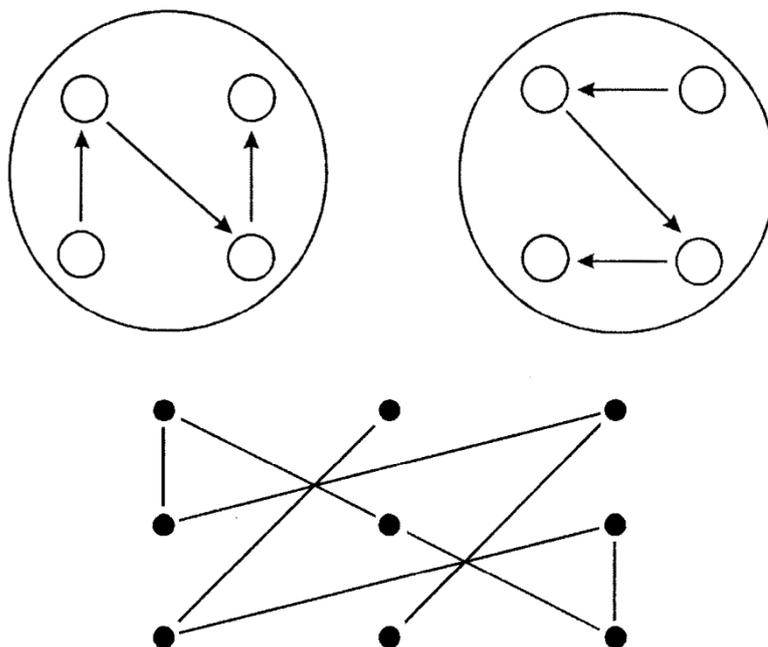
Наличие параллелей 3-4 и 6-7; 2-3 и 7-8; 1-2 и 8-9 порождает мысль о том, что слияние мужского и женского начала говорит о наличии генетической симметрии во всех мирах, (вещественном, нравственном, пространственном, чувственном, космическом и др.), символически отображаемых девятичастной горизонтальной матрицей. Эта симметрия олицетворяется также волнообразным (синусоидальным) и спиралеобразным развитием миров.

4	9	2
3	5	7
8	1	6

Символы есть отображение (модель) миров, но именно модельная ассоциация позволяет нам оценить структурную и генетическую сущность мира и его проявлений в прошлом и будущем.

Проводя параллели между древнекитайскими, древнеиндийскими и древнегреческими моделями космоса, А.Е. Лукьянов делает предположения, свидетельствующие о том, что «совершенно мудрые» предшественники философов не изобретали эти модели, а просто отражали своими символами естественное развитие космоса.

Все варианты этих моделей основывались на сочетании генетических петель в девятичастных или спиралевидных (в простейшем случае овальных — круговых) и в пятичастных горизонтальных плоскостях с вертикальным циклическим движением вверх-вниз по телесно — духовно — идейным слоям — субстанциям.

Согнув вертикальные плоскости идеального Неба и телесной Земли в замкнутую сферу, мы получим объемную трехсферическую модель, в которой «о первоначале можно говорить только относительно первого цикла космогенеза... мы

произвольно выбираем первоначальную сущность (телесную, духовную или идеальную)» (с. 96).

На самом деле развитие сочетает в себе не только эволюционную и инволюционную спирали, но и генетические скачки с одной сферы на другую.

Говоря о направленности развития, даосизм утверждает, что первичный хаос есть исходное состояние космоса (нашей Вселенной), а затем «пустовлаготуманная масса и разумная энергия ци образуют гармонию»

«...праначало — начало ци,
первоначало — начало формы,
первозлемент — начало вещества...»

(Лецзы, цит. по А. Лукьянову, с. 99).

Хотя нумерация Лецзы и не совпадает с пятикрестием «дракона», тем не менее, числовая символика означает некое подобие естественных процессов.

Там же: Дао рождает 1 (Небо — дух, энергия), единица рождает 2 (Земля — материально-вещественный мир), их единение $1 + 2 = 3$ образует Человека. А далее начинается генезис математических, физических и иных миров от 2 до 9. 9 снова изменяется и становится 1 (а что такое 0?). Небо главенствует над 10 Солнцами. Парное повинуется одиночному, которое главенствует над созвездиями — временем, а то, в свою очередь, главенствует над Лунами. В результате Солнце главенствует над Человеком, который рождается через 10 Лун.

Эта числовая эквилибристика на первый взгляд кажется лишь искусственным нагромождением образов и понятий, но с достаточной уверенностью можно утверждать, что современная наука о космогенезисе еще плохо владеет теми изоморфными представлениями между космоприродными феноменами и смысловыми (символическими) их обозначениями, которые только и позволяют идентифицировать Сущность мира.

«Человек в своем телесном, духовном и идеальном росте (лишь) повторяет процесс космогенеза». Поэтому понять общее можно лишь по аналогичным его проявлениям в частном. Наблюдая за монадами (человек — одна из монад Вселенной), в которых это общее запечатлено и в подобной структуре и в некоей тождественности поведения, можно приблизиться к пониманию Сущего нашей Вселенной. А через это — и к пониманию «жизненных волн», когда на смену одним мирам приходят другие, не в жесткой однонаправленности, а во взаимном соответствии (аналогии) между участками этих волн.

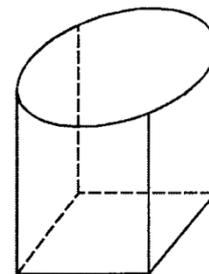
«Познавший, что он остановился на еще непознанном — совершенен» (Чжуанцзы — цит. по А. Лукьянову, с. 101).

В этих геометрических (символических) моделях из «Чжуанцзы» содержатся не всегда ясные, но красивые аналогии между спиралеобразной структурой мироздания и его феноменальными сущностями духовно-нравственной (ноосферной) субстанции.

Отметим лишь некоторые из этих аналогий — символов, оставляя «на потом» их интерпретацию в ноосферном смысле.

Ранее уже отмечалось, что в древнекитайской философии Небо (верх) символизируется в форме окружности, а Земля (низ) — в виде квадрата. Тогда мир — это стакан с круглым верхом и квадратным основанием, а космос — это земной куб, вписанный в небесную сферу. В простейшем случае — когда низ сводится к точке, модель мира — это конус, часто упоминаемый в различных космогенических гипотезах.

Внешний образ — это статичная форма мира, дополняемая моделями спирального построения и спирального развития тела, духа и идеи космоса в целом и человечества как его части, аналогичной целому.

«В своем спонтанном росте космос дифференцируется по пятичастному принципу не только по горизонтали, но и по вертикали на пять уровней. Пятичастные горизонтальные кресты надстраиваются один над другим с круговой сменой элементов соответственно вращательным ритмам космоса... Таким образом, космос в «своем генезисе развивается в спираль» (там же, с. 104).

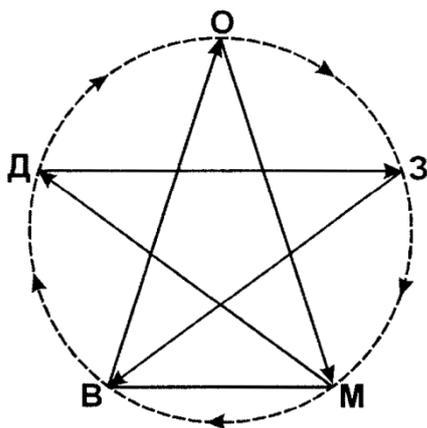
При этом числовая девятичастная матрица «черепаха», приведенная ранее, и двухъярусная пятичастная система «дракон» — одно и то же, если совместить числа в углах с числами по вертикально-горизонтальным осям креста.

Некоторое недоумение вызывает при этом необходимость перемещения числового сочетания 4-9 на свободное место.

Спиралеобразность развития становится более наглядной, если пятичастный крест — набор вещественных элементов:

развернуть в круговую матрицу, дающую в итоге пентазвезду — пентаокружность.

Тогда текст «Хуайнаньцзы» иллюстрирует звездообразную часть природного кругооборота:

«Дерево побеждает Землю, Земля побеждает Воду, Вода побеждает Огонь, Огонь побеждает Металл, Металл побеждает Дерево»

(Цит. по А.Е. Лукьянову, с. III).

Другой текст из этой же книги иллюстрирует пять витков движения по пентаокружности через стадии: рождается, крепнет, стареет, пленяется (отживает), умирает.

	а	б	в	г	д	
I	Д	О	З	М	В	КРЕПНЕТ
II	В	Д	О	З	М	СТАРЕЕТ
III	О	З	М	В	Д	РОЖДАЕТСЯ
IV	М	В	Д	О	З	ПЛЕНЯЕТСЯ
V	З	М	В	В	Д	УМИРАЕТ

В такой таблице, отвечающей тексту, особое значение имеет ряд III, который делит всю генетическую спираль Дао на две полуспирали — верхнюю ян и нижнюю инь, играя роль генетического начала данной Вселенной. Если бы ряд III не находился в центре, мы бы имели не спираль, а простую совокупность кругов в различных горизонтах. Именно центральная роль этого ряда «рождение» обуславливает наличие генетических потенциалов, посылаемых на верхнюю и нижнюю полуспирали. Третий ряд в спирали Дао «выводит ее из бесстрастного состояния и заставляет скрещиваться мужское и женское начало — горизонтальные кольца инь и вертикальные столбцы ян» и из нитей вертикалей и горизонталей как уток ткот полотно развивавшегося мира.

Любопытно замечание и о том, что «всего в спирали Дао насчитывается двадцать пятичастных крестов, что соответствует количеству аминокислот в ДНК» (с. 112).

«Спираль Дао — это космическое древо жизни, единый организм Поднебесной, выросший по единому генетическому коду... Учитывая изоморфизм тела, духа и идеи космического организма, нужно сказать, что спираль Дао выращивает не только телесный, но и духовный, и идеальный организм» (с. 125).

А.Е. Лукьянов в качестве примера приводит духовную и идеальную спирали, основываясь на философских текстах Лаоцзы, что требует особого осмысливания, т.к., возможно, открывает истоки и тенденции нравственного генезиса мира.

Сравнивая формы генетических кодов китайского, индийского и греческого космосов, выраженных в символе пентазвезды, вписанной в окружность, А.Е. Лукьянов считает, что все они — отображения естественного биогенетического кода жизни, который и есть тот нерукотворный план, служащий общей схемой гармоничного развития мира во всех его изоморфных вещественных, духовных и идейных проявлениях.

Понимание этой естественной природной гармонии должно направлять творческую техногенную и культурную деятельность человека.

Разумеется, человек отличается от других живых существ тем, что он не подстраивается под природную среду, не «ждет милостей от природы», а по своему деланию и разумению преобразует ее в своих интересах. Однако человек есть часть природы, и он не может уничтожать свой экос — среду своего обитания, а должен как существо разумное гармонизироваться с ней. У него для этого два инструмента: Любовь и Раздор.

«...от Любви мирозданье дружно
приходит к единству,
от Раздора все вещи вновь
разбегаются порознь...»

(Эмпедокл, цит. по А. Лукьянову, с. 137).

Так пусть символом гармоничного мира станет пятиконечная звезда — трансформированная модель пятичастного креста — первичной основы общей изоморфной модели Вселенной.

Девять — Дева

(С. Богданова «Девятка... мать порядка», НГ 24.05.94)

Замеченная автором филологическая и арифметическая уникальность девятки послужила поводом для разговора о закодированности мира, ключом к которому служит цифра 9, а доводом — однокоренность слов «девятка» и «дева». В тюркских языках слово девять означает «рождай, дева», что напоминает о девятимесячном цикле беременности (для человека) и похожесть по очертаниям самой цифры и женского органа деторождения — матки.

«Девичья башня» в Баку сверху также имеет форму девятки. Возможно, это совпадение случайно, а, возможно, в нем есть и некий смысл, т.к. все случайное есть проявление некоей дальней корреляционной закономерности.

Леонардо Пизанский (Фибоначчи) в «Книге абака» (1202 г.) изложил основы арабской математики, предложив знаменитый ряд чисел 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55, 89, 144 (1+3), 3 (1+2), 7, ..., который можно увязать с правилом «золотого сечения», введенного Леонардо да Винчи, согласно которому гармоничное сечение (а гармония — мать миропорядка) есть деление отрезка AC на две части так, что $AB:BC = AC:AB$, т.е. последовательно уточняя, это соотношение дает $3/2, 5/3, 8/5, 13/8, 21/13$ и т.д.

Возвращаясь к девятке, можно заметить, что умножение любого числа на девять дает ответ, где сумма цифр всегда равняется девяти.

$$\text{Например, } 12345 \cdot 9 = 111105 \quad (1+1+1+1+0+5 = 9)$$

$$58643 \cdot 9 = 527787 \quad (5+2+7+7+8+7 = 36, 3+6 = 9)$$

В общем виде число

$$A = [a+10b+100c] \cdot (10-1) = 10a+100b+1000c-a-10b-100c = 1000c+100(b-c)+10(a-b)-a.$$

Сумма цифр = $c + (b-c) + (a-b)-a = 0$, но т.к. $a-b < 0$, то одна десятка распадается, т.е. уменьшается на единицу, что дает сумму цифр = 9.

$$A = 1000c+100(b-c)+10(a-b-1)+(10-a).$$

$$\text{Тогда сумма цифр} = c+(b-c)+(a-b-1)+10-a = 10-1 = 9.$$

$$\text{Если } b < c, \text{ то сумма цифр} = (c-1)+(10+b-c)+(a-b-1)+(10-a) = 20-2 = 18(1+8=9).$$

Смерть — в замкнутости

*(Казначеев В.П., Спирин Е.А. Космопланетарный феномен человека.
«Наука», СО, 1991 г. (стр. 218-219).)*

«Система взаимодействия организма со средой характеризуется мерой открытости и закрытости». Синтаксическая (открытая) система, за счет механизмов синэргетического воздействия факторов среды, сохраняет и развивает организм в меняющихся условиях среды. «Система вырабатывает сама механизмы закрытости. Клеточный механизм есть эволюционно вынужденный механизм. Нарастание степени закрытости означает снижения эффекта максимума внешней работы (нарушение 1-го закона Вернадского — Бауэра), истощение системы (за счет отдачи сил другим системам и преодоление сил внутреннего трения) и приближение ее гибели.

Таким образом «эволюционно обусловленное увеличение иммунологического контроля может приводить не к прогрессивной, а к регрессионной перестройке организма, в данной перспективе — к вымиранию вида».

Замкнутые этнические популяции, практикующие моногамию, обречены на вымирание.

Человечество, не найдя контакта с окружающей средой, замыкаясь в своих человеческих (в отрыве от экологии) проблемах, придет к некоторым

«общечеловеческим ценностям», но вымрет, т.к. развитие оно может получать лишь в открытости космосу.

«Это происходит, если система не получает возможностей прогрессивного развития... Химиотерапия направлена на ослабление синтаксической (открытой) основы организма». «Воспаление есть индивидуальное проявление видового приспособительного реагирования на экстремальные факторы внешней или внутренней среды» (стр. 220).

«Витальная программа индивида является одной из форм адаптивного выживания вида».

«Смертию смерть поправ» — сказано в Евангелии.

Проблема автотрофности человечества — постепенного его освобождения от зависимости по отношению к ресурсам биосферы — это не свобода человека от биосферы, жизнедеятельности в ней, а гарантии гармоничности взаимодействия открытых систем со средой.

Из беседы с Влаилем Петровичем Казначеевым

Жизнь сформировалась при соответствующей структурной организации расплывленного в пространстве живого вещества, а точнее живой материи.

«Живая» материя — это не только клеточно-белковая среда. Белок — не единственный субстрат. Зарождение жизни происходит на субклеточном субатомарном уровне. Клетка — та среда, в которой привнесенное зародышевое ядро начинает развиваться. «Живая» материя — это более тонкая субстанция солитронного энергоинформационного уровня.

Теория систем (Берталанфи) не позволяет ответить на вопросы самоорганизации «живой» материи. Хотя сам термин «жизнь», «живой» — неопределен.

Когда количество клеток (элементов) превышает некоторый уровень (10^{12} — ?), происходит их структурная самоорганизация (функционально-структурный взрыв) и система переходит из «неживого» в «живое» состояние. Этому процессу даются некоторые дефиниции энергоинформационного и микробиофизического лексикона.

Аттракторы Н. Пригожина мало что дают для объяснения жизненного феномена — здесь другая природа.

Пассионарные взрывы Л.Н. Гумилева не есть микромутации. Заимствование этого термина из соматического лексикона может исказить суть образования этногенеза, который не может иметь аналогий с хромосомной и др. микропроцессами субклеточного и субатомарного уровня.

Космотеория выявляет спиновый процесс вращения Земли, причем особое значение имеет 73-я параллель, определяющая жизненные процессы на всей планете. Поэтому лептонное оружие, с помощью которого с этой параллели можно управлять

всем миром, это серьезнейшая проблема для ВПК. У нас этим не занимаются, а в Калифорнии есть специальный институт.

Время как категория требует своего переосмысления, может быть, и в смысле многокоординатности.

Наиболее серьезно эти проблемы рассмотрены у Н. Козырева.

Вывод:

Новая картина мира (космоса и жизни) требует анализа не только популярно-философской литературы (П.Д. Успенский, М. Карпенко и др.), но и специальных работ по субатомарной биоинформационной энергетике.

Задача ИКЭМ (Института клинической экспериментальной медицины) — не лечить больных, а регулировать механизм самонастройки организма с помощью магнитного, гравитационного и др. воздействий на макро- и микроуровне. Центр «человек — планета — космос» — один из методологических центров биоэнергетического подхода к макро- и микропроцессам. Физиологические особенности человеческого организма при правильной настройке системы позволяют до 80 лет быть активной (пассионарной) личностью. В зрелом возрасте человек может «омолодить» себя, занимаясь творчеством. Творчество — это не только культурный, но и микробиоэнергетический процесс, когда активизируется обмен веществ (материи, организации) во всех жизненных системах. Многие из самоощущений этого состояния описаны в «Этюдах оптимизма» (И.И. Мечникова).

Введение в «Диалектику природы»

Главный закон — спиральная форма развития, «Первая брешь в этом окаменелом воззрении на природу была пробита не естествоиспытателем, а философом». В 1755 г. появилась «Всеобщая естественная история и теория неба» Канта.

«Вопрос о первом толчке был устранен; земля, и вся солнечная система предстали как нечто *ставшее* во времени... В открытии Канта заключалась отправная точка всего дальнейшего движения вперед... Природа не просто существует, а находится в становлении и изменении».

Ф. Энгельс излагает космогоническую теорию Лапласа: «из вихреобразно вращающихся раскаченных газообразных туманностей... развились благодаря сжатию и охлаждению бесчисленные солнца и солнечные системы нашего мирового опыта... Другие (звездные — В.Б.) туманности, как утверждает Медлер, являются далекими самостоятельными мировыми островами».

Это — очень важное признание о том, что помимо нашей Вселенной существуют другие «мировые острова». Они могут быть более старыми или более молодыми по сравнению с нашей Вселенной. Но дело — не в возрасте, а в том, что они — другие миры — существуют. Вряд ли можно согласиться с тем, что на

образовавшихся в результате остывания отдельных небесных телах «господствует сначала та форма движения, которую мы называем теплотой».

Теплота как самая низшая форма энергии должна была породить сама собой более высокие формы — магнетизм, электричество, химическую энергию. Либо в процессе созревания Земли качество энергии непрерывно повышалось, либо не было какой-то изначальной рассеянной энергии (теплоты), либо под действием внешних сил происходила дифференциация энергетического хаоса Земной сферы. Но утверждение Ф. Энгельса о первичности теплоты должно быть осмысленно более тщательно с точки зрения общих процессов трансформации вещественно-энергетически-информационного обмена Земли как открытой системы с окружающей средой.

Человек стал качественно новым существом на планете, когда он не только научился приспосабливаться к окружающей природе, а когда с помощью материального производства он стал приспосабливать природу к своим надобностям.

Говоря о подобии отношений в животном мире и в человеческом обществе «Дарвин не подозревал, какую горькую сатиру он написал на людей, и в особенности на своих земляков, когда он доказал, что свободная конкуренция, борьба за существование, прославляемая экономистами как величайшее историческое достижение, является нормальным состоянием мира животных». Эту всеобщую идею борьбы за существование, выдвигаемую Дарвином, Энгельс упоминает в борьбе с противниками своего общественного учения, хотя Энгельсу и приписывается неприятие социал-дарвинизма.

«Живого праха первые комочки»

(Эразм Дарвин «Храм природы», АН СССР, 1954).

*«Так без отца, без матери, одни
возникли произвольно в эти дни
живого праха первые комочки»*

Песнь 1, 307.

«Бога надо считать причиной всех причин, а не просто причиной наблюдаемых нами событий» (с. 108). Самопроизвольное зарождение свойственно лишь самым простейшим органическим веществам, которые, обладая свойством самовоспроизведения, приумножают земной мир количественно и качественно. Способность к воспроизведению свойственна одной только одушевленной жизни, но это — не так: минералы самовоспроизводятся из насыщенной раствором среды, и даже электроны самовоспроизводятся из фотонной энергии. Другое дело, что это самовоспроизводство осуществляется не по принципу 1+1, а более сложно 1+0+1, где ноль означает частичную аннигиляцию вещества. Э. Дарвин говорит о самопроизвольном зарождении живых существ, понимая, что они возникли в среде (в жидкости или в почве), наполненной останками мертвой органики. Он приводит аналогию между зарождением и питанием: для того и другого нужна питательная

среда, которая перерабатывается в первичных организмах и дает живое существо. Особо он отмечает возможность этих существ длительное время находиться в состоянии анабиоза, что не уничтожает их свойств, проявляемых при попадании вновь в благоприятную среду.

Хотя комментаторы и отрицают связь между эластичностью резины, которая после критического растяжения рвется, и удлинением живой молекулы, делящейся при большой длине на части, возможно, что это однородные явления внешнего растяжения и внутренней стяжки, протекающие одновременно.

Законы, связанные с силами притяжения, автор относит к явлениям неодушевленной материи; а способность волокон сокращаться под действием нервных импульсов, по мнению Э. Дарвина есть свойство живой материи. Ощущения, вызываемые этими сокращениями, причиняют организму боль и удовольствие, которые, закрепляясь в виде ощущений и ассоциаций, порождают инстинкты и осознанные желания.

Однако способностью живого является привыкание. Недаром говорят, что «привычка — вторая натура». Однако это привыкание понуждает человека предпринимать те или иные действия (или, наоборот, не реагировать на постоянно повторяющиеся внешние раздражители) автоматически, без усилий центральной нервной системы, которая быстро атрофируется. Нервные клетки не восстанавливаются, и нетренированная нервная система истощается, а **«нервная регуляция»** имеет ведущее значение в обеспечении целостности организма и являются одним из основных механизмов гомеостаза» (Биологический словарь, с. 403).

Человек творческий и жизнедеятельный, у которого нервная система находится в постоянном возбуждении, надолго сохраняет в действии свои жизненные органы, которые не так быстро изнашиваются. И любопытную мысль выдвигает Э. Дарвин «для природы было бы легче, если бы животные и растения продолжали жить в зрелом возрасте, чем без конца производить новых животных и растения с помощью сложного аппарата, а старым давать погибать» (с. 127).

Из этой гипотезы могут следовать самые неожиданные выводы и рекомендации, в т.ч. и отвергающие саму исходную мысль.

Так, если допустить, что правильное (не чрезмерно интенсивное, но и не успокоительно-атрофирующее) действие регулирующей нервной системы сохранит длительную работоспособность жизненных органов и будет поддерживать их гомеостаз, то организм в целом, не репродуцируя свое потомство, структурно остается неизменным и слабо восприимчивым к внешним изменениям. Стабильность исключит адаптацию. Воспроизводство новых клеток и органов усилит адаптационные возможности организма за счет структурной перестройки новых частей. Такая структурная адаптация — более сильное средство для развития, чем простая устойчивость системы с фиксированной структурой.

К тому же следует учитывать, что любой материал, в т.ч. и любое вещество «стареет» естественным образом за счет того, что время высасывает из него энергию в виде низкокачественной теплоты (т.е. без обмена веществ со средой оно подвержено энтропийной диссипации). Но время диссипирует организованность вещества, для поддержания которой нужно внешнее энерго-информационное воздействие, закрепляющееся в пластичной (эластичной) форме. Потеря пластичности уплотняет тело, оно становится менее подвижным, менее отзывчивым на сигналы среды, а потому эти непрерывные сигналы усугубляют процесс отвердения вещества, в результате чего живое вещество превращается в косное (окаменелый скелет), а жидкая фаза тела (на 60...90% тело состоит из воды) без организующего начала гомеостатической нервной системы служит питательной средой для размножения бактерий и других простейших организмов, хранящих в своих генах образ той системы, в которой они обитали и останками которой они кормятся.

Интересно было бы проследить за эволюцией тех червей и др. тварей, которые поедают тело усопшего человека. В их внутренних органах должна храниться часть информации о живой клетке высокоорганизованной особи. Я думаю, процесс погребения тела усопшего в земле глушит многое из невещественного образа, окружающего как аурой былую высокоорганизованную систему. Умирает тело, но душа остается и становится более подвижной нежели аура (полевая оболочка) живого тела. Аура растений действует на более короткие расстояния, аура (душа) человека, отделившись от тела, блуждает не только в биосфере, но и во всей Вселенной. А может быть, в зависимости от своей ценности, определяемой отношением большего воспроизводства духовно-вещественных продуктов на единицу затраченного извне энерго-информационного сигнала, она (эта аура) становится тем организующим началом, которое в «Пустом Нечто» дифференцирует материальный хаос, давая жизнь новой волне «Великого Дыхания».

Возвращаясь к размышлениям Э. Дарвина, возьмем на заметку и его наблюдения за развитием системы самовоспроизводства в простейших живых организмах.

Простейшие самовоспроизводятся путем простого деления. Так, «весной и летом восемь или девять поколений афид — живородящи и производят на свет живое потомство бесполом путем», (с. 134), проявляя современное явление партеногенеза (девственное размножение); осенью же афиды производят самцов и самок, которые совокупляются и откладывают яйца.

Солитер — ленточный паразитический червь производит своих детей и внуков как бы в виде цепочки, нося их в себе одновременно до пятого поколения, когда задние членики червя открываются, а молодые образуются почкованием на его головном конце.

Э. Дарвин называет гермафродитами многие растения, насекомые и животные, которые одновременно обладают мужскими и женскими половыми органами. Эти органы внутри одного тела присутствуют в виде двух желез, одна из которых обладает

силой притяжения, а другая — способностью быть притягиваемой, одно (отцовское) обладает склонностью соединять, а другое (материнское) — соединяться.

Поэтому Э. Дарвин говорит о трех последовательно развивающихся процессах самовоспроизводства живых существ: низшие виды животных и растений размножаются исключительно бесполом путем отпочкования, деления и т.п.

Но даже эти простейшие дают в некотором бесполо зарождающемся потомстве особи, которые воспроизводят затем потомство путем полового сношения.

Другой тип органической природы составляют растения и животные — гермафродиты, например, цветы, имеющие в одной чашечке тычинки и рыльца.

Наконец, более крупные и совершенные животные размножаются исключительно половым путем, т.к. отдельные особи развиваются по пути специализации своих внутренних органов, в т.ч. и половых желез, хотя у мужчин остаются атрофирующиеся сосцы. У пшеницы, в частности, «вырастают два или три колена, друг над другом, прежде чем появится цветonosное колено; все эти колена представляют собою отдельные растения, растущие одно над другим, подобно почкам деревьев, предшествующей самой верхней» (с. 137).

Бесполое размножение в большей степени наследует свойства своих родителей: они быстрее дегенерируют, повторяя болезни своих родителей. При половом размножении это влияние не оказывается столь непосредственным, дети в большей степени начинают зависеть не только от генов, но и от влияния окружающей среды, что локализует процесс наследственной передачи болезней. Вот почему половое размножение, где плод получает наследство не от одного из родителей, а от двоих, более жизнестоек. Это имеет место и при смешивании крови разных по природе особей. Так, межрасовое смешение порождает более стойкое потомство. Находясь на границе Европы и Азии, россияне получили от своих предков столько донорской крови, что российский этнос — один из самых живучих и стойко развивающихся в мире. И хотя современная этика считает искусственное скрещивание особей различных рас — делом безбожным и не нравственным, я думаю, что научные методы подбора пар дадут генетическую совместимость и дополнительную наследственных черт потомков. Дело не в геной инженерии, когда вмешиваются на уровне отдельных частей общей несущей структурную организацию молекул ДНК, а на уровне естественного соединения пар, взаимно дополняющих друг друга в физиолого-генетическом и духовно-нравственном виде.

С двух сторон

Говоря о причинах геологического зарождения Земли в ее нынешнем виде, Э. Дарвин выдвигает любопытную гипотезу о том, что внутри ядра Земли существовала плазма — четвертое состояние вещества, в дополнение к твердой оболочке, водной сфере, покрывающей всю поверхность Земли и газообразной атмосфере. То, что плазма и газ оказались отделены друг от друга — возможное влияние неодновременности создания Земли и одновременного существования

плазменной формы жизни и водной формы. Плазма как энергия, образовавшаяся (по Козыреву Н.Н.) путем трансфизической мутации времени, воздействовала изнутри, уплотняя мантию Земли своим полевым воздействием; водная среда, аккумулировавшая энергию внешнего космического излучения, также уплотняло тело Земли снаружи. В результате между двумя мирами образовалась геологическая масса, давшая миру много химических элементов.

В то время как 4 космических элемента: водород, кислород, азот и углерод свойственны звездному миру, остальные химические элементы есть следствие синтеза минерализованной плазмы, образующего определенное сочетание электронов в атоме, расположенных на разных орбитах, что придает этой конструкции атома специфические свойства. Атомы легких элементов прочно удерживались в виде системы, а для сложных трансурановых элементов эти атомы легко распадались, а, может быть, размножались, образуя из своих разделившихся частей новые минеральные соединения.

Итак, наша геологическая сфера — это та же жизнь, существовавшая по обе стороны твердой границы. Но, прорастая навстречу друг другу, водные организмы и плазменные организмы начинали разрушать эту плотную материю, подобно тому, как зеленые ростки пробиваются через толщу асфальта.

Пробивая эти каналы, вода и пламень (плазма) сближались друг с другом и образовывали взрывную смесь. Так, пары ртути и алмазов могут быть более упругими и развивать более сильную энергию, чем водяной пар. Образование подобных паров вызывало в земной коре неминуемые взрывы, менявшие не только близлежащие природные образования — горы, различные виды организмов, но и вызывало события планетарного масштаба.

Интересна мысль Э. Дарвина о том, что вначале вся земля была покрыта водной оболочкой, а твердь была на дне океанов. Но сила вулканического взаимодействия как аннигиляции двух состояний материи: плазменной и водной была настолько мощной, что прорывала земную (подводную) кору с такой силой, которая не только поднимала острова и материки (вода при этом все равно покрывала эту твердь), но даже смогла выбросить луну из земли, сделав ее спутником нашей планеты (с. 119).

Если предположить, что луна была таким образом выброшена из котловины, то ее место немедленно заняла вода, слившаяся в эту воронку из других районов Земли и оголившая часть суши. Так появилась земная твердь, несущая в себе продукты жизнедеятельности прежнего подводного мира, пограничного с плазменным ядром планеты.

Может быть, подобная гипотеза приемлема и для образования планет в результате взрыва звездных ядер, где смешение внешних и внутренних начал приводило к аннигиляционному взрыву и отделению одних частей Солнечной системы от других на расстояния, достаточные для их самостоятельного существования, но где силы взаимного притяжения не позволяли им окончательно разлучиться.

Теория расширяющейся Вселенной — это теория спиралеобразного перемещения галактик. Находясь в фокусе или на одном из участков этой спирали, нам представляется, что одни части Вселенной удаляются от нас, а другие, наоборот, сжимаются. Это есть не что иное, как эффект спирали, когда каждый виток по отношению к другим может казаться то приближающимся к нам, то убегающим от нас. Но время от времени и эти звезды взрываются и начинаются новые траектории новых миров.

Переселение с Марса на Землю

Древние легенды Востока утверждают, что Земля является порождением и созданием Луны и других планет, и земляне появились от инопланетян, которые раньше нас достигли вершин цивилизации и раньше прекратили свое существование. Все это — до недавнего времени казалось вымыслом, но «Известия» от 27.09.94 опубликовали материал американского ученого Рихарда Хоаглэнда, который по фотографиям Марса определил наличие на этой планете следов древней цивилизации. В частности, им были обнаружены гигантские пятигранные пирамиды на Марсе, соотношение коротких и длинных сторон которых является известным «золотым сечением», которое соответствовало и египетским пирамидам.

Кроме того, было обнаружено изображение человеческого лица длиной 1,5 км. Эти изображения подобны египетским сфинксам. Доказательством искусственности этих фигур является «принцип симметричности», несуществующий в природе.

Если эти гипотезы верны, то тем самым подтверждается и гипотеза перенесения на нашу Землю древней цивилизации, существовавшей до нашего времени на Марсе и в Космосе.

И тогда космические легенды Востока — это не сказка, а информация о реальных событиях прошлого, забытого человечеством.

Моделирование

Во многих конкретных науках моделирование используется в качестве рабочего инструмента как для получения нового знания о свойствах объектов, являющихся предметом данной науки, так и для придания этим объектам заданных (требуемых) свойств. В то же время сами процессы моделирования представляют собой объект для изучения и целенаправленного применения, объект, являющийся предметом специальной теории моделирования. Итак, моделирование — как метод (инструмент) и как теория, объясняющая правила построения и пользования этим инструментом. Такая двойственность термина «моделирование» отражает не бедность научного лексикона, а неосознанную и неоправданную попытку придать конкретному научному понятию статус философской концепции. Ничто так не девальвирует суть какого-либо понятия, явления, как отсутствие границ его применимости. Поэтому и становится необходимым установить эти границы, в пределах которых теория,

подтвержденная практикой, может выполнять и методологическую функцию, способствуя осознанному использованию всего арсенала методов и средств моделирования для решения задач конкретных наук.

Теория есть система (в общем плане «система есть совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность» — В.Н. Садовский, философский энциклопедический словарь, М., 1983г., с. 610), представляющая собой совокупность 4-х взаимосвязанных множеств:

1. Множество фактов, явлений, гипотез — входное множество.

2. Множество постулатов, аксиом, законов, формирующих идеализированный объект теории — множество управляющих воздействий. Построение идеализированного объекта — главный этап создания теории так же, как выбор управления — главная задача построения любой системы.

3. Множество правил логического вывода — множество связей, позволяющих на основе входных и управляющих воздействий формировать утверждения.

4. Множество утверждений — массив знаний — выходное множество системы.

Применительно к любой конкретной науке процесс построения идеализированного объекта означает формирование математической модели, осуществляемое как макро-, так и микроуровневым способом.

При микроподходе функциональные отношения, описывающие связь входных, выходных и управляющих множеств, формируются на основе известного или предполагаемого математического описания отдельных элементов системы, и структура общей математической модели повторяет взаимосвязь в самой системе этих элементов. Макроподход (феноменологическое описание системы) характерен тем, что формальным образом без раскрытия внутренней структуры системы подбираются функциональные соотношения, аппроксимирующие причинно-следственную связь явлений на границах системы.

Микроуровневый подход является прерогативой сугубо специальных наук, и общие для всех теорий правила построения моделей при таком подходе практически отсутствуют, если не считать (П.С. Краснощеков, А.А. Петров — Принципы построения моделей. Изд. Московского университета, 1983, с. 264) применимости основных положений классической механики для описания физических явлений.

Макроуровневый подход, основанный на идеях «черного ящика», использует достаточно развитый инструмент идентификации как метод построения абстрактных моделей, обладающих изофункциональными свойствами. Такой подход удобен для описания объектов с жестко заданной неизменной внутренней структурой. Для сложных развивающихся систем, имеющих неодинаковость и нестабильность внутренних связей между образующими систему объектами и отдельными элементами, построение моделей должно быть основано на идеях «серого ящика», когда отдельные объекты, состоящие из жестко связанных между собой элементов, описываются обобщенными функциональными соотношениями типа «вход-выход», а взаимосвязь этих объектов отражается в структуре полной модели системы.

«Теория, претендующая на изучение сложных систем, должна оперировать с моделями, структура которых отражает эту сложность» (Месарович М., Мако Д., Такаха И. — Теория иерархических многоуровневых систем. М: Мир, 1973 г., с. 344).

Формирование математической модели, каким бы образом оно не осуществлялось, представляет собой первую — познавательную стадию моделирования и осуществляется, в основном, в рамках специальных наук.

Голография

(Б.Ф. Федоров, Л.М. Цибулькин — Голография, М., Радио и связь, 1989)

Трехмерная материальная модель волны создает объемную интерференцию и однозначно воспроизводит амплитуду, фазу и спектральный состав записанного на ней излучения.

Дуальный характер света проявляется квантовым характером испускания и поглощения, а волновой характер — в явлениях интерференции и дифракции.

$$E = h\nu \text{ — уравнение Планка.}$$

Излучение кванта происходит при перескоке электрона с одной орбиты на другую, когда дискретно меняется величина его энергии.

Воздействие света на энергонасыщенную систему может приводить к спонтанному либо стимулированному излучению. Последнее имеет место, если внешнее поле резонирует с частотой системы. Резонансные колебания формирует усилитель света, однако сфокусировать можно лишь когерентное излучение лазера, когда между излучаемыми волнами имеется строгое фазовое соответствие. Зеркальный резонатор позволяет получить высокую концентрацию энергии в узком пучке света. Например. При $P = 10$ Вт, но сфокусировав луч на $S = 2$ мкм², получим плотность потока 10^{12} Вт/м², в то время как плотность солнечного излучения всего $7 \cdot 10^7$ Вт/м².

Лазер создает узкополосное излучение 0,6...1,0 мкм.

Денис Габор в 1947 г. изобрел метод голографии — полного (объемного) изображения. В отличие от фотографии, которая фиксирует только интенсивность света и создает плоское изображение объекта, голография регистрирует волновой фронт светового луча и воспроизводит трехмерное изображение.

На фотографии четкость изображения достигается лишь при определенном расположении предмета, объектива и фотопластинки. Но в скрытом виде изображение присутствует в любой плоскости между предметом и объективом, в т.ч. и в плоскости непосредственно перед линзой.

Габор предложил двухступенчатый процесс, в котором предмет регистрируется с помощью пучка электронов, а изображение восстанавливает световой поток.

Для получения голограммы на фотопластинке складывались две волны: опорная от коллимированного пучка света и объектная — вторичная волна от объекта. Объемность на голограмме достигалась за счет фазового сдвига этих волн.

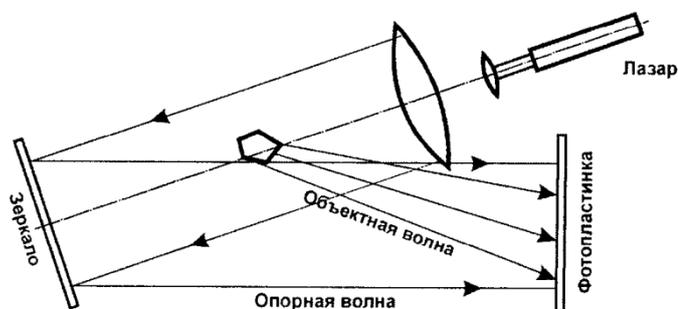
При взаимодействии двух волн, на фотопластинке возникает хорошо известная в оптике интерференционная картина, которая несет в себе полную запись пространственной структуры световой волны (по амплитуде и по фазе). Интерференционная картина — голограмма — не имеет никакого сходства с предметом и представляется набором полос и дифракционных фрагментов. Но в этой комбинации в закадрированном виде содержится информация о форме и объеме объекта.

При восстановлении оптических неоднородностей голограммы возникает на одной оптической оси два изображения: справа от голограммы — действительное, а слева — мнимое.

Таким образом, отличительной особенностью голографической системы является использование вспомогательного когерентного фона (опорной волны).

Для того, чтобы разделить эти два изображения, в 1962 г. Э. Лейт и Ю. Упатниекс применили способ подачи на фотопластину части несущей волны, направляемой через призму под некоторым углом. Использование внеосевой волны разносило изображения при восстановлении в пространстве.

С использованием лазеров стало возможным работать с трехмерными объектами.

а Запись

б Восстановление изображения

Поскольку на голограмме будет многократно записываться информация об объекте, восстановить изображение можно, используя лишь часть фотопластинки.

Если объект отражает упавшее на него лазерное излучение диффузно, т.е. равномерно во все стороны, то информация от каждой его точки попадает в каждую точку голограммы. Т.е. в каждой точке голограммы записана информация о всей форме объекта.

При переэкспонировании голограммы ее негатив по-прежнему дает истинное восстановленное изображение.

Ю.Н. Денисюк в 1958 г. сделал работу «Об отражении оптических свойств объекта в волновом поле рассеянного им излучения». Он записал отраженную световую волну от объекта в точке, где эта волна встречается с основной волновой поверхностью, т.е. там, где в результате интерференции образуются стоячие волны. Они имеют пучности в тех местах, где фазы волн от источника и от объекта совпадают, а узлы — где фазы противоположны.

При этом запись интерференционной картины лучше проводить не только по поверхности, но и по глубине, используя толстослойные фотопластинки.

В верхней части рисунка показана запись голограммы различными способами, а в нижней — восстановление изображения.

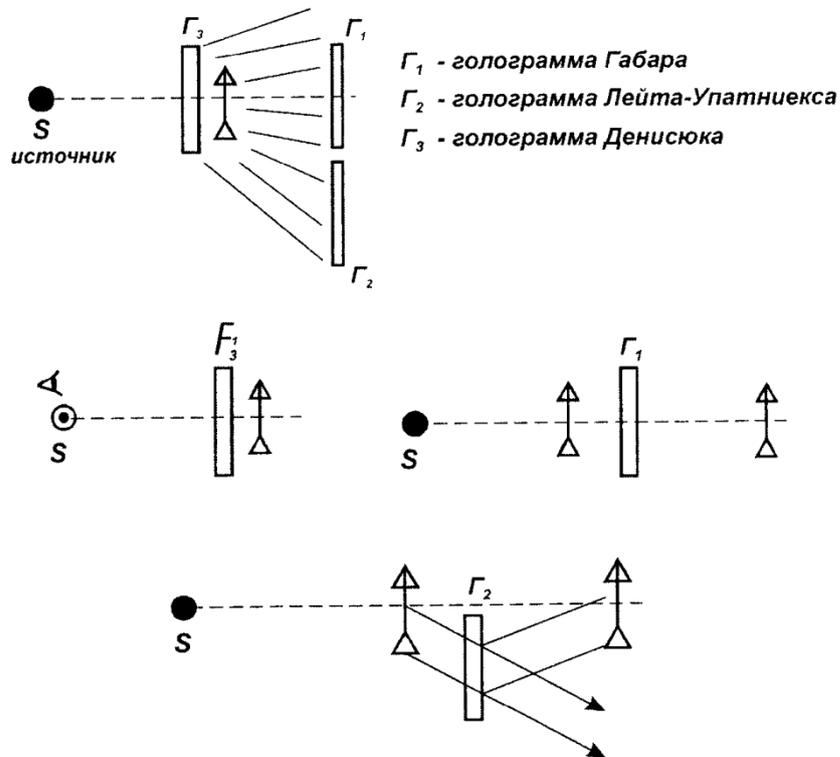

Схема Денисюка (Γ_3) имеет то преимущество, что изображение — единственно в отличие от других схем.

Изображение восстанавливается в пространстве и его можно разглядеть со всех сторон так, как оно снимается в исходном положении.

Основная сфера применения голограмм — это трехмерные наблюдения объектов достаточно сложной формы.

В последнее время применяется динамическая голография, когда был обнаружен эффект направленного переноса энергии между волнами.

Цифровая голография, отличающаяся большей стабильностью и четкостью, основана на вычислении амплитудного и фазового спектров изображения с помощью интегральных алгоритмов быстрого преобразования Фурье. При цифровом восстановлении изображения получается несколько изображений, что соответствует различному числу членов БПФ. Использование Фурье-образов позволяет распознавать объекты, т.к. при идентичности эталонного и анализируемого спектров корреляция очень высока, что дополнительно дает информацию об объекте.

По методу Денисюка в объемной среде можно записать большое число голограмм путем их наложения. При этом можно достичь емкости до 10^{12} бит цифровой информации для создания голографического ЗУ. Не есть ли живая клетка такой голограммой, несущей информацию о сложных системах, с которых осуществлен съем и запись не только внешней, но и внутренней структуры. При этом голографические методы позволяют работать не только со статическими объектами, но и волновыми полями. Не есть ли Хаос — «Пустое Нечто» такой голограммой, где скрыта информация о возможных состояниях частиц под видом расплывчатой интерференционной картины.

Любопытно в этой связи применение методов радиоголографии для восстановления волнового поля в одной плоскости пространства по известному или измеренному полю с другой области.

Существует гипотеза о голографической природе ассоциативной памяти мозга, на основе чего созданы системы распознавания образов.

В Вестнике МИКА (вып. 1, 1994) упоминается «гипотеза о волновой природе психологического кодирования на основе квантово-механических нейроголографических механизмов (В. Westlake, W. Barret, K. Prybramm, 1975), доказывающих возможность симультанного узнавания и мгновенной актуализации прошлого опыта».

Густоты и их взаимодействие

Мир представляет собой безграничное пространство. Это пространство не имеет никаких универсальных характеристик. И даже Время есть характеристика относительная, связанная с многозначными полевыми проявлениями элементов этого пространства, коими являются сгустки, кванты, частицы. В различных частях этого пространства существует различная концентрация физико-химических (электромагнитных), гравитационных, информационных и других видов полей.

Еще древние говорили о заполненности мира эфиром. К этой модели следует вернуться, если понимать под эфиром не только совокупность материальных частиц, а некую материально-полевую плотность, густоту (по Дм. Панину «Теория густот», М: «Мысль», 1993 г.).

«Густота — первооснова всех предметов и явлений вселенной», определяющая не только материальную, но и духовную, и общественную феноменологию.

И все же густота — это, скорее, характеристика эфира. А его структура определяется понятиями «эйдоса» и «логоса» (по А. Ф. Лосеву «Бытие, имя, космос», М: Мысль, 1993 г.). Эйдос «есть цельный смысловой лик вещи, созерцательно и умственно осязательно данная его фигура, логос же есть метод смыслового оформления вещи» (с. 69).

Под вещью понимается все, что существует: физическое тело, поле, информация, трансцендентный образ, элементы души, мысль, символы (числа), проявление воли и т.д.

Освобождаясь от извечной борьбы между духом и материей, признавая объективную реальность существования вещей физического макро- и микромира, информационного и психического мира, теория густот (как и другие теории, где расширительно рассматриваются реально существующие вещи физических и иных миров) дает возможность по-новому объяснить и использовать понятия времени и пространства, энергии, силы и других категорий миропорядка.

«Действующая густота определяет любое изменение во вселенной... Параметры густот изменяются в процессах сгущения-разрежения» (Д. Панин, с. 10).

«Вещь есть густота, воспринимаемая человеком» (с. 11). Т.е. густота есть логос (понимание) вещи.

В пустоте нет частиц, однако субстанция пустоты под действием масс или зарядов способна к сгущению... Пустота не есть пространство... Субстанция пустоты представляет собой застывшее движение, способное при определенных условиях проявлять свою сущность» (с. 11).

Сгущение субстанции пустоты, происходящее под влиянием внешних воздействий, образует исходные частицы, причем виды этой частицы определяются характером воздействующего сгущения.

Например, под воздействием сгущения поля тяготения образуются частицы, обладающие массой, под воздействием электромагнитных полей — электроны и протоны, под воздействием трансцендентных полей — частицы воли и т.д.

При разрежении действующей густоты образуется порция квантов, перемещающаяся в направлении разрежения действующей густоты. Первый слой потока квантов (кванты действия, фронтальные кванты) образует силу, импульс и фактор скорости. За ними следуют потоки сопровождающих квантов, состоящих из исходных частиц, образующие запас энергии вещи.

Полный запас энергии вещи состоит из кинетической, потенциальной, внутренней (соответствующей массе покоя) и структурной (идущей на формирование структуры вещи) энергии.

Давая определения понятия «движения в виде единства пространства и времени», а те, в свою очередь, в виде некоей формы, вырезанной из пустоты, и содержания в виде частиц и густот данного объема либо в виде фактора скорости перемещающихся частиц и густот, Д. Панин пытается на основе этих понятий сформулировать основные законы природы.

Так, закон движения вещей гласит, что «движение вещей есть следствие перехода квантов... а переход квантов возможен только от большей густоты к меньшей». Поэтому действующая густота, являющаяся главной причиной любого процесса, должна таить в себе огромные положительные разности густот, преодолевающие густоты сопротивления.

Тем самым явно подразумевается наличие некоей высшей системы, обладающей таким потенциалом. Дм. Панин не нашел ничего лучшего, как предложить идею Творца, который создал вселенную. На этом уже многократно отвергнутом варианте мироздания можно было бы останавливаться, если бы в дальнейших диалектических построениях Дм. Панина не содержались новые интересные подходы.

«Самопроизвольное развитие идет в направлении более устойчивого и наиболее стабильного в природе», т.е. в направлении возрастания энтропии системы.

Но поскольку в природе существуют процессы, идущие в негэнтропийном направлении (например, образование кристаллов, характеризующихся высокой структурной энергией), то можно говорить о том, что в этих явлениях время движется в обратном направлении.

Итак, время есть не абсолютная категория, а свойство процесса. Явления, характеризующиеся возрастанием энтропии, протекают при положительной $t > 0$; а негэнтропийные процессы — в отрицательной полуоси времени $t < 0$. Точка $t = 0$ является точкой бифуркации бесконечно существующих процессов, а отнюдь не Началом всего сущего.

Величина негэнтропии «есть разность энергетических потенциалов между системой и средой».

«Система стремится к состоянию с максимумом энтропии (негэнтропия = 0), соответствующему нулевой разности потенциалов между собой и средой» (М. Карпенко, Вселенная Разумная. — М: Мир географии, 1992, с. 70) или «энтропия выражает вероятность состояния системы и возрастает при переходе от состояний менее вероятных к более вероятным».

Это лишь говорит о том, что бифуркационные процессы возникают на хвостах кривой распределения вероятностей нашего стохастического мира.

«Негэнтропийность живых систем достигается путем взаимодействия со средой за счет извлечения из нее вещества, энергии и информации» (Г. Югай — цит. по М. Карпенко, с. 74). Т.е. густота одного мира, достигая некоторых точек бифуркации, порождает поток квантов, проникающих в другую среду и обогащающих частицы этой среды новой структурной энергией и формируя новые частицы вообще.

Таковыми точками бифуркации могут быть «черные дыры», выход души из умирающего тела и т.д. В эти моменты время «поворачивает вспять», т.е. создаются условия для негэнтропийных процессов.

«Появление нового качества зависит от количества перешедшей в вещь энергии» (Д. Панин, с. 25). Тем самым подчеркивается роль энергии как начала сущего.

Говоря о видах энергии, Д. Панин вводит понятие «энергия пси-энергия чистого движения с перемещением частиц без преодоления сопротивления и без изменения фактора скорости» (с. 18). Этой энергией обладают элементарные частицы. И ареал действия энергии пси ограничивается пространством пси, окружающим каждую из этих частиц. В пределах этого пространства частицы флуктуируют сами по себе без взаимодействия с космическими полями, действующими в пространстве, окружающем галактики и другие астрономические тела.

Поэтому абсолютного пространства не существует.

Пространство, как и время, есть принадлежность объектов. И лишь взаимодействие этих объектов, обмен энергией между ними, порождает потоки квантов от одних густот к другим, порождает движение — процесс перераспределения энергии и вещества.

Законы движения (развития) формируются Д. Паниным как законы движения не логоса (у Гегеля), а законы движения эйдосов (вещей различной природы и сущности).

«Развитие есть единство борющихся противоположностей», осуществимое в виде изменения сгущения или разрежения взаимодействующих густот.

Вместо триады Гегеля (тезис — антитезис — синтез), относящейся к взаимодействию логосов, Д. Панин исходит непосредственно из единства, которое приводит то к синтезу, то к разрушению самого единства устранением тезиса или антитезиса.

Обязательными условиями единства являются:

- четное число борющихся противоположностей (устранение одной из противоположностей лишает систему единства, неизменяемая вещь не может быть противоположностью в единстве);
- вещи, тождественные друг другу, не образуют единства, т.к. не являются противоположностями.

Например, единый атом образуют противоположно заряженные частицы протон — электрон; магнит существует как взаимодействие полюсов; семья живет как единство противоположных субъектов — мужчины и женщины.

2-ой закон: переход количества в качество и обратно отражает не только движение (развитие) при $t > 0$ в сторону возрастания энтропии, но и допускает обратные процессы с иным фактором скорости.

Третий закон: отрицание отрицания характеризует циклическое развитие вещей. Но т.к. любая система находится под воздействием не только внутренних сил, но и внешней среды, то ее развитие протекает не по замкнутой траектории, а по спирали. Причем третий закон действует не только при $t > 0$. Начало процесса (при $t = 0$) есть лишь результат появления новой структуры в результате бифуркации иного процесса в иной системе. Т.е. $t_i = T_i > 0$ (для i -ой системы) соответствует $t_j = 0$ (для j -ой системы). Причем в каждой из этих систем фактор скорости отличен, т.к. различны пространства этих систем и их энергия (не только количественно, но и по виду).

Понимая движение как «единство пространства и времени», приходим к выводу; что пространство оси и время имманентно присущи каждой частице, каждому эйдосу.

«Время есть единство, содержанием которого являются факторы скорости густот, находящихся в пространстве данного единства». Единицей времени на квантовом уровне следует считать промежуток между двумя последовательными сигналами, соответствующими началу и концу пути вещи, перемещаемой под действием квантов, когда число самих квантов в цепочке равно числу квантов фактора скорости.

Таким образом, время не абсолютизируется, а определяется пространством перемещения частицы и фактором скорости этого перемещения. Поэтому отсчет времени в данной системе можно вести от каждого сигнала, принимаемого за исходный. «Каждая вещь занимает определенное пространство и имеет факторы скорости своих частиц или всей вещи... Там, где нет пространства, времени не существует» (с. 32). «Время определяется величиной постоянного фактора скорости при равномерном движении».

Тем самым подчеркивается факт существования вещи только в движении, когда фактор скорости отличен от нуля. В так называемом покое, когда отсутствует взаимодействие густот и фактор скорости = 0, время как таковое отсутствует. Это еще раз подчеркивает, что существование эйдоса есть процесс, а не статика.

А раз бесконечен процесс квантового обмена густот в одной системе (мире) или при их пересечении, то бесконечен мир как единство бесконечного взаимодействия частиц (эйдосов), обладающих собственным пространством и собственным временем.

Структура — каркас мироздания

Подобно тому, как энергия и вещество порождают информацию и наоборот, материя (все, что существует в нашем сознании и вне его) не может существовать в покое, вне движения. А функционирование системы невозможно без ее структурирования. Структурирована любая система, она начинает функционировать только тогда, когда оформится ее морфология — связь между элементами, вдоль которых осуществляется процесс взаимообмена энергией, массой и информацией.

И даже когда были синтезированы нуклеиновые кислоты как главные элементы химии жизни, этого оказалось недостаточно для моделирования условий возникновения белка. Нужен был ген, формирующий сложную структуру этого белка.

Формирование такой структуры не является продуктом случайного соединения элементов. Во-первых, вероятность такого соединения неисчислимо мала; во-вторых, для того, чтобы эта структура закрепилась, адаптируясь к внешним случайным воздействиям, количество подобных соединений должно быть очень велико. Все это делает вероятностный перебор случайных соединений и их закрепление в виде несущего жизнь гена невероятным.

Поэтому не только жизнь, но и сама «физическая Вселенная не является случайным столкновением и соединением «каких-то» частиц; сталкивались определенные частицы, обладающие определенными свойствами, взаимодействовавшие по определенным законам» (В. Рубцов и А. Урсул — цит. по М. Карпенко, с. 285).

Во-первых, правдоподобной представляется модель нашей Вселенной как одного из множества пузырей замкнутого риманова пространства в бесконечности и клизовой Метавселенной, где «метagalактики, подобно пузырькам пара, возникают, расширяются и умирают, чтобы дать жизнь новым метagalактикам» (М. Карпенко, с. 287).

Структура системы формируется под воздействием разности фундаментальных постоянных массы и других характеристик образующих ее элементов. Подобно тому как разность потенциалов энергии формирует силу взаимодействия двух частиц, разность других величин формирует структуру системы. Поэтому для характеристики структуры важны не сами абсолютные характеристики ее элементов, а лишь разность этих величин.

Известно, что эволюция Вселенной однозначно зависит от соотношения величины ее средней плотности и некоторого критического значения этой плотности, равной $10^{-25}/\text{см}^3$. При средней плотности, меньшей критической, объем Вселенной стремится к бесконечности — это т.н. открытая Вселенная. При плотности, большей критической, Вселенная расширяется не безгранично, а, достигнув некоторых максимальных размеров, начинает опять сжиматься (М. Карпенко, с. 287).

Непосредственные наблюдения подтверждают необратимость расширения Вселенной, что приведет к повышению ее структурной энтропии. Однако есть предположения о наличии во Вселенной пока невидимого вещества с большей

плотностью, что позволяет рассматривать Вселенную как нестационарную систему с периодическими расширениями и сжатиями ее структуры.

Таким образом, и Вселенную можно рассматривать как самоорганизующуюся систему, в которой происходит обмен энергией, веществом, информацией и еще чем-то с окружающей средой, в результате чего Вселенная ведет себя как живая система, т.е. зарождается, растет и умирает.

«Главная цель Универсума Сапиенса — это структурирование, упорядочивание, организация материи, строительство систем разных уровней сложности, и основным инструментом этого созидания является информационное поле, а главным и вечным врагом — хаос, неразумная, бессмысленная и всеразрушающая энтропия» (М. Карпенко, с. 293).

«Последний управитель, возможно, — вся Вселенная, вся ее бесконечность», — писал К. Э. Циолковский (цит. по М. Карпенко, с. 294).

И эта бесконечность формирует природные системы не в виде хаотического нагромождения элементов, а всегда в виде некоей упорядоченной структуры, форма которой определяется параметрами соединяемых элементов.

Отличительной особенностью почти всех известных систем является иерархическая многомерная сетчато-ячеистая структура либо спиралеобразная структура.

К последним относится млечный путь, улитка, молекулы ДНК. В то же время установлено, что большинство галактик представляет собой нитевидные (филаментарные) структуры. Причем соседние нити, пересекаясь, образуют связанную сетчато-ячеистую структуру (М. Карпенко, с. 296-298). Сетчатая структура Земли имеет иерархическое строение. Узкие полосы (около 0,7 м) отстают друг от друга на 3...20 м. Но каждая пятнадцатая полоса оказывается в 3 раза шире, а через 30...70 км проходят полосы шириной порядка 200 м. Ширина этих полос увеличивается при повышении солнечной активности, известно, что существуют полосы биологического дискомфорта, а в узлах их пересечения — зоны с аномальными свойствами, т.н. роковые места.

Появление этих особых точек и зон можно объяснить, приняв интерференционную картину как результат сложения информационных полей, источниками которых являются системы различных иерархических уровней и различной природы. В «светлых полосах» интерференции потенциал, привносимый этими системами, складывается; а «темные полосы» являются энтропийными зонами.

Единые черты пространственно-временной организации структур и процессов в природе объясняются всеобщим принципом симметрии, в основе которой лежит весьма ограниченное количество числовых соотношений. В качестве одного из примеров М. Карпенко приводит т.н. «золотое сечение» — деление отрезка в пропорции 1:1,618, где это число является пределом отношения соседних членов в ряду Фибоначчи 0,1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21,...

Однако любая структура не является статичной, а непрерывно флуктуирует. И эти флуктуации тоже имеют некоторые общие для всей Вселенной зависимости. Так, флуктуации в природе являются не «белым шумом» с равномерным частотным спектром, а неким «фликкер-шумом», мощность которого обратно пропорциональна частоте. Медленные процессы обладают большей мощностью шума, что определяет большую амплитуду астрофизических процессов, которые уже нельзя рассматривать как случайные.

Однако их предопределенность является не следствием некоего первоначального замысла Творца, а отражает некоторую динамическую картину пульсирующего мира, подчиняющегося общему процессу массо-энерго-информационного обмена между объектами и их полемым проявлением различной природы и этот обмен приводит к накоплению Мирового Разума, имеющего своей целью повышение структурной и функциональной организованности мира, накоплению информации и духовной энергии Вселенной.

Шаданакар — брамфатура Земли

(О задачах «Розы Мира» Д. Андреева. — М.: Т-во Клышников — Комаров и К^о, 1993)

Брамфатура, по Д. Андрееву, — это система взаимосвязанных и взаимообусловленных разноматериальных слоев любого небесного тела.

Основной процесс, объединяющий эти слои, есть процесс борьбы провиденциальных и демонических сил.

По сути дела, автор подчеркивает главную мысль диалектики — не причинно-следственную, а взаимообусловленную связь событий. Если говорить языком структурной динамики, то демонические силы — это силы хаоса, стремящиеся увеличить энтропию системы, привести ее в состояние аморфности, недееспособности и неспособности к развитию. Провиденциальные силы — это энергетические сгустки, стимулирующие негэнтропийные процессы, и структурирующие систему, создающие условия для ее саморазвития.

Общий же процесс развития биосферы Земли — в направлении всеобщей праведности как высшей ступени нравственного развития человека.

Задачей Розы Мира является такое народоустройство, которое стремилось бы и обеспечивало «труд во имя одухотворения человека, одухотворения человечества, одухотворения природы» (с. 18).

Шаданакар как брамфатура Земли (ноосфера — по В. Вернадскому) есть планетарная система материальных, биологических, социальных и психоэнергетических слоев, окружающих наше небесное тело, и взаимодействующих с брамфатурами других космических объектов.

Понимание взаимообусловленности этих явлений позволяет рассматривать индивидуальную жизнь как многогранное явление зарождения, развития и

отмирания одних элементов во благо более общих процессов жизни человечества и мировой динамики вообще.

Роза мира есть попытка объять «Шаданакар как целое и как часть божественного космоса Вселенной», вырваться из плена отдельно материалистического и отдельно духовного взгляда на мир, дать если не общую картину развивающегося мира, то нарисовать общие цели развития человечества.

Такая попытка, разумеется, благородна, ибо цельный взгляд на мир дает возможным не плыть по течению жизни, не биться лбом о вставшую по курсу стенку, а быть кормчим и своей судьбы, и провозвестником таковой для других спутников по Ноевому ковчегу. Роза Мира — это интеррелигия, отличающаяся от отдельных религиозных лепестков цельным и универсальным мировосприятием и стремлением к миропреобразованию.

Ее отличия:

- стремление к отражению различных пластов духовной реальности;
- стремление к преобразованию социального тела человечества в направлении гармонии материальных и духовных потребностей человека и общества;
- динамизм воззрений на мировой процесс;
- конкретность и осуществимость ближайших задач.

В качестве таковых автор выдвигает «объединение земного шара в Федерацию государств с этической контролирующей инстанцией над нею, распространение материального достатка и культурного уровня на население всех стран, воспитание поколений облагороженного образа, воссоединение ... церквей и свободная уния со всеми религиями светлой направленности, превращение планеты — в сад, а государств — в братство. Их осуществление откроет путь к разрешению задач еще более высоких: к одухотворению Природы» (с. 16).

Трудно возразить против благородности и праведности таких целей. Но автор противоречит сам себе, сознательно или бессознательно забывая, что мировой процесс — не улица с односторонним движением, а борьба двух начал: созидательного и разрушающего. И этот процесс — вечен. Ибо только взаимодействие прогресса и регресса в замкнутой системе, являющейся частью более общего образования, есть условие не возвратно-поступательного, а циклического спиралеобразного развития систем все более высокого уровня.

Высшая праведность и цель человеческого существования — не стремление к некому частному идеалу, а стремление к жизни, к развитию. Важен не конкретный результат, а сам процесс жизни: биологической, интеллектуально-нравственной, социальной, духовной. Жизнь индивида можно считать состоявшейся только тогда, когда он осуществил расширенное воспроизводство либо себе подобных, но более способных к миронакоплению ноосферы знаниями, интеллектом, духовными богатствами, либо умножил этот человеческий запас вещей и идей, стимулирующих дальнейшее расширение ноосферы.

Д. Андреев выпячивает в качестве инструмента движения к праведности человечества не науку, понимая ее ограниченность рамками естественно-научных, чувственно воспринимаемых явлений, которые, конечно же, не охватывают всех слоев жизни.

«Система взглядов, которая не выглядывает ни вправо, ни влево за пределы того, что очерчивается современным научным знанием, не способна дать ответ на самые коренные, самые элементарные вопросы» (с. 13). Поэтому этика, по мнению автора, не может быть построена на основе научного мировоззрения.

Во-первых, Д. Андреев понимает науку в данном случае лишь как систему рационального мышления на основе информации, получаемой исключительно умозрительным путем. Это справедливо в век дифференциации знаний, когда каждая из специальных наук интересовалась лишь одной стороной Шаданакара. Античная пранаука, развившаяся из общекультурного восприятия мира и его философских обобщений, владела таким комплексным взглядом на мир.

И современная метафилософия, пытаясь с системных позиций понять целеположения мира, жизни, пришедшая к понятию ноосферы и понятию саморазвивающихся систем, есть качественно новый экстремум развития науки, интегрирующейся с этическими, философскими взглядами на мир. Поэтому сегодня можно и нужно не противопоставлять науку и культуру, а рассматривать их как дополняющие друг друга инструменты для мировосприятия и мирореконструкции. Причем реконструкции не по своим прихотям и желаниям, а как содействия естественным процессам концентрации нравственного, праведного, способного синицировать более совершенное развитие общества.

Отмечая роль государства в этом процессе, Д. Андреев справедливо считает, что, являясь «единственным испытанным средством против социального хаоса», государство внеэтично по своему существу, ибо структурирует жизнь общества в интересах не индивидуального «Я», а социального «МЫ». А это неизбежно означает насилие над Личностью в интересах партии, класса, нации или других групп и сообществ.

Автор утопически пытается призвать к некоему Верховному Собору, возглавляемому человеком, совмещающим в себе «три наивысших одаренности — праведность, дар религиозного вестничества и художественную гениальность» (с. 17).

Действительно, лишь такой Первый среди равных мог бы воздействовать не только силой слов, силой своего образного представления мира, но и силой своей иррациональности, способности не только классифицировать понятное, но и воспринять непонятное для большинства, только такой духовный наставник мог бы стать лидером человеческого общества.

Это — сверхчеловек, сильный не только ницшеанским отрицанием прошлого, а вестничеством праведных развивающихся основ жизни. Конкретные исторические персонажи, к сожалению, лишь отдельными чертами соответствовали образу Сверхчеловека — водителя народов. Сергей Радонежский, Н. Рерих, М. Ганди,

В. Ленин — все это предтечи того Мессии, которого ждет пассивная часть человечества. В то же время люди формируют образ Мессии не в виде конкретного Иисуса, а в виде обобщенного Христа.

И все же христианство — это вчерашний день человечества, это взгляд назад, пусть и к еще недостигнутым нравственным идеалам, но развивающийся мир с его научным потенциалом, его культурными запросами, его многогранной биосоциальной сущностью, его проникновением в Космос требует нового Провозвестника.

И это будет синтетический образ ученого и поэта, политика и этика, философа и экстрасенса, ведущего не один народ как Моисей через Синайскую пустыню, а раскрывающего глаза людям и помогающего идти всему Человечеству. Идти — это и есть жить.

Энергетические проявления в Новом Завете

Благовествование (вестничество) есть не только информационное сообщение, но и поток космической энергии из мирового пространства на нашу землю.

«Глас, с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором мое благоволение» (от Матф. гл. 3, ст. 17) есть поток космического сознания, распространяющийся на людей через Сына — проводника энергетического благоволения. В данном случае Сын выступает как гениальный приемник космической энергии, трансформируя ее в виде жизненных наставлений и сил, повышающих энерго-информационную сущность человек. «Народ, сидящий во тьме, увидел свет великий» (гл. 14, ст. 16).

Сын Божий не мог быть один, он действовал только в кооперации с учениками своими — это придавало силу и устойчивость его духовному и энергетическому целительству. Он исцелял людей силой своей космической энергии.

«Вы — свет мира», — наставлял он своих учеников, тем самым преумножая число космических приемников и земных источников энергии. В то же время, черпая энергию извне, Сын Божий расточал ее не для повышения земной негэнтропии, а для затормаживания процессов земной жизни и накопления благости (хаоса в смысле равноправности существования всех и каждого на этом свете и создания некоего духовного потенциала, с которым люди придут в Царство Небесное).

Сын Божий, призывая землян к вечным взаимоотношениям с Царем Небесным, подчеркивает, что тайное обращение к Богу (космическому началу) воздается явным (божественной силой — космической энергией). Требуя соблюдения поста, Сын Божий считает его накоплением духовного потенциала, с которым люди обращаются к Богу тайно, в ответ на что «Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (гл. 6, ст. 18).

Чем может воздать Бог людям? Душевной энергией, компенсирующей заботу о хлебе насущном, о траве полевой, об одежде, о мамоне — богатстве.

«Итак, не заботьтесь и не говорите: что нам есть?» или: «что пить?», или: «во что одеться?», ищите же прежде Царства Божия и правды его, и это все приложится вам» (гл. 6, ст. 31 и 33).

Это ли не призыв к взаимобмену: Отец Небесный даст вам душевную благодать (душевную энергию), взамен земных энергетических сил, с тем, чтобы люди, не растеряв этот потенциал, тайно (молитвою либо посмертным покоем) возвернули эту энергию Богу. Является ли земная жизнь диссипативной системой (с расходом энергии), либо она является трансформатором с к.п.д. больше 1 за счет того, что полученная космическая энергия организует человеческое поведение таким образом, при котором накопленный духовный потенциал возвращается в ноосферу приумноженным. Но при этом в Царство Небесное войдет не всякий, а лишь исполняющий волю Отца Небесного.

Это означает, что количество переходит в качество путем отсева многого и многих. Лишь избранные — те, кто живет не земными радостями, расходующими энергию человеческую, а проявляет себя лишь исполнителями небесной воли, призывающей к накоплению благодати — духовной информационной структуры, могут рассчитывать оставить свой след в Царстве Небесном. И, наоборот, «тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (гл. 7, ст. 14). Опять-таки, концентрация духовной энергии и ее проникновение к людям — не путем всеобщего потока, а путем передачи ее через избранных носителей, проходящих по узкому пути в тесные врата.

Отсюда недалеко и до Ницше, когда сверхчеловек — Заратустра подымается наверх по узкой горной тропе, а основная масса остается в пассивном ожидании внизу, в долине. «Он учил их как власть имеющий» (гл. 7, ст. 29). А эта власть — концентрированная космическая энергия. С ее помощью Он исцелял больных и прокаженных, изгонял бесов, умирал ветер и море. Но эта энергия проникала на землю через избранных. И только избранные могли использовать энергию, распределенную в пространства, концентрируя ее и превращая в реальную силу. «Жатвы много, а делателей мало» (гл. 9, ст. 37) — это признание трансформации мировой энергии не через общую среду, а через избранные каналы.

Он дал власть своим избранным двенадцати ученикам. Эти избранные были своего рода преобразователями космической энергии в созидательную. И наоборот, израсходованная людьми энергия покоя концентрировалась ими в некие кванты, уносимые с земли в космос. Земная энергия — не для созидания, а для создания общего покоя.

По-видимому, покой людской массы позволял передать в Царство Небесное больше потенциальной энергии, чем от деятельного неуспокоенного люда.

И все же космическая энергия привносилась на землю не только для того, чтобы упокоить людей. Эта упокоенность достигалась тем в большей степени, чем реализовывались местные конфликты, вызванные неравенством субъектов земного мира. Обостряя эти конфликты с помощью меча, разделяющего человека с отцом его, Он достигает на земле еще большего послушания, еще более глубокой потенциальной

ямы, откуда один путь через тернии к звездам, через большие страдания к большому миропокою, к большому возврату энергии на небесные орбиты.

«Всякий грех... — простится человекам, а хула на Духа не простится человекам» (гл. 12, ст. 31). Грех — это расточительство земной энергии, а Дух — концентрат потенциальной энергии, которая обладает большим запасом, нежели энергия действия. Поэтому Сын Человеческий так оберегает духовную энергию, восполняющую и приумножающую космос.

«Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (гл. 11, ст. 12). «Иго Мое благо, и бремя мое легко» (гл. 11, ст. 30). Все делается для того, чтобы передать в Царство Небесное больше полученного оттуда. В этом суть естественного развития мира, объединяющего Земную Юдоль и Царство Небесное.

Во что превращается космическая энергия на Земле?

В семя — слово, которое, будучи посеянным на добрую землю, «приносит плод во сто крат, иной в шестьдесят, а иной в тридцать» раз больший. А к тем, кто не понимает слово-энергию «приходит лукавый и похищает посеянное». В этом — смысл притчей озерне горчичном и плевелах и пшенице. Малое семя даст больше всех злаков и станет деревом, в ветвях которого укроются птицы небесные. Плевела, посаженные лукавым, надо отделить от доброй пшеницы лишь во время жатвы, т.е. при кончине века, дабы ангелы-жнецы собрали на небо лишь очищенную энергию. Ибо «поле есть мир; доброе семя это — сыны Царствия, а плевелы — сыны лукавого» (гл. 13, ст. 38). Земные радости, способствующие расточению энергии без накопления ее в духовном виде, воспринимаемом небом, это — плевелы от лукавого. А то, что растет для птиц небесных — это истинно полезное, т.к. во сто крат приумножает семя-энергию, привнесенное на землю сеятелем — Сыном Человеческим.

Даже Петра, отговаривавшего Христа идти в Иерусалим и пострадать и быть убиту, но воскреснуть, Иисус обвинил в сатанизме, потому что «думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (гл. 16, ст. 23).

«Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (гл. 16, ст. 26). Не вкусят смерти те, кто будет следовать за Сыном Человеческим, уходящим в Царствие Небесное. Опять-таки, смысл земного существования не в том, чтобы вкушать земных радостей («горе миру от соблазнов» — гл. 18, ст. 7), а в том, чтобы попасть на орбиту вечного круговращения, когда небесная энергия на земле приумножается в духовном виде, а не рассеивается бытовым существованием.

Земля — всего лишь накопитель-преобразователь энергии, когда мертвая космическая энергия, проходя через живые земные существа, превращается в духовную энергию, наполняющую Царство Небесное. Итак, смысл мира — в приумножении высшей формы энергии — Духа за счет физической энергии космоса. Вера — это катализатор преобразования энергии. «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет, и ничего не будет невозможного для вас» (гл. 17, ст. 20).

«Если будете иметь веру и не усомнитесь,... все, что ни попросите в молитве с верою, получите» (гл. 21, ст. 21-22). Вера преобразует слово в действие, многократно усиливая первичную энергию. Но веру обретет лишь тот, кто откажется от радостей, подсовываемых лукавым.

Только те, кто откажутся от земных радостей, «оставит дома, или братьев... или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (гл. 19, ст. 29).

Вечность — это многократное приобретение на земле веры за счет житейского бытия.

«Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут» (гл. 24, ст. 3.5). Вечность — не материального мира, а духовной энергии, выраженной в словах Сына Человеческого. «Где будет труп, там соберутся орлы» (гл. 24, ст. 28).

«Как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого» (гл. 24, ст. 27).

«Солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; тогда явится знамение Сына Человеческого на небе,... грядущего на облаках небесных с силою и славою великою» (гл. 24, ст. 29-30).

Круг замкнулся. Энергия Космоса обратилась в Веру в душах праведных, а Вера позволяет даже после смерти мира сего вновь узреть Сына Человеческого, ангелы которого «трубою громогласною соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их» (гл. 24, ст. 31).

«Иисус сказал им: дана Мне всякая власть на небе и на земле... Я с вами во все дни до скончания века. Аминь» (гл. 28, ст. 18 и 20).

Власть сия — космическая энергия, преобразованная в Веру — Духовную энергию, и вечен этот кругооборот, и вечен мир на земле и на небе.

Человек: тело и душа

Нет ни одного мало-мальски разумного человека, который бы хоть раз в жизни не задумался, а что он — есть, зачем — живет.

«Скандалом в науке» назвал немецкий философ прошлого века К. Дюпрель то, что «человек, этот венец земных существ, еще не познал себя». Сегодня мы, воспитанные на догматическом восприятии идей диалектического материализма, еще далее от понимания человеческой сущности, чем древнеиндусские приверженцы локаяты, древнегреческие рапсоды и древнерусские волхвы. Нет, я отнюдь не хочу охаивать сам диалектический материализм. Это — великое учение, внесшее достойный вклад в общечеловеческую копилку философских ценностей. Оно действительно дает ключ к пониманию многих проблем нашего бытия, основываясь на двух ипостасях: материя — гносеологически первична и все — развивается по спирали. Но попытки адептов, а главное, ортодоксальных приверженцев этого учения

возвести его постулаты в абсолют, накладывая «табу» на иные теории и течения, привели к своеобразной инквизиции в философии. Мы воспитаны на том, что человек произошел от обезьяны, и что у живого существа — две сигнальные системы, реагирующие на внешние и внутренние раздражители. А что такое душа, подсознание, мистическая вера и даже такие физиологические состояния как сон, сомнамбулизм, почему-то сводимый лишь к лунатизму, экстаз, такие объективно существующие субъективные свойства личностей как наитие, ясновидение, телепатия и прочая, и прочая, относимые к сфере оккультических наук.

Даже детские сказки, главное предназначение которых — будить в ребенке удивление, все более сводятся к морализаторству либо слепой вере к предначертанности жизни, ее заданности свыше. В зрелости благодаря притупляющей силе привычки мы с головой уходим в практические дела. И все же живет в каждом из нас неутоленная жажда познать себя как мыслящую особь в человеческой стае. Ибо индивидуальность раскрывается не в безвоздушном пространстве, а лишь в сообществе себе подобных.

Немудрено, что в эпоху социальных катаклизмов человек пытается уйти от трудно разрешимых для него проблем общественного бытия, но не может по сути своей оставаться долго наедине с собой. И потому стремится либо в сферу физиологического спаривания, а отсюда и взрыв сексуальности; в наркотическую нирвану; либо в религиозную мистику, уповая на Всевышнего и служа ему.

Я далек от мысли дать исчерпывающий ответ на извечный вопрос «Что есть Человек?», но хочу заострить внимание на необходимости в наше смутное время совместно искать этот ответ, не полагаясь только на индивидуалистическое сознание человеческой особи, не ведающей своего предназначения в этом мире себе подобных.

Материальное тело — это человеческий остов, биологическая система, зарождающаяся из родительского семени, развивающаяся под воздействием своих генетических установок и окружающей среды и распадающаяся и разлагающаяся, как только жизнь покинет эту систему. Рождение, жизнь, смерть. Мы менее задумываемся о прошлом, откуда мы пришли. Нас больше волнует, куда уйдем.

Мы признаем, что сознание есть продукт высокоорганизованной материи. Подобно тому как движущиеся электроны создают вокруг себя электромагнитное поле, способствующее самому этому движению, биологические реакции на межклеточном уровне создают биологические поля, воздействующие на макроклеточные образования — органы.

Не противопоставление духа и материи, на что ушли силы и разум философов, а соединение этих категорий бытия и сознания, двух взаимосвязанных сторон сущего на основе методологии системного подхода — вот задача, которая оправдывает устремления мыслителей и практиков.

Н.О. Лосский в своей «Истории русской философии» (М.: Вьющая школа, 1991), понимая попытки Кудрявцева-Платонова найти третий принцип, объединяющий дух и материю, таким принципом объявляет абсолютно совершенное

существо — бога, который «сотворил мир так, что материя служит в качестве основания для проявления духа» (с. 102)

Соглашаясь с последней фразой, в то же время очевидно, что «бог» тут ни при чем. Ибо саморазвитие материи и усложнение образующихся вполне материальных структур приводит к тому, что у системы появляются новые качества, не свойственные ее составляющим. А именно: умножение видов физиологических процессов приводит к появлению биопроцессов особого типа — психофизиологических процессов. В сложных технических системах обмен физическими импульсами между элементами вычислительных процессоров приводит к тому, что материальная основа отходит на второй план, а феноменологический процесс работы машины выглядит как информационный процесс. Если же этот информационный процесс будет основан не на физических носителях-ячейках машины, а на биологических клетках, обладающих большими возможностями, чем действие механического триггера, то и информационные процессы вкупе с психофизиологическими порождают особое пространство, элементы которого — процессы, в свою очередь, порождают психическую структуру личности в виде бессознательного «Оно» (области влечений), сознательного «Я», управляющего импульсами «Оно», нравственного «Мы», определяющего и определяемого отношениями с иными субъектами в моральной и социальной сферах.

Эти области в их устойчивом состоянии определяют стационарную духовную жизнь, а возникающие по тем или иным причинам явления неустойчивости приводят к бифуркациям, порождающим развитие (деградацию) системы. На уровне личности бифуркация психического состояния приводит либо к угнетению сознания, либо, наоборот, к его неожиданному размножению. Галлюцинации и другие неустойчивые траектории ветвящихся психических процессов могут закрепляться не только в сознании отдельной личности, но и передаваться тем или иным способом окружающим. Если личность становится сильным источником психического воздействия, она воспринимается окружающими как трансцендентальный субъект (не от мира сего): шаман, гений и пр.

Трансцендентальность есть естественное качество любой личности. Определяющим для окружающих является степень воздействия этой трансцендентальности (иррациональности) личности на общественное поведение. Как правило, к ним, как и ко всему необычному относятся с предубеждением. И только когда эта необычность становится уже общественно значимой, Личность оценивается либо сатанинским, либо божественным проявлением. На самом же деле такая личность — просто мощный генератор неустойчивых социально-психологических эффектов, инициируемых нарушениями привычного ритма мышления индивидуума и резонирующих с общественным восприятием, настроенным на эту или иную непривычность.

В книге В. Дружинина и Д. Конторова «Проблемы системологии» (— М: Сов. радио, 1975) делается попытка показать, как по мере возрастания сложности системы и по мере появления отдельных бифуркаций (это лучше у И. Пригожина) возникают и закрепляются качественно новые состояния технической, биологической и

социальной системы. Каждая из этих систем не вылезает из своего прежнего платья, а интегрирует эти страты (уровни) представления в иерархическую систему.

Резюмируя, можно сказать, что противопоставление духовного и материального некорректно. Материальное формируется духовностью... «В начале было Слово».

Духовность же вырастает на материальной основе, но живет и своей самостоятельной жизнью, порождая свои особые поля, пронизывающие ноосферу. Психическая энергия, также как и обычная электромагнитная, гравитационная и другие разновидности проявления неживой материи, есть свойство непокоящихся систем, имеет не только корпускулярный, а и волновой и, может быть, еще какой-то вид, не воспринимаемый органами чувств отдельного человека. В этой развивающейся системе, где индивидуум — всего лишь элемент ноосферы, его «глазами» воспринимаема лишь часть жизни, часть мира. Коллективный разум и другие синэнергетические эффекты дают более полное представление о ноосфере, расширяя мировосприятие за счет невидимого трансцендентального.

Человек не есть венец, конечная стадия развития Вселенной. Развитие, понимаемое не как односторонний процесс, а как циклический, но не повторяющийся процесс зарождения, существования и гибели, — процесс вечный, и это есть не только имманентное свойство человеческой особи, это есть свойство запредельное, трансцендентное по отношению к узко понимаемому миру индивидуума. Но также имманентное человеческому разуму вообще, доступное теоретическому познанию настоящего и будущего Человечества. Мир неисчерпаем, но познаваем коллективным разумом и другими высшими субстанциями, рождающимися в процессе развития живого мира и Вселенной в целом.

Жизнь как высшая форма движения материи

Материя — та объективная реальность, которую мы наблюдаем и изучаем, находится в постоянном движении. «Движение как форма бытия материи обнимает собою все происходящие во Вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением» (Энгельс, Диалектика природы).

Различные формы организации материи, образовавшиеся в результате эволюции, характеризуются своими специфическими формами движения. Эволюционный процесс постоянно наблюдается в окружающем нас мире и направлен к возникновению все более и более высоких форм материи.

При возникновении новых качеств прежние формы движения материи не исчезают; например, химические процессы, помимо своих специфических видов движения, включают в себя и механическое перемещение отдельных частей, и тепловое движение.

Вполне очевидно, что развитие материи не может осуществляться одинаково во всем мире. В беспредельных пространствах Вселенной существует множество весьма

разнообразных форм движения (даже весьма совершенных), о которых мы и не подозреваем.

Для нашего земного мира академик А. Опарин выделяет 3 основных стадии развития и соответственно 3 качественно отличных формы движения материи: неорганическую (т.н. абиогенную), биологическую и социальную.

Против механицистов и виталистов: «Только тогда можно понять сущность вещей, когда знаешь их происхождение и развитие».

7...8 млрд лет назад образовалась Земля. В процессе абиогенного развития происходило образование углеводов. Для этого нужен водород — сейчас известно, что он имелся. Атмосфера безжизненной среды состояла, в основном, из водородных соединений.

Опыты Миллера и др. подтвердили, что в условиях первичной атмосферы с углеводородами (смесь паров воды, аммиака, метана и воздуха — не было кислорода) под воздействием электрических разрядов (60 кВ) — у Миллера, ультрафиолетовых лучей — у Павловской и Пасынского образовывались аминокислоты.

Работы других ученых показали, что существовавшие условия давали возможность полимеризации аминокислот и случайного образования высокомолекулярных веществ типа белков или нуклеиновых кислот.

На основе этих данных у ряда, правда, зарубежных ученых, возникла так называемая теория «живой молекулы», т.е. возможность жизни на молекулярном уровне (моргановская школа генетиков). Они выдвигали гипотезу о том, что происхождение жизни сводится к неорганическому синтезу ДНК. Роль этих ДНК весьма велика в передаче наследственной информации.

Теория «живой молекулы» означает, что в абиогенной стадии случайно, а некоторые буржуазные ученые (француз Довийе) утверждают, что «благодаря руке своеобразного создателя» возникли все составляющие клетки: различные ферменты, нуклеиновые кислоты и др. сложные соединения, каждое из которых весьма специализировано для выполнения определенных биологических функций, а затем на молекулярном уровне происходит размножение молекул и естественный отбор. Это напоминает древнегреческого философа Эмпедокла, по гипотезе которого отдельно образовались руки, ноги, голова, а потом все смешалось и получились люди.

Вред теории «живой молекулы»: она сводит жизнь к физико-химическим свойствам молекул, т.е. сведение высшей формы к низшим (это характерно для некоторых журналистов и лиц, именующих себя архикибернетиками) — об этом ниже.

Научные возражения против гипотезы «живой молекулы»:

1. Последние достижения (Чаргафф, Жуков — Вережников) показали, что схема передачи информации ДНК — РНК — Белок обратима.

2. Советские ученые Опарин, Сисакян, Энгельгардт показали, что большой ряд признаков жизни (например, размножение, образование своеобразных катализаторов — ферментов и т.п.) невозможно объяснить на молекулярном уровне.

Интересная, но в общем неверная гипотеза была высказана американским биофизиком Сент-Дьердни, утверждавшим, что биологические явления невозможно объяснить методами классической химии, но можно — на языке квантовой механики.

Это — тоже сведение высших форм к низшим. Против этого возражал Н. Бор. «Целостность и целеустремленность биологических объектов нельзя объяснить свойствами индивидуальности атомных процессов, обнаруженных благодаря открытию квантового действия». Он выдвинул термин «дополнительность» биологических законов, т.е. несводимость.

Ученые диалектического материализма (Опарин, Дж. Бернал и др.) связывают происхождение жизни с усложнением органического вещества и целостных систем, выделившихся из внешней среды и способных с ней взаимодействовать.

Теория Опарина о коацерватных каплях — как неравномерность «первичного бульона».

Смешение молекул — в кучи, когда куча достигает определенной величины — появляется граница, и коацерватная капля как целостная система взаимодействует со средой, возникает примитивный обмен веществ.

Эти коацерватные капли — открытые системы — способны за счет веществ и энергии этой среды увеличивать свою массу и совершенствование системы, т.е. синтез коферментов, ускоряющих реакции.

Наличие ферментативных реакций — решающая переходная ступень от белковоподобных веществ к живым системам.

Процесс перехода от более низших уровней организации к высшим несет и философский аспект.

Атом состоит из совокупности элементарных частиц. Но свойства атома невозможно вывести из свойств элементарных частиц.

Атомы объединяются в молекулы, совокупность молекул дает условия для органической эволюции, способствует превращению, бесклеточных организаций в клеточную, затем многоклеточные, их колонии и т.д., вплоть до человека и общества.

В природе сложно организованная система при переходе к высшему уровню становится элементарной составной частью клетки и организма.

Довольно много споров и гипотез было в вопросе о переходе от неживой природы к живой. Многие ученые (Ж. Браше и др.) считают, что этот переход носит чисто количественный характер. Некоторые наши ученые по сути дела сводят биологическую форму (жизнь) к совокупности более низших физико-химических форм движения.

В связи с бурным развитием кибернетики эти споры обострились.

Дело в том, что раньше определяли жизнь через, казалось бы, только ей присущие функции: приспособляемость и самопроизводство. Теоретически эти функции присущи не только живым системам, но и некоторым кибернетическим.

Для воспроизводства достаточно 1500 бит информации, мозг человека — 10^{20} бит. Рост кристаллов — своего рода информационный процесс. Отсюда появились стремления создать искусственный мозг, думающую машину и т.п. На эту тему спорили и спорят до сих пор.

Существующие машины выполняют и много других функций, которые мы относим к умственной деятельности человека. Существующие споры ведутся из-за того, что по-разному подходят к определению «полноценных живых существ». В определении академика Колмогорова под такими живыми существами понимаются любые устройства (в том числе и мозг, и технические устройства), которые способны решать логические задачи, или вероятностные машины с беспорядочным статистическим подбором требуемого результата.

Тогда можно говорить о создании искусственных систем на их высшей стадии, т.н. думающих машин. Но единство целого ряда функций человека и единство уравнений, описывающих поведение машины — это не тождественность. «Сознание как высшая форма отображения объективной реальности, является продуктом не только естественной эволюции, но и *трудовой общественной деятельности*» (Ленин).

Академик Артоболевский и д.т.н. Кобринский: «Мы согласны признать живым и полноценным такое *искусственное* существо, которое будучи включенным в общество себе подобных естественных полноценных живых существ, на протяжении всей жизни от рождения до смерти сумеет существовать и действовать в соответствии с законами этого общества».

Академик Берг: «Нельзя не признавать существенной разницы между живым и неживым».

Таким образом, не поддаваясь на соблазн виталистов, идеалистически трактующих сущность жизни, начиная с Фомы Аквинского, следует помнить, что жизнь есть особая специфическая форма существования материи, возникающая на определенном этапе.

В заключение еще одна мысль:

когда возникают новые формы движения материи, темпы их развития резко возрастают, но ускорение сосредотачивается на более органической (организованной) области существования материи.

Например, биосфера — малая часть нашей планеты, человечество — ничтожная часть совокупности живых существ. Поразительно, как человек за короткий срок приобрел такое могущество над породившей его природой. Это — благодаря обществу.

Биологические законы сохраняют власть над человеком, но жизнь человека к ним не сводится. Поэтому будущее человека не в его необычном биологическом совершенствовании (обилие органов чувств и т.д.), а широкая столбовая дорога человеческого прогресса проходит сейчас через совершенствование его общественной жизни, через прогресс социальной формы движения материи, которая также не сводится к более низшим.

Жизнь как негэнтропия

Утверждают, что нельзя понять систему, находясь только внутри ее. Но это справедливо, если понятие «находясь» рассматривать чисто физически как месторасположение в пространстве заданного вида. Однако каждый объект, а тем более субъект своим собственным полем (полями) взаимодействует со множеством полевых проявлений объектов (субъектов), как входящих в данную систему, так и находящихся телесно далеко за ее пределами.

Поэтому любую частицу мира всегда можно рассматривать как центр мироздания, взирая на мир только своими сенсорными чувственными органами. Но мысль есть продукт взаимодействия данного субъекта не только с ближайшим окружающим его миром, но и с ноосферными густотами, образуемыми всечеловеческими и всемировыми процессами, в т.ч. информационными полями.

Поэтому прав Парменид, утверждая, что «все мыслимое возможно». Это означает, что с помощью мысли человек проникает за пределы системы своего физического существования, воспринимая себя не как единственный «пуп земли», «центр Вселенной», а как один из сгустков мирового процесса полевых взаимодействий.

Став на эту точку зрения, можно по-иному рассматривать жизнь как процесс формирования, развития и отмирания некоей структурно-функциональной системы.

И это абстрактно-формализованный подход к богатой красками идее жизни не обедняет и не обесцвечивает эту идею, а, наоборот, делает ее еще более многоликой и многообразной. Отказавшись от ограниченной идеи антропоцентризма в пользу идеи «я есть одно из проявлений, одна из разновидностей жизни», мы возвысим Человека над окружающей его действительностью, сделаем его Субъектом Мира.

Информация есть мера упорядоченности системы и характеризует ее структурное состояние.

В то же время неравновесные состояния системы могут стать причиной возникновения в ней порядка, т.е. реформирования ее структуры и даже возникновения структуры из хаоса под влиянием внешних полевых (физических, информационных и др.) воздействий. А т.к. любая система принципиально является открытой, то такие воздействия не только являются возможными, но и постоянно осуществляются. Важно лишь, чтобы в самой хаотичной системе существовали условия для ее бифуркационного неустойчивого состояния. При этом информационная неустойчивость может иметь место при «абсолютной» физической

устойчивости материальной системы и наоборот. Но т.к. любая система является многостратной (может рассматриваться в различных ипостасях), то вполне возможно сближение и даже сопереесечение этих страт, что может означать переход вещества в энергию, в информацию и наоборот.

Возвращаясь к мысли Г. Югая о том, что «негэнтропия (отрицательная энтропия) обеспечивается путем роста информации, получаемой в процессе взаимодействия со средой, как меры организованности живой системы» (цит. — по М. Карпенко. Вселенная Разумная. — М.: «Мир географии», 1992. с. 74), следует признать, что выдвинутый И. Пригожиным и Г. Хакеном принцип самоорганизации, уменьшения структурной энтропии, роста отрицательной энтропии — негэнтропии — в открытых неравновесных системах есть исходное условие для понимания сущности жизни.

Взаимодействие со средой может быть либо пассивным, подобно тому, как мать насильно кормит свой плод во чреве своими соками жизни, так и активным. Абсолютизируя этот процесс физического обмена веществом человека со средой, выражающийся в поглощении человеком средств пропитания извне, Д. Блохинцев в качестве отличительной формы живого понимает «жизнь как агрессивную форму материи, стремящуюся превратить в саму себя окружающую среду» (по М. Карпенко, с. 75). Но это — лишь одна из разновидностей обмена. Черпая из окружающей среды не только продукты для своей биологической жизнедеятельности, а и информацию — впечатления об окружающей гармонии — структурном порядке — человек фотографирует, репродуцирует в своем внутреннем обустройстве эту структуру внешнего мира, не нанося ему существенного урона.

Казалось бы, есть противоречие. Если информация может порождаться энергетическим и даже материальным взаимодействием, то у донора должно уменьшаться количество этого вещества (энергии) вследствие закона сохранения материи. Но это противоречие лишь кажущееся. Ибо человек, вбирая из среды энергию и вещество, в результате своей деятельности наполняет окружающий мир порождаемой им энергией, веществом, информацией, в результате чего общий баланс материи (в широком смысле слова) сохраняется.

Поэтому, когда т.н. экологи призывают к гармонии человека с окружающей средой, то эту гармонию не следует понимать как сохранение неизменной эту среду. Гармония есть процесс взаимного перехода окружающей среды в специфическую для жизни форму, и наоборот, Жизнь гармонизирует среду. Важно только знать (чувствовать, прогнозировать), является ли данная гармония устойчивым процессом, сохраняющим статус-кво в окружающем мире, или этот процесс взаимного общения приведет к нарушению функциональной и даже структурной устойчивости Системы, и в силу нелинейности метасистемы приведет к бифуркационному развитию нового состояния системы.

Поэтому жизнь, по Пригожину, можно рассматривать как гигантскую флуктуацию, порожденную и стабилизированную потоками энергии, вещества и информации.

Очень важным условием жизни является корпоративность (кооперативность) субъектов в системе. Жизнь есть биосоциальное явление.

Только в стае может существовать особь. И хотя толпа нивелирует индивидуум, но само существование человека возможно только среди ему подобных.

Корпоративность, внутренне присущая живому существу, порождает способность живых систем к образованию коалиций. Именно в коалиции проявляется важнейшее свойство принципиально нелинейных систем, означающее, что «функция целого больше, чем сумма функций его частей». Именно в коалиционной системе проявляется важнейшее свойство живой материи — адаптивность.

Принимая эти три отличительных свойства живых систем, можно согласиться с расширительным толкованием жизни не просто как «способ существования белковых тел», а тем, которое приводит М. Карпенко (с. 75): «живой может считаться способная эволюционно самоорганизовываться, адаптивно и агрессивно взаимодействующая с окружающей средой и повышающая свою структурную негэнтропию система, внутренние процессы в которой протекают кооперативно, а сочетание элементов подчиняется правилу сверхаддитивного нелинейного сложения».

Это синтезированное определение сущности жизни допускает возможность существование жизни во Вселенной и в иных, чем земная белковая форма.

Так, американский биохимик и писатель-фантаст А. Азимов вместо земной формы жизни как существование нуклеиновых кислот и белка на фоне воды, дает 5 дополнительных возможностей химических структур с различными «исполнителями главной роли»: фторсиликонов, фторуглеродов, липидов на фоне жидкого метана, жидкого водорода, жидкой серы и аммиака. Тем самым подтверждается возможность существования химически живых субстанций в условиях, имеющих место на других планетах нашей солнечной системы.

Мышление как высшее проявление жизни осуществляется не путем следствия физико-химических реакций, а в особой кодово-информационной системе, принципиально отличной от любого национального языка — средства общения. Вот почему некоторые высокие йоги свободно общаются между собой, несмотря на незнание языка друг друга. Человеческий мозг как высокоорганизованная информационная система использует всего 3...4 % своих возможностей. А остальное — как возможное средство общения не только путем сенсорных контактов. На сознательном уровне перерабатывается 10^2 бит информации в секунду, а на бессознательном — 10^9 бит. Не есть ли это возможность общения с другими живыми существами на информационном уровне?

Ведь если от химических понятий жизни перейти к более общим энергоинформационным, то однозначно следует признать, что мы не одни в этом мире. И не надо только ожидать проявления разумных живых существ в нашем традиционном представлении о двух ногах и двух глазах. Двоичность не есть признак живого. К. Циолковский писал: «Неужели вы думаете, что я так недалек, что не

допускаю эволюцию человечества и оставляю его в таком внешнем виде, в каком человек пребывает теперь: с двумя руками, двумя ногами и т.д. Нет, это было бы глупо. Эволюция есть движение вперед. Человечество как единый объект эволюции тоже изменяется и, наконец, через миллиарды лет превращается в единый вид лучистой энергии» (цит. по М. Карпенко, с. 88).

Следует добавить, что аннигиляция человечества в виде лучистой энергии, наверняка, будет сопровождаться и процессами зарождения новых структур под влиянием взаимовлияния иных, в т.ч. и неэнергетических процессов.

Биосоциальная эволюция

(заметки по поводу книги И.Л. Андреева «Происхождение человека и общества», М: «Мысль», 1988 г. и др. ранее прочитанных книг о предыстории человека)

Эволюция (в т.ч. и скачки) — не древовидный и даже не кустарниковый процесс (последовательное развитие одного или множества параллельных ветвей). Эволюция — ветвящийся процесс, причем ответвления одного ствола могут срачиваться с побегами другого ствола, рождая нечто новое, не свойственное полностью своим родителям. Так, дети являются копиями родителей — двух разных и в начале супружества мало похожих друг на друга лиц.

Так и в большом человек (*Homo sapiens*) есть продукт биологической совместимости не одного вида, а многих предков.

Это может объяснить параллельность возникновения пралюдей в Ю-В. Азии, Африке и др. местах от гораздо более пластичных по сравнению с нынешними человекообразными приматами ископаемых форм» (с. 256), например, от проплиотека — низшей обезьяны, жившей более 30 млн лет назад (по финну Б. Куртену). Это объяснит все более увеличивающийся возраст раскапываемых ископаемых, относящихся к прачеловеку (уже 3 млн лет).

Скачки в эволюции, по-видимому, связаны с мутациями, вызванными геологическими, географическими, экологическими и социальными факторами. Мутация (радиационная, химико-физическая) есть следствие биологической неустойчивости того или иного вида при воздействии достаточно мощного внешнего фактора. Функциональная неустойчивость приводит к изменению структуры (в пределах той же системы), а структурная неустойчивость — к изменению вида.

Даже нынешняя акселерация молодежи (проявившаяся на протяжении ничтожно малого отрезка времени — 20...30 лет) есть следствие техногенного и социального (калорийность и витаминонасыщенность питания) взрыва. Однако подобные мутации, приводящие к количественному росту клеток, по-видимому, снижают адаптационные возможности человека.

Так, в свое время гигантопитеки, обладающие большими размерами (рост, масса) и недюжинной физической силой, вымерли, тогда как их более мелкие «сородичи», научившись использовать не только собственную силу, но и орудия

труда, остались в истории на более продолжительное время. Такова же судьба и крупных млекопитающих — динозавров, тогда как ящерицам вымирание не грозит. Тигры — кошки.

Ныне мы вступили в стадию мощного техногенного воздействия, создаваемого сами же людьми. Прогресс (?), заключающийся в создании все более комфортной среды обитания, неодолим, и попытки снизить это воздействие путем остановки и даже более разумного регулирования «прогресса» — явление временное. Научиться с помощью генной инженерии управлять биологическим развитием человека в желаемом (?) направлении — более перспективный путь. Во что может и должен превратиться человек — это уже не удел фантастов, это сверхзадача для ученых-биосоциологов.

Нельзя пытаться задержать развитие человека как биосоциальной единицы, нужно научиться управлять его развитием в наиболее целесообразном направлении. Сегодня мы, не подвергая (?) сомнению первичность материи с точки зрения происхождения всего живого, можем и должны активизировать факторы духовного, по крайней мере, в качестве критериев для целенаправленного развития человека (в социальном и биологическом плане).

Развитие человека есть следствие воздействий экологического и стадного факторов. Физико-химические воздействия за счет мутаций приумножали общее количество клеток в организме, создавая, с одной стороны, предпосылки для их дифференциации в функциональном отношении, для возможного дублирования, т.е. для последующего структурно-функционального преобразования организма; с другой стороны, количественный рост клеток, не перешедший в качественное новообразование, снижал приспособляемость организма, делал его более уязвимым для последующих воздействий. Так, увеличенная количественная сложность большой системы приводит к снижению ее надежности, и только организованность большего числа элементов делает количественную сложность не врагом, а пособником для существования устойчивой адаптирующейся системы. Негэнтропия (структурное многообразие — увеличение разнообразия) играет стимулирующую роль в развитии. Эта структурно-функциональная дифференциация проявляется и закрепляется в стадном (этологическом) взаимодействии со средой. Следует согласиться с Д. Андреевым (с. 265) о том, что у нас явно недостаточно раскрыт «генетический механизм протосоциализации». До недавнего времени мы неоправданно противопоставляли генетические (врожденные) и приобретенные под влиянием внешней среды человеческие свойства. Истина — не в дифференциации, а в единстве этих факторов.

Любопытно (и кажется обоснованным) положение о существовании этологических структур двух видов: рефлекторно-животное использование собственных органов (для добычи пищи, деторождения) и рефлексивно-совместное употребление орудий. Причем первые структуры обеспечивали выживание в нормальных, а вторые — в стрессовых (экстремальных) ситуациях. Такое противопоставление излишне полемично. Обе эти структуры действуют

одновременно, просто их проявление становится более отчетливым в различных ситуациях.

С вышесказанным перекликается приведенная на с. 267 цитата «В частности, проф. Петербургского университета В.А. Вагнер установил прямую зависимость приспособительных форм стадного поведения (а я считаю и отдельной особи — В.Б.) от уровня организации животных, а критерием последнего предложил считать степень индивидуальной активности особей в стаде (негэнтропия — В. Б.)). Ее возрастание предполагает преодоление внутренних противоречий вида и индивида путем усиления активной независимости второго, расширения его функций в стаде и обогащения общего содержания жизнедеятельности».

В человеческом обществе, где доминирующую роль играют не подражательные, а словесно-пропагандистские признаки следования массы лидерам, на первый план выходит не указание «делай как я», а «делай как я говорю», т.е. наступает приоритет комиссарских над командирскими признаками лидерства. Это — высшая форма воздействия на психику индивидуума, когда раздражение в коре головного мозга создается не воздействием через органы чувств, а воздействием более высокого уровня абстракции.

Сущность человека

В работе Рудольфа Штейнера «Порог духовного мира» (Соч. т. 1, Изд. «Каталог», Пенза — 1991 г.) делается попытка раскрытия целостного существа человека в иерархическом представлении окружающего мира.

Эти охватывающие друг друга окружения есть не различные миры, а различные представления единого мира, различные страты, срезы, проявления общего целого. Подобно тому, как те или иные качества единой системы проявляются в различных феноменологиях, так и мир может быть понят (в смысле последовательного наращивания нашего представления о нем) лишь по мере восхождения от одной абстракции к другой. Но в отличие от чисто математических абстракций миропонимание (процесс расширяющегося восприятия мира) основано на качественном, отличающемся, но взаимопроникающем представлении о человеке при взаимодополняющем взгляде на субъект с позиций различных миров.

«Истинное Я», заключающееся в человеке, принадлежит ему как субъекту множественного проявления мира.

1. В физически чувственном окружающем мире существо человека проявляется как физическое тело, когда человек познает себя как самостоятельное обособленное существо» («Я»), Это физическое тело в своем первом зачатке образовалось из общего мирового бытия во время давно прошедшего сатурнова состояния Земли.

2. Наивысшей формой чувственного представления окружающего является образ, основанный не только на воспоминании о пережитом, но и как абстрактное проявление сверхчувственного (эфирного) мира, в котором, как в облаке, содержится чувственное (или физическое), подобно более плотному ядру.

Это — иной уровень густот мира (по Д. Панину), иная разновидность брамфатуры нашего небесного тела (по Д. Андрееву).

В этом элементарном окружающем мире человек являет собой тонкое эфирное тело. В этом эфирно-элементарном представлении человек познает себя как члена физического тела Земли, которое образовалось из общего мирового бытия во время прошедшего солнечного состояния Земли, последовавшего за его сатурновым состоянием.

Различные ступени этого эфирно-элементарного представления мира формируют не только материальные, но и духовные монады — первичные элементы соответствующей разновидности брамфатуры Земли.

3. В духовном окружающем мире человек предстает как астральное тело. Человек есть член духовного мира. В нем находится «другое Я», выражающееся в повторных земных жизнях.

«В астральном существе человека действуют не природные (физические) законы Земли, а законы, управляющие процессами звездного мира... Поскольку миры элементарный и чувственный суть отражения мира духа, эфирное и физически-чувственное тела человека следует рассматривать как отражения астрального существа человека» (стр. 38).

В этом определении кроется принципиальная ошибка. Нельзя рассматривать различные психо-информационно-материальные виды мира как вложенные один в другой или развивающиеся один из другого. Такое представление неизбежно приводит нас к неразрешимому вопросу о первопричине мира, о причинной предопределенности его развития.

Даже в простейшем примере: магнит обладает массой и полярностью — нельзя сказать, какое явление породило другое. Это — разные проявления одного предмета. Человек: высокий и блондин. Это — разные феноменологии, не имевшие прямой причинно-следственной связи.

Поэтому выводить физически-чувственное тело человека из его астрального существа, также как и обратно, представлять себе астральность как следствие высокоорганизованной физической сущности человека—это значит сводить мир к некоей поступательно (сверху вниз или снизу вверх) развивающейся системе. Хотя процесс развития — это вечное и встречное движение от малого к большому, и от общего к частному, процесс выравнивания всех состояний и одновременно, образования негэнтропийных сгустков, создающих условия для перехода из одного в другой разноматериальный слой и формирования самих этих слоев в виде сакуалы (по Д. Андрееву) как системы структурно- и функционально связанных нескольких разноматериальных слоев.

4. «Истинное Я» в сверхдуховном окружающем мире, когда подпадают забвению все переживания внешних чувств, мышления, чувствования и веления» (стр. 72) — это опять-таки попытка создать некий над-мир, обладающий абсолютным полным истинных знаний.

Истина всегда относительна. Она есть лишь наиболее полное представление о предмете (о субъекте) в данных конкретных условиях, в данном конкретном срезе мира, в данной конкретной сакуале (системе) мира.

Но всегда найдется другой слой, несводимый и невыводимый по отношению к рассмотренным. И там возможны другие проявления предмета, неподчиняющиеся законам данной сакуалы.

В этом и состоит неисчерпаемость мира.

«Все мыслимое — существует». Этот постулат, в котором мысль может принимать форму знания, веры, озарения и т.д. устраняет как бессмысленный многовековой спор о духовном или материальном начале мира.

Мир — это многоликий Янус. И каждый лик — это плоская фотография, в то время как суть предмета именно в несводимости и невыводимости этих феноменологии.

Однако эта несводимость не означает возможного соприкосновения миров. Подобно тому как энергия может переходить в вещество и, наоборот, имеют место процессы аннигиляции вещества с фотонными (энергетическими) эффектами, так и чувственный и духовный мир человека существуют «бок о бок», а гений — художественный талант обладает способностью переносить чувственные образы в мир иррационального и наоборот.

Россианство тем и значимо в мировой метаистории, что этот народ, географически проживая вблизи узлов космической энергии, пронизывающей Землю, обладает наибольшей возможностью стыковать духовный и чувственный миры. Он живет вблизи точек бифуркации мировой жизни, живет с большой амплитудой, впадая в крайности (физические и моральные), то и дело переходя из одного пространственного (духовного, материального) состояния в другое, из одного мира — в другой.

Россианство есть одно из наиболее явных на Земле сближений и пересечений различных слоев мира, слоев добра и зла, лени и изобретательности, богатства и нищеты, святости и жесткости. Хорошо это или плохо — нет и не может быть однозначной оценки. Но это есть.

И если гений — это наиболее мощный передатчик и наиболее чувствительный приемник между единичным человеком на Земле и общемировым духовным пространством, то русский народ гениален изначально, по самому своему положению, ибо он — наиболее открытая точка в ноосфере между Человеком и Космосом.

27.05.94.

Тело — сущность — личность

Существует эффект дистанции. «Большое — видится на расстоянии», а вблизи мы различаем детали, не усматривая, как они, группируясь, создают целостную систему. Различные объекты предполагают для своего лучшего рассмотрения различную дистанцию, на которую обозреватель отстоит от предмета наблюдения. Иногда эта дистанция вынужденная, как, например, при разглядывании звезд, к которым не удастся приблизиться на расстояния, меньшие парсека. И тогда, для того чтобы отобразить удаленную картину в привычном для нашего глаза (восприятия) виде (а это, по мнению В. Шкловского, рисунок звездного неба размером 10х10 см), мы используем различные увеличительные (для звезд и для атомов) приборы. Зрительно нам доступнее именно такого размера схематические изображения, или доведенные до аналогичного представления искусственные картины, на которых проявляются следы реальных объектов. Мы, как правило, имеем дело не с самими объектами, а с их моделями геометрической, физической или иной природы. Причем подбор этих моделей осуществляется таким образом, что реальные изображения трансформируются к виду, удобному для нашего субъективного восприятия. Но эта трансформация несложна, если реальная геометрическая фигура преобразуется опять-таки в геометрическую фигуру, удобную для зрительного восприятия. При этом достаточно соблюсти геометрические пропорции в оригинале и модели. Более сложным является наглядное (физико-геометрическое) представление физических объектов. Однако и здесь наука разработала теории подобия, позволяющую установить некоторые функциональные аналогии оригинала и модели, даже если модель представлена объектом иного физического содержания.

Гораздо сложнее и почти белым пятном на квалиметрическом поле является представление такого совершенного организма как человек в терминах и понятиях обыденного сознания.

Шокирующим, но продуктивным для мысленного восприятия структурно-функциональных особенностей человека является его модельный образ в виде семейства машин (агрегатов), уместившихся в телесную оболочку живого существа.

Но именно такой образ использует Г. Гурджиев в своих «Беседах с учениками» (изд. «Пресса Украины, Киев, 1992 г.).

«С рождением человека появляется три машины:... это наше тело, наша сущность и наша личность... Центр тяжести тела (его душа) является моторным центром. Центром тяжести сущности является эмоциональный центр. А центром тяжести личности — интеллектуальный центр» (с. 30-31).

Состояние тела определяется как родительскими задатками, так и факторами окружающей среды и проявляется в его морфологии и физиологии в виде физического объекта — материального носителя сущности и личности человека.

«Сущность есть «Я» — это наша наследственность, наш тип, наш характер, наша природа. Личность — это есть случайная вещь — воспитание, образование, суждение — все, что идет извне... Весь материал, составляющий вашу личность,

может быть изменен полностью... по причине окружающих обстоятельств, и это может произойти за очень короткое время. Сущность же не меняется» (с. 36).

«Центром тяжести интеллектуального центра является мозг; центром тяжести эмоционального центра — солнечное сплетение, центры тяжести инстинктивного и двигательного центров помещаются в спинном хребте» (с. 150). Это утверждение трудно верифицировать, ибо «в действительности каждый центр занимает все тело целиком, пронизывает, так сказать, весь организм» (с. 150). И все же восточная эзотерическая мудрость, на которую ссылаются и Г. Гурджиев и П. Успенский (в приложении к «Беседам» Г. Гурджиева), четко фиксируют определенное положение этих центров в организме человека.

У этих центров много общего, но есть и громадные различия. Одно из этих различий связано со специфическими функциями каждого из центров, другое — со скоростями выполнения этих функций.

В частности, «мысль не видит чувства, и наоборот» (с. 38). В большинстве случаев каждый центр живет своей собственной жизнью. Инстинктивная функция включает в себя 4 различных класса функций:

- первый — физиология (дыхание, питание, циркуляция крови и т.д.),
- второй — пять чувств (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание),
- третий — телесные эмоции (боль, удовольствие...),
- четвертый — рефлексы (смех, зевота...)» (с. 124).

Все инстинктивные функции являются врожденными, тогда как двигательным (моторным) функциям необходимо учиться.

Эмоциональные функции «суть ощущения изменений во внутренних органах и тканях; эти изменения предшествуют ощущениям и являются их причиной... Внешние события и внутренние представления вызывают внутренние рефлексы, которые вызывают ощущения; а последние интерпретируются как эмоции» (с. 154).

Мысленные функции включают в себя процессы образования представлений и понятий на основе ассоциаций текущих и заложенных в память состояний человека.

Хотя все эти функции протекают в одном организме, как правило, они независимы друг от друга.

Физически здоровый человек не обязательно будет эмоциональным и интеллектуальным. И наоборот.

Кроме этих четырех функций, составляющих внешнюю сферу функционирующего человека, П. Успенский выделяет еще три человеческих уровня, составляющих внутреннюю (эзотерическую) структуру человека. Это — «пол (сексуальная функция);... высшая эмоциональная функция, проявляющаяся в состоянии самосознания,... и высшая умственная функция, проявляющаяся в состоянии объективного сознания (с. 123). Две последних функции образуют

«самадхи, состояние экстаза или просветления» (с. 123), отождествляемое с «космическим сознанием».

Центры, различающиеся по своим функциям, отличаются и по скорости их выполнения. Самым медлительным является интеллектуальный центр. Вслед за ним идут... двигательный и инстинктивный центры, у которых скорость примерно равная. Быстрейшим из всех является эмоциональный центр... Различие в скорости центров выражается очень странной, имеющей космическое значение цифрой..., отделяющей одни космические процессы от других. Эта цифра — 30000. Это значит, что двигательный и инстинктивный центры в 30000 раз быстрее интеллектуального... На деле это означает, что различные центры имеют совершенно различное время» (с. 152).

Большую часть времени мы проводим во внешней сфере бытия, которая охватывает и большую часть функций.

50% жизненных проявлений и восприятий принадлежит моторному центру, 40% — сексуальному и 10% — эмоциональному центру» (с. 29).

И все же, чтобы понять не только себя, а понять себя как часть целого, а это и есть истинное знание, человек должен научиться понимать высшие функции, сосредоточенные в эзотерической сфере.

«Понимание означает понимание части в отношении ее к целому» (с. 164). Люди 4-х внешних кругов общаются друг с другом, но не понимают друг друга, потому что они живут в сфере бытия, физиологического, инстинктивного, эмоционального и интеллектуального

А эзотерическая сфера — сфера познания истины. Механическая часть интеллектуального центра способна лишь формулировать «строевое мышление», работающего по принципу «да — нет», «белое — черное», «капитализм — социализм». Истинное знание возможно на пути самопознания себя как интегрированной системы всех семи уровней, где все они функционируют хоть и сами по себе, но составляя гармоническое целое.

У такого человека важнее всех прочих интересов становится идея саморазвития, обретение подлинного единства и самосознания себя как бессмертного звена Космоса.

Для того, чтобы самопознать себя и научиться истинному взаимопониманию между людьми, которое возможно только во внутренней эзотерической сфере, необходимо освоить язык этого круга — «язык внутреннего круга, язык взаимопонимания между людьми» (с. 165).

Познать этот язык — это значит научиться «наблюдать за своей мыслью» (с. 100), т.е. познать те «слабые» связи, которые интегрируют все центры в единую систему, в единый организм.

При этом особая роль отводится культуре как интеграции науки, искусства и религии.

Подобная интеграция была свойственна древней, особенно восточной культуре. «Бессознательное творческое искусство невозможно... Оно видит только единственную сторону вещей, тогда как понимание требует видения всех сторон» (с. 62). Гармоничная музыка невозможна без знания математических законов. «Поэзия, драма, скульптура, танец, даже архитектура были средствами передачи... знания» (с. 113). Поэтому синтез различного вида искусств — это возврат на новой основе к тому интегрированному мировосприятию, которое было свойственно древним мудрецам, а затем потеряно нами, и лишь сейчас возрождается в виде «новой философии», но не как повторение давно пройденного в истории человечества, а как движение по новому витку спирали мировой культуры и миропонимания.

Человек — это не эволюционное существо, это продукт совместной эманации Земли и Космоса.

Формирование человеческой сущности происходит в результате полевого взаимодействия продукта деятельности всех человеческих центров с внешними силовыми (информационно-энергетическими) импульсами от всех уровней мировой метасистемы.

«Человек является также станцией для трансформации субстанций... Все, что существует, окружено атмосферой» (с. 86). В этой атмосфере происходит трансформация внешних эманации в кванты, формирующие структуру и функции внутренних центров, и наоборот. Познать эту атмосферу и научиться управлять процессами в ней — это и есть познание не части, а Единого.

Для того, чтобы познать мир, надо пройти 3 стадии:

- стадию сна, когда мы можем познать лишь относительную истину;
- стадию самосознания, когда мы оказываемся способными знать всю полноту истины о нас самих;
- стадию объективного сознания, где предполагается способность знания всей полноты истины обо всем: мы можем изучать «вещи в себе», «мир как он есть».

Познание — не самоцель, а необходимый этап для участия в управлении миром, участия через Самого Себя в Единстве с окружающим миром.

Развитие Единого — главная цель всего мирового движения.

Существовать и быть воспринимаемым

В.И. Ленин (в кн. «Материализм и эмпириокритицизм», изд. 1949 г.) цитирует Джорджа Беркли и его «Трактат об основах человеческого познания» как идеалиста, все рассуждения которого повторяются современными критиками материализма — обобщенно эмпириокритиками-махистами.

Допуская существование «вещей в себе», т.е. вещей вне нашего сознания, материалисты якобы впадают в кантианство, признавая нечто потустороннее, за

пределами опыта и познания стоящее, — таков главный довод махистов против материализма.

По мнению Беркли «существовать значит быть воспринимаемым,... отделить ощущение от объекта есть пустая абстракция,... объекты суть комбинации ощущений» (с. 8, 9, 10).

Беркли говорит (задолго до Канта), что материя есть Несуществующая сущность, т.е. ничто. Он считал опасным заблуждением предположение об «удвоении мира»: одно существование — интеллигибельное или существование в уме, другое — реальное, вне ума т.е. вне сознания.

Новейшая философия Маха и Авенариуса как «мышление о мире по принципу наименьшей траты сил (экономии мысли)» лишь повторило стремление Беркли отождествить материю и «ничто», изгнав ее из природы как противоестественное понятие.

Однако с Беркли следует не согласиться не потому, что материя = ничто, а потому, что материя = нечто, существующее хотя бы уже потому, что оно достигает нашего сознания, оставляя в нем не только отпечаток ощущения, но и отпечаток интуитивной аналогии — первоосновы сознания (мысли). Поэтому, мне представляется, следует реабилитировать понятие «интеллигибельная (умопостигаемая) реальность» не как что-то существующее только в уме, а как возможное объективное нечто, воспринимаемое нами не только путем опытных ощущений, а и путем умственных представлений. Последние не возникают из ничего, озарение не есть абсолютная абстракция. Представления возникают на основе аналогии по ассоциации с чем-то ранее «видимым», хотя эта ассоциация не является тождеством, а является синтезом самых различных изначальных ощущений.

Вера, мысль, ощущения, или наоборот, ощущения, мысль, вера — три стадии познавательной деятельности, каждая из которых существует сама по себе, а вместе они составляют единый комплекс.

И если я, допустим, верю, что существует Бог или существует материя, то это произошло от моего восприятия окружающего меня мира и меня самого. А восприятие было навеяно ощущениями и обобщающими их мыслями, не противоречащими тому, с чем мне приходится сталкиваться. Даже полезность может быть основанием веры, если я не могу (и не хочу тратить умственную энергию) объяснить наблюдаемые явления иными основами. Я, например, верю в телепатию как особое свойство передачи ощущений на расстояние, хотя и не могу даже мысленно дать этому привычные физико-химические представления. Но я считаю это явление феноменом интеллигибельного мира, не поддающегося привычным материалистическим представлениям.

Вообще отличить феномен (явления) от сущности (предмета) невозможно. И то и другое может существовать. Например, молния есть электрический разряд между двумя заряженными телами. Что это — феномен или предмет? Слово, произнесенное одним человеком и воспринятое другим — это явление или сущность? А мысль,

мелькнувшая в сознании индивида, до поры до времени не дошедшая до «учеников», разве она перестала существовать? Утверждают, что информации вне ее материального носителя нет. А высказанная вслух информация и перезаписанная в память другого слушателя — она что — имеет материальным носителем звуковые волны? Так почему же нельзя предположить, что между феноменом первоначального зарождения идеи (понятия — как обобщенной информации) и отстающим по времени восприятием этой идеи другими людьми эта информация не существовала вовсе, раз у нее не было никакого аккумулирующего устройства записи и воспроизведения. А может быть, в окружающем нас мире существуют такие поля, которые хранят в себе всю произведенную информации одним субъектом (или объектом) и потом, войдя в контакт с приемником, настроенным на эту волну, не воспроизведут в его уме полевые долгоживущие сигналы. Слово «долгоживущие» здесь относительно, потому, что время не есть некая абсолютная категория, а у любой мысли есть свой жизненный цикл, когда она зарождается, развиваясь, дает потомство — отображение, а затем иссякает. И сколько таких мыслей, не найдя воспринимателя, гибли навсегда. Вещественные носители этой информации, запечатлеваясь в структурированных формах носителей, продлевали срок существования информации до момента его востребованного воспроизводства в чужом мозгу. Но это — не умаляет рассуждений о самостоятельном существовании полевого сигнала, содержащего информацию.

А может быть, информационно-понятийные сигналы — это сама по себе материя, «вещь в себе» или, как переведено в последних изданиях И. Канта, «вещь, существующая сама по себе».

Признание наличия таких вещей (явлений), существующих не только в телесной плотной, но и полевой сигнальной форме, есть новое понятие материи как вещественно-энергетически-информационной субстанции, а равно и других понятийных субстанций: социально-духовной, временно-пространственной, биокосмической и т.п., отражающей многосущностную данность мира, частью которой является наша Вселенная.

Признание в реальности интеллигибельного мира не есть традиционный материализм, ибо он считал объективной реальностью лишь то, что дано нам в ощущениях; но это не есть и берклианский идеализм, который признавал наличие телесной субстанции, обладающей комбинацией чувственных качеств, протяженности, прочности, веса и т.п., но отрицал субстанцию в философском смысле — как основу акциденций или качеств (существующих) вне сознания. Учение Беркли называли «естественным реализмом», хотя само понятие естественности не есть нечто окончательное, а расширяется по мере нашего проникновения в глубь материи.

Как расширяется и само наше понятие материи.

В.И. Ленин, берущий за основу «материализм» Ф. Энгельса, и все его догматические последователи видели в философии лишь две полярно противоположные линии: «материализм... берет за первичное данное материя,

считая вторичным сознание, мышление, ощущение..., а махизм стоит на идеалистической точке зрения..., ибо во 1-х, за первичное берется ощущение вопреки тому, что оно связано лишь с определенными процессами в определенном образом организованной материи; а во 2-х, основная посылка, что тела суть комплексы ощущений, нарушается предположением о существовании других живых существ и вообще других комплексов», кроме данного великого «Я» (с. 30).

Но даже здесь В.И. Ленин со ссылкой на естествоиспытателя Э. Геккеля и биолога Л. Моргана допускает, что «в фундаменте самого здания материи можно лишь предполагать способности, сходной с ощущением». Не есть ли это «допущение» основанием считать, что нет пропасти между материей и ощущением, и что весь вопрос о первичности и вторичности — лишь дань черно-белому восприятию мира, тогда как причинно-следственная связь уместна не в философии, а в анализе частного явления.

Философия же по своему определению как «любомудрие» имеет дело именно с интеллигибельным миром, в котором вещь (предмет) и его проявление (ощущение) — всегда взаимосвязаны.

Если мы кроме собственного «Я» допускаем «чужое Я», которое может воспринимать нас иначе, чем мы его, или воспринимать нечто третье по-своему, то причинно-следственная связь уже неоднозначна, а, следовательно, не имеет самодовлеющего значения.

Поэтому основной вопрос философии: что первично — материя или дух — для замкнутого треугольника (а тем более для объемного многогранного тела) вообще теряет смысл.

Ибо любое следствие всегда повлияет на причину через обратную связь. Вопрос о причинно-следственных связях, а, следовательно, о первичности — начале всех начал, мог бы стоять лишь для однонаправленного во времени процесса, когда нельзя вернуться вспять.

Но и время — не есть абсолютная категория, для «моего Я» и «чужого Я» оно различно. И вообще время имманентно каждой системе, отражая ее внутренний жизненный цикл. Когерентно (согласованно) действующие системы синхронизированы по времени, а когда эти системы перестают взаимодействовать, каждая из них функционирует в собственном времени. Мах, по мнению В.И. Ленина, оставаясь «чистым» идеалистом, все-таки делает определенные шаги в сторону от Беркли, хотя это ему ставится не в заслугу, а в вину.

Мах, в частности, признает, что «материя представляет собою то непосредственное и несомненно данное реальное, на котором строится все, как органическое, так и неорганическое» (с. 29).

Если в этой части фразы ключевыми выделить слова «материя» есть «реальная» все, то это — то расширительное толкование материи, которое и дает ответы на многие наши вопросы. Но если опять втянуться в полемику, когда Мах говорит, что «материя не есть первое данное (Таким первичным данным являются

скорее элементы, которые «называются ощущениями») (там же), то понятно противостояние и ортодоксальность двух крайних точек зрения: материализма и идеализма.

Словечко «элемент» В. И. Ленин называет лживой видимостью, и он прав, если Мах далее утверждает, что «нет никакой» трудности построить всякий физический элемент из ощущений, т.е. психических элементов... и (невозможно) представить психическое переживание из элементов..., т.е. из масс и движений». Ленин оставляет для дальнейшего развития материализма вопрос о том, что «на деле еще остается исследовать и исследовать, каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения» (с. 30).

Но по большому счету оба оппонента остаются в плену своих догм о первичности, не говоря ничего определенного о самом понятии «материя».

Полезно вернуться к первоисточнику — «Диалектике природы» Ф. Энгельса, который не отрицал Гегелевское (восходящее к грекам и далее) «понимание материи (не абстракцией), а изначально существующей и самой по себе бесформенной в мифическом образе хаоса, который представляют себе как бесформенную основу существующего мира. Этот хаос мы снова находим у Лапласа; к нему приближается туманность, которая тоже имеет только еще начатки формы. В дальнейшем наступает дифференцирование» (ОГИЗ, 1948, с. 195).

Материя не как абстракция, а как реально существующий бесформенный хаос — такое определение близко к «Пустому Нечто» или Мулапрактити (мула — корень, практити — материя), или Парабраман — То, что находится по ту сторону Брахмана — Космоса, утверждают космические легенды Востока: «Не было ни дня, ни ночи, ни тьмы, ни света, ничего, кроме Единого, не постижимого Разумом, или Того, что есть Парабраман» (КЛВ, с. 15). Недаром Сократ неизменно отказывался обсуждать тайну Мировой Сущности. То же, «когда не было ничего» описывается и в гимнах Риг-Веды и в древней «Книге Дзян». «Не было Времени, оно покоилось в бесконечных недрах Продолжительности... Жизнь бессознательная пульсировала в Пространстве Вселенском» (там же, с. 12-13).

Мы недалеко ушли от тех древних философов, которые признавали «Великую Вечность Небытия» и чередование великих периодов жизни и смерти Космоса.

Итак, материя — это не только вещественная, но и полевая субстанция, трактуемая как «Пустое Нечто» — первичный (для нашей Вселенной) хаос, дифференцируемый под влиянием жизненной волны на сгустки и разрежения, из чего формируются тела и «эфир», а затем системы и межсистемная среда — новое «Пустое Нечто».

В таком смысле материя вечна и неуничтожима. Но она породила и вещественные тела, и полевые ощущения.

«Вечный круговорот движущейся материи» — этот тезис Ф. Энгельса отражает суть мирового процесса, если иметь в виду расширенное понятие материи, заменить

круговорот не замкнутой, а спиралевидной траекторией и слово «вечный» не относить ко времени, а понимать скорее как бесконечный (и безначальный), т.е. при сложении сверхбольших и сверхмалых времен оно превращается во что-то качественно иное. Может быть, в энергию (Н. Козырев).

В таком расширительном толковании диалектический материализм — это само по себе расширяющееся дерево познания, некоторые первичные корешки которого уже отпали со временем, а новые бутоны удивительно напоминают те гениальные догадки древних мудрецов, как Греции, так и Востока, которые в форме легенд системнее нас поняли и отразили «тайную доктрину» развития.

Позабавим Господа!

(Ю. Корабчиевский. «Каждый раз весной». «Дружба народов», 1993, № 8).

«Жизнь — исключение, краткая редкая вспышка в бездонной черноте всеобъемлющей смерти» (с. 30).

«...если Мир бесконечен — это значит, в нем существует все... Все, на что способно воображение, все, что было выдумано людьми за всю историю человечества... Все, что помыслилось — существует, но и еще — любое другое, потому что при бесконечном числе вариантов вероятность существования чего бы то ни было в сочетании с чем бы то ни было — равно единице... В этом всемире не только возможно — в нем все уже заведомо есть... Ну да, выходит так, что всякое творчество имеет лишь сугубо локальный, мгновенный смысл. Потому что бесконечное число вариантов предполагает и бесконечное число повторов... Но что такое безумие любого числа (здесь — безумное число вариантов перебора букв алфавита, с тем чтобы повторить «Анну Каренину» — В.Б.) перед безумием Бесконечности, для которой любые гигантские числа — ничтожны как атомы...

Самое страшное — не следствие бесконечности, не вытекающие из нее неприятности, но первичная Собственно Бесконечность, сам факт безусловного ее существования... (надо — В.Б.) вырабатывать иммунитет против бесконечности, как врачам — против человеческих страданий» (с. 27-28).

Господь Бог усмехается той детской серьезности, с которой мы занимаемся земным бессмысленным делом.

«Что же, пусть будет так — если так. Позабавим, повеселим Господа!» (с. 30).

«Красота, также как и любовь, сама по себе не насыщает, не дает наслаждения. Наслаждение дает уничтожение красоты и любви. Любовь — лишь призыв, тяга, направление к действию; красота — на поверку — не столько любимая, сколько враждебная чувствам субстанция... В чём, строго говоря, состоит желание? В разрушении красоты и подавлении любви...» «Я пришел в ужас не только от себя самого — от устройства мира, где структурно, по замыслу — уверен, что по замыслу, а не по случайности и не по коварству дьявола — змия — заложены разрушение и вражда» (с. 41).

«Смерть заведомо, за несколько, скажем, часов приближаясь к обреченному человеку, окружает его особым полем, проявляющим наше подлинное к нему отношение» (с. 42).

«...Разгадка, наверное, в том, что тогда и теперь — эти несовместимые наши понятия — для Судьбы существуют одновременно или даже могут меняться местами...

Когда имеешь дело с личностью, банальность заведомо неверна.

Любовь — это только часть неразлучной пары: любовь и смерть. Взаимное уничтожение личностей. Аннигиляция. И взаимность эта относительная, взаимность — неполная, тут как раз и выясняется, кто сильнее, кто слабей, а главное — кто материальней, реальней» (с. 44).

Гаммы сухой грозы

Белые облака как очаровательные медсестры несуетливо расположились на стерильно чистом небосводе. Солнце — холеный главврач утыкается жарким взглядом то в одну из них, то в другую, оставаясь невозмутимым и самоуверенным в своей неотразимой величавости, и в то же время деловито держа под своим начальническим взглядом все, что реет в воздухе и ползает по земле. Каждый кубик атмосферы прогрет до сухого покалывания в волосах. Царит нарисованная идиллия, от которой некуда скрыться. Даже в самого себя, ибо мозги испечены и зарумянены как вынутые из СВЧ-печки пирожки. А есть — не хочется, ибо... жарко. Из этой сауны да бы нагишом в снег или холодную воду, очнуться, придти в себя, вдохнуть не животом, а подсушенными от безделья легкими, сбросить груз атрофирующей выморочности полулежачего существования.

Я смотрю через стекло (ибо при открытых окнах печной жар становится просто нестерпимым) на приклеенные к небесному полотну искусно вырезанные из неживой растительной ткани листья берез, которым скрыться некуда, с удивлением различаю на сияющем белизной фоне неба белых же бабочек, лениво машущих своими обесцвеченными жарой крыльями. Они... тяжело дышат и все-таки одни на белом свете еще шевелятся, куда-то, зачем-то и почему-то летят. А я... лежу. Стрелки часов моих за ненадобностью остановились. Лишь бы не остановилось сердце, ибо даже в тишине палаты я не ощущаю пульса. Ни времени, ни своего собственного.

Вдруг одно из облачков на глазах запечалилось, будто опустило ресницы, не теряя своей капроновой привлекательности, чуть посерело. И уже через минуту разрядилось на землю такой яростной молнией, какую невозможно было даже предполагать в этом спокойном-преспokoйном существе. Видимо, и ему — ей стало неважно в этом стерильном мире. От воздушной волны ойкнули стекла, резкий удар грома был подобен звону разбившегося венецианского стекла, от которого не остается никаких заметных осколков... И снова все стихло.

Солнце невозмутимо сияло со своего пьедестала как сидящий на серебряном троне ослепительный от обилия бриллиантов раджа, застывший в положении йоги, но... видящий все, что делают, а точнее не делают его подданные. Казалось, в

поднебесной и на самом небе ничего не изменилось, настолько все оставалось в прежней стерильно прожаренной неподвижности.

— Ну вот, дошло и до галлюцинаций, — подумал я, с трудом отрывая взгляд от фантастически нарисованного неба. Но тут же другая «сестричка» зыркнула еще ослепительнее, по-мужицки шарахнула матом по головам деревьев, отчего вздрогнули ссохшиеся чубы ветвей. Распахнулось застоявшееся окно. Будто огнедышащая плазма разлилась по палате, плавя все, что попадалось по пути: подушку, простыню, остатки нательного белья, само тело.

Даже жар капельницы казался нежным поцелуем по сравнению с нахлынувшей волной горячего воздуха. Загорелось горло, не в силах проглотить комок свежесдобитой в небесной жаровне булки. Мгновенно я вспомнил «пожирателей огня» на площади возле парижского музея Помпиду и позавидовал их умению владеть собой, своим телом, своим дыханием. Как мне этого недоставало.

Но в то же время уже чувствовалось, что и небо взбунтовалось от этой иссушающе-изнуряющей жары. И вот уже милые послушницы покидали свои белоснежные халатики и накрахмаленные шапочки, потянулись своими молочно-сочащимися фигурками, встряхнули золотоцепные локоны и устроили такую перебранку между собой, что последний самый разухабистый матрос не смог бы тягаться с ними. Они кидались друг в друга ослепительными колкостями молниеподобных стрел, сами оставаясь неподвижными беломраморными статуями; от их пят в землю впивались молнии-шпильки, отчего они сами представляли длинноногими девушками из кордебалета.

При каждом взмахе этих молниеподобных ног «девушки» жарко вскрикивали, то в унисон, то перебивая друг друга, стараясь обратить на себя внимание.

Мое ли, дабы отвлечь меня от собственных изнуряюще горячих мыслей (так нравится думать, что все вокруг совершается исключительно ради нас); а скорее, облачные «сестрицы», сами уставшие до одури от испепеляющего все живое жара, решили своей огненной игривостью разбудить златоподобного Будду и стряхнуть леденящее душу наваждение выжженного светила.

Огненный канкан нимф на ослепительно голубом подиуме небесной сцены становился стремительнее и яростнее, чем мужской танец с саблями, а ничего не выражающее кроме своей невозмутимой божественности солнце, казалось, не обращало никакого внимания на весь этот разыгравшийся вокруг него фейерверк. И небо вздрагивало в такт этой феерической пляске молний, но по-прежнему оставалось безукоризненно голубым и безучастным как голубые каски «ООН» во времена различных междуусобиц на земле.

Ярящееся золотистое, голубое и белое — вверху; замершая изумрудно-зеленая листва белоствольных берез; добела выжженные стены зданий и дороги — и ни освежающего дуновения ветра, ничего живого в этой всемирной больнице, где даже электрические разряды молний не могут заставить человеческое сердца нормально трепыхаться в грудной клетке.

Несколько тяжелых капель, оброненных со склонившегося надо мной задумчивого облака, не участвующего в вакханалии своих сослуживиц, были еще менее ощутимы, чем спускавшиеся по прозрачной трубке прямо в вену мельчайшие порции кальциевого раствора с глюкозой, поддерживающей мое существование.

Я все ждал чуда в природе и в теле своем, которое бы встряхнуло это омертвляющее оцепенение во всем.

Гроза при ослепительно бьющем с небес солнечном потоке тяжелого света не приносила отдохновения. Я ощущал эту тяжесть света многотонным горячим грузом, лежащим на груди и прижимавшим меня к кровати, которая порой представлялась мне последним пристанищем на этой раскаленной земле.

Мне казалось, что тогда... будет не так жарко, и я смогу, закрыв глаза, уйти, спрятаться от этого ослепительного бедлама, смогу ощутить нечто прохладное, освежающее,... живое.

А оно все не приходило. Ждать подаяния... стыдно. А я ждал, и это было самое мучительное в моем земном существовании, где я всегда люто ненавидел это унижающее и уничтожающее состояние — ждать. Я боялся не того, что, возможно, будет — я боялся самого процесса ожидания. Этот гнетущий процесс подобен сухой грозе.

Еще я не любил опаздывать. А мой взгляд не поспевал за этими стремительными всплесками молний, и оттого их игривость возбуждала мои слабые силы запоздалым отблеском ярости... на самого себя и... этот яркий, шумный, но такой... неживой мир.

О, небо, яростным пожаром
мой миг последний не томи,
пусть суждено мне высшим даром
сыграть всего лишь: до, ре, ми...
Но их я отыграл без фальши,
они влились в немую высь.
И чтобы не фальшивить дальше,
скажу себе: остановись.
Уйду с малиновым закатом
угомонившейся грозы,
чтоб вновь почувствовать когда-то
озноб предутренней росы.
Пройдя года и расстоянья,
набравшись замыслов и сил,
тогда я буду в состояньи
допеть свои фа, соль, ля, си.

ЧАСТЬ II ЧЕЛОВЕК И МЕТАИСТОРИЯ

Понять себя

Истина есть единение духовного и материального начал, прошедших не только сквозь одного индивидуального человека, но и сделавшихся типическими для основной массы человечества.

Величайшей потребностью человека является стремление понять себя, «проникнуть в собственную экзистенцию» (Шпенглер), ощутить себя ядром непрерывно обновляющегося мира, состоящего из перемещающихся в историческом процессе других субъектов, связанных с «эго» множеством изменяющихся бытовых и духовных нитей.

«Философия процесса»

«Новое мышление явилось более важным событием, чем даже новая наука или техника» А. Уайтхед «Избранные работы по философии». — М.: Прогресс. 1990, с. 57.

«Период средневековья — то было время грандиозных идей и примитивной техники», там же, с. 69.

Пока диалектический материализм находился в стадии становления — это была живая «философия процесса», но когда его адепты стали претендовать на истину в последней инстанции, процесс остановился. Догма всегда мертва.

«Умы (ученых) всегда увлекала страсть к обобщению» (А. Уайтхед, с. 62). Диамат канонизировал первичность материи и вторичность ее проявлений. Но даже с гносеологических позиций такие постулаты не выдерживают критики. И не потому, что правы идеалисты, видя во всем некую божественную первопричину. Истина, по видимому, в том, что бытие одной какой-либо сущности всегда дуально: материя порождает феноменальность сущности, но проявляемость сущности одного элемента всегда вызывает реакцию соседствующих элементов, влияющих на материальный состав того элемента, от которого мы условно начали отсчет. На самом же деле и этот элемент — лишь узелок в общей ткани мира, которая натянута на тор. А этот тор, в свою очередь, зацеплен с другими торами в еще более связанную систему. И нет в ней ни начала, ни конца. И простирается она вглубь и наружу до бесконечности, ибо на определенных уровнях переплетается с другими уровнями других систем. И то, что для одной системы — макрокосм, для другой — всего лишь микрокосм.

И нет у этой структуры ни начала, ни конца в пространстве, т.к. пространство — не универсальная сущность, а всего лишь атрибут каждой данной подсистемы. Также и время — индивидуально — для каждого звена, обращаясь в нем по кругу. И по мере перехода от одного звена к другому возникает новое начало координат. В новом звене отрицательное время есть предыстория тех звеньев, которые, бифуркируя, породили новый процесс в новом микромире.

Бифуркация же является следствием концентрации энергии (информации), которая взрывает прежний процесс возрастания энтропии в каждой конкретной системе и создает новую систему, живущую по принципу естественного стремления к уравнительности. В замкнутой системе, оторванной от остального мира — такая уравнительность приводит не только к тепловой, но и физической и духовной смерти. Но в том и состоит идея вечного развития, что соединением, как минимум, двух начал, данная система успевает за период своего существования зародить новую систему, в которой протекают те же процессы накопления и расходования информации (энергии). Именно в этом смысле вечен не сам мир, а вечен процесс творения мира.

Я и мы, стабильность и развитие

Этот дуализм единичного и множественного, индивидуально-личностных и социально-экологических начал является тем феноменом, который сопровождает все существование Человека и Человечества.

Рождение человека как биологической единицы уже является следствием совокупных родительских отношений, создавая первичную ячейку общества — семью.

По мнению ряда специалистов, «генетический механизм протосоциализации» объясняет вымирание при резких изменениях экологической обстановки крупных особей живого мира, обитающих в одиночестве, и выживание стадных форм животных. Причем их приспособительные способности прямо зависят от уровня организации сообщества (стада).

Организация любой системы определяется действием двух факторов: выравниванием функциональных связей между всеми элементами, что приводит к децентрализованной однородной системе, сопровождаясь возрастанием ее системной энтропии, с одной стороны. С другой — количественный рост числа элементов создает предпосылки для их дифференциации в функциональном отношении, причем локальная негэнтропия определяется выделением отдельных элементов (личностей в общественной системе), проявляющих большую индивидуальную активность, обладающих большей концентрацией функций и в силу этого становящихся центрами кристаллизации системы (общества).

Если энтропия способствует стабилизации (устойчивости) системы, то негэнтропия создает предпосылки для нарушения этой устойчивости и перехода от аморфного статичного состояния к образованию новых функциональных и структурных связей, следовательно, к развитию системы. Однако полностью централизованная система также обладает нежизнеспособностью, т.к. никакой центральный орган не в состоянии переработать всю информацию о состоянии всех элементов и многообразии воздействующих на них факторов, и выработать необходимые управляющие воздействия.

Поэтому все сложные системы обладают иерархической структурой, где обеспечивается равноправие объектов одного уровня и взаимоподчиненность уровней. Равенство обеспечивает стабильность системы, а неравенство — ее развитие.

«Развитие природы во времени происходит в результате последовательных бифуркаций» (И. Пригожий. От существующего к возникающему. М.: — Наука, 1985, с. 5).

Идея вечного возвращения

«Жизнь должна всегда сызнова преодолевать самое себя!»

(Ф. Ницше «Так говорил Заратустра»).

Понять себя — значит, увидеть себя глазами Того, кто стоит на вершине. Но чтобы подняться на эту вершину, надо познать ступени, ведущие наверх, надо обрести крылья, удерживающие от падения, надо обрести дух, возвышающий человека над сиюминутностью бытия.

И пока ты карабкаешься наверх, кто-то скатывается вниз, упрочняя твои ступени. Так будь и сам готов стать ступенью тому, кто по ней пойдет дальше и выше.

Понять этот процесс вечного преодоления самого себя, значит, понять жизнь.

Жизнь есть движение. Одновременно и вверх и вниз. Рождение и смерть. От простого — к сложному.

Миром движут две причины: стремление к увеличению себе подобных и стремление объектов группироваться в некие сообщества, обладающие качественно отличными свойствами от суммы составляющих.

Растут кристаллы, делятся клетки, размножаются живые существа, растет количество созданных нами предметов и открытых нами звезд и галактик, приумножается мировая информация, растет...

Чисто количественный рост всего и вся — объективный процесс, протекающий в направлении увеличения Времени.

«Не только множиться, но и расти вверх — о братья мои, да поможет вам сад супружества!» (Ницше-Заратустра).

Но мир никогда бы не восходил от низшего к высшему, если бы рост количества элементов не сопровождался их системной организацией.

Семья уже является первой системой объединения человеческих индивидуумов, дающая начало новой жизни.

Системная самоорганизация — тоже объективный процесс, стягивающий элементы мира по мере их взаимодополняемости в некие сфероподобные блоки, внутри которых силы притяжения превалируют над центробежными силами, выкидывающими отдельные элементы, не вписавшиеся в эти подсистемы. Тогда они либо погибают, исчерпав свой потенциал к размножению, либо стягивают себе

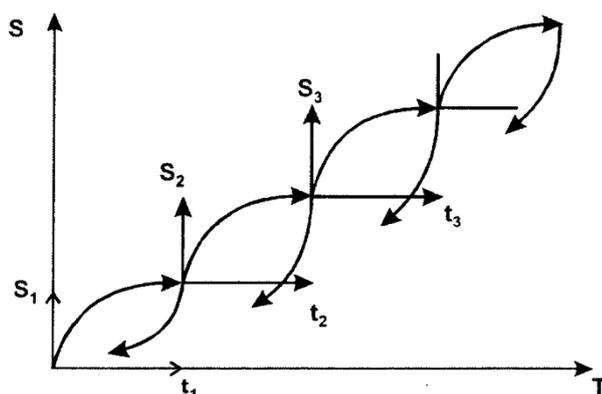
подобных, в новые блоки. А те, в свою очередь, либо растут до известных пределов, либо распадаются, давая дорогу тем своим элементам, которые могут стать новыми центрами притяжения.

«Все, что не преходит, есть только символ!» (Ницше-Заратустра).

Именно этот процесс отмирания есть условие для продолжения процесса развития. «Что стало совершенным, все зрелое — хочет умереть, но все незрелое хочет жить» (Ницше-Заратустра). «Вокруг изобретателей новых ценностей вращается мир» (там же).

Размножение и бег Времени — однонаправленный процесс.

Распад есть обращение Времени вспять. Поэтому Время не есть единая мировая категория. Оно есть условие существования каждого объекта. Подобно тому, как объекты группируются в блоки, подсистемы и развивающуюся систему, Время тоже есть иерархическая система. В целом Мир развивается, и Время растет. Но в отдельных частях мира, где размножение прекращается и начинается распад прежних образований с появлением новых центров кристаллизации и роста, Время возвращается назад.

И для одних элементов оно становится = 0, а для других начинает новый отсчет.

S — есть сложность системы, совпадающая в начале с количественным ростом числа составляющих элементов, а затем характеризует их структурно-функциональную (системную) организацию.

Вот это абсолютное движение, которое есть процесс поступательно-возвратных шагов, свойственно мировой системе как непрерывно развивающейся подсистеме. А каждый из нас в силу своей биологической субстанции есть лишь этап мирового процесса, хотя каждому хочется если не телесно, то результатами своей деятельности (информацией, детьми и последователями) остаться в общемировом процессе, стать сверхчеловеком вне своего Времени и вне своего Пространства.

От каждого из нас что-то остается в этом всеобщем движении, ибо «все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя» (Ф. Ницше). «В человеке важно то, что он мост, а не цель» (там же). «Нужно носить в себе еще хаос, чтобы быть в

состоянии родить танцующую звезду». Три превращения духа воспевают Ницше: «дух становится верблюдом», беря на себя все самое трудное, что требует в суетной жизни выносливости; затем дух становится львом, ибо он хочет не только подчиниться чужей воле, но и завоевать свободу, ибо только в условиях свободы можно создавать новые ценности. Но, создавая условия, дух-лев еще не способен создавать ничего нового, только «дитя есть... забвение (прошлого), новое начинание, ... начальное движение».

«Дух есть жизнь, которая убивает самую жизнь» — здесь Ницше устами Заратустры смакует процесс насильственного отмирания отжившего, дабы дать дорогу новому «вечному» духу, принявшему образ ребенка.

«Ты учитель вечного возвращения, — в этом теперь твое назначение!», — так наставляет Ницше своего героя. Но, осознав эту спираль, Заратустра хочет вырваться из этой последовательности, направив «мечту свою по ту сторону человека, подобно всем мечтающим о другом мире», пытаясь «человеческим творением и человеческим безумием» создать сразу сверхчеловека, подобного всем богам.

И в то же время каждый из жаждущих подняться над миром воображает этим сверхчеловеком себя или себе подобного, ибо «Я» есть мера и ценность вещей». И объективно оценивая эту попытку «одним скачком... достигнуть конца» как «бедную усталость неведения, нежелающую больше хотеть», Ницше признает, что «за твоими (его) мыслями и чувствами... стоит могущественный повелитель, неведомый мудрец — он называется *Само*. В твоём теле он живет; он и есть твоё тело». «Я — тело и душа, — так говорит ребенок», так говорит Заратустра, так говорит Ницше.

Попытка загнать Само в тело ребенка, способного к обновлению, — это раздел христианского учения о святой троице: боге-сыне, боге-отце и боге-святом духе. Тело умирает. Дух отца переселяется в сына, тело растёт, и растит своего сына и т.д. Дух является связным между прошлым и будущим, не давая миру в целом повернуть вспять.

Но попытка втиснуть этот дух в неизменную плоть сверхчеловека есть неуклюжая попытка остаться, тогда как каждый из нас должен вовремя уйти, не мешая миру развиваться по восходящей спирали. Нет Абсолютного Нечто, есть Абсолютное движение (развитие). Это относится и к процессам материального мира, и к информационным процессам, и к процессам нравственного (морального) развития.

«Жизнь в ее существе не может быть понята в физико-химических терминах» (Спенсер «Основания биологии», цит. по Н. Лосскому). Попытка создать сверхчеловека, но человека в его материальном и даже духовном воплощении — это попытка замкнуть мир, а замкнутый мир, не получая новых стимулов к развитию, неизбежно гибнет в силу возрастания энтропии в замкнутой системе. Только открытая Система способна к развитию, и никакой «сверхчеловек», — никакой Бог, никакое Абсолютное Начало (Конец) не может произносить вечных истин, вечного морализаторства, не может быть носителем вечного знания, вечной идеи.

Вечного ничего нет, абсолютен только процесс созидания-разрушения — и нового созидания, — вбирающего в себя только часть прежних вещей и идей.

Но процесс — это тоже система, состоящая из элементов, группирующихся поблочно. В каждом блоке — свое местное время, а процесс общения между блоками происходит так, что нам, оказавшимся внутри этого блока, трудно представить его реальную форму. И прошлое общается с будущим своим особым образом, который мы открываем и формируем не весь сразу, а по отдельным феноменальным связям, которые не есть нечто существующее раз и навсегда в законченном виде, а эти связи сами есть непрерывно развивающиеся: создающиеся и распадающиеся.

«Добра и зла, которые были бы непреходящими, — не существует. Надо, чтобы всегда сызнова преодолевали они самих себя... Кто должен быть творцом в добре и зле: поистине, тот должен быть сперва разрушителем, разрушающим ценности. Так принадлежит высшее зло к высшему благу: а это благо есть творческое». Вечен процесс творчества, а не сам по себе результат, имеющий лишь преходящее значение. И главная его ценность в том, что он дает импульс новому процессу, который, отрицая нетленность вызревшего, на его плечах рвется дальше, ввысь.

Заратустра все время акцентирует внимание лишь на смерти как позитивном акте, открывающем следующее действие. Но память мира сохраняет многое из «отжившей» системы, ибо процесс развития есть процесс ветвящийся, и начало новой ветви может быть у любой точки, которая в новых условиях резонирует и начнет отсчет своего времени.

Неправомочен призыв сохранить в неприкосновенности Природу как мать-родоначальницу человеческую, также как и попытка сохранить в мире «статус-кво». «Самые заботливые вопрошают теперь: как сохраниться человеку? Заратустра же спрашивает: как превзойти человека?»

И путь превзойдения Ницше видит в том, чтобы подняться к сверхчеловеку, который бы заменил умершего в сознании людей бога. И в отличие от Бога, олицетворяющего в себе Абсолютное Нечто, Заратустра в сверхчеловеке видит не «самого лучшего», не самого добродетельного, а самого мужественного, самого способного проявить свою волю, ибо «воля есть созидательница». Созидание понимается как процесс одновременного подъема (развития) вверх и вниз, путем рождения нового ребенка и смерти всего уставшего и неспособного к дальнейшему совершенствованию.

«Вы только мост: чтобы высшие перешли через вас! Вы означаете ступени: не сердитесь же на того, кто по вам поднимается на высоту свою!». В этом кредо и сила и слабость Ницше.

«Хвала неукротимому духу бурь, дикому, доброму и свободному, который... есть враг всем увядшим листьям и сорным травам, который ненавидит чахлых псов из толпы и всякое неудачное, мрачное отродье: хвала этому духу всех свободных умов, смеющейся буре, которая засыпает глаза пылью всякому, кто видит лишь черное и сам покрыт язвами». Но кто сказал, где черное и белое. И чахлый куст в пустыне

может дать жизнь роднику. И кто в толпе найдет достойного и недостойного. Кто — сверхчеловек, а кто — толпа?

Сила Ницше в том, что он прославляет процесс развития. И «высоту свою» можно отождествлять с вершиной, созданной благодаря одоленным ступеням **предшественников**. Тогда сверхчеловек — это всего лишь тот, кто не боится умереть, открывая дорогу и помогая двигаться своему **последственнику**. Но если понимать сверхчеловека в статике — как «Человека деятельного», по телам других недочеловеков восходящего к собственным целям, то это идеология фашизма, которая, пока есть человеческий материал, не может не существовать. Но она никогда не станет идеологией развития, ибо не само отрицание слабого есть путь вверх, а отрицание лишь того отжившего, что уже не может оплодотворить и родить новое. Новое — не только материальное, но и духовное. И хилые телом старцы могут быть более плодовиты духом, идеями, обобщениями, знаниями, чем плодовитые, но безмозглые. «Родят не потому, что это доставляет удовольствие... Это потому, что вы должны быть матерями».

«Основная концепция «Так говорил Заратустра» — идея вечного возвращения», — так говорила Е. Ферстер-Ницше о замысле книги. Но даже самые лучшие идеи нередко порождают противоположное, ибо Заратустра несет в себе не только идею отрицания прошлого и развития нового, но и идею воспитания сверхчеловека, отражающего идеал Ницше: «Цель человечества лежит в его высших представителях» или: «Человечество должно неустанно работать, чтобы рожать отдельных великих людей — в этом, и ни в чем другом, состоит его задача» (Ницше: «Шопенгауэр как воспитатель»).

Воспитание сверхчеловека — как процесс помощи стать человеку лучше посредством «новой высшей оценки ценностей, которые должны стать властителями человечества, нормой его поведения и основой жизнепонимания», эта идея здорового и сильного, гармоничного и плодотворного развития человека гораздо целительнее для человечества, чем «христианство, возникшее и выросшее на почве неудовлетворенности слабых, обиженных жизнью». Но очистить эту идею как здоровое зерно из плевел «самости» силы и «сверхности», — это и означает дать умереть отжившим представлениям о целевом предназначении человечества, дать вызреть идее о непрерывном совершенствовании человека, о непрерывном развитии мира, о вечности в движении.

Мы философов часто напрасно зовем,
уповая на звездную млечность.
Я спросил у жены: для чего мы живем?
- Чтобы в детях продолжилась Вечность.

Метаистория как динамическая система

(О. Шпенглер «Закат Европы». — М.: Мысль, Т. 1., 1993)

К истории допустимо применить понятие инфаркта. И то, что спрогнозировал О. Шпенглер для Европы XX столетия, сегодня весьма недалеко от истины.

Дело в том, что человек не может жить в одиночку. А чтобы соединиться с себе подобными, ему нужен либо животный, либо нравственный стимул. Физические условия существования современного европейца не понуждают его ни к классовому, ни национальному, ни профессиональному единению. «Мой дом — моя крепость» — кредо не только англичан, кредо всей современной цивилизации.

«Цивилизация — неизбежная судьба культуры» (с. 163), ее наивысшее достижение, передающееся наследникам в своем максимуме. Тогда как культура как организм: зарождается, развивается и приходит к своему закату.

В истории это уже было с эллинской культурой, персидской, египетской, китайской, римской и западноевропейской. Хотя они развивались независимо, но аналогия несомненна. Ибо культура есть продукт общества, его реакция на некоторые общие для человеческой расы «прасимволы» биосоциального плана.

«Человек как элемент и носитель мира, является не только членом природы, но и членом истории — второго космоса» (с. 185). Постичь сущность истории можно, по О. Шпенглеру, только исходя из противоположности истории и природы.

Аристотель и Кант представляют философию «ставшего», неразвивающегося причинно-следственного мира, делая ставку на первичность материи, физических законов структуры системы. Платон и Гете (и Гегель) — представляют философию становления, рассматривая мир в его диалектическом развитии.

«Божество действенно в живом, а не в мертвом; оно в становящемся и преобразующемся, а не вставшем и застывшем. Оттого-то разум в своей тенденции к Божественному имеет дело со становящимся, живым, рассудок же — со ставшим, застывшим, чтобы использовать его» (Гете — Эккерману).

Для диалектика этот постулат не содержит ничего нового, за исключением того, что Гете был не только поэтом, но и философом.

А философия как элемент культуры неполна без поэтической образной картины мира.

Поэтому метаистория есть история развития и производительных сил и культуры, рассматриваемых как два не последующих друг за другом, а взаимно-дополняющих фактора,

Производительные силы — это и природа и все, что наработано человеком для большего материального развития.

Природа и общество (по О. Шпенглеру), производительные силы и культурно-производственные отношения (по К. Марксу) — две развивающиеся спирали, которые могут соединяться или расходиться в восприятии конкретного человека. И когда это

расхождение становится слишком большим, наступает раздвоение Личности. Когда же это раздвоение становится не только делом избранных, а массовым явлением — возникают условия для социального взрыва.

Но О. Шпенглер далек от исторического взгляда на социально-экономические отношения людей. Он отождествляет Историю с развитием Культуры, понимая последнюю как интегральную сущность научных, этических, нравственных, эстетических и иных начал человеческого общежития.

Отрыв и противопоставление этих начал — материальным условиям жизни делает исторический взгляд неполноценным. Хотя как историк культуры он мог бы многим дополнить наш исторический материализм.

Культура бывает чувственной и рассудочной.

«В каждом греке есть что-то от Дон-Кихота, в каждом римляnine что-то от Санчо Пансы» (с. 169).

«Греческая душа и римский интеллект... так различаются культура и цивилизация (с. 164).

Подчеркивая неизбежность эволюции от культуры к цивилизации, О. Шпенглер грустит о потерянном, об упадке искусства и возрастании роли денег, но понимает, что исторический процесс развивается именно в этом направлении.

«Кто морочит голову своим провинциальным идеализмом и тоскует по стилю жизни былых времен, — тот должен отказаться от того, чтобы понимать историю, переживать историю, делать историю» (с. 175).

«Жизнь — это осуществление возможного, а для мозгового человека существуют лишь экстенсивные возможности» (с. 171).

«У культурного человека энергия обращена вовнутрь, у цивилизованного — вовне» (с. 170). Понимая, что «экспансивная тенденция — это рок, нечто демоническое и чудовищное, увлекающее позднего человека стадии мировых городов» (с. 171), О. Шпенглер понимает неизбежность этого процесса, его заданность естественным ходом событий внутри данной культурно-исторической эпохи.

Греков характеризовали первобытно-человеческие инстинкты в части материальной жизни и статичный образ мышления в отношении духовной жизни.

Для греков хозяйственные отношения были вторичны, ибо их главные устремления были связаны с мирочувствованием и гармонией с природой. У природы они черпали и свои технические решения, позволяющие им обеспечивать необходимые воинские и гражданские заботы.

Однако естественное развитие событий (О. Шпенглер здесь не указывает главное содержание этого процесса — необходимость специализации, уход от комплексного развития науки и культуры к ремесленничеству, что повлекло за собой создание городов) привело к тому, что вместо благоговения перед преданием, перед иррациональностью древних греков примат получила холодная расчетливость римлян, основанная на системе товарно-денежных отношений.

Деньги, величие денег, примат денег — все это привело к по-явлению римского цезаризма, основанного не на власти идей, а на власти силы, власти денег.

Цезаризм не может существовать без экспансии. Отсюда и завоевательные походы римлян, приведшие к созданию Римской империи.

Отсюда переход от эпохи культуры к эпохе цивилизации. Аналогия этому процессу имела место в Северной Европе в середине XIX в. Как Александр Македонский в Древней Греции, так и Наполеон были романтиками, стоявшими на пороге цивилизации.

На смену им пришли римские консулы и буржуазия.

Проводя исторические аналогии, О. Шпенглер делает вывод, что подобно тому, как распалась Римская империя, не имевшая духовных стимулов к развитию, подобная же участь грозит и Европе XX века.

У Европы нет шопенгауэрской «творческой жизненной силы», и она исторически обречена.

Пример России конца XX в., к сожалению, оправдывает это пророчество, хотя и Запад духовно обречен.

Методологическое своеобразие Шпенглеровского подхода к истории — не в том, что он вслед за Гегелем (которого он почти не упоминает) и Гете стал диалектиком, а в том, что он, находя аналогии в различных культурных пространствах, попытался показать неизбежность их органистического существования: зарождения, развития и заката. И этот метапроцесс протекал заново, в каждой из восьми мировых культур, существовавших независимо, но подчиняющихся общим принципам своего развития. Аналогия, по мнению О.Шпенглера позволяет прогнозировать развитие исторических процессов не только в прошедшем, но в будущем.

Трансфизическое познание метаистории

(Д. Андреев «Роза мира» — М.: Т-во Клышников-Комаров и К^о. 1993)

История — процесс.

«Метаистория — учение о процессах инобытия», основанное не только на феноменальном и ноуменальном восприятии исторического процесса, а и на мифологически-религиозном познании жизненного пути человечества.

Озарение, созерцание и осмысление — три стадии метаисторического познания. Метаисторизм позволяет соединить события в реальном времени значительно отстоящие друг от друга. Это позволяет лучше понять событийный ряд, закручивающийся в спираль. И часто два события, отделенные значительным временным промежутком, оказываются близки друг к другу, поскольку в спирали соответствуют точкам наибольшего сближения. Это как бы равносильно исчезновению мировых персонажей с земной поверхности в некоторые, внутренние

слои (сакуалы) нашей брамфатуры, с тем, чтобы впоследствии вынырнуть чуть в новом качестве. Разумеется, такой взгляд неизбежно основывается на трансфизическом методе познания истории. Этот термин применяется ко всему, что обладает материальностью, но иной чем наша.

Действительно, лишь ограниченный антропоцентризм предполагает наличие только таких форм и видов материи, которые даются человеку в его повседневных ощущениях. Не надо придавать стихиям человекоподобный образ. «Разве мы будем меньше любить наш мир оттого, что сквозь него просвечивают другие?» (с. 43). Материальность иномира отличается числом пространственных либо временных координат.

В смежных слоях пространство измеряется теми же тремя координатами, а время имеет не одно, как у нас, а несколько измерений. «Время течет несколькими параллельными потоками различных темпов» (с. 48). «Эта синхронность бытия (когда вы, находясь в одной точке пространства, существуете как бы в разных временных ипостасях) дает особое ощущение полноты жизни.

Однако среди многослойных уровней материальности есть и такие, «где есть пространство, но нет времени, — нечто вроде дыры во времени». «Это — царство темной вечности, но не в смысле бесконечности длящегося Времени, а в смысле отсутствия всяких времен».

Помимо материальных слоев есть слои духовные. Однако их образование крайне отлично друг от друга. Материальности создаются монадами, а дух творится только Богом. Монады — это первичная неделимая духовная единица.

«Мироздание представляет собой неисчислимое множество монад и многообразные виды создаваемых ими материальностей» (с. 293). «Космос есть поприща становящихся монад» (с. 52). «Совесть есть голос нашей монады» (с. 53).

И вообще поведение (выбор) человека предопределяется тремя рядами сил: силами провиденциальными, силами демоническими и волей нашей собственной монады.

А потому сознание отдельной конкретной личности определяется суммой факторов:

- собственным физическим бытием,
- бытием среды,
- сознаниями множества окружающих людей и других существ,
- бытием-сознанием Единого.

Монада создает шельт из материальности пятимерных пространств, а затем астральное тело из материальности четырехмерных.

Астральное тело обладает способностью духовного зрения, глубинной памятью, способностью ощущения космических панорам и перспектив.

Поэтому метафизическое представление — это не только феноменологические представления живых существ, это объемное и многовременное представление о мире монады и порождаемых ею физических и астральных тел.

Можно дискутировать: кто кого порождает. Духовная монада — физическое тело или наоборот. Но ведь это все равно, что найти начало у кольца. Поэтому гносеологический вопрос о первопричине — вопрос механистического восприятия причинно-следственных связей. А на самом деле: облако пролилось дождем, влага испарилась и образовалось новое облако. Или: облако образовалось от испарения, а затем при перенасыщении влагой разразилось дождем. Не схоластика ли — искать ответ, какое из этих утверждений истинно, а какое — нет.

Познание мира станет намного богаче и полнее, если мы поймем, что помимо обычных органов чувств, есть еще и духовное зрение, духовный слух и глубинная память.

«Миссия (человека) связана всегда не только с судьбой ее носителя, но и с судьбою очень многих душ, судьбою и прижизненной, и посмертной, иногда же — с судьбой целых народов, и всего человечества» (с. 64). Если оставить в стороне одну из главных идей Д. Андреева о многократном преображении индивидуума в иных мирах, а только допустить сохранение в окружающем нас мире информационного, эстетического и духовного следа всех живших и неживой природы, то и то очевидно, что человек приходит в мир не чистым листом бумаги, а обогащенным неким не всегда проявляющимся генетическим опытом человечества. Иначе как объяснить, что мальки умеют плавать, а ребенок — улыбаться, слышать музыку и пр.

Духовный запас человеческой метаистории хранится в мифах народов, где сплелись очевидные и надуманные истории предыдущих поколений и исторических эпох.

Д. Андреев своей книгой иллюстрирует, как фантазия человека порождает такие сложнейшие конструкции мировой метаистории, благодаря творческому переосмыслению разрозненных идей иных авторов. Он называет Данте «провидцем», а, по сути, повторяет во многом путешествие Вергилия по кругам Ада, Чистилища и Рая. Д. Андреев иссушает поэтизированный мир (миры) Данте. Но его заслуга не в повторении сказанного новыми словами. Главное, на мой взгляд, заключается в том, что, допуская возможность «путешествия» монад по различным психоматериальным слоям, автор сближает различные субъекты (или, по его представлению, различные выражения одной монады), позволяя им вневременное существование. Отсюда — и его вневременное представление о метакультуре (или метакультурах).

Метакультура — это совокупность физической среды обитания сверхнарода, творящего свою культуру; небесной страны просветленных душ этого народа и противостоящего демонического исподнего мира (с. 293).

Можно спорить о терминологии и о содержательности этого понятия, но следует согласиться с тем, что метакультура должна включать в себя не только созданный народом материальный мир, но и его черно-белое духовное наследие,

олицетворяемое духовными наставниками этого народа. Учет некоторых трансфизических (запредельных) представлений не умаляет, а обогащает культуру народа, подобно тому, что не только природа создает человека, но и человек одухотворяет окружающую среду. И эта память остается не только в цветах, тоскующих по безвременно ушедшей хозяйке (М. Цветаева), но и в генах растительного и живого мира.

Миф — это осмысленный и художественно зафиксированный образ народа. Художественный образ гораздо емче по информативности, чем простое описание. Поэтому искусство — это и память народа, и генетическое начало нового поколения людей.

«Сверхнарод — это группа наций или национальностей, объединенных общей, совместно создаваемой культурой» (с. 135).

Каждый сверхнарод имеет, по мнению Д. Андреева, своего демиурга — сверхдуха: Яросвета (для русского народа) и демонов-уицраоров. И развитие сверхнарода определяется борьбой светлых и темных начал, поочередными их победами и поражениями, что и делает это развитие бесконечным.

Однако бесконечность развития далека от однообразия кольца — это бесконечная спираль, сближающая исторические моменты и разводящая их вдаль друг от друга.

Все движение, по мысли Д. Андреева, направлено на совершенствование человека и совершенствование народоустройства в соответствии с общим мистическим и этическим замыслом — создать всемирное братство людей.

Картины этого «конечного» этапа — идиллия в стиле «Города солнца» и других утопических теорий не внушает особого доверия, т.к. омертвляет главное — процесс.

А вот трансфизическое представление метаистории и занимательно, и поучительно.

История есть борьба демона государственности с демиургом сверх-народа, точнее одной из его разновидностей, связанной с хаосом индивидуумов.

Д. Андреев говорит о параллельном сосуществовании двух миро-отношений: мыслящее христианство и чувственное язычество. Он отдает явное предпочтение идеологии христианства. Хотя философское обобщение русского язычества могло бы дать мощный толчок национальному мирознанию, ибо язычество — это душа народа, душа не только обильная, но и мудрая.

Однако язычество с его многобожием не содействовало укреплению государства, а потому единобожие, предлагаемое христианством, объективно было нужнее для укрепления организованного государственного народоустройства.

Д. Андреев приводит 9 типов такого народоустройства: от жидкого состояния государственности (Греция эпохи полисов) до империи-тирании (Рим, империя Чингиз-хана), до раздробленности сверхнарода и упразднения государства путем его перерождения в братство.

Для Руси необходимость самого существования сверхнарода и защита от внешнего врага требовала укрепления государственности.

И во времена Иоанна III и Иоанна IV московская держава укрепилась в своей самостоятельности. Правда, как говорил Герцен, спасение Руси от рабства татарского повергло ее в рабство собственных государей.

«На известной ступени развития тирания вступает в противоречие уже с интересами государства как суммы личностей» (с. 150).

Именно на этом витке возникло «смутное время» как некий исторический процесс перегруппировки сил: демона государственности и демиурга Яросвета. Здесь дело не в неких мифических силах, управляющих волей народа. Трансфизическое представление истории не является обязательным. Оно лишь подчеркивает историческую неотвратимость смены парадигм: укрепление государственности порождает тиранию, а тирания — в своем чреве выращивает своих пожирателей — новых уицраоров. Однако хаос распада государства вновь стимулирует появление новых центров кристаллизации народоустройства и новых лидеров этого процесса, впитавших в себя не только текущие потребности народа, но и дух предков, с особой силой проявляющийся в моменты сближения на разных витках метаисторической спирали.

Таким лидером становится «родомысл — тот, чья деятельность оказывает решающее и благотворное влияние на народную судьбу и судьбу государства, и кто направляется в этой деятельности волей демиурга сверхнарода» (с. 149). Такими родомыслами русского средневековья были Ярослав Мудрый, Александр Невский, Минин и Пожарский.

Однако такое представление родомысла как марионетки, лишь исполняющей волю некоего демиурга, упрощено донельзя.

Родомысл — тот, кто, владея трансфизическим ощущением мировой истории (метаистории сверхнарода), интуитивно, озарением, мироощущением осознают неотвратимость поворотного момента общего процесса, и находит в себе силы стать его провозвестником и водителем миллионных народных масс.

Для этого политический деятель должен обладать хотя бы «двумя свойствами: органической связанностью со старым государственным началом и жаждою власти» (с. 156). В современности этими качествами обладали и Горбачев, и Ельцин. Но если историзм Горбачева был закономерен, то Ельцин более одержим демонической личной жадой властвования, а уже потом — четким осознанием своей исторической миссии.

Особенность исторической спирали российского народоустройства — лишь звенья общей российской метаистории, понимаемой как осуществление исторического предназначения российского сверхнарода. Предназначения — не как проявления чьей-то божественной воли, а как неизбежность, неотвратимость, созданная геологическими, природными, историческими и культурными условиями, в которых этот народ проживает, с учетом мировой метакультуры.

Образ — идея — жизнь

Каждому из нас хочется состояться, реализовать свои часто даже не осознанные возможности.

Человек может гораздо больше того, что ему удается. И происходит это не от бессилия, не от ограниченных возможностей каждого, а от его неумения осознать, что же, в конце концов, он представляет собой, и что же он хочет.

Отсутствие осознанного целеположения человеческой жизни есть главный источник хаоса индивидуальной судьбы, превращение судьбы в животное бытие.

И, наоборот, целеустремленный человек, концентрируя свои силы, биологический и разумный потенциал на осознанном движении в заданном направлении, способен пройти гораздо больший путь и достичь гораздо более значимых результатов, достичь более «высоких» отметок на волне человеческого существования, с которых начнут стартовать его потомки.

Мещане — прожигатели жизни. Они стремятся к покою, достигаемому как размеренным, так и хаотическим существованием, что увеличивает энтропию всечеловеческой судьбы.

Поэты, казалось бы, пытаются вырваться из хаоса буден. Но в большинстве своем они лишь засоряют ноосферу потоками бессвязных словосочетаний, из которых не возникает ничего конструктивного.

Чувства, которые они возбуждают в сознании людей, не есть само движение, а лишь будоражение чувственной либо мыслительной деятельности.

Разумеется, единицам из них удастся сконцентрировать свой эмоциональный заряд и выкричать тот призыв, лозунг, клич, который сам по себе подвигнет их абонента (слушателя) на действие.

Но чтобы исторгнуть из себя этот клич, поэт должен в своем сознании мельтешение слов и образов уложить в некую связную структуру, обладающую признаками самостоятельной жизни: связностью, законченностью и содержательностью.

Связностью — означающей концентрированность, густоту связей (мыслительных, чувственных и др.) в данной структуре, качественно превосходящей случайные спорадические связи между словами и образами, непрерывно возникавшими и распадающимися в воспаленном воображении поэта.

Законченностью — означающей некую цельность образовавшейся структуры, ее вычлененность из хаоса элементов, присутствие в ней атрибутов самостоятельности: концентрированного ядра (мысли, фразы, образа) и оплодотворяющих его (ядро) чувствительных эпитетов (протоплазмы).

Содержательностью — означающей наличие (пусть даже не осознанного автором) такой внутренней энергии образа, которая, изливаясь на слушателя, понуждала бы его к новой мыслительной или чувственной деятельности.

Но поэт лишь расшатывает окружающую его ноосферу.

Из отдельных образов и мыслей динамическую картину мира формирует философ, мыслитель, ученый. Именно он, опираясь на некоторую идею, возникшую как метаструктуру возникших образов, формирует окружающий хаос как антураж, окружение того канала, по которому мысли индивидуума вливаются в общечеловеческую ноосферу, не растворяясь в ней, а кристаллизуя имеющуюся наличность в виде новой теории существования и развития части и целого мира.

Поэт мыслит образами, но мыслитель из этих образов не только собирает картину, но и вдыхает в нее жизнь.

Мыслитель есть ученый не аналитик, а системщик, ибо наука (в современном утилитарном смысле этого слова) лишь расчленяет мир на части, анализируя причинно-следственные связи, а философия (системная наука) соединяет эти части в единое целое. Ученый-анатом-препаратор должен уступить место ученому-мыслителю, синтезирующему идеи в некий метаобраз жизни.

Человеческой психике, задавленной требованиями законченности мысли, образа, чаще всего этот метаобраз жизни представляется в виде законченного Бога, обладающего безграничными (незаконченными) чудодейственными возможностями.

Но гипертрофированность законченности метаобраза останавливает процесс развития мысли. Хорошо, если не навсегда. Но сдвинуть процесс с места труднее, чем поддерживать его постоянное развитие.

Поэтому нельзя останавливаться (даже на отдых) в развитии картины жизни, нельзя отойти и долго любоваться совершенством законченного творения. Ибо совершенно только то, что содержит в себе потенциал для нового витка мыслей, идей, жизнесуществования.

Но любой новый виток спирали бесконечного развития мира становится возможным, когда на пути равномерного движения возникает неодолимая преграда. И сила противодействия этой преграды поворачивает нашу мысль вспять.

Как важно, чтобы в этот момент мы действительно не бросились назад по проторенной дороге, а увидели выход в смещении на новую орбиту развития. И движение по этой орбите даже, казалось бы, в обратном направлении, на самом деле, есть движение по раскручивающейся спирали.

Переход с орбиты на орбиту в точках бифуркации как перед Головой в «Руслане и Людмиле» Пушкина или камнем в «Витязе на распутье» Верещагина происходит под влиянием идеи, зародившейся в сознании Ведущего.

Зарождение идеи, как правило, проистекает путем формирования новой мыслительной структуры в сознании. И, чаще всего это происходит путем оформления этой идеи в виде некоего образа, возникающего из подсознательной сферы. Той сферы, где действуют правила алогичности или, точнее, еще непонятной, а может быть, и принципиально непонятной нашему земному разуму логики формирования образов и мыслей.

«Каждая наука проходит стадию, когда за недостаточностью достоверного знания ученые вынуждены заменять доказательства и опровержения верой и неверием», — писал Резерфорд. «И магия, и религия, и наука — это всего лишь способы теоретического мышления» (сэр Джеймс Фрезер, цит. по М. Карпенко «Вселенная разумная», М. «Мир географии», 1992 г., с. 11).

Включение веры (не в религиозном, а понятийном смысле) в систему научного знания есть признание того объективного процесса мышления, который понятен каждому непредвзято мыслящему человеку и отрицается лишь догматиками рационального мышления, абсолютизирующими нынешний механизм причинно-следственных связей, по которому процесс развития идей от А к Б к В и далее. На самом же деле мысль (образ, идея) формируется на основе разнонаправленной двухканальности: от А к Б через «а» и от Б к А через «б».

Такие кольцеобразные логические связи являются зародышем связной, законченной и содержательной структуры, порождающей жизнеспособные системы.

Прогресс — это не поступательное однонаправленное движение; прогресс — это циклическая схема зарождения, развития и отмирания одной структуры, из бифуркационных точек которой рождается новая цепочка: аз есмь, рост и упокой и т.д. и т.д.

Каждая такая структура имеет ограниченный срок существования, однако она оставляет свой след в истории ноосферы. Точнее говоря, ноосфера и есть совокупность информационных следов таких структур. Причем информационные следы тоже имеют свой, но уже невременной срок жизни.

Они приумножаются (сохраняются и по-новому соединяются с другими следами), если не исчерпан их информационный потенциал, дающий жизнь новым связным структурам, что означает появление негэнтропийных сгустков информационной энергии, порождающей не только мыслительные процессы, но и материальные (и даже физические) образования.

Но от бездействия этот потенциал растворяется в хаосе, увеличивая количество уже не информации, а ее дробных неспособных к самосуществованию элементов, унавоживая информационную почву, на которой при определенных условиях, инициируемых новыми квантами информации, могут зарождаться новые информационные структуры.

Так маленький кристаллик, брошенный в насыщенный раствор, порождает друзю. Так и информационный квант, попадающий в насыщенное прошлыми образами подсознательное поле, инициирует появление оформившейся структуры мысли, образа, идеи.

«Знания обо всем есть везде, и гений отличается от людей обыкновенных только лучшим, по сравнению со средним, уровнем избирательности своего приемника рассеянной в пространстве информации» (М. Карпенко, с. 18).

Информация создается не только живыми существами, но и природными геодинамическими процессами, процессами физико-химического и биологического

преобразования вещества. Так, живая и неживая природа, включающая смену времен года, образование растительных структур, образует несчетное количество высокоорганизованной информации, порождающей у гениальных приемников совершенно неожиданные новые информационные и материальные структуры.

Не есть ли образование белковых веществ, а затем и жизни, таким творением, когда некий природный квант информации, попав в насыщенный ноосферный раствор (а тогда еще чисто физико-химическое поле) породил такую концентрацию информационных связей, что они материализовались в виде жизнеспособной структуры).

По крайней мере, именно события, (явления), лежащие на хвостах кривой распределения вероятностей нашего стохастического мира, в большей степени ответственны за появление качественно новых состояний природной среды, породившей все живое и самого Номо.

Из автонекролога Л. Гумилева

(Сб. «Этносфера»)

«Без широкого восприятия мира развитие ума и чувства невозможно» (с. 12).

«Люди желают жить в мире, но порознь» — эффект ежа.

«У человеческих коллективов есть жесткая связь с кормящим ландшафтом. Это и есть Родина. Но к использованию ресурсов ландшафта надо приспособиться. Правнуки... осваивают набор традиций, необходимых для благополучного существования (под набором традиций следует понимать и образ жизни и общественное устройство — организацию этноса). Тогда Родина превращается в Отечество» (с. 18).

В западноевропейской науке «во главу угла было поставлено сознание, а ведь генетическая память лежит в сфере ощущений» (т.е. подсознательного — В.Б.)... Наличие генетической памяти объединяет антропосферу» (с. 20).

«Сопричастность людей к биосфере праматери жизни на планете Земля, это — дополнение к социальной эволюции, а не замещение ее» (с. 24).

«Все виды энергии воспринимаются не непосредственно, а через наблюдаемый эффект, но для получения эффекта необходима структура из многих элементов» (с. 29).

«Все мы сопричастны Вселенной, но путем иерархической совместимости макромира с микромиром... Время... измеряется числом событий. В отличие от календаря оно неоднородно» (с. 30).

«Когда пламя мысли передано другим, он (автор) обретает счастье» (с. 36).

В античности говорили: «Эллины ждут знания, а иудей — чуда» (стр. 35).

«Пустота — не ничто, а нечто трансцендентное мысли...» (К. Ясперс, с. 331).

«Если бы не было пустоты, не было бы и движения, ибо любой импульс затухал в той же точке пространства, где и начинался».

Вакуум (пустота) пронизывает материю, также как материя (вещество + энергия) пронизывает вакуум. «Частица — античастица, непрерывно рождаясь, тут же аннигилируются, испуская кванты света в «никуда». Это — нулевые колебания вакуума, а частицы, которые существуют и одновременно не существуют, названы виртуальными... Если на «пустоту» воздействовать сильным электрическим полем, то виртуальные частицы могут превратиться в реальные».

«Человеческий разум не является формулой энергии, а производит действия, как будто ей отвечающие» — Вернадский, цит. по Л. Гумилеву, с. 344.

Человеческий разум — путь не к ноосфере, а к экрану, отбрасывающему биохимические импульсы, а... обратный путь биохимического импульса, зафиксированный сознанием, будет мироощущением.

1-й биохимический принцип Вернадского: Биогенная миграция атомов химических элементов в биосфере всегда стремится к максимальному своему проявлению (с. 345).

«Идеал — это далекий прогноз, воспринимаемый интуитивно» (с. 363).

Две меры «Я»

Человек должен постоянно осмысливать себя во взаимоотношениях с окружающим миром. Ибо жизнь без осмысления своих действий и своих намерений становится животным прозябанием. А мониторинг индивидуально-коллективного поведения субъекта делает его целеустремленной личностью.

Я — это мера внутреннего бытия человека, его экзистенция. Но свобода внутренней воли, персонализм не есть единственный стимул поведения человека. Существуют и другие меры: группы, сообщества природно-духовной и космической среды, где индивидуальное «Я» не исчезает, но становится иррациональным элементом шкалы коллективных действий.

«Я» — сам по себе и «Я» в коллективе — далеко не одно и то же. И этот дуализм становится главной силой большинства действий, совершаемых людьми интуитивно-осознанно и стадно-бессознательно.

Начальные условия «Я»

Мир — многокоординатен.

Я — есть одно из реализаций, траекторий некоей группы. Но эта группа — не одноначальна. Она возникает с разрывом, хотя образует некий родовой (этнический) взрыв, переходящий затем в спокойное эволюционное развитие группы — сообщества. Групповое (родовое) поведение особей когерентно, хотя внешние условия

могут нарушить эту синфазность и развести траектории развития подгрупп, а иногда и столкнуть их друг с другом в бескомпромиссной борьбе.

Этносы — еще более многосложные образования. Их рождение — не одномоментный акт, срок жизни 1200...2000 лет, по-видимому, связан с периодом космоэнергетической подпитки. Но если энергетические толчки приводят к пассионарности этноса, начинающегося с появления пассионарных демиургов, то почему это происходит не в одних и тех же историко-географических местах, а в разных: то в Ацтекии, то в Юж. Африке, где появился «свой» человек, то в Индонезии, которая родила проточеловека, но пока не дала этноса?

Итак: пассионарный толчок внешней энергии воздействует на появление лидеров (основ), организующих толпу в цивилизованный этнос. Но почему рождение субъекта требует слияния двух начал. Борьба «да — нет», инь и ян есть источник стимул развития, (но не рождения?).

Человек (этнос) — срединная система, сформированная космоэнергетическим толчком и микроскопически подготовленной структурой. И как космоэнергетический взрыв усваивается земным приемником — путем энергетической потенции, формирующей новую структуру?

Энергетический толчок — это не просто подпитка «боевого духа» этноса — это вызревание идеи этноса, катализирующей большинство. Это — идея религиозная, национальная или социальная. Должна быть индивидуально-историческая идея этноса. В чем она?

Этносфера и космос

Ноосфера — окультуренная разумным человечеством оболочка Земли — хранилище вещественно-энергетической и информационно-организационной материи в планетарной системе. Взаимодействует с землей гео-био-физическими и этически культурными полями.

Антропосфера — оболочка Земли, поверхностно-ландшафтная, связанная с человеком и его деятельностью.

Биосфера — оболочка Земли, состав, структура и энергетика которой обусловлена прошлой или современной деятельностью живых организмов; состоит из живого вещества и продуктов его жизнедеятельности» (Л.Н. Гумилев «Этносфера», — М.: Экопрос, 1993, с. 496).

Этносы — продукт биосферного (а точнее ноосферного) толчка со стороны Космоса, на особые точки земного ландшафта, обладающие повышенной энергетической (а точнее биосоциокосмоэнергетической) восприимчивостью.

Этносы развиваются не однонаправлено по оси временной протяженности.

Как никакая другая система, этнос обладает ареалом и минимум двухкоординатной временной памятью.

Пространство зародыша этноса и ареал его распространения определяется совокупным взаимодействием космоса (его энергетического, а точнее ноосферно-физического импульса) и восприимчивой для данного сообщества ландшафтной средой.

Из трех источников: от солнца, подземного радиораспада и рассеянных пучков галактической энергии авторы останавливаются на последнем — переменном космическом излучении. Это излучение (импульсы), будучи деформированным магнитным (или гравитационным) полем земли примет облик геодезических линий. При этом наиболее чувствительным приемником оказывается среда предгорий, где максимальна разность геопотенциала.

Характер же космического излучения связывается с многолетней вариацией солнечной активности либо со вспышками сверхновых звезд в галактике.

Ссылаясь на акад. Чечельницкого и проф. Бутусова (астрофизика) и географа проф. Ермолаева, которые выступали на втором космоантропологическом конгрессе, проходившем под руководством акад. Казначеева, Л.Н. Гумилев (Ритмы Евразии, — М: Экопрос, 1993, с. 145) уверяет, что космо-энергетические толчки есть результат столкновения сильных вихревых турбулентных потоков, образуемых потоком плазмы, идущим от Земли до орбиты Плутона (солнечный ветер) и встречного потока звездного ветра. А толчки вызывают мутации человеческой расы (редко) или микромутации, насыщающие особей данного района свойствами пассионарности (страсти).

Жизненный цикл этноса 1200 ± 200 лет, в течение которого первичные пассионарные коллективы образуют структуру среды обитания (природной и социальной), размножаются и уходят в вечность.

Более жесткие мутации, по-видимому, дали толчок появлению рас, а т.к. первичные толчки прошли почти одновременно по всей планете, то вероятнее говорить о единовременном появлении в различных районах суши: в Европе, в Родезии, на Филиппинах, в Мексике и древней Монголии.

Появление расы с характерными признаками: цвета кожи и волос, разрезом глаз и т.д. есть результат воздействия мутационного импульса биофизического плана. Что же касается этноса — то это социально-природный объект, отличительной особенностью которого является не только системная коллективная обособленность, но и некоторый интегральный многофакторный признак: язык, культура, хозяйственно-бытовой образ жизни (охота, земледелие и т.п.), традиции, коллективная душа и собственная идея существования (и развития). По мере развития производительных сил могут меняться не только производственные, но и общественные внутриэтнические отношения.

Хотя отличительной особенностью этноса и является комплиментарность и стереотип поведения его членов, но говорить о противопоставлении этноса другим сообществам неправильно. Одна группа этносов может жить и развиваться синфазно, находясь в коллективистских отношениях с другими этносами (например, Московия

и Золотая орда в XII в.), другие, — в основном, на избытке пассионарности, невостребованной внутри этноса, проявляют агрессивность по отношению к другим народам. Народ — это более социализированное общество по сравнению с природным этносом. Народ оформляется в виде гражданского населения государства. А этнос может иметь структуру управления, а может подчиняться и более свободным правилам общежития, охраняемым не государственным насилием, а наследственной этнической традицией.

Если в историческом плане государство есть временный институт определенного территориально-национального сообщества, то этнос, хотя и имеет свой жизненный цикл, есть более долговременное, а главное, более устойчивое природно-общественное образование. Даже при распаде этноса некоторые черты его членов будут сохраняться из поколения в поколение, хотя государственные структуры либо более универсальны и приемлемы для новых государств, либо остаются в ноосферной (разумной) оболочке Земли (например, римское право), играя далеко не всегда позитивную роль в смысле зарождения новых институтов власти и управления. Этнические традиции не нивелируют культуру мира, а обогащают ее ноосферный слой красочной палитрой коллективной индивидуальности.

В отличие от цивилизаций, развивающихся на базе совершенствования культурно-социальных отношений вкупе с производительными силами, этнические особи больше действуют на подсознательном уровне. Эта подсознательность может как приумножать самосохраняемость (гомеостаз) общества, так и, наоборот, генерировать негэнтропийные процессы в виде природно-общественного обновления коллектива. Например, свободолюбие кавказских горцев, российская доброжелательность, иудейское миссионерство и т.д.

Любопытно, что доля пассионарцев (так же как и субпассионарцев) в процентном отношении невелика. Но всегда бифуркационные, в т.ч. и пассионарные процессы определяются не в статистически массовой группе, а именно на хвосте нормального распределения вероятностей.

Жизненный цикл этносов — это многофазный процесс. И хотя этнос — это не исчезающий бесследно определенный слой человечества, ему как живому организму и любой системе отведен на действительной оси времени ограниченный срок 1200 ± 200 лет.

В истории человечества отмечено девять космических толчков, давших начало новым этносам, возникшим одновременно в различных точках земли:

- 1) XVII в. до н.э.: Верхний Египет.
- 2) XI в. до н.э.: Северный Китай.
- 3) XIII в. до н.э.: Римская империя.
- 4) III в. до н.э. Евразийская степь.
- 5) I в. н.э.: Христиане.

- 6) XI в. н.э.: Ислам и буддизм (не как религии, а как этнос с преобладанием этой религии).
- 7) XIII в. н.э.: Западная Европа.
- 8) XI в. н.э.: Монголия.
- 9) XIII в. н.э.: Россианство.

Если первые пять этносов возникли с разрывом в 4...7 веков, то последние 4 появлялись более быстро — через 2...3 века.

После XIII в. этническое развитие стало уступать социально-государственным коллективам, т.к. зависимость человека от природы благодаря развитию производства стала менее заметной.

Приведенная Гумилевым хроника возникновения этносов далеко не полна. Здесь не отмечена древняя цивилизация инков и ацтеков, колумбизация и негритизация Америки, Киевская Русь, Советский Союз, в котором образовалась единая социальная многоэтническая общность — советский народ со всеми чертами пассионарности революционно настроенных представителей разных народов. То, есть этот этнос родился в Евразии с ее характерными природно-космическими характеристиками, впитал в себя многонациональные традиции и культуры живших здесь народов, объединив их космическим российским вестничеством — примером братства, равенства и справедливости, делает советский народ суперэтносом, влияние которого на мировую цивилизацию через ноосферу будет нестертым в истории человечества.

И все же главный вопрос, — какие ноосферно-космические силы ответственны за мутационный толчок для возникновения нового этноса, остается открытым и требует нового взгляда на эти природные явления с позиций новой модели Вселенной как совокупности открытых систем, взаимодействующих друг с другом как непосредственно путем обмена веществом, энергией, информацией; так и через межсистемную среду, в которой происходят не только полевые обмены материей, но и смена самих материальных категорий.

Таксонометрия человеческих сообществ

Человечество — аморфная антропосфера — одна из оболочек Земли.

Суперэтнос — группа этносов, возникшая одновременно в одном регионе и проявляющая себя в истории как мозаичная целостность.

Этнос — основная таксонометрическая единица — большая замкнутая система с динамическим стереотипом поведения и оригинальной внутренней структурой, меняющейся в зависимости от прохождения фаз этногенеза.

Субэтнос — внутренний элемент структуры этноса. При упрощении структуры этноса в фазе упадка число субэтносов сокращается до одного.

Консорции — группы людей, объединенных одной исторической судьбой — возникают и исчезают быстро (несколько месяцев).

Конвиксии — группы людей, объединенных однохарактерным бытом и семейными связями, живут несколько поколений, образуясь из консорций. Их либо разъедает экзогамия (связи с представителями других консорций (конвиксии), либо перетасовывает сукцессия — резкое изменение исторического окружения.

Уцелевшие конвиксии, размножаясь, перерастают в этносы. (Цит. по Л.Н. Гумилеву «Этносфера» с. 210).

Этническая систематика отличается от социальной, хотя, думаю, правильнее говорить не о пассивном влиянии ландшафтов и соседних сообществ на этносы, а о едином геобиосоциозенозе, понимая под «социо» — и культуру и этику сообщества, но надо учитывать и информационно-космоэнергетическое взаимодействие ценоза со средой.

Ксении — сочетание двух и более этносов в едином социальном организме, принужденные жить вместе, мирящиеся с фактом сосуществования, но тяготящиеся друг другом (табл. с. 215).

Этнос как динамическая система есть не сумма особей, в него входящих, а система связей, объединяющих особи. Причем эта система действует в определенном ландшафтном пространстве (этно-ценоза) и во времени, переживая процесс пассионарного взрыва, последующей стабилизации и угасания.

Но Л. Гумилев не характеризует основные свойства этнической системы, ибо признание лишь внутреннего ощущения «мы и не мы» ни о чем не говорит.

Это относится и к любому сообществу (консорций и т.д.).

«Этнос — это пассионарное поле одного ритма, ибо у другого этноса свой ритм» (с. 227). Это что-то новое, хотя и не определено, о каком ритме идет речь. Ритм — свойство не особи, а этнического коллектива, резонирует с поведением других членов коллектива. Но ритм проявляется у особи, а у системы нет резонанса, есть пульс (собственная частота).

Полемизируя с В.И. Козловым, Л.Н. Гумилев так и не дает общего определения этноса как системы. Этнос — это природно-социальная система, формируемая биоэнергетическими пассионарными пионерами, закладывающими социальный (нравственно-экономический) этно-геноз как структуру и развивающуюся без дополнительной подпитки энергией извне в направлении увеличения энтропии, т.е. ослабления резистивности (сопротивляемости) и угасания. Но в процессе своего жизненного цикла этнос успевает вкупе с другими прародителями дать жизнь новой социально-этнической консорции, которая при подпитке со стороны биосферы (ноокосмоса) успевает вырасти в новый этнос.

Очень тонкое наблюдение Гумилева: раз пассионарность вызвана внешней (для этноса) энергетической подкачкой, то эта подкачка сильнее там, где больше разность потенциалов: в предгорьях, с резкоконтинентальным климатом. Кривая

проявления пассионарности — инерционная совокупность геобиотолчков, вызывающих микромутации, не влияющие на фенотип, но отражающиеся на стереотипе поведения наиболее чувствительных особей.

Этого бывает достаточно для того, чтобы популяции, охваченные пассионарным подъемом, создали социальные институты, закрепляющие структуру (с разделением функций лидеров и толпы), благодаря чему эти популяции становятся этносами, т.е. коллективами с явно выраженным самоединением. Так, в одном регионе могут существовать два этноса, но две популяции немедленно сольются в одну (стр. 237).

Причина пассионарности связана не с экологией и социологией, а с этнопсихологией — коллективным человеческим подсознанием.

Подсознательная реакция этноса есть следствие биологической мутации особей, которая при малых толчках проявляется на нервной системе, а при больших — на соматической. Но причиной являются космоэнергетические толчки — микромутации.

Итак, консорции (конвексии) образуются после геобиомутационных энергетических импульсов. Но появившийся на свет коллектив для самосохранения должен быстро создать структуру с разделением функций между отдельными членами. Простая структура малоустойчива. Проявляется эффект пирамиды. Любая система должна размножаться, чтобы увеличить основание пирамиды, а растущее количество элементов должно самоорганизовываться. Если уровень организации отстает от количественного накопления элементов, то рост системы создает инерцию развития и понижает резистивность системы.

Любая система, в т.ч. и индивидуальная особь имеет определенную собственную частоту. Если внешние воздействия идут в режиме резонанса, то степень мутационности выше, хотя мутации меняют частоту собственных колебаний и тем самым снижают эффект. Если при этом сами мутации как воздействие не меняют своих частотных характеристик.

Искусство этноса

Что такое искусство в жизненном цикле человеческой или этнической системы? Это — фиксация переживания субъекта во вневременной форме. Для отдельного человека это переживание — в картине, для этноса — в орнаменте, для суперэтноса — в сакральных изображениях: идолах (Л. Гумилев, Ритмы Евразии — М: Экспресс, 1993, с. 132). Но искусство — это одна из страт, один из срезов мировой системы. Это — как бы идеальная самодекаль системы, созданная (идентифицированная ей самой) как мониторинг реализации целеположения системы. Т.е. неосознанная внутренними субъектами цель и идеальная модель этой цели привносится при рождении системы извне. Затем она транслируется в развернутые образы, формы, структуры не по прихоти того или иного художника, а

демиургом системы, яснее других понимающих эту цель, но умеющего выразить ее в форме, доступной феноменологическому восприятию сограждан.

Соборные купола России — это не просто красиво, это — отображение россиянской идеи в форме мягкого соприкосновения с небом. Это — образ России, так же как и колокольные звоны. А песня бурята — это голос этноса, так же как и готика романо-германских соборов, не характерных для степной Евразии.

Этническое искусство — это запечатленная в форме, воспринимаемой органами чувств человека, внутренняя структура этнической системы.

Искусство более долговечно, чем этнос, но не потому, что его жизненный цикл длиннее. Искусство — это объем x событийность — минимум шестиугольная звезда системы. Если память — двухкоординатна (время x вечность), то искусство содержит в себе и все пространственные координаты и временные, включая третье измерение времени — нереализованные, но мыслимые возможности системы.

Искусство — это многогранная модель системы, более полная, чем ее материально-вещественная форма, т.к. обладает дополнительными гранями мыслимого и фантастического.

Искусство этноса не нивелируется в мировом искусстве, а увеличивает разнообразие модельных форм в ноосфере. С другой стороны, искусство одного этноса оказывает влияние и на формирование моделей других систем, органически вплетая в косы русских лесов африканские завитки и узорчатость монголов. Возможно, именно искусство, концентрируя в виде обобщающей модели наиболее характерные черты системы (этноса), переносит закодированную модель в почку, из которой вызревает новая система, новый этнос со своей разворачивающейся моделью — своим искусством.

Искусство — это символика, отражающая своим знаковым изображением особенности своей системы. Арабская вязь и арабско-среднеазиатский орнамент, японо-китайские иероглифы, утонченные хокку и штриховой рисунок — это образы своего этноса. Есть знаки как универсальные средства обращения (например, арабские цифры или латинские буквы, есть английский язык, ставший международным), но эту общепринятость нельзя смешивать с индивидуальной этнической символикой — искусством этноса.

От слова — к образу

На смену эпохе слова приходит эпоха образов (мышления). «Чтобы быть достойной, теория в любой области наук должна зиждиться на структурных элементах; без этого она распадется как карточный домик, который может быть очень мил на вид, но слишком неустойчив и не может выдержать ничего, кроме собственного веса».

Эрик Берн «Люди, которые играют в игры» (с. 357).

«Высказывания, сколь бы многочисленными и точными они не были, еще не создают теории. Ядро сценарной теории составляет структурный анализ (там же, с. 356).

Структурный анализ — это неразрушающий анализ образа, тогда как анализ отдельного слова вне контекста разрушает мысль и потому просто бессмысленен.

Вкус

«Слово «вкус» в широком смысле может выражать удовольствие, получаемого при помощи любого из наших органов чувств, побуждаемых к деятельности внешними предметами...

Имеется четыре источника удовольствия, связанного с возбуждением нервов...

Первый источник вызывается степенью новизны форм, цветов, количеством, комбинациями или чередованиями предметов. Второй источник зависит от повторяемости форм, цветов, количества предметов, их комбинаций или чередований... Третий источник удовольствия, получаемого от восприятия видимого мира, можно назвать мелодией цветов, которая... совпадает с мелодией звуков... Четвертым источником удовольствия от восприятия видимых предметов является предшествующая ассоциация других приятных представлений с известными... Так возникает прекрасное» (Э. Дарвин «Храм природы» — АН СССР, 1954, с. 144).

Новизна вызывает удовольствие, потому что одним из главных стимулов сознательного существа является любопытство. Не получая в достаточной степени новой информации, не испытывая постоянного «удовольствия новизны» человек деградирует, становясь запрограммированным автоматом. Однако не всякая новизна доставляет нам удовольствие. Если мы по интуитивной аналогии находим новому предмету место в нашей умозрительной картине мира, такая новизна доставляет нам удовольствие, расширяя с помощью внутренней работы воли наши представления об окружающем, делая его более разнообразным, а следовательно, и расширяя адекватный арсенал наших ощущений и реакций.

Однако если новизна бывает чрезмерной и не укладывается в наши интуитивные представления, то такая новизна вызывает страх, отторжение и раздражение.

«Меньшая степень удивления обычно бывает приятна, т.к. она просто выражает чувство, вызываемое новизной представлений» (с. 146). Но у отдельных людей с обостренно развитым чувством новизны не менее приятную степень удовольствия вызывают диссонирующие представления — контрасты цветов, форм, идей. Эти люди склонны к более резким ощущениям и более радикальным представлениям о сущности наблюдаемого и умопостигаемого мира. Такие люди прорывают постепенность новизны, но они выделяются из общей массы своей экстравагантностью, ведущей за собою основную массу, видоизменяя общий вкус общества.

Но и в деле воспитания вкуса постепенность дает более ощутимые результаты. Так, в свое время импрессионизм, авангардизм и другие течения с трудом воспринимались общей массой и нередко воспринимались как «пощечина общественному вкусу». То, что общество, наконец, привыкло к такой новизне, не есть достижение. Гораздо эффективнее было бы постепенное приучение общества к новому вкусу. Это позволит обществу в целом быстрее адаптироваться к новизне форм и цвета, обогащая свой вкус новыми чувствами удовольствия. То же касается и новизны музыкальных произведений, новизны научных и социальных идей. Многое отвергается как непривычно неприятное и постепенность была бы лучшим способом восприятия новизны.

Но впечатляет не только сами по себе единичные факты новизны. Удовольствие (или неудовольствие) вызывает периодичность действующих раздражителей, связанная с тем, успевает ли нервная система зафиксировать в сознании приятные ассоциации в промежутке между тактами музыки, световыми вспышками и любыми другими чередованиями новых ощущений. В повторяемости, вызывающей ряд последовательно воспринимаемых и приносящих ассоциативные удовольствия, кроется общая гармония музыкальных тактов, поэтического ритма и архитектурной последовательности линий и колонн.

Таким образом, «сама красота состоит в правильной комбинации однообразия и разнообразия» (с. 148).

Излишнее мелькание, когда человеческое восприятие не успевает вызвать удовольствия, связанное с интуитивной аналогией, а равно и чрезмерное однообразие воспринимаемого мира вызывают апатию ощущений, что тормозит развитие вкуса и интеллекта человека.

Мелодичность цветов и звуков определяется не только тактом воспринимаемых сигналов, но и их последовательным следованием, т.е. сочетанием соседних ощущений. Раздражение, вызванное одним цветом, при переводе взгляда на другой расположенный по соседству цвет должно усиливаться. Так, «мы воспринимаем цвета не только легче или яснее, но и рельефнее и с удовольствием, если мы по очереди видим зеленый и красный цвета, оранжевый и синий, желтый и фиолетовый (с. 150). Казалось бы, и здесь играет роль удовольствие привычного восприятия аналогии, например, радуги: красный — оранжевый — желтый — зеленый — голубой — синий — фиолетовый и т.д. Однако, соседние сочетания радуги у Э. Дарвина почти не имеют ничего общего. Может быть — это зависит от индивидуальной впечатлительности человека, фиксируемой психологами по очередности любимых цветов своих пациентов.

Но сам факт, что «ширина семи основных цветов спектра, преломленного призмой, пропорциональна семи музыкальным тонам гаммы», наблюдаемый И. Ньютоном, восходит к древней семиричности мира.

По-видимому, семиричность есть свойство человека (или системы) различать допустимое множество отличий. Большая дробность тонов утомляет, а меньшая вызывает ощущение однообразия. В иерархической системе оптимальным является

наличие у каждого управляющего органа семи подчиненных. С большим числом объектов он не успевает справиться, а меньшее число — недостаточно для возможного и желательного разнообразия его функций.

Поэтому семиричный принцип повторяемости воспринимаемых элементов с определенным промежутком между ними и определенным соседством есть признак вкуса, т.к. он вызывает в сознании интуитивную или наблюдаемую ранее аналогию, возбуждающую чувство удовольствия.

Помимо семиричной последовательности существуют другие приятные аналогии, вызывавшие у человека при его первом знакомстве с миром удовольствия, которые он запомнил и с которыми он сравнивает другие наблюдаемые предметы и явления. «Чувство красоты с самой колыбели связывается у нас с легкими изгибами линий и гладкой поверхностью видимых предметов и берет начало, по-видимому, от формы женской груди... Для красоты характерно, что она является объектом любви» (с. 153).

Отождествление любимого и прекрасного не случайно, потому что эти два чувства делимы только на высшей стадии дифференцирования этических понятий.

Восприятие красоты есть зрительный образ того, что вызывает удовольствие, получаемое с помощью других ощущений.

«Когда ребенка, вскоре после появления на наш холодный свет, прикладывают к материнской груди, то у него сначала возникает приятное чувство теплоты; затем обоняние приятно возбуждается запахом молока; после этого вкус вознаграждается его сладостью; голод и жажда доставляют удовольствие вследствие обладания предметом их удовлетворения к последующего переваривания пищи, и наконец, чувство осязания приводится в восхищение нежностью и мягкостью струи молока — источника столь разнообразного (опять-таки семиричного — В.Б.) счастья» (с. 154).

Симфония (созвучие)

Душа человеческая — камертон. Она откликается всем звучащим до нас и после нас звукам. Не резонирует лишь с теми отголосками мира, на которые запрограммирована судьбой. Чем шире спектр этой программы, чем избирательней настроена душа на самые мельчайшие оттенки мира, чем богаче палитра этих отдельных резонансов, тем симфоничнее душа человека всему земному и потустороннему, тем обильнее и тяжелее нести в себе эту кладезь звуков как отражение Сущего.

Но звук — лишь одно из проявлений Сущного, даже если этот звук родит слово, родит музыкальную напевность. Многосущее проявляется в цвете, который вычлняется из света в виде узкой спектральной полосы. В то же время переплетение этих полос, их аккордность есть отголосок той палитры, которой расцвечен физический мир — Природа вкупе с воспринимающим ее Человеком. Глазами мы видим не только цветность, но и рисунок мира, его структуру, его организующее

Начало. Снежинка, в которой даже неживая Природа отразила свою склонность к симметрии; капля воды, стягиваемая силами внутреннего притяжения в шароподобную сферу; кристалл горного хрусталя, выточенный Временем с ювелирной четкостью и совершенством; зеленый лист; пронизанный капиллярами, несущими клеткам влагу и пищу. Пойманные зорким оком художника рисунок и цветность, свойственная природным объектам, помноженная на его взбурленные фантазией причудливые конструкции и полицветные контрастирующие с привычным мироощущением пятна, все это созвучие — симфонийность человеческих произведений не только видимому, но и подсознательно воспринимаемому миру. Созвучие-симфонийность слышится и в музыкальном произведении, переводящем мирские и внеземные страсти на язык звукоряда. Телевизионные клипы — пусть плоские, но симфонические произведения, воздействующие на человеческие органы чувств одновременно и звуком, и рисунком и цветом и мелодикой, и ритмикой. Еще большие возможности сулит голографическая цветомузыка.

Совсем иное воздействие оказывают на нас иконы. Глядя на лик Божьей Матери или Николая-Угодника, как и на любой другой образ, мы забываем и о рисунке и о цвете. В глаза к нам входит, и расширяет пространство для проникновения в душу небесная музыка, сопровождаемая колокольными звонами. Не считывая информацию с поверхности иконы, а, воспринимая ее целостно подсознательно, мы воспринимаем творение художника не как набор отдельных деталей, а в виде образа, созвучного нашему внутреннему состоянию. Тут проявляется высшая симфонийность — созвучие образов, а не отдельных звуков и отдельных цветовых ощущений. А если к этому многофактурному представлению внешнего предмета добавить и слово, раскрывающее нетелесную сторону мира, то восприятие становится более насыщенным, созвучие — более проникновенным в образ.

Песня — душа народа. Именно в ней, в песне, соединилась музыкальность и словесность, и это придало песне не только большую выразительность, но и большее созвучие между тем, о чем и как поется, и тем, какое впечатление оставляет она в душе слушающего и, особенно, поющего. А, если песня еще дополняется и ритмическими движениями, то созвучие становится более полным.

«Молитва — экстаз души», а танец — «такой же священный экстаз тела» (М. Волошин). Движение-жест, запечатлевающий тайный смысл бытия, — священнодействие. И этот мотив пляски, хоровода, танца, привносимый жестикуляцией, помогал художникам и поэтам создавать более полновесные образы. «Влияние телесных движений на архитектонику фразы — Америка, мною открытая в юности» (А. Белый). «Музыка научила, играя, выращивать сказки» (Он же).

Так, отображая мир в своем сознании с помощью рисунка и жеста, цвета и звука, отображая мир в своем подсознании с помощью слова и образа как интегральной совокупности выразительных элементов, создающих качественно новый уровень отображения реального и иррационального, мы возводим искусство и духовное начало в разряд высшего созвучия Человека и Космоса.

В «Нобелевской лекции» И. Бродский преувеличивал значение языка как формы познания. «Существует... три метода познания: аналитический, интуитивный и метод, которым пользовались библейские пророки, — посредством откровения. Отличие поэзии от прочих форм литературы в том, что она пользуется сразу всеми тремя, ... ибо все три даны в языке; и порой с помощью одного слова, одной рифмы пишущему стихотворение удается оказаться там, где до него никто не бывал, — дальше, может быть, чем он сам бы желал». Это — великолепный панегирик поэзии, но созвучие более полно, если выражается не только словами, но и другими средствами художественного мироотображения.

«Мне всю жизнь грезилась какие-то новые формы искусства, в которых художник мог бы пережить себя слившимся со всеми видами творчества», писал А. Белый в статье «О себе как писателе».

Этот поиск новых выразительных средств привел А. Белого к «2-й драматической Симфонии», имеющей «три смысла: музыкальный, сатирический и, кроме того, идейно-символический». Задачей музыкального смысла «Симфонии» является выражение ряда настроений, связанных друг с другом основным ладом, основной настроенностью, основным созвучием, подчеркивающим во множестве самостоятельных музыкальных фраз единство, общее впечатление, общее состояние мира, художника и слушателя-читателя.

«Симфония» разделена на отдельные фразки, отдельные мозаичные камушки, при сложении которых в нечто целое, доступное лишь воле автора, получается объемная картина отображаемого мира. Материализованы в словах отдельные фрагменты, а впечатление создается от Целого, впечатление, которое нельзя выразить просто словом, ибо для этого пришлось бы повторить все содержащиеся в «Симфонии» музыкально-словесные фразы.

Нельзя воспринимать «Симфонию» как литературное произведение, которое можно читать глазами. В него надо вслушиваться. И услышать можно только тогда, когда Ваше сознание уже настроено на один общий лад с автором, когда Вы готовы воспринимать его главную идею — фрагментарность, плоскостность преходящего настоящего — мига по сравнению с объемными до бесконечности прошлым и будущим. «Его тошнило: он чувствовал себя мерзко под опекой времени». Попытка вырваться из этого тошнотворного состояния и есть главная задача художника. Тому, кому удавалось это, улыбалось Бессмертие. «Только рука великого учителя может завязать последние узлы, соединить цветные ленты событий, (осуществить) завершение синтетического периода той или иной культуры, (что) требует личности». И это — идея соединения двух человеческих культур Востока и Запада. «Он мечтал соединить западный остов с восточной кровью. Он хотел облечь плотью этот остов». Эта попытка вдохнуть новую жизнь в угасающую западную культуру, излишне рационалистическую, была свойственна многим русским: и Ломоносову с его пророчеством, что «российское могущество прирастать будет Сибирью», и А. Блоку, осознающему себя и всех русских «азиатами с раскосыми глазами» и О. Сулейменову, написавшему «Аз и Я».

Евразийцы — гораздо большие язычники, воспринимающие мир не путем внешнего отображения его деталей, а путем целостного феноменального и сущностного восприятия Природы.

Даже ритуальное чревоугодие — пиршества у евразийцев есть одна из форм созвучия природного и духовного, внешнего и внутреннего. А распространенное на Руси питье есть ритуальный способ вхождения в экстаз, при котором душа человеческая полнее раскрывается и становится более восприимчивой к страданиям и радостям родственных душ.

Интеграция восточной горячности и атлантического рационализма — вот магистральный путь духовного возрождения Человечества. Но эта тема требует самостоятельного разговора о слиянии двух культур, о рождении особой евразийской общности, вместилища в Россию. Эта тема не может быть раскрыта без разговора о Рерихах как симфонистах, уловивших созвучие горного Востока и равнинных степей России, созвучие, выражающееся в потере и приобретении власти над бесконечным пространством, над бескрайним Временем.

Возвращаясь к симфонизму как созвучию души человеческой, жаждущей Абсолютного Блага, и отсутствием оно в окружающем нас мире, хочу подчеркнуть, что это жажданье есть особое свойство русской иррациональной природы. Попытка найти такое созвучие не только в себе, где понятие Абсолютного было представлено полнее, но и в окружающей Природе, родило именно у русских писателей, музыкантов, художников, философов новые формы взаимосвязи Себя и Оно.

На очереди — попытка создать объемное Слово, воспринимая которое глазами и ушами, читатель-слушатель не по буквам, и не по слогам будет соединять себя с отображаемой действительностью (или кажущейся, картиной сказки), а сразу будет вбирать в себя очертания и мысль, передаваемые этим Словом. Так китайские иероглифы несут в себе более насыщенное представление об отображаемом, сочетая рисунок, и произносимые звуки.

Буквы-звуки представляют собой более дробные элементы отображаемых средств. Из них можно группировать более разнообразные отношения. Но и они не универсальны. Язык цифр, который пытался привнести В. Хлебников — это еще одна связь между человеком и миром. Наверное, сегодня можно идти двумя путями: поиском некоей универсальной графико-звуко-цветовой единицы, набором которых можно объемно, орнаментально и ладно установить взаимоотношения двух резонирующих систем: человеческого мироощущения и ноосферы. Возможно, эта единица должна носить более глубокий информационно-психологический характер. Т.е. быть единицей не материальных носителей информации и эмоции, а единицей образности, чувственности и смысла, имеющей не производное, а изначальное значение.

Второй путь более традиционен, надо создавать на основе известных музыкальных, поэтических и художественных отображений окружающего материального и нематериального мира и объемного поля человеческой души «созвучие», ладность, сопричастность «Я», «МЫ» и «ОНО».

Рецептов для реализации этого «надо» не даст никто. Каждый в меру созвучия своей души чему-то большему: Природе, Обществу, Космосу сам отыщет свой собственный набор средств, свою симфонийность; дабы через призму собственного «Я» выразить то, что делает нас не просто Homo, а мыслящим, чувствующим, осознающим свою индивидуальность не как ущербность, а как интегрированность Сущного.

Историзм культуры

Культура рождается и развивается под влиянием некоей исторической идеи.

Индуизм отражал идею соединения личного и абсолютного путем полного подчинения индивидуума некоей астральной мифологической сущности.

Ницшеанство и экзистенциализм, наоборот, считают личность центром окружающей действительности. Отсюда — примат частной собственности, т.н. прав человека и культ лидера.

Новая эпоха принесла новую идею — примат экологичности бытия. Экос — дом, жилище, в котором живет не один человек, а все население земли. И совместное сосуществование требует соподчинения отдельных лиц неким правилам общежития.

Признание того факта, что история (человека, культуры, природы) развивается по спирали, предопределяет возможность установления аналогии между планетарными событиями, соответствующими подобным точкам различных витков.

Современные парадоксы святой Софии

Неженственная женщина... немужественный мужчина... — как часто эти парадоксы становятся обыденным явлением в наши дни. И характерно это не только в обывательской среде, а скорее — на подмостках сцены, отражающей и воспитывающей поколение. Вл. Пресняков с его анаболическим сопрано и Маша Распутина с искусственной хрипотой — все это диссонирует с привычным распределением мужских и женских начал. Добро бы только музыкальные перевертыши, а ведь и характеры людей, их поведение — ассимилируется.

Исстари, и это не брызжание взрослого поколения, мужское начало отождествлялось с силой и разумом, а женское — с душевностью. «Человеческий дух двуедин» (Н. Лосский, с. 286). «Он сочетает мужское, солнечное начало мысли, Логос с женским началом восприимчивости и творческой завершенности, облеченным в красоту... Христос воплощается в образе мужчины, а Св. Дух раскрывается наиболее полно в образе Духоносной и Пречистой Девы Марии» (С. Булгаков) «София — душа мира». Именно в православии была особенно поддерживаема полярность этих двух начал, дававших в потомстве своем не монотонный хаос, а сгустки негэнтропии — источник неиссякаемого таинства и богатства русской души. Ассимиляция этих начал как следствие бытовой эмансипации разрушает источник духовности, делает Софию безликим и бесплодным созданием.

Так пусть не Христос, а Дева Мария снизойдет на землю и скажет «каждому — свое».

Еще о вечной женственности

Д. Андреев в своей книге «Роза Мира» представляет А. Блока поэтом, падающим с высоты первоначальной близости с сиянием Вечной Женственности — Прекрасной Дамы — в пропасть к темным силам, где жена поэта — Россия проявляется не только светлым «нерукотворным ликом», но и голосом — стоном из хора, стоном протяжным и глухим.

Мне представляется эта этапность творчества А. Блока не падением, а восхождением от идеалистически-романтической влюбленности юноши в ту единственную, которая олицетворяет собой Невесту Мира в подвенечном платье из весеннего яблоневого цвета, к той Женщине Мира, которая не только источает улыбку, но и рождает детей, убирает за ними и за созерцающим мир поэтом. Но при этом ее женственность становится не только лучезарной, но и плодоносящей, доброй, дарящей миру не эфемерное вдохновение, а материализованные сгустки энергии, рождающей новые жизни, новые развивающиеся миры, новых поэтов, наконец.

И эта трансформация женщины не обедняет ее образ, а отражает лишь естественный процесс развития, подчеркивая многогранность и вечность Женского начала. И понимание этого Начала не только как индивидуальной судьбы, а Начала как источника существования народа — это А. Блок отразил в своем творчестве, переходя от стадии влюбленности к истинной Любви к женщине со всеми присущими ей чертами сущности.

На этом переходе мне представляется особенно значимым тот образ Незнакомки, когда «без спутников, одна, дыша духами и туманами, она садится у окна».

Эта Незнакомка уже не окружена толпой влюбленных поклонников, они отстали от нее, ушедшей с салонного бала, ушедшей от мечтательных прогулок в Летнем саду. Она вышла из бутонного состояния, она раскрыла свои лепестки. И роза уже не только благоухает ароматом свежести. В ней появляется нечто туманное, которое заметили, но не поняли А. Блок и Д. Андреев.

Незнакомка, дышащая «туманами» — это уже не образ прелестной Девушки и прекрасной Дамы, это — новое качество Женщины, сулящее неизвестность. Туманность, загадочность, это как раз то, что больше всего и привлекает нас в женщине, делает ее не просто платонически любимым существом, но и даром, приносящим ее обладателю всю полноту жизни и счастья.

Понять Женщину не только как источник чувственного наслаждения, не только как символ вечной запредельности, а во всей ее полноте как Подруги, Жены, Матери — это и значит понять вечную Женственность: как Розу Мира, дарующую не только поэту, но и всем окружающим, всему миру Вдохновение, Любовь и Жизнь.

Любовь

Любовь — это чувственно-разумное свойство существования («либидо») человека, означающее стремление к воссоединению субъектов, поляризованных их биологическими, природными или социальными особенностями. Одновременная любовь мужчины и женщины — двух поляризованных типов человеческих существ; детей и родителей — расторгнутых временем единоутробных существ; человека и родственной группы (нации, класса, человечества) — части и целого.

Это — имманентно присущее каждому чувство равноценно общеприродному свойству «крайности — сходятся». Но для этого между антиподами должно иметь место некоторое преодолимое пространство. При излишнем сближении возникает «эффект ежа», при сверхудалении незримая нить рвется, т.к. субъекты выходят из поля взаимного влияния. Любовь — подсознательное чувство, но иницируется оно лишь явными квантами энергии, порождаемыми столкновением информационно-чувствительных полей отдельных субъектов. Это же столкновение однонаправленных полюсов может вызвать отталкивание, отторжение, ненависть субъектов друг к другу. Но отторжение одних усиливает вероятность сближения других субъектов.

Синхронизация «либидо»

Либидо не есть статичное свойство системы. Во время созревания организма психоэнергетическая пассионарность возрастает, т.к. возрастает чувствительность объекта к определенному виду внешних, в т.ч. феноменологических воздействий. Усиленные колебания двух систем, сближаясь по частоте, формируют условия резонансного взаимодействия, в результате чего два субъекта втягиваются в синхронизм и образуют миниколлектив, в котором начинает четко формироваться собственная структурная симметричная самоорганизация: разделение труда при общей целевой функции — создания системы.

Аналитики

Люди делятся на аналитиков и созерцателей. Последним достаточно убить время перед телевизором или за чтением детективно-фантастических романов.

Аналитик же, даже вглядываясь в синеву неба или в больничный потолок, формирует в своем сознании некоторые пространственно-временные связи — образы прошлого и будущего, в котором каждый видит себя если не центром вселенной, то точкой отсчета. Как далеко видно с этой точки — сугубо индивидуальное свойство, но поверхность памяти, образуемая текущим хроносом и поперечной осью, начинающейся с точки «теперь» и уходящей по линии «может быть» есть не гладкая плоскость, а рельеф, содержащий горы и долины, взлеты и падения — вечно дышащий мир жизни.

Что сознает личность

Философия запуталась в трех соснах: что есть вещь сама по себе; что есть вещь как наше чувственное познаваемое и что есть вещь во взаимоотношениях с другими вещами.

О первые две сосны столько раз стукались лбами самые умные головы; но, набивая шишки, упорно не хотели замечать ничего, кроме априори принятой гипотезы.

Для английских эмпириков — Фр. Бэкона, Дж. Локка, Д. Юма — личность есть индивид, а для немецких идеалистов она — универсальное духовное начало, абсолютное Я, абсолютный субъект.

Это противопоставление исходит к более общему вопросу о соотношении греческого (языческого) многобожия и философского разума и христианского монотеизма — веры в Абсолют.

С. Киркегор, считающийся самым пламенным христианским проповедником нового времени, отвергал «истину Платона» ради «веры Авраама».

Однако это мнимое противоречие разрешил С.Н. Трубецкой, утверждавший, что философия не противостоит религии и что античность в своем философском развитии вела к изживанию политеизма и тем подготовила почву для восприятия христианства.

«Греческое просвещение и христианство лежат в основе всей европейской цивилизации» (С.Н. Трубецкой, Сочинения. Изд. «Мысль», М.: 1994 г., с. 12).

«Двумя путями — пророческим вдохновением у евреев и философской мыслью у греков — человеческий дух подошел к идее Царства Божия и идеалу богочеловека» (С. Соловьев, Соч. Т. I, М., 1988, с. 271).

Против этого слияния двух начал выступал Л. Шестов: философия и вера — Афины и Иерусалим — никогда не смогут быть примирены друг с другом. Однако С.Н. Трубецкой предлагал не отвергать учения гигантов древности: «... Как бы много ни дала нам природа, как бы многому она нас ни научила, люди дают нам больше, потому что их она учила дольше и раньше нас» (С. Трубецкой, с. 485).

В статье «О природе человеческого сознания» С.Н. Трубецкой пытается разрешить одну из центральных проблем философии всех времен и народов — проблему отношения общего к частному, рода — к индивиду, государства — к гражданину, общества — к личности, проблему «Я» и «Мы».

«Новая... философия попыталась упразднить это противоречие (между общим и частным), признав и общее и частное, и понятия и представления одинаково субъективными. Все индивидуальные вещи суть наши представления, все общие начала, идеи, принципы — суть наши понятия» (там же, с. 487-488).

«Проблема сознания есть проблема субъективности, или трансцендентальной субъективности.

Рассматривая гегелевскую философию, С.Г. Трубецкой считает, что «немецкий идеализм... утверждает во всем абсолютизм универсального начала,... абсолютизм бессознательной природы, родового начала наряду с совершенным ничтожеством переходящих индивидов, абсолютизм государства» (там же, с. 19).

От Гегеля С. Г. Трубецкой отделял Канта, который абсолютизма государства не признавал. «Этика Канта стоит на принципе, что каждый человек есть цель сам по себе и что безнравственно превращать человека только в средство» (там же, с. 20).

В противовес обеим этим течениям: индивидуализму Канта и абсолютизму Гегеля С.Н. Трубецкой приводит к типично русскому устранению крайностей немецкой философии путем идеи соборности.

«Только признав... коренную коллективность... органическую соборность человеческого сознания, мы можем понять, каким образом оно может всеобщим и необходимым образом познавать действительность.

Только то для меня истинно, достоверно всеобщим и безусловным образом, что должно быть таковым для всех... Сознание не может быть ни безличным, ни единоличным, ибо оно более чем лично, будучи соборным» (там же, с. 496, 498).

При этом С. Трубецкой говорит именно о внутреннем соборе в человеке, а не о совместном мышлении всех. Соборность мыслится им как некое совершенное общество, или метафизический социализм.

«Обособленная индивидуальность обращается в ничто; она сохраняется и осуществляется только в обществе» (с. 578).

Развивая соотношение «абсолютное — соборное — индивидуальное», С.Н. Трубецкой заявляет, что и чувственность, с помощью которой мы осознаем мир, не сводится к чувственности индивидуального субъекта, а предполагает наличие вселенской чувственности, с которой связана чувственность индивидуальная. Поэтому он считает мир одушевленным организмом, предваряя тем самым развитие идей русского космизма.

«Метафизика не навсегда приостановила свое развитие, ... за временным отливом умозрения готовится новый прилив... Вместе с нею идея универсального разума... займет первенствующее место...» (с. 30).

Однако нельзя отождествлять мышление и бытие. «Мыслю, следовательно, существую» — не есть тождество или примат одного перед другим. Мышление есть необходимое (но не достаточное) условие человеческого существования.

«Мысль не полагает, а предполагает наше существование» (с. 32),... бытие не есть само мышление.

«В познавательной деятельности необходимы все три составляющие: чувство, мысль и вера» (с. 33).

Принципиальной особенностью верований С.Н. Трубецкого является его признание наличия «чужого Я», которое также существует, так же мыслит, так же чувствует.

Веру нельзя отождествлять только с верой в абсолютное, божественное начало.

«Вера удостоверяет нас в реальном существовании, во-первых, внешних предметов вообще; во-вторых, в реальности других одушевленных и мыслящих существ, подобных нам, и, наконец, в-третьих, — вера убеждает нас также в существовании высших духовных существ, вообще никак не данных нам эмпирически» (с. 34).

«Вера в Сущее есть не что иное, как признание реальных независимых от нас и вместе соотносящихся с нами существ или субъектов» (с. 35).

Здесь главным является признание реальности не Абсолютного Бога или индивида, а признание реальности других существ, в общении с которыми и протекает наше существование.

И веру в это С. Трубецкой отождествляет не с интеллектуальной интуицией, как у Фихте и Шеллинга, а с волей, которая предполагает в субъекте отношение к другому.

Воление — это жизнь в обществе, понимание себя как члена общества и собственное понуждение следовать правилам соборного общежития.

Вера — это признание, а воля — это стремление к целеустремленной деятельности в интересах себя и окружающих.

В этом соединении веры в соборность и воли к соборной жизни русский космизм значительно превзошел и пассивность «маленького человека» и «босаяцкое нищестество».

«Человеческой душе нужна высшая цель; дайте ей веру и она поведет нас по волнам моря...

И не в вещих криках мы нуждаемся, а в вещем слове» (с. 40).

Психология человеческих взаимоотношений

Трансакционный анализ есть метод группового взаимодействия субъектов, в каждом из которых одновременно присутствуют как бы три начала:

1. Ребенок до 6-ти лет, жадно внимающий миру;
2. Родитель, ценящий традиции, правила поведения;
3. Взрослый, стремящийся к самостоятельности восприятия мира.

В каждом из нас заложен некоторый жизненный сценарий — план, модель которого заложена в генах и формируется в ранние детские годы.

Если ребенка лишить контакта с людьми, он деградирует и погибает. Наверстать упущенное в зрелом возрасте не удастся. Тарзан, по-человечески воспринявший Джейн, просто не мог бы дожить до своего возраста, т.к. погиб бы раньше от т.н. сенсорного голода. Отторгаясь от матери, ребенок приобретает другие

контакты, но процесс перехода от физического единства с родителями к нахождению себя в обществе с другими людьми — это процесс длительный, многостадийный и не однонаправленный (Эрик Берн «Игры, в которые играют люди», «Люди, которые играют в игры», Лениздат, 1992 г.).

Даже психологически одиноковно вызывает дополнительную близость, важную при формировании групповых отношений «мы» и «немы». Видимо, в крови есть элементы, стимулирующие психологическую структуру взаимоотношений в группе. Более слабые взаимодействия, где это одиноковие еще сохраняет свое влияние при групповом формировании, проявляется и в этносе. Элементы, ответственные за «групповой эффект», ребенок, и вообще способный к адаптации человек, приобретает не только через кровь предков, но и с общей пищей, общим воздухом, общей средой. В. Казначеев пишет о снижении тяжелых изотопов с возрастом, а также в полярных широтах. Видимо, эти изотопы ответственны за адаптивность человека к среде.

Отсутствие (разреженность) контактов снижает психологическую и физическую устойчивость организмов в групповых отношениях.

Обилие этих контактов, регулируемое «эффектом ежа», наоборот, плодотворно для формирования интеллекта. «Стадное» чувство у прогоминид, обусловленное их смещением в степи-саванны и необходимостью «большой охоты» есть синэргетическая причина формирования этноса.

И в дальнейших человеческих отношениях очень важен эффект общения — трансакта, простейшим примером которого является «поглаживание» — физическое и словесное. Этот акт вызывает даже в группе дополнительную интимную близость людей, по сравнению с ритуальным хоровым кличем-призывом — радостным возгласом, группирующим воедино «стадо» — массу людей. Парады, демонстрации, праздничные призывы — это «детское» чувство солидарности группы — было их естественной эмоционально-физиологической реакцией радости от удачной «охоты», но сохранилось социальными психологами как средство консолидации масс. В наши дни эта консолидация особенно проявляется на митингах и в популистских заявлениях — призывов демагогов-шаманов, консолидирующих людей наиболее примитивными возгласами: «да-а-ёшь». Это хорошо показал и З. Фрейд в «Психологии масс».

Но и в стаде всегда имеют место два параллельных процесса: один — консолидация «стаи», осуществляемая, как правило, вожаком во имя некоторых понятных лишь ему корпоративных действий; с другой — вычленение в стае внутригрупповых более интимных связей, осуществляемое, как правило, инстинктивно на основе заложенных в программе человека подсознательных стремлений.

Для формирования таких связей нужно, прежде всего, общение с различными людьми, для того, чтобы имелись условия выбора.

Как правило, эти отношения завязываются, когда контактеры резонируют: в танце, в совместном походе, в общем деле, в психологическом настрое друг на друга во время совместного времяпрепровождения или игр (в широком смысле слова).

Дефицит сенсорных (контактных) и эмоциональных (поглаживание друг друга) стимулов ведет и к психологическому и к биологическому вырождению личности. «Структурный голод» — это неумение структурировать времяпрепровождение, когда обособленный от общества человек находит себе эрзац-замену в виде фантастических контактов, которые могут привести как к гениальности, так и помешательству.

По сути дела — оба эти качества человека идентичны и различаются они настроенностью человека — приемника на восприятии из ноосферы позитивных (в духе созидания) и негативных (в духе разрушения) сигналов.

Во времена первобытных людей, когда ноосфера в основном заполнялась биоприродными феноменами, гениальность выражалась в форме шаманства, а помешательство — в форме юродивого.

Три состояния Я-контактера: Ребенка, Взрослого и Родителя соответствуют аналогичным состояниям другого контактера (других контактеров), отражающим личные особенности человека, реальную ситуацию и требования общества.

Параллельные либо пересекающиеся трансакции (напр., В-Р Ре-В) создают нормальное поле для общения. Пересечение реакции со стимулом (напр. Р-В Ре-Р) является одной из причин взаимонепонимания. Поэтому, когда люди пытаются общаться на равных, а в ответ звучит реакция детского (Ре) к родительскому (Р) — жажда признания или родительского (Р) к детскому (Ре) началу — поучительство, то такие трансакции не стимулируют взаимопонимания и взаимного доверия.

Человек стремится к взаимообщению по 3-м причинам:

- жажда ощущений,
- жажда признания,
- жажда структурирования времени (стремления с интересом для себя «убить» время в общении с вынужденными попутчиками).

Часто во время общения, если оно не связано с ритуалами или работой, когда все «расписано», контактеры ведут «игру», когда говорят одно, а подразумевают иное психологическое действие. Человек редко когда открывается первому встречному, вопросами и ответами с подтекстом он как бы ощупывает собеседника, пытаясь раскрыть его, оставаясь сам в защитной броне. Это естественное ощущение знакомства либо перейдет к открытому диалогу, когда установится взаимопонимание, либо игра затянется надолго. Хорошо, если люди понимают, что они оба играют, а если хотя бы один принимает беседу за «чистую монету», то эти пересекающиеся трансакции приводят к прекращению разговора. А если собеседники вынуждены общаться и далее, то это может привести к конфликтам.

Общения, к которым человек стремится, позволяют ему проверить или реализовать акт своего жизненного сценария, сформированного в основе своей

генетически или под влиянием близких людей в детстве (до 7 лет). Однако этот общий план неизбежно корректируется под влиянием жизненных обстоятельств, однако в основе своей судьба не predetermined, а запрограммирована в начальной стадии формирования сознания самоорганизующейся системы — человеческой личности.

Человек «играет» на жизненной сцене, часто придумывая собственные ремарки, отходя от авторского текста, но исходный замысел действия, как правило, сохраняется. Во время игры человек всегда ждет «выигрыша», психологического вознаграждения от взаимодействия с контактерами, добываясь «разведкой» либо ублажения своих ребяческих (детских) интересов — жалости, снисходительности, подарков, либо самоутверждения в себе родительских начал — авторитетности, признания и поклонения. Гораздо реже человек стремится добиться «игрой» главного — взаимопонимания.

Реальность апробирует тот жизненный сценарий, с которым в голове человек вступает в сознательную деятельность, однако чаще всего ведет себя на подсознании, интуитивно играя и в жизни ту роль, которая написана для него самим, запрограммирована им в детстве. Большинство из общечеловеческих ролей уже прописано в мифологии, древнегреческой драме и в трагедиях Шекспира эпохи Возрождения, когда Разум вступил в конфликт с Естеством, христианство с язычеством. И то и другое: природное и разумное живет в человеке, далеко не всегда уживаясь друг с другом. Так же как и личностно-общественный дуализм в поведении человека.

Гармония индивидуального и коллективного требует, чтобы человек в своих взаимоотношениях с окружающими не злоупотреблял пересекающимися транзакциями. Это не значит, что надо стремиться к отношениям: взрослый — взрослый. Лишив себя детского (ребяческого) начала, мы теряем возможность адаптироваться в жизни, лишаемся ее творческого начала. Поэт — всегда «ребенок». Политик — всегда «родитель». Первый жаждет признания — «поглаживания» индивидуумов в толпе, а второй — признания-поклонения толпы или человека толпы. Ученый, врач, воспитатель всегда имеет доминирующим в себе взрослое начало, когда, решая свои собственные задачи, общается с коллегой, пациентом, школьниками — на равных.

Российский архетип — это ребенок - 50%, родитель - 30%, взрослый — 20%. У нас развито чувство детского восприятия мира, чувство сотворчества, чувство подчинения. Недаром русские — более изобретательны, более непосредственны, более адаптируемы к ситуациям. Россия дала миру Левшу и других изобретателей, идеями которых до сих пор питаются западные и японские рационализаторы. Но сами россияне рационализировать свою жизнь затруднялись. В организации жизни очень важна роль лидеров-родителей, которые заменили новгородское вече на «домострой» и царские указы. Рюриковичи, Александр Невский, Суворов, Жуков были признанными «отец родной», потому что они были лидерами не только по должности, а по личному авторитету полководца-воителя, культ которого на Руси был всегда высок. Недаром у нас дети во все времена любили играть в войну, в казаков-

разбойников, даже в индейцев из воинственного племени краснокожих. Но наши детские войны всегда были не агрессивными, не жестокими, а пусть и драчливо-разухабистыми (до крови из носа), но всегда, как нам казалось, справедливыми — не бить лежащего, не нападать сзади.

Илья Муромец, до 30 лет лежащий на печи, а потом обогатившись, победивший всех: и Змея-Горыныча и Соловья-Разбойника и ставший на рубеж-защиту земли русской — наш этнический герой.

Наши «языческие» сказки о Иванушке-дурачке, который и ничего-то не умеет, а потом оказывается самым добрым и честным победителем; о сестрице Аленушке, ценой собственной судьбы защищающей братца и печалющейся о родителях; о рыбаке и золотой рыбке, о завистливой старухе, оставшейся у разбитого корыта, — это наши этнические мотивы поведения. Русский «авось», ожидание чуда, изобретательность работника Балды, героизм ратников, вера в царя-батюшку (вождя) — это исконно русские качества — качества, свойственные Ребенку. Умение подчиняться не в обыденных ситуациях, а в лихую годину, вера в слово Божие, приказ начальника, печатное слово, разбойный клич атамана — это сродни только нам, а не уравновешенным европейцам, где размеренный атлантизм — и в природе, и в характере.

Архетип американца: взрослого - 50%, ребенка - 30%, родителя - 20% (а то и меньше) означает в первую очередь индивидуальную самостоятельность, умение действовать по ситуации (а не по прихоти), и в то же время детская непосредственность с почти полным отсутствием диктаторских (родительских) начал церкви, государства и СМИ.

Попытки Петра I и современных демократов искусственно навязать нам западные т.н. общечеловеческие ценности — это насилие над русским характером, которое он — не потерпит. В XVII-XVIII вв. это привело к массовому перемещению свободолюбивого казачества за Урал, а в XX в. — к гражданской войне в начале, и апатии — в конце.

Революция 1917 г. была психологически ближе к русскому характеру, а уже купеческий НЭП — был отторгнут (и не по указке свыше) во имя голодной уравнительности, но святой веры в новые — земные чудеса.

Нынешнее стремление насадить в России т.н. «общечеловеческие ценности», а по сути ценности западного мира — стремление к индивидуальной самостоятельности, нарушает наш сложившийся стереотип, приспособленный к общинности и вождизму — «ребяческим» и «родительским» началам. Поэтому реформы экономические, идущие вразрез с русской психологией, результатов быстро не дадут. Хотя русский «ребенок» адаптируется и к этой ситуации. Но этот инородный образ мышления заставляет россиян искать партнеров по жизненной игре в соответствии со своим сценарием, написанный для индивидуума, но где расписаны роли и окружающих. В наших сценариях обязательно присутствует и роль «вождя» или доброго царя. И мы поневоле будем искать кого-то на эту роль.

Разумеется, в каждом человеческом сценарии есть не только роли, свойственные лидерам-родителям. По ходу жизненной пьесы маленький герой сам стремится стать родителем, сохранив в себе и кое-что детское. Но если происходит сразу превращение ребенка в героя-родителя, без воспитания взрослых действующих лиц, то жизнь остается полярно контрастной. Это относится и к ситуации: подчиненный — начальник, бедный — богатый, неумеха — гений и др.

Но первичный сценарий, формируемый под влиянием родителей, а затем — под впечатлением сказок и умных книг, человеку, вышедшему в путь на жизненной сцене нужен, также как в начале пути нужен режиссер и суфлер.

Хотя каждый пишет сам сценарий для своего «Я», любому из нас очень важно, чтобы Некто, которому мы доверяем больше всего, рассказал о нас «все как есть», предопределив заранее, кому роль — героя, кому — неудачника, кто — наш суженый, кто — злодей. При этом немаловажное значение для сценария, т.е. для автопрогноза ребенком своей судьбы, имеет имя. Так, имя «Виталий — жизненный» было дано мне (по рассказу матери) в ответ на суждение одной из теток, что я при рождении не продемонстрировал должного (по ее мнению) сопротивления попыткам поднять меня за ножки, а повис как плеть. Напуганная мать, которой предрекли, что ребенок жить долго не будет, хотела именем стимулировать меня (и себя) к жизни.

Очевидно, этот рассказ, о котором я слышал в детстве неоднократно, и создал в моей сознании жизненный сценарий, по которому я слабо сопротивлялся жизненным ситуациям, но судьба хранит меня от беды. Такая установка и предопределила мою роль удачливого фаталиста, которой я придерживался всю свою сознательную жизнь. Так именем формируется амплуа ребенка.

При корректировке жизненного сценария, что связано с появлением в его детской судьбе вторых и третьих лиц, круг возможных ситуаций расширяется. Более устойчивым становится пара, в которой каждый ребенок считает себя и своего партнера хорошими, по отношению к третьему (другим) придерживается негатива.

Чаще всего директивы идут ребенку от родителя противоположного пола, а образец — от родителя того же пола. При этом запреты затрудняют адаптацию к обстоятельствам, а разрешения дают выбор. В ответ ребенок старается сделать что-то для родителя противоположного пола подобно тому, как это делала мать (для девочки) или делал отец (для мальчика), т.е. фактически они учатся у родителя того же пола.

Сценарий хотя бы в виде родительского образца существует у каждого ребенка. Однако чем больше они дают ему «разрешений», а не директив, тем более свободно относится ребенок к своему сценарному предназначению, все больше допуская отклонений от своей программы в пользу действий по ситуации.

«Сценарию всегда противостоит подлинная личность, живущая в реальном мире» (стр. 337). Я не думаю, что следует противопоставлять реальную личность ее сценарной роли. Ибо если первоначальный сценарий написан природой, скорректирован родительским и книжным воспитанием, вобравшим в себя разум

многих поколений, то это не есть дурная преопределенность. Другое дело, что сценарий может и должен допускать ремарки по ходу жизненной пьесы, а исполнитель должен иметь возможность следовать не буквальному, а смысловому тексту. Это свойственно людям, умеющим адаптироваться в жизни, но ведущим все же свою партию.

Судьба — это самонастраивающаяся система, однако контур самонастройки вторичен по сравнению с базовой программой, записанной предками. Надо, чтобы они были и хорошими постановщиками. При этом родитель противоположного пола говорит ребенку, что нужно делать, выступая наставником, а родитель того же пола показывает, как это делается. Биологически вторая роль более действенна, однако человек по мере своего развития не только копирует старших, но и обретает навыки не только чувственного, но и смыслового (словесного) восприятия внешних сигналов. Поэтому в полноценной семье проще подготовить для работы контур адаптационной самонастройки к восприятию жизненных ситуаций. Источником сценарной программы может быть его дедушка по материнской линии, а источником женского сценария чаще всего является бабушка по линии отца.

Но ведь каждый из супругов постепенно приспособливает свои представления о жизни и людях к представлениям другого. Это сказывается и во внешней реакции каждого на общие стимулы. Они становятся похожими, и эта похожесть проявляется и в тоне лицевых мускулов супругов, в их жестике, так что они все больше и больше становятся похожими друг на друга. Эта «похожесть» является признаком благополучия семьи, где супруги «подстраиваются» друг под друга. Такой стимул к взаимной подстройке они передают и детям, закладывая его своим примером в сценарную программу ребенка.

«Сценарный аппарат гораздо более чуток и подвижен, чем аппарат генетический, и постоянно изменяется под воздействием внешних факторов, таких как жизненный опыт и предписания, получаемые от других людей» (стр. 351).

Поэтому сценарная программа является как бы промежуточной установкой между генной заданностью и адаптационным воспитанием среды.

Сценарий реализует «великое человеческое свойство — сознание цели». Сначала у ребенка цель в том, чтобы идти, позже — в том, чтобы идти к чему-то.

Толпа и сверхчеловек

Бог как Абсолютное умер. Его заменил Сверхчеловек, отличающийся от бога тем, что он не есть нечто застывшее, изначальное, а существо, непрерывно поднимающееся вверх. Поднимающееся по «телам» тех, кто должен уступить ему дорогу в силу физических, умственных или духовных совершенств возвышающегося, идущего вверх более резко, более целеустремленно.

«Некогда дух был богом, потом стал человеком, а ныне становится он даже толпою» (Ф. Ницше «Так говорил Заратустра»).

Человек — посреди между богом и толпою.

«Чувство стада старше происхождением, чем чувство «Я». Следуя Дарвину, З. Фрейд принял предположение, что «первобытной формой человеческого общества была орда, в которой неограниченно господствовал сильный самец», («Массовая психология и анализ человеческого «Я» — в кн. З. Фрейд «Я и Оно», кн. I, Тб.: Меранц. 1991. с. 118).

Человек — существо биосоциальное. И он стал человеком, т.е. научился не только пользоваться дарами природы, но и преобразовывать эти дары: приручать животных, жарить мясо, строить жилища, мастерить орудия, а затем говорить, рисовать, думать — именно в стаде, в общении себе подобных.

Индивид не выживает. Только обретя силы противостоять природе, он может уединяться в пустыню и жить отшельником. Но это — тупиковый путь. Отшельник никогда не даст потомства, а, следовательно, он обречен. Только в общении с себе подобными он подымается от биологического до социального субъекта. Подымается не одновременно со всеми, а путем выделения из массы в силу даже простого биологического неравенства особей. И в первобытной орде это расслоение столь стремительно, что почти сразу возникает масса и «отец» вначале — это самец-предводитель, затем вождь.

«Живые существа, собранные воедино, инстинктивно ставят себя под авторитет главы» (Фрейд).

Массе нужен предводитель, ибо она неспособна на целенаправленные действия. Цель должна быть поставлена кем-то, принесена извне.

Только много потом, когда человек как существо мыслящее обретает собственное целеположение своей деятельности, он становится личностью, испытывающей дуализм: давление, гипноз массы, уравнивающей его с себе подобными, и стремление к осознанию собственного «Я».

«Психология массы является древнейшей психологией человечества» (Фрейд). «Главное явление массовой психологии — несвобода в массе отдельного человека». Связь с вождем и связь массовых индивидов между собой — два главных действующих фактора в массе, которая образуется из толпы в силу появления у каждого субъекта эмоционально-психологического начала.

В силу знаменитого примера Шопенгауэра о мерзнущих дикобразах, которые от холода жались друг к другу, а, укалываясь друг о друга — отдалялись, «ни один человек не переносит слишком интимного приближения другого человека», исключая отношение матери к своему ребенку (и то лишь в младенчестве).

Беря за основу первичных человеческих отношений либидинозные связи от слова «либидо» — энергия первичных любовных позывов с целью полового и иного совокупления, Фрейд через это биопсихосоциальное понятие пытается пояснить генезис организации массы: отношение двух разнополых существ, моногамию — семью, влечение и отторжение ребенка от отца и матери, идентификацию как появление эмоциональных связей с другим лицом, влюбленность, когда объект

внимания служит заменой собственного «идеала Я», гипноз, посредством которого закрепляется подчиненное положение субъекта к вождю, образование религии и т.д.

Из всего этого процесса вытекает различие массовой и индивидуальной психологии.

Первичными инстинктами В. Троттер, которого цитирует З. Фрейд, считает инстинкт самоутверждения, питания, половой и стадный. Последний сохраняется в массе в малоизмененном виде. В то же время Фрейд считает первичным не стадный инстинкт, а эффект внушаемости, послушности, приводящий к появлению вождя. «Сущность массы без учета вождя недоступна пониманию... Стаду недостает пастуха». Оставляя в стороне вопрос о первичности стадного инстинкта или инстинкта внушаемости, наиболее интересными у Фрейда представляется описание различий психологии индивида и его поведения в массе (организованной толпе). При этом особое место занимает психология вождя-сверхчеловека. «Массовые индивиды нуждаются в иллюзии, что все они равным и справедливым образом любимы вождем, сам же вождь никого любить не обязан». Поддержанием этой иллюзии вождь поддерживает порядок-послушание в массе. Поскольку прямые сексуальные стремления неблагоприятны для массообразования, то вожди стремились к поддержанию группового брака. А когда процесс моногамизация стал необратим, вожди стремились заменить либидозные связи любовью религиозной, платонической, всеобщей.

З. Фрейд пытается определить в психическом развитии человечества тот момент, когда и для отдельного человека состоялся переход от примата массовой психологии к психологии индивидуальной.

Отделиться от массы — по мнению З. Фрейда, отдельного индивида побудила страстная тоска стать на место отца первобытной орды. Фантазия, проявившаяся в мифе о том, что сын убил отца — тотемистическое чудовище, заменив его в семейном клане, способствовала преодолению кроличьего страха человека толпы перед лицом удава — вождя-отца. И осознав себя пусть только в мифе героем, человек не мог остановиться, не сделав сказку былью. Борьба за власть стала этапом разрушения массовой психологии покорности.

Но разрушительная сила психологии индивидуализма не могла способствовать стабильности общества. Поэтому все, кто не исповедовал стремление стать сверхчеловеком, нуждался в религии, обеспечивающей духовный порядок, и в армии, поддерживающей этот порядок физически. Нетерпимость к инакомыслящим, являясь первым признаком массовой психологии, закрепляется, по мнению З. Фрейда, и в социализме, объединяющем массу не менее жестко, чем религиозный фанатизм. Массовая психология является признаком стабильности общества, а индивидуализм, разрушая эту стабильность, является двигателем прогресса (регресса), обеспечивая высшее динамическое существование общества.

И поэтому эти две психологии не противостоят, а дополняют друг друга.

«В психической жизни человека всегда присутствует другой» (З. Фрейд).

«К чему свелось бы твоё счастье, если б не было у тебя тех, кому ты светишь!» (Ф. Ницше).

Цитируя книгу Ле Бона «Психология масс», З. Фрейд пишет, что легко установить степень различия между индивидом, принадлежащим к массе и индивидом изолированным, менее легко вскрыть причины этого различия.

Главным различием становится то, что в силу синергетического эффекта (эффекта коллективного поведения) индивид в массе становится безвольным автоматом, бессознательно подчиняясь массе, жертвуя своим личным интересом в пользу интересов общества, ориентируя мысли и чувства в общем с массой направлении.

«Одним лишь фактом своей принадлежности к организованной массе человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации», ибо масса действует на основе первичных позывов, на основе аффекта, а не разума.

Массе «доступны лишь более грубые страсти и более элементарные чувства, она чрезвычайно поддается внушению, лишена самосознания, самоуважения и чувства ответственности».

Массой «почти исключительно руководит бессознательное... масса легковерна и чрезвычайно легко поддается влиянию, она не критична, неправдоподобного для нее не существует..., в истинности или ложности чего-либо не сомневается, ... чувства массы всегда просты и весьма гиперболичны... она столь же нетерпима, как и подвластна авторитету... Склонную ко всем крайностям массу возбуждают лишь чрезмерные раздражения. Тот, кто хочет на нее влиять, не нуждается в логической проверке своей аргументации, ему подобает живописать ярчайшими красками, преувеличивать и всегда повторять то же самое... Массы никогда не знали жажду истины. Они требуют иллюзий, без которых они не могут жить... Масса подпадает под поистине магическую власть слов, которые способны вызывать в массовой душе страшнейшие бури... Разумом и доказательствами против (этих) слов борьбу не поведешь... Она (масса) уважает силу...», (с. 78-79)

Это понимание массовой психологии и позволяло вождям прошлого и настоящего управлять целыми народами. Гитлер и Сталин, Ельцин и В. Жириновский — ярчайшие представители харизматических личностей, понимавших желания масс и владевших приемами управления ими.

«Масса — послушное стадо, которое не в силах жить без господина», у нее инстинктивная жажда подчинения, но и вождь «должен соответствовать этой потребности своими личными качествами. Он должен быть сам захвачен глубокой верой (в идею), чтобы пробудить эту веру в массе; он должен обладать сильной импонирующей волей, которую переймет от нее безвольная масса».

«Нет более тяжкого несчастья во всех человеческих судьбах, чем, если сильные земли не суть также и первые люди. Тогда все становится лживым, кривым и чудовищным» (Ф. Ницше).

И когда Время или другие силы ниспровергнут такого вождя-идола, то масса не менее рьяно начнет распинать его, требуя и подвергая казни. Поверженный кумир превращается в ведро для плевков. Так было и так будет.

Еще славяне-язычники перед массовым военным или работным действием умащивали своих деревянных божков, а если терпели все же фиаско, то также рьяно избивали этих идолов, сжигали их на своих кострищах. А как много осталось в нас от прежнего язычества.

И все же массовая психология не только несла в себе все негативное. «Хотя интеллектуальные достижения массы всегда много ниже достижений отдельного (достаточно разумного), человека, ее поведение может как намного превышать уровень индивида, так и намного ему уступать... Под влиянием внушения массы способны и на большое самоотречение, бескорыстие и преданность идеалу».

Если сторонники индивидуализма подчеркивают, что «личная выгода является едва ли не единственной побудительной причиной у изолированного индивида, однако у массы она преобладает весьма редко».

Сторонники коллективизма же заявляют, что «только общество предписывает человеку нормы его нравственности, отдельный же человек, как правило, от этих высоких требований каким-то образом отстает... При исключительных обстоятельствах в коллективности возникает энтузиазм, благодаря которому совершены замечательнейшие массовые подвиги».

З. Фрейд пытается разрешить противоречия между этими двумя полярными суждениями о работе массовой психологии, относя негативные суждения к «массам недолговечного рода, которые быстро спучиваются из разнородных индивидов, объединяемых каким-нибудь преходящим интересом». «Противоположные утверждения исходят из оценки тех устойчивых масс или общественных образований, в которых люди живут, которые воплощаются в общественных учреждениях. Массы первого рода являются как бы надстройкой над массами второго рода, подобно кратким, но высоким морским волнам над длительной мертвой зыбью».

«Масса производит на отдельного человека впечатление неограниченной мощи и непреодолимой опасности. На мгновение она заменяет все человеческое общество, являющееся носителем авторитета... В массе понижается сознание ответственности отдельного человека за свои действия».

И все же состояние аффекта, в которое впадает масса, препятствует работе разума и духовной работе.

Поэтому речь должна идти о формировании высоко организованной массы, у которой индивид не опускается до уровня самого примитивного интеллекта, по которому, как правило, мыслит и действует масса, а, наоборот, поднимает «душевную жизнь массы на более высокий уровень».

З. Фрейд, цитируя Мак Дугалла, насчитывает пять таких принципов:

- известная степень постоянства состава массы;

- воспитание у индивида определенного осознанного представления о природе, функциях, достижениях и требованиях массы;
- необходимость вступления массы в отношения с другими сходными, но и отличными массовыми образованиями;
- наличие в массе традиций и обычаев, регулирующих отношения членов массы между собой;
- наличие в массе подразделений, выражающихся в специализации и дифференциации работы каждого индивида, т.е. структуризация массы.

Организованная масса менее уподоблена толпе, в ней человеческое «Я» хотя и подчиняется общему «Мы», но с определенной степенью своей обособленности, самостоятельности.

Отдельный человек, являясь составной частью многих общественных образований, с которыми он связан различными общими интересами, выступает как общая часть всех пересекающихся множеств. Тем самым он выступает представителем не однородной массы, а субъектом со множеством черт, характерных для каждого сообщества. Такая множественность его лица уже не обезличивает индивида, а делает его Личностью.

Важно при этом, чтобы индивид не перерос в сверхчеловека, возвышающегося и игнорирующего толпу, ибо обособленный человек не может быть счастлив.

В книге Ф. Искандера «Сандро из Чегема» И. Сталин сокрушается, что вождь не может любить никого из своих близких, ибо такая любовь приносит им гибель либо от рук завистников, либо от самого вождя, страшящегося чьего-либо приближения к трону. Вождь для поддержания мира в своем народе должен одинаково «любить» всех или поддерживать такую иллюзию.

В то же время такое состояние противостоит природе, ибо присуще только первобытному стаду с его полигамией. Индивидуализм, доведенный до крайности, является движущей силой, но не созидательной, а разрушающей. Индивид, дабы не быть отвергнутым обществом, а суметь увлечь за собой хотя бы часть людей, не должен возвышаться над ними на уровень недостижимости. Наоборот, он как ведущий, должен быть лишь на полступени выше других, чтобы у них достало сил подняться за ним следом. Тогда и он может и должен сделать следующий шаг, и так до тех пор, пока его не обогнал более сильный, более интеллектуальный индивид. А он сам лишь останется доброй памятью у детей-последователей, которые, не замыслив отцеубийства, возьмут от него все лучшее и пойдут дальше, оставив у человека сознание выполненного перед человечеством долга.

«Не позволяйте вашей добродетели улетать от земного и биться крыльями о вечные стены!... Больше всех ненавидят тех, кто летает», — так вещал даже Заратустра, а уж его-то обвинить в стремлении к массовой посредственности невозможно. «Пусть ваша дарящая любовь и ваше познание служат смыслу земли», — продолжал он.

Пусть!

Карма — индивидуальная и социальная

(С.Н. Лазарев «Диагностика кармы. Кн. 1. Система полевой саморегуляции»

— СПб: «Сфера», 1993 г., 160 с.)

«... То, что сегодня является нашим духом, завтра и послезавтра будет телами наших детей и внуков» (с. 3). Опасность распада духа действительно, страшна, т.к. смерть тела еще не есть смерть человека, ибо его дух сохранится в ноосфере. Смерть духа — это конец не только Личности, но и ее будущего.

«Понимание мира — это начало его изменения. Понимание важнее накопления и развития способностей (с. 5-6). Это понимание должно начаться с Человека, на 95...98% состоящего из информационно-энергетических слоев подсознания. Сегодня «резко обострились все энергетические процессы на Земле, и сейчас то, что называется в биоэнергетике кармой, законом возмездия, работает в десятки раз быстрее» (с. 6).

Генетическая теория сугубо индивидуальна, она не дает объяснений тем несчастьям, которые передаются в семье из поколения в поколение.

Негативная информация может сохраняться и передаваться потомкам только полевым путем. Эту работу выполняют «устойчивые информационные группировки» — мощные структуры, имеющие место в разрывах энергетического поля.

Медицина, излечивая дефекты одних органов, делает болезни организма хроническими (Казначеев), а излечив физические недуги, мы можем усугубить психику и другие свойства человека, ибо «человеческий организм — это единая система, в которой здоровье, судьба, характер, психика — неразрывна» (с. 10). Выражение «в здоровом теле — здоровый дух» верно лишь отчасти, потому что тело и дух связаны не линейной, а более сложной зависимостью. Лечить надо весь организм, лечить изменением направленности и величины энергетических потоков. «Неконтролируемый расход энергии... организм блокирует болезнь на физическом уровне» (с. 11). Как и у Казначеева утверждается, что болезнь — это не повреждение системы, а проявление ее защитной реакции в интересах не столько данного организма, а всей популяции. Следовательно, болезнь — это локальная реакция организма как части синэнергетической системы.

«Болезнь есть один из механизмов развития духа... Возникновение болезни связано с нарушением законов этики, поэтому и лечение должно быть направлено на осознание этих нарушений, изменение мировоззрений человека» (с. 14). Надо не лечить индивидуального человека, а помочь ему осознать свою связь с прошлым и будущим, влияние на него и его — на других. Эти изменения связаны с деформациями не индивидуальных энергетических полей, а информационных кармических структур. Биоэнергетика индивида управляется информационным воздействием коллектива, существующего не только в виде близких синэнергетически настроенных людей, живущих в данный момент, но и образуемого

родственниками нескольких поколений. Во втором случае кармические информационные структуры сближаются и действуют совместно с генетическими факторами. Закладывается карма в гены или действует самостоятельно, другим способом проникая в организм, это пока не ясно. Наверное, в организме есть некоторые специфические приемники — передатчики и накопители духовных квантов.

Фактически информационно-энергетическая система человека — это метасистема, включающая в себя и самостоятельно действующие структуры (в том числе и генную) и их сочетанное воздействие на организм. Эта сочетанность может проявляться неодновременной реакцией организма. «Деформация полевых структур начинается за 5...10 лет до появления болезни на физическом уровне» (с. 15).

В эзотерической литературе (и философии Востока) есть упоминание о 108 законах, управляющих Вселенной, но где они... Один из них — это недопустимость убийства любви, которое может пасть грехом (тяжелым недугом) не только на нас, но и на наших близких.

«Система полевой саморегуляции — это обратная связь Вселенной (точнее, ноосферного Космоса — В.Б.). Суть ее заключается в том, что любое действие человека, хорошее или плохое, через единство информационно-энергетического поля Вселенной возвращается к нему обратно» (с. 19).

Это — и так и не так. Информационно-энергетическое поле Вселенной — это не мусорная урна, куда каждый что-то кидает и откуда достает. Это — сотовое поле, где есть индивидуальные ячейки, а подключение рецептора индивида к другим ячейкам возможно лишь в случае их резонанса. В то же время эти ячейки функционируют в соответствии с некоторыми законами общего поля, и потому их реакция на человека как бы отражает реакцию всей ноосферы. В ячейках этого поля временные соотношения совсем иные, чем в календарном времени. Реакция поля может быть одновременно с поступками (и даже опережая их, но после того, как человек замыслит что-то совершить), а может проявиться и через поколение, либо в последующей жизни человека (но это — особый вопрос). Поэтому негативный процесс может быть блокирован с трудом у субъекта-пациента, а может — там, где он возник, либо его проявление наиболее чувствительно для общего поля.

«Если человек атакует лично, он расплачивается сам, если как представитель общества — расплачивается все общество» (с. 20). Поэтому управление своими энергетическими возможностями — это вклад в успокоение Вселенной. «Когда материальное благополучие выше духовных потребностей — это сиюминутное благо за счет духовной смерти» (с. 26). Фактически — это стремление изъять из Вселенной больше, чем дать, а это — не только разрыв (остановка) процесса развития, на что Вселенная ответит человеку (или его наследникам) более тяжелыми последствиями. Нельзя разъединять энергию и духовность. Пассионарность (по Л. Гумилеву), идущая из Космоса к человеку, заряжает людей, но если люди обратно не отдают в Космос свою духовность, то эта обратная связь быстро рвется.

Причем постоянная времени этой обратной связи непрерывно уменьшается. «Время — категория нелинейная, и, если настолько изменилась скорость всех процессов, значит, должна измениться и энергетическая структура окружающего мира» (с. 28). Это значит, что следует рассматривать макроэнергетику и микроэнергетику совместно, в их взаимосвязи. В конце концов человеку и человечеству нужна энергия не столько для производства материальных благ, сколько для гармонического развития себя, своих близких и потомков.

Программа индустриализации в годы первых пятилеток потребовала много энергии, повышенный прагматизм нарушил гармонию энергии и духовности. Стремящаяся к этой гармонии ноосфера ответила нашему народу взрывом антидуховности, и социальные идеалы были погребены под этим пеплом.

Поэтому и энергосбережение — не самоцель, а стремление к балансу энерго-материального и духовного развития общества.

«Поле стремится стать веществом, вещество стремится стать полем» (с. 31). Этот процесс взаимного перехода не должен быть скачкообразным. Он должен осуществляться малыми порциями, дабы человек и Вселенная успевали адаптироваться, а не разрушаться и не разрушать друг друга.

«Целью существования любой звездной системы является создание на ней жизни» (с. 31). Органика есть возможность повышения информационной плотности. Поэтому роль материальной субстанции жизни заключается в том, чтобы с помощью меньших энергетических воздействий получить высокоорганизованную систему.

«При достижении определенной плотности вещество превращается в информацию. Сингулярность есть Вселенная (В.Б.). В каждой точке поля Вселенной есть непроявленная информация обо всей Вселенной, другими словами, точка есть непроявленная бесконечность, бесконечность есть непроявленная точка... Нестабильность поведения молодых звезд (по Амбарцумяну) говорит об остатках в них протозвезд... Возникновение звезды можно рассматривать как диалектический процесс перехода информации в вещество,... реализующимся как вещество «черной дырой»... Процессы, происходящие в недрах звезд и в живом организме, идентичны. Это процессы перехода энергии в вещество и наоборот. Развитие Вселенной — это разрыв единства на уровне физическом, вещественном и усиление единства на информационно-полевом уровне, дифференциация и все большее многообразие на физическом уровне и все большее единение на полевым уровне» (с. 32).

Условием единства и примирения борющихся противоположностей является скорость их перехода друг в друга. Пример: у маятника два крайних отклоненных от равновесия положения. Они могут сосуществовать, если скорость колебания больше рассматриваемого отрезка времени. Если же попытаться совместить эти положения в более короткий отрезок времени, чем T-период колебаний, то этих положений достичь невозможно.

Поэтому допустимые состояния и время (скорость их взаимного перехода) — необходимо связанные вещи.

Любой объект Вселенной стремится к физической дифференциации, т.е. к концентрации густот (по Д. Панину) вещества в определенных узлах, которые отторгаются тем самым от основного ядра. Однако возникающее информационное взаимодействие структурирует разбегающуюся систему в единое целое, формируя ее сотовую структуру.

«На физическом уровне происходит образование новых видов, увеличивается разнообразие форм, а на полевым — усиливается степень единства» (с. 34).

«Возрастание единства и скорости взаимного перехода является смыслом развития живого объекта... Процесс единения с Вселенной есть то, что, мы называем культурой, процесс обособления (при повышении плотности энергии и вещества) представляет собой цивилизацию.

Если возврат к культуре осуществляется не на должном уровне, это приводит к гибели цивилизации... Главное отличие живой материи от неживой сокрыто в скорости перехода противоположностей друг в друга, следовательно, цель жизни — усиление проявленности духа в материи... Цель системы (саморегуляции на информационно-энергетическом уровне) — поддержания соответствия части интересам целого» (с. 33-34).

Но последнее лишь стабилизирует систему, но не стимулирует ее развитие, возможное через бифуркации — неустойчивости при несоответствии структуры тела энергетическому воздействию на него.

«Когда природа шла по пути физической защиты, например, увеличения веса динозавров или снабжения панцирями черепах, эволюция останавливалась. Выживали наименее защищенные физически и наиболее защищенные духовно... (с. 41).

Сегодня определяющим для выживания системы является процесс не накопления материального, а увеличение структурной информации, формирующий единую систему, и ее продуктивное расходование для развития системы, в т.ч. и человека. Поэтому современный человек «должен быть одновременно святым, обычным человеком и дельцом» (с. 37). Поэтому и для бизнесмена этика — неперенный фактор. «Этика — это роскошь вчера, необходимость сегодня, единственное условие для выживания завтра. Людей, думающих только о физическом здоровье, в ближайшие годы может постичь судьба динозавров» (с. 42).

Быть сильным и могущественным — не значит превосходить в силе, а уметь слабого поднять до высот своих» (Р. Тагор). Биополе над головой человека имеет выход в Космос, который поднимал до себя человека. «Важной характеристикой биополя является уровень подключения к Космосу» (с. 47). Соединив религию с наукой, мы можем попытаться найти путь к Гармонии Мира.

«Причиной полевых деформаций является несоответствие характеристик (био) поля человека информационному полю Земли и Вселенной» (с. 49). «Механизм

кармы — это отражение принципа единства человека со Вселенной» (с. 51). Кармические структуры внутри организма защищают его от несчастий. Эти структуры — более раннее проявление полевого воздействия по сравнению с информационным воздействием на организменное вещество. Можно считать, что карма — тоже полевая структура, взаимодействующая с космическими полями ноосферы, однако карма более тесно обволакивает организм, создавая духовно-этическое поле человека. Однако, оно проникает непосредственно в подсознание, в то время как сильные связи организма с окружающим миром действуют через органы чувств на сознательном уровне.

«Логика сознания человека направлена на выживание физического тела, логика подсознания — на сохранение и развитие духовных структур. В то же время «физическое здоровье тесно связано с подсознанием» (с. 52).

Если раньше карма у святых была чиста, обижающийся на них человек тут же получал ответный удар. Сегодня у многих негативная карма, и обида проваливается в поле — немедленного наказания не происходит, но отрицательные эмоции в подсознании не исчезают, а дают негативную установку на здоровье, свое или потомков. «Однажды совершенное зло никуда не исчезает, оно находится в подсознании и рано или поздно выплескивается наружу — на тех, кто рядом и больше всех любим» (с. 55).

«Поле каждого человека содержит набор программ, определяющих его взаимодействие с миром и людьми» — это то же, что жизненный сценарий Э. Берна. «В поле человека содержатся программы отношения к нему и программы его отношения к людям. Когда по отношению к нам совершается что-то неприятное, ответить тем же — нельзя. Можно сопротивляться только на физическом уровне, но на полевом, духовном надо постоянно сохранять чувство смирения, кротости, любви к людям, помнить, что любая неприятность — результат нашего несовершенства» (с. 55).

Воздействовать на духовные удары надо не ответными ударами, а совершенствованием своего поля, очищением своей кармы. «Раздражительность по отношению к людям, злость — это попытка энергетической атаки не только конкретного человека, но и Вселенной, которая вызывает деформацию полевых структур» (с. 55).

«Раскаяние — это, прежде всего, не бесплодные угрызения совести... Раскаяться — значит направить все силы на изменение себя,... это процесс, смысл которого в том, чтобы взрыв энергии, возникающий при осознании, работал на созидание. При раскаянии... механизм передачи полевой информации, т.е. накопление, активация программ и их исполнение через поступки человека, — ... может быть остановлен» (с. 58-59).

«Смирение... — это не рабство,... а механизм духовного развития. Внутренним смирением достигается гармония с Вселенной на тонком уровне» (с. 63).

«Сознание человека подобно маленькому колесу, которое можно не слишком большими усилиями крутить вперед и назад. Подсознание — это огромное, тяжелое колесо, его сложно раскрутить, и еще сложнее остановить» (с. 63).

«Отречение от высших чувств (любви к ближнему — В.Б.) очень сильно искажает полевую структуру человека и проявляется на физическом уровне часто неизлечимыми болезнями. Болезнь может выполнять разные функции: предупреждение, приостановка деятельности, которая мешает правильному развитию человека, третья — устранение механизмов, которые позволяют распространять отрицательную информацию. Мы... являемся клетками единого организма по имени человечество, которое, в свою очередь, является частью единой системы — Вселенной. Все основные заповеди мировых религий — это зашифрованная концепция строения мира и правил нашего взаимоотношения с ним» (с. 66).

«На пятом месяце беременности ребенок абсолютно един с Богом и Вселенной. Поскольку для нормальной жизни человек должен периодически выходить на контакт с Вселенной, он пользуется воспоминаниями пятого месяца, закодированными в его поле» (с. 68). Если в этот период ребенку пожелали зла, то в его наследстве заложится программа уничтожения и своего рода и всей Вселенной.

У современных детей большие энергетические возможности (за счет большей информативности), однако если не будет правильной ориентации устремлений этой энергии, будет превалировать материальное над духовным, то мир будет неизбежно разрушаться, т.к. нарушится основной закон жизни: отдать больше, чем взять.

«Когда клетка борется с организмом, пытается подчинить его себе — она перерождается в раковую» (с. 71). Когда человек борется с объективными законами жизни, он становится разрушителем не только своего организма, но и близких ему людей по группе в силу того, что дают сбои синэнергетические процессы. «Значительная часть программ уничтожения, отречения от Вселенной нейтрализуется любовью (с. 73...) и устремлением» (с. 75). «Несравненно большего может достичь человек постоянным, непрерывным устремлением, чем разовым кратковременным рывком» (с. 75).

«Человек, смиренно принимающий любые жизненные испытания, экономит огромное количество сил, которые должны были пойти на бесплодные претензии к возникшей ситуации. Этот запас используется на внутреннее духовное изменение, на саморазвитие» (с. 76).

С этой точки зрения я прав, утверждая, что в любой возникающей ситуации надо искать не минусы, а плюсы для дальнейшей жизни. Во-первых, изменить уже все равно ничего нельзя; во-вторых, удастся сберечь силы и направить энергию на дальнейшее понимание связи своей индивидуальной судьбы с общим течением Бытия с тем, чтобы в следующий момент легче было реализовать свои устремления. Это — не фатализм, это — искусство лоцмана в духовно-жизненном море.

«Любовь к детям относится к высшим чувствам Вселенной» (с. 77), т.к. способствует приумножению духовного потенциала человечества. Ребенку можно помочь не слепой животной любовью, а осознанным его устремлением к духовному — любить природу, животных, родителей. Эта любовь — всегда ответная реакция ребенка на воздействия на него со стороны окружающего мира. Помочь ребенку правильно сориентироваться в этом мире может даже его имя, если оно соответствует его жизненной карме. Это как бы сближает ребенка с Космосом, способствует притоку жизненных сил извне в открытое (имя — ворота) пространство маленького человека. Эта открытость и в будущем будет поддерживать контакт взрослого со средой, уже не вбирая, а отдавая вовне накопленную энергию и информацию.

«Человек, убивший в себе любовь, не может быть вылечен таблетками» (с. 78). После рождения ребенка здоровье матери нередко улучшается, во-первых, потому что любовь, испытываемая ею к своему дитя, облагораживает ее полевые структуры и улучшает физическое состояние. А во-вторых, не замечая того, мать передает свои болезни ребенку, т.е. карма делится между ними. «Болезни детей — это деформации полевых структур, полученные от родителей» (с. 79).

«Если дух (ребенка) возвышен, тело и его потребности контролируются (внешними силами). Человек владеет вещами, а не вещи им. В первую очередь, не допускайте, чтобы ребенок передал. Переедание втаптывает дух в землю» (с. 83). Избыток энергии, особенно если он не регулируется физическими нагрузками, обращается во внутреннее жировое вещество, блокирующее, удушающее его духовные силы. «Поменьше мяса, т.к. оно прибывает к земле гвоздями» (с. 84). «Развитие духовности ребенка — лучшее лекарство от негативных устремлений, т.к. духовность соединяет его с регулирующим Космосом, который не дает индивиду отклониться от общей программы всеобщего Блага.

Колдовство и другие магические действия — «это использование божественных возможностей для эгоистических целей, подчинение высших кармических структур сиюминутным тактическим интересам» (с. 84).

Если клетка в целях личного выживания ставит свои интересы выше интересов организма, то это — начало онкологических процессов. Между информационно-энергетическими полями и физическим телом человека существует связь, аналогичная корпускулярно-волновым явлениям в микромире и гравитационно-вещественным процессам в Космосе.

Наша медицина, излечивая физическое тело, переводит причину болезни в полевые структуры, которые влияют на организм в целом, либо на организмы последующих поколений. Излечивая больного, мы сознательно уничтожаем стратегические ресурсы организма ради временного здоровья физического тела. Хорошо, что пока излечение тела энергетическим способом не затрагивает генетическую информацию, но мы с развитием медицинской техники приближаемся и к этому. «Возможно появление мутантов, имеющих генетическую структуру человека и животного одновременно» (с. 92).

И все-таки дух сильнее тела, надо только уметь им управлять. Особенно опасно падение энергетики от злословия. Это — не только нападение на кого-то, но и расплата за скверную мысль. Поэтому «не судите, да не судимы будете» — это призыв не столько к внешнему, сколько в внутреннем отношении людей друг к другу. Добродушие — главная отличительная черта долгожителей; японская вежливость — тому пример. Жалость как и злословие — также вредны, ибо разрушает энергетику и пациента и свою собственную. «Болезнь — не зло, а способ остановки программ распада духа» (с. 99). Лечить ее можно лишь сопереживанием и воздействием не на больной орган, а на карму человека.

Эгоизм же как наркотик забирает энергию у окружающих, перекрывая (атрофируя) канал духовной связи с Космосом. Человек привыкает питаться энергией за счет других, убивая их и себя, особенно детей своих, не защищенных от контактов с людьми и вынужденных возвращать им то, что было ранее забрано предками. Эгоисты-вампиры любят «питаться» энергией у детей, которые интуитивно чувствуют таких людей и стараются держаться от них подальше, если это удастся. Выход — в том, что молитвой не просто передать эгоисту-вампиру свою духовную энергию, а соединить его с Космосом, который может дать человеку необходимое, но достаточное.

Ребенок связан с Космосом через родителей. Те как бы фильтруют поток внешней информации и энергии. При этом подсознательное отношение ребенка к родителям в период полового созревания переходит в сознательное. И возможные разлады свидетельствуют о том, что у ребенка копилось ранее в душе. Поэтому соблюдение духовного контакта для здоровья и корректируемого жизненного сценария важнее, чем примочки и уколы. «Истинная причина наркомании и алкоголизма — это пониженный уровень любви в нашей душе» (с. 112) «Гармония есть любовь» (с. 112). Поэтому столь велика роль любви в стремлении человека к духовным идеалам, связанным с гармонией человека и Космоса «Бог есть Любовь» (Библия).

Физическое влияет на духовное не в меньшей степени. Так, в частности, «во время еды информация свободно проходит в подсознание» (с. 116). Это связано, по-видимому, с тем, что увлеченность этим действием как бы раскрывает душу человека. Поэтому застолья всегда способствовали душевным разговорам, духовному взаимодействию.

«Поведение живых объектов отличается от поведения неживых только временными параметрами, на больших отрезках времени это различие исчезает» (с. 117). Это значит, что процессы в этих системах подобны, и их можно было бы наложить друг на друга, применяя соответствующий масштаб времени, т.е. отношение скоростей (периодов собственных колебаний) в разных системах.

«У живых и неживых систем существует два тела: физическое и временное. Временное тело реализуется в физическом и формируется информационно-энергетическими полями, поэтому модно говорить о наличии информационных

программ существования неживых объектов и о взаимодействии полевых и генетических программ живых объектов.

Воздействуя на информационно-энергетические структуры, можно изменять физическое состояние и поведение любого объекта, а также исследовать его будущее. Телекинез, дистанционная диагностика и коррекция живых и неживых объектов обусловлены вышеизложенным механизмом. Итак, информационная программа реализуется на физическом уровне, но должен существовать и обратный механизм — это является необходимым условием существования Вселенной. Следовательно, любой объект можно трансформировать на уровень информационно-энергетических полей, переместить в любую точку Вселенной [поскольку в информационных полях отсутствует пространство — (так ли? — В.Б.)] и вновь реализовать на физическом уровне — этот принцип лежит в основе телепортации, воздействия на удаленные объекты, в частности, на облачность...

Надвигающаяся полоса катаклизмов свидетельствует не только об экологических изменениях, но и о деформации информационно-энергетических структур Земли...

Исследования полевой структуры дают возможность предсказывать будущие физические деформации объектов, поскольку событийный ряд физического уровня заложен в полевой программе. Но если оператор (при диагностике и управлении) имеет в своем поле программы уничтожения и самоуничтожения, они могут переходить в поле неживого объекта и создавать условия для его разрушения. Механизм полевой саморегуляции включает ответную программу уничтожения оператора... Высокий уровень подсознательной энергии (части человечества) может вызвать в ближайшее время ряд глобальных катастроф, которые невозможно будет предотвратить повышением технического уровня обслуживающего персонала. Вопрос экологии духа является первостепенный...» (с. 117-119).

Эта пространная цитата не требует особых комментариев. Чистая карма особенно важна сейчас ученым и тем, кто работает над принципиально новыми технологиями в ядерной и солнечной энергетике, генной инженерии, в биогеофизике, в сфере управления климатом и др.

Экстрасенсорная диагностика полевых структур неживых объектов позволяет определять места их предаварийного состояния, а также дифференцировать места биополевого комфорта и дискомфорта для проживания людей. Аллергия к определенным растениям и живности объясняется отрицательными эмоциями наших предков к тому или иному объекту. Оператор своим психологическим состоянием, своей кармой может влиять на работу ЭВМ.

Раньше рисовать иконы дозволялось лишь художнику с чистой кармой (высокой этикой), при этом краски и растворители специально освящались. Тогда заряд энергии от художника уходил в икону, действовавшую благожелательно и на молящихся. Отсюда пошел и обряд освящения новых зданий и помещений. Более эффективно было бы проверять проекты нового строительства на гармонию. Раньше архитекторы были творцами, а не ремесленниками, потому что испытывали

божественную любовь к своему творению. Они даже место выбирали так, чтобы проходящие по земле геополосы оказались благоприятными для жилья.

Так, в Ялте все дореволюционные постройки были возведены в местах, благоприятных для здоровья и судьбы человека, а современные объекты, как правило, без учета этого фактора.

Однако и информационные структуры Земли не остаются неизменными. Так, с августа 1945 г. (после Хиросимы — ?) в них происходит увеличение подсознательной агрессии, особенно усилившееся с июня 1987 г. Особенно высок уровень агрессии в массовом западном искусстве, построенном на принципах бездуховности и пропаганды насилия и жестокости. Сейчас это перешло и к нам. В этом смысле роль телевидения и многих СМИ негативна. Они отучают человека (детей особенно) от общения с природой, космосом, заменяя все это суррогатным «искусством».

Дьяволизм — это развитие в человеке программ самоуничтожения. Если это уничтожение программ разрушения, т.е. освобождение человечества от дурного организма, то это созидательное разрушение. «Зло есть неконтролируемое добро» (с. 139).

Но если это разрушение — самоцель без замены погибшего новым народившимся духовным началом, то это гибель и человека и человечества.

Подсознательная агрессия минимальна и отрицательна у наших фильмов «Золушка», «Ну, погоди», «Кавказская пленница», «Белое солнце пустыни», «Андрей Рублев». После этих фильмов человек просветляется, снижает уровень своей внутренней негативности. Поэтому и стар и млад любят и многократно смотрят эти фильмы, чего не скажешь о многих американских боевиках и даже мультиках.

«Дух матери становится телом ребенка» (с. 132); поэтому очень важно, чтобы и до рождения ребенка, и особенно в период беременности женщина была «святой», без всякой внутренней агрессивности, а свои недуги смиряла кротостью, основанной на осознании своей высокой миссии.

Импрессионизм подобен иконописи, потому что ориентирован на подсознание. Однако в зависимости от кармы и состояния души художника одни интенсивно воздействуют на зрителя, наполняя его любовью и соединением с Космосом; а другие — чернят душу темными помыслами живописца.

Наша традиция иметь в кабинетах портреты вождей внешне наследует роли икон, однако, нынешние портреты, как и сами «вожди» не несут в себе положительного заряда эмоций.

Поэтому высока роль принципиально иной живописи, создаваемой художником с чистой кармой, использующей цвет и рисунок для возбуждения у зрителя на подсознательном уровне эффекта сближения с духовным космосом.

Когда в Загорской духовной академии мы осматривали музей русских икон и западноевропейской классики, то почувствовали, что православие стремилось к воздействию на подсознание, а католичество — через изображение красивых линий,

фигур, пейзажа. Поэтому духовная роль икон гораздо более сильная, чем светских картин классической живописи.

«Само слово «культура» идет от слова «культ»... Культура возникает как результат устремления к единству, к Божественному как высшему символу единства... Культура определяет непрерывное духовное обновление народа, цивилизация работает на физическое обновление. Культура создает цивилизацию, но на определенном этапе цивилизация начинает отрицать и разрушать культуру... Культура направлена на созидание, цивилизация несет элементы разрушения» (с. 134).

Интуитивно это понял и О. Шпенглер в своем «Закате Европы». Анализируя потенциал разных стран в сфере культуры и цивилизации, автор приходит к выводу, что «Германия — страна, идеально отвечающая понятию цивилизации; Америка — страна высочайшей цивилизации, но для дальнейшего развития ее потребуется большая работа по уменьшению уровня подсознательной агрессии; Япония совмещает и культуру и цивилизацию и сохраняет потенциал на будущее; в России сейчас нет цивилизации, но есть (пока!) внутренняя культура, есть колоссальный потенциал для развития... Понятно пророчество многих ясновидцев, утверждавших, что спасение идет из России» (с. 135).

А в это время нам предлагают приобщиться к так называемым «общечеловеческим ценностям», отдающим примат внешней благопристойности, прикрывающий разрушительные стимулы материального, а не духовного благополучия.

Пассионарность россиян не исчезла, она отражает духовную заряженность российского этноса, которому космическим предназначением уготована роль вестника нового духовного мира на нашей планете и во Вселенной.

О государственности

«Еврей, будучи паразитом, лучше всех на этой земле переносит любой климат и в отличие от немца способен акклиматизироваться как в Лапландии, так и в тропиках...» (Генри Пикер «Застольные разговоры Гитлера». Смоленск, ф. «Русич», 1993 г. — см. НГ 23.07.94).

Конечно, приспособленчество у еврейской нации развито сильнее, чем у других народов. Но не надо так же плакаться и о немцах. Они прижились не только на берегах Балтии, но и под Одессой, на Волге, в Киргизии, в Южной Африке и Южной Америке. Жизнь заставила. Разумеется, теряя корни на своей геокосмической родине, нация вынуждена адаптироваться к новым условиям. При такой адаптации теряется нечто этническое, зато приобретается нечто экономическое. И все же чувство Родины остается у всех, в т.ч. и у евреев.

Стремление вернуться в места обетованные свойственно каждому, это говорит голос крови, который не заглушить никаким общечеловеческим осреднением. Эти национальные ценности, которые у каждого народа свои, в противовес мифическим

«общечеловеческим ценностям» опираются на сильное мононациональное государство. «Государство и есть лучшее орудие национальной воли к мироустройству, аккумулятор энергии масс, показатель исторической силы» (И. Швелев — НГ. 23.07.94).

Но государство государству — рознь. Мононациональное государство сильно своим биолого-этническим единством. Многонациональное государство как США, СССР сильны другой идеей. В случае США это идея индивидуального самоутверждения; и государство помогает лучше реализоваться именно этой идее, отчего его граждане чтут этот институт. В случае СССР — это идея примата общественного над личным. Оно — государство давало каждому гарантированное социальное обеспечение, за что требовало от своих граждан полного послушания, вплоть до забвения незабываемого — голоса крови предков. Но нивелировать государственное устройство, делать его повсеместно однотипным — это значит не понимать сути многовековых национальных, этнических, природных, исторических интересов людей, волею судеб обосновавшихся на этом участке земли. Государство — это союз граждан, созданных в силу их общих интересов, а не искусственно навязанная сверху форма народоустройства.

Давайте думать

Идея российского вестничества, опричиненная в том числе и космически-географическими условиями бытия, начиная со времен третьего Рима прочно вошла в сознание народа, овладела массами и стала на протяжении столетий основным фактором внутренней и внешней деятельности Московского Государства и его граждан.

Защищая свое физическое и моральное существование от внешних врагов, проводя мирную экспансию своей духовной идеи на одной шестой части земного шара и в других регионах, россияне спланировали народы благородными узами равенства, братства и справедливости.

Не индивидуализм, а общинное устройство жизни соответствовало этой идее во все времена и при всех общественно-политических строях в России. Этой идее были подчинены и политика, и экономика, и духовная жизнь общества. Даже реформаторство Петра I, сбившего бороды с лица российского истеблишмента и нарядившего его в европейские камзолы, не затронуло святая святых россиян — их богоизбранности. И российский большевизм-интернационализм по сути своей, сыграв на этой же идее, был воспринят народом и всем миром, несмотря на физический геноцид по отношению ко многим своим далеко не худшим соплеменникам.

Конечно, мы жили и живем не на изолированном острове, а после падения железного занавеса и для нас стали доступны иные, в том числе и материальные и индивидуалистические ценности. Но не они определяли и будут определять нашу духовную идейность, наш образ мышления, наш стиль жизни. Конвергенция даст

плоды не путем подавления одного социального мироустройства другим, а путем их адаптации друг к другу, приводящей не к взаиморастворению, а к многогранности жизненных начал. Для этого нужно не только желание реформаторов и реформируемых, но и время осознанной общенародной перестройки мышления, не укладывающееся ни в 400 ни в 500 дней. Можно наводнить роскошными «шопами» и голыми «ж...» улицы и СМИ, можно расслоить общество на сверхбогатых и сверхбедных, можно митинговыми лозунгами и танковой пальбой призывать к гражданскому миру и согласию, но все это будет тщетно до тех пор, пока освободившееся место поруганной идеи государственного капитализма-социализма не займет новая идея справедливого жизнеустройства, выросшая на почве российского духовного бытия.

Это — не идея российской государственности. Потому что государство в любой своей форме — это не цель, а средство достижения идеи.

Это — не идея индивидуализма и частной собственности. Потому что мы генетически неспособны жить каждый сам по себе. Все люди живут в обществе, а россияне — тем более.

Это — не идея материального благополучия. Потому что поклонение золотому тельцу выхолащивает душу — главное богатство россиянина.

Это — не идея славянского православия. Потому что россияне — люди разных национальностей и вероисповеданий, и религиозные распри кровавы и жестоки.

Так что же нас объединит и подвигнет на деятельное будущее?

Давайте думать, искать... сообща. Не перекраивая русскую душу по чужим меркам, не насаждая повсеместно на русскую землю заморских диковинок, а старательно выращивая то, что прижилось на нашей исторической духовной почве — российское общинное вестничество.

Евразийское россиянство

Мы все — за Россию. Не за россиян — каждого индивидуально, тружеников и собственников, их территориально-национальные или социально-общественные группы. А именно — за Россию, государство единое и неделимое.

Государство — самоцель, граждане — статисты на подмостках политической сцены или пассивные зрители в пустеющем зале.

Для чего она нам, всем и каждому, единая и неделимая?

Вроде бы и нужна, а зачем... и какая? У государства три функции: защита граждан от внешних врагов и внутренних злоумышленников, организация народного общежития и так называемой общественной экономики. Но главное — это идея, способная сплотить людей, для реализации которой все мы готовы, оставаясь персонифицированными личностями, объединиться в большие — и малые

сообщества, формирующие единое и неделимое государство. Не мы — для России и ее правителей, а она — нужная нам материально и духовно.

Раньше мы все были советские — послушные правящему гегемону, но в принципе согласные с его программными идеями — государственными социальными гарантиями прожиточного минимума и обязательности труда по потребности и возможностям. И была она — историческая общность — советский народ.

Мы искренне гордились своим строем, где декларировался и был примат своего труда, а не чужого капитала, гордились научным, культурным и геополитическим могуществом единого многонационального государства.

Да, мы многого не имели и многого не могли. Мы жаждали перемен. Вечно и неизбежно стремление к переменам в надежде на лучшее.

Но что получили для жизни мы — россияне, провозгласив благодаря развалу Советского Союза свой суверенитет, свою государственность, свой трехцветный флаг.

Где та российская идея, реализуемая в кровных (но не кровавых) интересах каждого россиянина и всего российского этноса именно единым и неделимым Государством российским?

Националистические идеи для многонационального государства губительны. Чувство родины у сибиряков и волжан, северян и москвичей с различными природными и экономическими условиями жизни — далеко не одно и то же. Если каждый — сам по себе, то примат частной собственности и расслоение общества и территорий — далеко не интегрирующее общегосударственное начало. Галопирующий парад суверитетов по-сердцу местным правителям (все пошили себе новые мундиры региональных премьеров, министров, губернаторов, мэров), по нраву всем (бесконтрольно со стороны государства) расхитителям природного, накопленного, но не приумноженного общего достояния. В перераспределительном, но отнюдь не созидающем предпринимательстве раскрываются потенции новых бизнесменов и менеджеров. Отсутствие собственного российского «Я» не зажигает, а гасит научные, спортивные и культурные звезды. Гордиться иностранными «шопами» на улицах, и телеэкранными «ж...» отечественных жриц — как-то не увлекает. Имя «россиянин» — сегодня не звучит гордо.

И это — самое опасное.

Но главное — не скулить об утерянном, а попытаться найти ту объединительную идею россияинства, которая поможет нам возродить самоуважение к себе. Только идея, овладевшая массами, станет интегрирующим началом и основой российской государственности.

И будет ясно, какими экономическими и правовыми, социальными и организационными мерами, а не декларациями «о согласии лучше реализовать эту идею, где силы населения регионов и центрального правительства будут не противопоставлены, а соединены, дабы придать Российскому государству общегражданский смысл и заслуженный авторитет в мире.

Такую суперидею придумать нельзя. Но если внимательно и не предвзято осмыслить отечественную историю, давнюю и советскую, то можно не отыскать клад, а выплавить из рудоносного материала российского этногенеза и российской социальной духовности неповторимый никем в мире идеал российского вестничества (космизма).

Я далек от мысли дать сколь-нибудь прочерченную объемную трактовку этого понятия — идеала. Это должно быть коллективное новоисторическое творчество. Но, основываясь на размыслах и научных провидениях многих предшественников и современников — российских духовников — государственников, можно попытаться обозначить узловые точки российского вестничества (название заимствовано у Д. Андреева из его «Розы мира») как суперэтнической государственной идеи, с которой Россия достойно вступила бы в XXI век.

Российский суперэтнос проявился в мировой истории в XIII веке под объединительной звездой Московского Кремля и довольно быстро заполнил географический вакуум урало-сибирского пространства. Но не столько военной экспансией, и религиозным миссионерством, а — органическим началом духовно-государственного единения и взаимо-обогащения народов, что позволяло им в относительном мире и согласии не просто жить и размножаться, а стать коллективной основой новой евразийской цивилизации.

Отличительной особенностью этой цивилизации было и есть не материальное благополучие, а гармония Человека с природно-космическим началом. Богатые природные ресурсы и широкие географические просторы породили размахистость русской души; резкая континентальность климата — определила разудалый нрав и склонность к крайностям характера; необходимость взаимопомощи в постоянной борьбе за свое существование — артельность в труде и товарищества в жизни.

Но главное отличительное свойство российского этноса, объединившего на одной евразийской территории многие народы и народности, это чувство общинности и коллективной пассионарности (страстности) в достижении высших целей своего совместного существования.

Пассионарность (по Л.Н. Гумилеву) — это избыток поглощаемой людьми биохимической энергии живого вещества биосферы, открытой В.И. Вернадским, сверх того минимума, который необходим для поддержания человеческих потребностей, определяемых биологическим инстинктом самосохранения и воспроизведения потомства.

Приобретенная в период становления этноса пассионарность требует выхода избыточной энергии, которая у россиян чаще всего расходуется на самопожертвование ради некоей идеальной цели.

И религиозные и социальные идеалы, к которым другие народы относились достаточно уравновешенно, россиянами воспринимались даже на уровне подсознания как истинный смысл человеческой жизни.

Духовная энергия народа щедро расходовалась для того, чтобы: Россия не только самосохранилась в битвах с врагами, не только стала одной из цивилизованных стран мира, но и собственным примером показала другим народам путь к высшей правде, к высшей святости, к высшему предназначению Человека не только как планетарной особи, но и как космическому явлению.

Недаром лозунги 1917 г. «братство» и «равенство» получили в России столь мощную поддержку, а сама Россия (Советский Союз) стала вестником социалистических преобразований для всего мира.

Разумеется, сегодня мы — не те.

Но попытки втянуть российский этнос в другой мир — американо-западноевропейской цивилизации губителен для нас, так как ломает природно-социальный стереотип поведения людей, который формировался столетиями. В отличие от рассудительного атлантизма склонный к крайностям российский характер часто был следствием действия подсознательных сил. Но если на сознательном уровне ежесекундно перерабатывается около 100 бит информации, то на подсознательном — на семь (!) порядков больше. Не в этой ли природной организации образа мышления кроется необыкновенная способность русского человека к поражающему мир изобретательству, не всегда умеющему разумно реализовать свои идеи. Не в этой ли развитой подсознательности кроется гениальность русского народа, его способность ярче воспринимать трансфизические поля как проявления ноосферного Космоса.

Может быть, прав Л.Н. Гумилев утверждая, что «на популяционном уровне история регулируется не социальными импульсами сознания, а биосферными импульсами пассионарности» («Ритмы Евразии», с. 189).

И если продуктом многовековой сознательной деятельности человека явилась «западная» цивилизация, основанная на примате частного над общим, индивидуального над коллективным, то не есть ли попытка привить нам так называемые «общечеловеческие ценности», под которыми прежде всего понимаются ценности материального, а не духовного мира, стремлением нивелировать интеллект, исключив из него творческое идеальное начало.

Российский космизм — это прежде всего самосознание себя как человека Вселенной. Ему мало жизненного пространства на поверхности земли. Ему нужна еще одна координата жизни — духовная. И это осознание своей связи с ноосферой как на уровне предсуществования этноса, так и на уровне неизменного послеземного существования, осознание подсознательное, не индивидуальное, а массовое — и есть та идея вестничества, которая делает российский этнос не доминирующим над другими народами, не подавляющим, а возвышающим человечество. И российская культура не пытается навязать себя, ассимилировать другие культуры (как модель образного мышления); она делает метакультуру более многоплановой, более объемной, более направленной к духовному (святому) Космосу.

Не существует единой (единообразной) культуры мира, не существует «общих человеческих ценностей», ибо метакультура есть не уничтожение, а расцвет самобытных культур различных этносов. А общечеловеческая этика есть не унификация, а взаимодополнение этических особенностей различных народов, каждый из которых вносит свой вклад в силу своего исторического состояния и предназначения.

Нынешнее состояние пассионарности россиян концентрируется не в центре, а на окраинах России, ибо в центре (надеюсь, временно) возобладало влияние меркантильного Запада, которому чужда и опасна Россия в силу ее самобытности. На периферии же еще силен дух россияинства. Здесь еще крепки связи людей с природой как источником жизненных ресурсов и духовной энергии. Здесь индивидуальное природно-человеческое «Я» и его естественные первичные сообщества (семья, трудовые коллективы, объединения по интересам и по духу не потеряли своего доминирующего значения). Но и регионы, понимая в условиях сложившегося разделения труда, коммуникабельности людей невозможность своего автономного существования, тянутся друг к другу, но не по указке сверху, а восстанавливая естественную интегрированность российского природно-экономически-социального суперэтноса.

При этом у каждой составной части единого этноса — дальневосточников и сибиряков, уральцев и жителей Черноземья и Нечерноземья сохраняются и свои собственные стереотипы поведения, дополняемые региональными экономическими и единоплеменными связями.

И все же Россия в ее нынешних административных границах — это неестественно обрезанный евразийский этнос, когда и Северный Казахстан, и малороссы, и белорусы остались за границей, не говоря о миллионах русскоязычного населения, оставшихся вне пределов своего прежнего поли-этнического государства.

Выход — не в перекраивании границ, а в последовательной реализации основного принципа народоустройства: региональный субэтнос — общезнаковая идея — Российское государство — Евразийское содружество.

Образующиеся межрегиональные ассоциации типа «Сибирское соглашение», «Большая Волга», «Северный Кавказ» и другие оказываются живучи не только по экономическим причинам. Ни одна из них не представляет собой товарно-экономически сбалансированного объединения. Более того, в силу проводившейся в Советском Союзе да и в мировой экономике специализации многие, особенно восточные районы страны оказались гипертрофированно узконаправленными либо в сторону ВПК, либо в сторону сырьевых отраслей.

Но территориальная общность, схожесть условий проживания, своеобразный региональный менталитет, и сегодня доминирует над экономическими и политическими факторами. В частности, сибиряки, как показали последние региональные научно-практические конференции, не только не потеряли самоуважение в силу своего экономически ущербного состояния, но наоборот, переживают новую волну пассионарности, жизненной энергии, направленной на

приумножение не только материального благосостояния, но и своего природно-духовного сибирского экоса.

Понятие «экос» в своей первооснове означает «дом (жилище), среда обитания.

В каждом «экосе» живет свой субэтнос, заботящийся не только о том, чтобы выжить, а и о том, чтобы жить ему в своем «доме», своей среде обитания было удобно, выгодно и интересно.

Подобно тому как каждый хозяин печется о своем жилище, объединительной идеей сибирского этноса является забота о рациональном использовании своих богатейших природных ресурсов, дающих жизнь многим людям, регионам и странам, но неадекватно формирующих условия жизни самих сибиряков.

Располагая более чем третью мировых запасов газа и угля, достаточными гидроресурсами и ресурсами нефти, торфа, геотермальных вод, лесов как геобиоэнергетическими источниками, необходимыми и достаточными для цивилизованного материального развития всего евроазиатского континента, Сибирь по уровню жизни далеко позади тех, кого она согревает своей природной и человеческой энергией. Сибиряки ценой своих жизней во время ВОВ спасли Москву, взвалили на свои плечи оборонное производство страны, дойдя до рейхстага, спасли мир от коричневой чумы фашизма; отдалили для европейских стран энергетический кризис 70-х годов. А взамен получили на своей территории, где бурно развивался Западносибирский нефтегазовый комплекс и Кузбасс, экологическую чуму, заразившую не только ландшафт, но и местное население бациллой равнодушия к своему природному Началу.

Обилие пришлого населения, в том числе лагерных поселенцев и вахтовиков-временщиков, не слившегося с местной природой в некую общность, серьезно подорвало живительные истоки сибирского этноса. Но своевременное осознание этой опасности дало новый толчок пассионарности евразийского, в первую очередь, сибирского этноса, интуитивно понявшего грядущую опасность манкуртизма (беспамятства к природному прошлому).

Этот пассионарный импульс вызвал к жизни волну сибирской духовной энергии, которая смоет грязные следы чужих вороватых сапожищ, топчущих ягельник Ямала и кедровник Саян, возродит и у коренного населения к у всех приезжих чувство хозяина в собственном доме чувство самоочищения от сиюминутных корыстных интересов, чувство собственного достоинства и нравственного возрождения.

В то же время идея сибирячества не есть элементарный сепаратизм, стремление к обособленному оазисному существованию. Это — возрождение идеи россияинства как интегрированного местничества.

Местничество — когда у человека возрождается и постоянно подсознательно присутствует чувство «малой родины» — не места физического рождения, а места, где человек сформировался как Личность в гармонии с окружающей природной и общественной средой, наследуя биологию родителей и обычаи земляков. Местный

языковой диалект, местные черты характера (степенность коренных сибиряков, и горячность горцев), местный стиль жизни (щедрость, доходящая до расточительства, — у одних и рачительная скрупулезность — у других) — это неотъемлемые врожденно-приобретенные качества человека как этнической особи.

И человек с годами сохраняет кровную привязанность к своему местному экосу, к его родному очагу. Меняя волею судеб среду своего обитания, человек — пассионарий не теряет своего изначалия, а расширяет ареал своего экоса. Приноравливаясь к другим условиям жизни, человек реализует свои адаптационные возможности, обогащает себя и окружающих разнообразием приобретенных свойств, но земляческие навыки сохраняются у него на уровне подсознательных инстинктов, передаваемых по наследству. Недаром и нас к старости, и детей наших тянет так часто к местам обетованным — нашей прародине.

Своеобразным субэтносом со своим особым общинным укладом жизни и сохранившимися традициями является и возрождающееся на Руси казачество.

Люди же, не обладающие достаточной жизненной энергией, попадая по одиночке в непривычную среду обитания, теряют прежние природные этнические навыки с трудом приобретают новые. И таких — большинство. Простое перемешивание людей по планете атрофирует у них чувство родины, своего места на земле и места в жизни.

Поэтому интеграция региональных и других субэтносов — это не механическое суммирование населения и территорий. Это — сохранение для основной массы людей их привычной среды обитания и в то же время — использование избыточной пассионарности для расширения сферы жизненных интересов путем взаимообогащения с соседями культурными, социально-экономическими и духовными традициями и идеями. Взаимообогащение — но не путем взаимопоглощения и аннигилирующей ассимиляции. Расширение жизненного пространства — не за счет захвата чужих земель, а вверх, в Космос.

Россиянство — это совокупная идея интегрированного субэтноса, заключающаяся в осознании исторической миссии евразийства как провозвестника такого народоустройства, когда коллективный экос (коллективная среда обитания) станет предметом, смыслом жизни и каждого индивидуума и всего общества.

Личность заинтересована в сохранении и облагораживании своего «жилища» не только с точки зрения материального благосостояния, но и как биологическая особь — в тепле, чистом воздухе, разумном комфорте, и в сохранении природных ресурсов для потомков; заинтересована в приумножении общей культуры своего этноса, начавшейся с местной мифологии, фольклора, орнамента, с давних освященных традиций обычаев предков, поклонявшихся местной земле и местному небу, и восходящей к духовно-энергетическому ноосферному Космосу, который вместит в себя благие деяния людей и дает силу потомкам.

Но Личность может реализовать себя только в обществе, которое позволит соединить природное и социальное. В таком обществе может быть и частная

собственность (чувство хозяина), используемая не во зло, а на пользу ближнему сородичу и соседу (члену субэтноса). Это — частнообщинное отношение к земле исповедал еще две тысячи лет назад Аристотель. А мы сегодня запутались в юридическом решении этой проблемы.

Общество, безусловно, организует и будет поддерживать жизнь своих граждан, так чтобы возможности каждого и деяния каждого оценивались всеми соратниками непосредственно, а не милостью высшего руководства. Поэтому в структуре общества очень важна роль первичных коллективов — артелей, бригад, где совместный труд (а не хуторское фермерство) дает более высокую производительность и породит не всеобщую уравниловку, а осознанную всеми оценку индивидуального вклада каждого.

Роль бригадиров будет определяться не должностью по назначению свыше, а личностным авторитетом в работе и в жизни.

Бригадный подряд — это наша природная этническая форма коллективного труда.

Жизненный коллектив определяется объединениями людей по интересам, а не только по месту жительства, хотя очень важно стимулировать даже в градостроении такую структуру жилья, чтобы соседи хотя бы встречались друг с другом по необходимым совместным хозяйственно-бытовым делам. Чтобы не каждый мастерил в своей квартире или гараже собственные верстаки, а имел возможность объединить свои возможности и интересы с соседями. Наши молодежные жилищные кооперативы и были попыткой коллективизировать быт, не нарушая природной семейной обособленности людей. Детские и школьные коллективы, как среда первичного воспитания, должны быть не столь многочисленными, как вчера, где личность теряется в массе, подчиняясь не уму, который еще в этом возрасте не приобрел лидерства, а физической силе, по-детски нацеленной на то, чтобы ломать, а не строить. И учить детей надо не абстрактным теориям, а навыкам коллективного творчества в личных интересах, но во благо окружающим.

Города-миллионеры плохи не сами по себе, а тем, что в них затруднен доступ к природному началу, а общественная жизнь чересчур урбанизирована. Большие города создавались для целей ускоренной индустриализации массовой экономики, а не для сожительства людей. Они не стали полноценной средой обитания населения, а возникшее экологическое движение, используя естественную природную потребность людей сохранить среду обитания, стало профанировать обобщенное понятие «экос», ограничивая среду лишь природными факторами, призывая, по сути, к движению вспять, к лучине, к отказу от материальных благ цивилизованного «жилища».

Но ведь и малые города и села, где природа, казалось бы, еще держала свое естество, на самом деле оказались еще менее приспособлены к потребной людям среде обитания в силу социальной необустроенности «жилища». Суть в том, что занимаясь великими свершениями во благо человечества, мы забыли о человеке, о его природно-социальной сущности, о необходимости гармонии интересов людей со всем окружающим его миром, что составляет суть жизни всех и каждого.

Однако эта социально-природная гармония применительно к нашим традициям и обычаям означает, что недопустимо чрезмерное расслоение людей по их материальному благополучию, не соответствующему физическим и природным потребностям человека. Купечество на Руси даже при всех ее расстояниях, отделявших производителей одних товаров от других, было, в основном, не торгово-обменным корабейничеством, а посредничеством — производственным предпринимательством. И тех же купцов-заводчиков народ оценивал больше не по их капиталу, а по их вкладу в церкви, меценатство и благотворительность. Это — от их российской природы, а не от их капиталистической сущности вообще. Конечной их целью было не стяжательство, не самонакопление капитала, а его использование как средства индивидуализировать память о себе не где-то в Париже, а в родном Томске, например. И этим российское купечество в корне отличалось от безродных американских бизнесменов, которых ныне мы пытаемся брать за эталон.

При любом социально-общественном строе россиянство, по сути, было отличительной чертой всех сословий, не терявших связь со своим этническим прошлым и творивших в меру своих сил, возможностей и миропонимания во благо себе и не во вред окружающим.

Я не идеализирую в данном случае русскую нацию, а пытаюсь подчеркнуть органическое природно-социальное единство евразийского этноса, в котором это единство прошлого, настоящего и будущей памяти о себе составляло кровную суть каждого.

Российская гениальность и вестничество — это природный дар нашего этноса, еще не потерявшего чувства своих природно-космических корней и стремящегося нацелить жизнь и деятельность людей не на приоритет одних наций над другими, не на приоритет материального над духовным, не на обезличенную социальную уравниловку, а на гармонию личности в коллективе, местного природного начала и социально-экономического сообщества.

Гармонию, где в центре всего и вся было бы не личное «Я» и не обезличенное «Они», а коллективное «Мы» — объединение людей, кровно связанное родовыми узами, трудовой и духовной общинностью, местным «экосом» и ноосферным Космосом как Началом и Венцом нашего земного бытия.

И Государство (Россия и Евразийская конфедерация) лишь тогда станет естественной формой народоустройства, когда будет помогать каждому из нас реализовать свои жизненные интересы, свои природные навыки и социальные идеалы, идею россиянства (евразийства), когда будет строиться по принципу природно-социальных регионов, когда звезды Московского Кремля будут олицетворять собой пять сторон света, куда обращены наши взоры: Восток — Юг — Запад — Север и Космос.

Новый Ренессанс

Конец XX века — начало нового Ренессанса. Кому-то покажется странным и даже кощунственным это утверждение — ведь в мире, в частности, в районе Персидского залива, опять зреют военные столкновения, у нас в стране — экономический и политический хаос, культура производственных и человеческих отношений замутнена меркантилизмом и обострена до взаимонеприязни. Все, мягко говоря, оставляет желать лучшего. И это лучшее — грядет. Это — не просто надежда, ибо не надеяться, значить — не жить. Это — провозвестие, основанное не на пустой вере в чудо, а на предчувствии и на осознании грядущего Возрождения человечества. Возрождения во всех сферах человеческого бытия и человеческой духовности. Ибо искусственное противопоставление одного другому обедняет человека, делает его существование однобоким, болезненно сфлюсированным. Только гармония между материальным и духовным благосостоянием делает человека счастливым. И эта гармония — не для индивидуума, а для подавляющей части Человечества. Вот эта гармония и зреет во всем мире, как набухают почки весной на деревьях, хотя приближение весны нередко сопровождается всплесками метелей. На чем же основано предчувствие и осознание этой Гармонии, не есть ли это очередной мираж в воспаленном от усталости разуме? Нет, не есть. Да, на землю упал предрассветный туман, застилающий нам глаза и затрудняющий ориентацию, сбивающий с пути. Но этот туман лежит лишь тонким приземным слоем, а подымитесь чуть-чуть выше и — какое великолепие нарождающегося Утра. Как голубо от прозрачности чистое небо над нами, как ослепительно бел тот же туман, если смотреть на небо сверху, как беспредельна даль — без тупиков и не сталкивающейся между собой и спотыкающейся друг от друга массы человеческих индивидуальностей.

Гармония — в Системе. В системе, позволяющей каждому реализовать себя, добываясь своим трудом своего материального благополучия, своими умственными способностями, своим интеллектом — уважительного отношения окружающих. В системе, где зависть — главная движущая человеческим поведением сила — меняет свою окраску с черной на белую. Где один человек, оказавшийся волею судьбы ниже другого, не виснет гирею у него на ногах, стремясь опустить его до своего уровня, а стремится подняться на уровень своего визави, подсаживая его все выше и выше. Через тернии — к звездам.

И это — наше ближайшее будущее. На чем же зиждется такая уверенность? Подымите голову от созерцания своих сиюминутных забот, оглянитесь вокруг оком, не застланным злобой и неверием, и ... увидите.

Поиск — это не погоня за чем-то призрачным. Это — открытие чего-то нового и в самом себе, в окружающих тебя людях, в действительности, из хаоса которой можно сообща вылепить любую структуру, возродить новую систему человеческих отношений.

Возрождение — это не милость господняя, озарившая в свое время умы и чувства наших предшественников. Это — объективная необходимость, рожденная новыми человеческими потребностями в период перехода от средневекового

феодализма с его безысходностью по отношению к сословному предназначению человеческой судьбы — к индивидуальному положению человека в обществе, связанному не с рождением, а с его предпринимательскими способностями, проявление которых продвигало человека вверх по общественной лестнице, ибо объективно способствовало развитию всего общества. Отсюда и гуманизм — внимание к личности человека-гуманоида.

Основой гуманистического мировоззрения стала Личность, центром мироздания был объявлен человек как самое совершенное поведение природы, человек с его индивидуальными способностями, индивидуальными, как правило, идеализированными, помыслами, суждениями и действиями. Человечеству всегда хочется казаться лучше, чем оно есть на самом деле. Но не только казаться, но и быть. Опираясь на античное наследие в науке и искусстве, основанное на антропоцентризме (от греч. антропос — человек), гуманизм (от лат. Homo — человек) соединил природные внешние достоинства человека с его современной технической деятельностью и дал мощный толчок к развитию производительных сил в результате раскрепощения человеческого разума, и развитию новых человеческих взаимоотношений, основанных на индивидуальной роли человека в обществе, на его личностных достижениях.

Цивилизация сделала колоссальный шаг вперед. До середины XIX века индивидуализм как младенец был (или казался) исключительно чистым в помыслах и действиях. По мере же необходимости вступать в коллективные взаимоотношения в процессе все более усложняющегося производства и все более концентрирующегося в городах населения Человек стал заявлять о себе не только как непорочное существо, но и в обратном качестве.

Оказалось, что нельзя жить в обществе и быть свободным от общества. Лишь утопический социализм (социальный-общественный) пытался сгладить неизбежные противоречия во взаимоотношениях (имущественных, правовых и др.) людей, уповая также на естественные человеческие стремления к всеобщему благосостоянию и равенству, основанным на равном труде и равных правах. Но люди — все разные, и всеобщего равенства быть не может — это уничтожение индивидуальности, а, следовательно, снижение негэнтропии — неотъемлемого признака развивающейся системы. Маркс и Энгельс провозглашали всеобщее равенство и братство не как абсолют, а как естественное для своего времени разрешение противоречия между наращиванием производственной мощи человечества и общественным разделением людей на класс эксплуататоров — владельцев капитала и всей прибавочной стоимости и класс эксплуатируемых, создающих своим трудом эту прибавочную стоимость, но в малой степени пользующихся ее реалиями. Не нарушить при этом общественное производство, которое уже не могло быть поделено на индивидуальные мануфактуры, можно было, только передав все средства производства в руки самих товаропроизводителей — сообщество пролетариев — не имеющих своей имущественной собственности лиц наемного труда, поставляющих производству лишь собственную рабочую силу.

Преимущества коллективного труда, преждевременная реализация принципа равного распределения между всеми общественными благ сыграли с нашим обществом после Октября 17-го года злую шутку. Добродетель обратилась во зло. Исчез индивидуальный интерес к труду и созиданию. Гипертрофированно возрос интерес к перераспределению продукта. Необходимо признать, что обезличенный труд по своей производительности уступает коллективной, но персонифицированной деятельности, когда реализуется основной признак потребительской стороны социализма: каждому — по труду.

Мы вынуждены признать, что этот принцип гораздо полнее был реализован не у нас, «в стране победившего социализма», а там, где частная собственность на средства производства уступает часть произведенной прибавочной стоимости для поощрения производителей, увеличивая индивидуализированное и общественное материальное богатство. Пока мы произносили заклинания о социализме и коммунизме как высших стадиях общественного мироустройства, в других странах реализовывали эти социально справедливые распределительные отношения, сохраняя индивидуальный, в т.ч. материальный интерес как более значимый стимул для производства и жизни.

В так называемых капиталистических странах «новое мышление» — разумный компромисс между собственниками средств производства и наемными товаропроизводителями позволило полнее воплотить в жизнь не абсолютизированные, а наиболее приемлемые для данной страны и для данной стадии развития общества самые что ни на есть социалистические и даже коммунистические принципы коллективного труда и распределения продуктов этого труда. При этом умные руководители этих стран, не прибегая к абсолютным догмам, пожалуй, больше чем мы заимствовали полезного и жизненного из исторически прогрессивного учения Маркса и Энгельса, оплодотворяя его современными реалиями жизни. У нас же они многому научились, увидев не в теории, а на практике все плюсы в минусы великого социального эксперимента по осуществлению коммунистической идеи в одной отдельно взятой стране. Я не ерничаю, не издеваюсь над нашей историей, не считаю свою страну несчастной и не считаю этот эксперимент злой шуткой несостоявшихся политиков над многомиллионным народом. Такое шараханье из одной крайне положительной в другую — крайне отрицательную оценку нашей истории — это удел тех, кто «без руля и без ветрил» шарахается из стороны в сторону, паникует перед вполне вероятными препятствиями в сложном пути развития человеческого общества, похожем больше на лабиринт, кто надеется лишь на чудодейственную нить Ариадны, а не на собственный разум. А Разум всегда утверждал, что «самое большее зло — это впасть в крайности» (Аристотель), что, ища между ними золотую середину, мы безопаснее проплывем между Сциллой и Харибдой, подстерегающими нас на любом пути. И разумные экономисты и политики поняли это. Недаром «на Западе», да и «на Востоке» теория конвергенции (от лат. конверго — сближение), заимствуя у социализма методы экономического планирования и системы социального обеспечения, а у капитализма — рыночную экономику, прогнозировали сближение двух социальных систем. И хотя о

конвергенции говорить стали меньше, реализация этой теории уже стала заметным явлением мировой социально-экономической действительности.

То, что великое противостояние двух систем заканчивается на рубеже 90-х годов XX века — это исторический факт. И заканчивается оно не победой одной из ортодоксальных сторон, а победой разумного компромисса, синтезом из антиподов новой объединительной для мирового сообщества системы — гуманистического социализма (или социального гуманизма — не столь уж важно) — это залог того, что мир — на пороге нового Ренессанса.

Сегодня новая мировая война перестает быть фатальной неизбежностью для Человечества, и это дает возможность употребить весь интеллектуальный и материальный потенциал Человечества не для подготовки разрушения, а для созидания. Созидания, в первую очередь, материальных благ, ибо и сегодня дать кров всем страждущим, пищу и чистую воду — всем жаждущим — это наипервейшая заповедь и обязанность цивилизованного общества. Производство материальных благ не любой ценой, а путем разумного компромисса с задачей сохранения окружающей среды, ибо природа — мать всех начал. Как мать она питает нас своими соками, как мать — она учит нас добру и любви. И хотя, вырастая, мы зачастую забываем о своих матерях, но даем жизнь — своим детям. Пусть — более урбанизированным, но все же нуждающимся в свежем воздухе и окружающей красоте. И Человечество это начало понимать. Цивилизация, основанная на уважительном отношении к Природе — разве не залог нового Возрождения.

В-третьих, в науке и культуре — этих самостоятельных составных частях развивающегося человеческого общества в отличие от прежних периодов Возрождения мы возвращаемся к более глубинным основам всего сущего — от периода дифференциации знаний и искусств к периоду их интеграции, от анализа действительности и синтезу Натурфилософии — комплексному восприятию во всей ее целостной не только природы, но и ноосферы, где Человеческое сообщество и окружающая космическая среда предстают во всей своей взаимосвязи как источник и цель существования Личности. Кибернетика, а вслед за ней и системология дают нам научные основы построения теории жизни, не только биологической, но и социальной. Сращивание математики, физики, биологии и экономики дает (по И. Пригожину) новую теорию развивающихся систем, позволяющую не только познавать мир во всем его иерархическом многообразии, но и оказывать скоординированное воздействие на объекты различного уровня, не мешая их самостоятельному существованию, но осуществляя их целенаправленное согласованное взаимодействие в интересах всех и каждого.

Бионика как синтез техники и биологии уже дает поразительные результаты в части создания технических объектов, обладающих многими качествами живых существ.

Микро- и макрокосмос в их новых моделях позволяют сделать шаг на пути к общей единой картине мира.

Новые технические возможности, в частности, аудиовидеотехника позволили синтезировать многие виды искусств и доводить мир в новых более восприимчивых образах до подсознания человека. Цветомузыка, голография, объемное чтение делают восприимчивость мира более полным и емким. Экстрасенсика сулит нам познание тайн и управление психоэнергетикой Человека, что стирает грань между материальным и духовным.

Это ли не новый этап Ренессанса.

И, наконец, новый тип нарождающихся взаимоотношений Личности и Общества, индивидуальности и коллектива, человека и Ноосферы. Эргатические человеко-машинные системы стали неизменным составным элементом нашей жизни. Человек при всей его природной значимости становится Личностью только во взаимодействии с себе подобными. Также и Общество — не абстрактный монолит, а персонифицированная система. И только тогда, когда за счет разумного ограничения своих прав Человек становится естественным и главным элементом Человеческой системы, Общество в целом, а не конфликтующие между собой нации, классы и другие группировки, приобретает «человеческое лицо», становится не противостоящим Личности, а способствует ее более полной реализации. И мы уже недалеко от этого.

Так давайте же видеть ростки нового Возрождения и приближать его.

«Ищите и обрящите».

ЧАСТЬ III НА ПЕРЕКАТЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Жизнь вздыбилась

Общественные катаклизмы, происходящие на одной шестой части земли, задела каждого из нас, ибо рушится привычная среда обитания. Не союзная государственность, не социально-политический строй, а сам уклад жизни, сама система жизнеобеспечения. Голод и холод становятся не абстрактными угрозами, а реалиями бытия. Все мы сообща, и каждый по-своему, вопим как от физической боли. Но что это — агонизирующий вопль раненого зверя или голос рождающегося младенца? Где мы — в эпицентре разрушительного землетрясения или очистительной грозы? Отсидеться, переждать или действовать? Как? При пожаре в лесу животные панически разбегаются, а «Гомо сапиенс» тушит пожар, пуская встречный огонь. Но надо знать — в какую сторону, чтобы не спалить самих себя.

Шанс на спасение — в осознанности действий. Пресловутый призыв «ввязаться в драку», не имея даже приблизительного плана реорганизации общества, и есть главная причина сегодняшнего хаоса. Выбраться из него нельзя по указке сверху или подсказке из-за моря. Надо осознать самим, как мы дошли до жизни такой и как действовать дальше.

Мои суждения по этому поводу, разумеется, субъективны. Но это — не позиция стороннего наблюдателя, а размышления непосредственного участника событий, приведших всего за три года могущественную, но анемичную державу к бесформенной груде полуживых, зато суверенных обломков, где распри власть имущих привели к столкновению рас и народов. Событий, приведших усилиями «демократов» административно-командную систему к новому, но уже беспомощному авторитаризму, а социально аморфное общество — к расслоению на антагонистические пласты «богатых и бедных», «деятелей и тунеядцев», «умных и не очень».

Это — не покаяние за собственное бездействие в высших эшелонах власти, ибо без организованности той центристской массы, к которой принадлежал и я, и которая не сумела выдвинуть из своей среды лидеров как ядер кристаллизации общественного сознания, все ее правильные и благородные потуги были разрознены и безрезультативны.

Это — не попытка дать ответы на извечные вопросы страждущих «Кто виноват?» и «Что делать?» — главное, чтобы каждый ответил на них сам, учтя опыт предшественников.

Это — размышления как попытка осмыслить ближайшее прошлое. Не охаять, а понять историю, движущие силы, главный вектор ее развития, чтобы более осмысленно и целенаправленно двигаться дальше, избегая болотистых тупиков и миражей, уводящих в бездонный омут.

Три года — в качестве народного депутата СССР, от индивидуального самовыдвижения на пленуме Союза научных и инженерных обществ в январе 1989 г. и до фактического коллективного самороспуска послепутчевого Съезда народных депутатов распавшегося Союза Советских Социалистических Республик в сентябре 1991 г. Общение с избирателями, совместное с коллегами законотворчество в комитетах и комиссиях Верховного Совета СССР, встречи с министрами, руководителями нашего государства, отечественными и зарубежными учеными, предпринимателями, политическими деятелями и... размышления, попытки систематизировать, анализировать и прогнозировать. Квинтэссенцией всего этого и являются данные размышлы.

Что движет нами?

Все политики, и прошлые и нынешние, оправдывают свои действия заботой о благе народном. Но легче возлюбить все человечество сразу, чем понять одного человека. С другой стороны, права личности, о чем мы стали много говорить в последнее время, не могут абсолютизироваться, ибо жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Человек — существо биосоциальное. Побудительные мотивы его поведения определяются как естественными потребностями организма, так и чувством коллективизма. «Чувство стадности», «эффект толпы» — примитивнейшие, но оттого и наиболее действенные факторы социальной психологии человека среди людей.

Эти факторы обостряются тогда, когда разумность уступает место непосредственным биологическим потребностям — голоду, жажде, сексу или эмоциональной пище в виде одуряющего рока, наркотиков, оглуляющих кинобоевиков, пустых комедий. Недаром девиз — хлеба и зрелищ — был пределом желаний толпы. Фильтры для примитивизма и катализаторы духовности у индивидуума в толпе перестают действовать, уравнивая его с окружающими. Манипулировать массами, играя на их низменных коллективных чувствах — этим отличались и древнеримские императоры, и фашисты, и религия, и большевики. Одной из форм такого манипулирования являются массовые митинги и шествия. Идя в них, человек перестает быть *Homo sapiens*, он возвращается в состояние кричащего или марширующего болванчика. Разумеется, при этом человек экзальтируется, у него горят щеки, глубоко дышит грудь, он чувствует прилив бодрости и энергии. На что ее направить — пойти на штурм Бастилии или Лубянки, на строительство Днепрогэса или на погром Старой площади, на защиту родной земли или на бой с иноверцами. Это — в руках режиссеров нашей действительности, где все мы часто выполняем роль статистов. Не умея солировать, мы стараемся проявить себя громкими припевами. Индивидуализируясь, человек начинает думать, рассуждать, абстрагироваться от окружающих реалий в пользу возвышенного, духовного, идеального. Собираясь вместе в небольшие группы, где каждый еще может проявить свое «я», обмениваясь мыслями, мы взаимно обогащаемся. Когда же размеры группы не позволяют проявиться каждой индивидуальности, срабатывает синэргический эффект —

эффект толпы, коллективный разум уступает место коллективным эмоциям, и мы стремимся не к наиболее достойному, а наиболее доступному — к посредственности. Раскачать толпу тонкими и высокими идеями сложно, гораздо проще возбудить ее, скандируя в унисон с простым звукоощущением простые и всем доступные лозунги: «до-лой», «да-ешь» и им подобные. Музыка Вивальди и Баха на стадионе не воспримет даже самый изысканный меломан, тогда как шлягеры рок-групп со всевозможными световыми и танцевальными эффектами заведут многих.

Надо сказать, что пока мы научились, хотя и не осознанно использовать разрушительную мощь толпы, а вот направить на конструктивную работу созидательную силу организованной массы людей — пока не умеем.

Социальная психология — это наука, которую надо осваивать не во вред, а во благо людей.

Еще одна мотивация многих наших поступков, как коллективных, так и индивидуальных — это зависть. «У соседа всегда все лучше», «чужая жена — краше», «заморское чудо» — эти житейские «мудрости» стимулируют естественную неудовлетворенность имеющимся и стремление ликвидировать разрыв между доступным и тем, что есть у других. Но достижение этих целей осуществляется по-разному. Одни стремятся «выше, дальше, лучше», другие — «грабь награбленное». Одни тянутся к тому, что их привлекает, приумножая свое богатство; другие, наоборот, стремятся уравнивать все и вся, хоть в нищете — но поровну.

Идея — народ — государство

(к вопросу о будущем России)

Развал СССР и нынешний чеченский кризис, равно как и события в Абхазии и Крыму, Боснии и Таджикистане не только возбудили полярные эмоции великодержавности и патриотизма, но и всколыхнули у многих подсознательное чувство родины и отечества. И вдруг оказалось, что это чувство, которое ранее во многом интуитивно определяло наше мнение и наши действия, потеряло былую остойчивость. И началась разрушительная качка общественного и личного сознания, в первую очередь относительно исходных понятий бытия: «я» — «мы» и «они», а также по вопросу о роли государства, гражданами которого нам суждено быть, в жизни каждого из нас. Нам приходится по-новому осмысливать тезис: «государство — это мы» в условиях возросшего самосознания личности и понимания неизбежности и необходимости общежития многих людей различных наций, вероисповеданий, различного экономического и социального статуса на единой географической территории, на общей планете Земля. Нам — нельзя друг без друга, и в то же время есть какие-то чувства, которые вычленяют отдельные народы из общей массы человечества, устремляя их к большему единению, к формированию своей государственности как средства не столько защиты от внешних напастей, а, главным образом, для организации своего жизненного уклада. Этим интегрирующим фактором жизни, определяющим нашу потребность в своем государстве, не всегда

является единый язык или общая территория. Говорят же по-английски и в США, и в Великобритании; живет же армянская и еврейская диаспора по всему миру; существует же многонациональная Россия.

Так что же это такое — Россия, ради единства которой приходится жертвовать жизнями своих и чужих сыновей.

В СССР все-таки была «единая историческая общность — советский народ». И в подавляющей массе своей мы искренне гордились этой общностью. Именно ее защищали в годы Великой Отечественной войны представители всех народов и республик, входящих в состав единого государства — Советского Союза. Именно эта общность помогала нам дружно совместно осваивать целину и Западную Сибирь, строить Байконур и восстанавливать Ашхабад, Ташкент и Спитак. Эта историческая общность держалась не только милицейской или КГБ-шной силой. Она держалась силой идеи социального равенства, хотя и насаждаемой сверху, но в целом воспринятой подавляющим большинством всего народа. И это была государственная идея, идея народа, соответствовавшая его исконным принципам артельности работы и общности жития.

Пожалуй, только прибалты с их укоренившимся хуторским мышлением и индивидуализированным образом жизни чувствовали себя обособленно в общей семье народов, но даже подвергшиеся репрессиям татары и ингуши, немцы и кабардинцы менее стремились замкнуться в своей национальной скорлупе. Русская же нация удивительнейшим образом исторически сформировалась и продолжала играть роль всеобщей открытости, естественной способности к ассимиляции с другими народами. И даже многовековое «татаро-монгольское иго» (?) в итоге привело не к отчуждению, а к сосуществованию народов, переросшему в единый евразийский этнос, в единое многонациональное Российское государство.

Сегодня взаимосвязанная триада — «идея — народ — государство» подверглась разрушительной эрозии. И попытки сохранить единую и неделимую Россию вызывают у многих ее нынешних граждан неосознанное сомнение в декларативности этой цели, провозглашаемой больше не самим народом (точнее, народами, обретшими и свою пусть не всегда полноценную государственность), а правителями, власть в этой России предрежащими.

Идея «советскости» предана хуле и даже заменена многими борзописцами словечком «совковости», что отнюдь не вдохновляет на коллективистские интеграционные устремления. Попытки политологов, экономистов и растерявшейся в своей голой безыдейности интеллигенции возвысить роль индивидуализма, частной собственности, приватизации как стимула развития, привели к разгосударствлению не только хозяйственных отношений, но и к обособлению и противостоянию отдельных социальных групп и целых народов. Хельсинские соглашения о нерушимости послевоенных границ не выдерживают в этих условиях испытания временем, ибо за прошедшие полвека произошли естественные изменения коалиционных интересов групп населения, оказавшихся волею случая или по вине политиков по разную сторону этих границ. Но и скоропалительные

изменения этих границ по национально-языковому принципу на примере объединения двух Германий, успевших сформировать собственный социальный строй и уклад жизни, вынуждают для каждой страны заново определиться со своим государственным устройством.

Особенно это необходимо для новой России — государства, не опирающегося на национальное, этническое, экономическое, идеологическое или какое-либо иное единство, кроме территориальной случайной общности, доставшейся нам в наследство от искусственно начертанных границ РСФСР в прежнем едином государстве — СССР. Хирургическая операция расчленения целого на части, проведенная политиками — эскулапами под наркозом самостийности, именно для России оказалась наиболее чревата кастрацией жизненно важных органов — периферийных районов, обуславливающих нашу связь с внешним, прежде всего европейским и южно-азиатским мировым сообществом. Полученное в результате этой операции искусственное тело нынешней Российской Федерации не имеет ни общего экономического пространства, ни общей идеи, объединившей оставшиеся в ее составе народы. Почему белорусы живут в другой стране, а чеченцы обязательно должны быть россиянами. Почему Украина, Латвия, Крым и Черноморское побережье Кавказа, где у каждого из нас друзья, родственники или просто привычные места отдыха — иностранные государства, а Курилы — имеющие сугубо военное значение — неотъемлемая часть России.

Не пора ли в новых геополитических и социально-экономических условиях не интуитивно и эмоционально, а сознательно осмыслить роль государства как системы народоустройства, не цепляясь за его внешние границы и правящие структуры, а, формируя суть, взаимный интерес и общую идею единого народа, то, ради чего и имеет смысл само государство.

Таким конфедеративным государством в будущем, наверное, станет Евро-Азиатский Союз, интегрированный общими взаимовыгодными экономическими условиями: единой системой энергоснабжения, транспорта, хозяйственными связями и товарообменом; общими принципами социальных отношений и примерно одинаковым уровнем жизни; единым межнациональным языком общения.

Станет ли Россия ядром такой интеграции? Судя по центральному территориальному положению, по своему ресурсному и интеллектуальному потенциалу, можно уверенно ответить «да».

Но это не произойдет само собой. Тем более не должно произойти силовым способом. Прежде всего, нам самим надо определиться, что такое — российская идея, что такое — российский народ и, наконец, что такое — Российское государство: единая централизованная система, Федерация с частично делегированными сверху вниз полномочиями, либо сообщество самостоятельных республик с неким координирующим центром.

Ответ на последний вопрос может быть дан только после того, как мы сумеем достичь общественного согласия по первым двум вопросам и, главное — понять, есть ли у России в целом объединительная идея, способная превзойти национальную

самостийность отдельных субъектов Федерации или экономическую обособленность регионов.

Такой объединительной идеей не может стать ни принцип частной собственности, ни принцип материального благосостояния хотя бы потому, что эта идея привнесена извне, и нам далеко до тех стран, которые по материальному уровню жизни ушли далеко вперед. Я не отрицаю этих стимулов экономического развития, но идея народа — это нечто иное, свое, доморощенное, выстраданное и возбуждающее, объединительное и в то же время сохраняющее природно-ровные и национально-этнические особенности, которые в силу различия условий жизни сибиряков и кавказцев, волжан и дальневосточников были, есть и будут. Истинно интегрирующая идея — не та, которая нивелирует различия, а та, которая на основе исходного многообразия этнических сообществ формирует суперэтнос — народ. Народ, обуреваемый жаждой творческой деятельности во имя своего космического предназначения — создать духовную цивилизацию, где главенствуют не меркантильные соображения индивидуумов, а гармония природы, личности и коллектива.

Подобно тому, как многообразие кусочков смальты позволяет создать богатое мозаичное панно, так и различия темпераментов представителей различных районов России позволяет им объединиться в главном — сохранении и приумножении того ресурсного богатства, которым природа щедро наделила всех без исключения россиян: жителей южных предгорий и северных равнин. Богатства не только подземных кладовых или плодоносящих садов, а богатства души, обусловленного континентальностью климата, обилием солнечной радиации, общинным трудолюбием, природной сметкой, гостеприимством и щедростью природы, удалью, почтительностью к предкам, страстной любовью к детям, женской красоте и привязанностью к отчему дому.

Пусть мы даже говорим на разных наречиях, поем разные песни, молимся различным богам и идолам, главное, что мы несем в себе — любовь как чувство парной коллективного единения друг с другом, с окружающей природой — малой родиной и большой Родиной — Космосом, к которому мы природно ближе, чем жители размеренной Атлантики, безродной Америки, беззаботной Африки и пока еще не проснувшейся Юго-Восточной Азии.

Средняя плотность населения большинства российских городов и сел позволяет нам избежать «эффекта ежа», когда незнакомые люди, постоянно наталкиваясь друг на друга в больших мегаполисах, ощетиняются, ожесточаются и пытаются обособиться в своей индивидуальности.

Поэтому Москва, Санкт-Петербург и другие города — мультимиллионеры, потерявшие свою родовую индивидуальность, в большей степени подвержены западному индивидуализму.

Чем дальше отъезжаешь от Москвы
— тем глубже погружаешься в Россию.

Исконно российский патриотизм: любовь к своему экосу (дому, месту обитания), неравнодушие к ближним, взаимопожертвование и человеколюбие вообще, приоритет общинного над индивидуальным, примат духовного родства над телесным и материальным, богатство интеллекта и природных ресурсов, разнообразие культурных и этнических традиций — вот та объединительная идея, которая живет в российской глубинке и пока еще способна стать интегрирующим общероссийским началом.

Россия сильна духом, природным язычеством, и не надо нивелировать нас под так называемые «общечеловеческие ценности», сводящиеся по сути к приоритету материального благополучия над природно-духовным богатством.

Для защиты исконно российских духовных ценностей, объединивших природные качества россиян и вековую мечту многих поколений о «свободе, равенстве и братстве» народов нам и нужно Российское государство не как унитарное образование, а как иерархически сформированная система. Ее интегральная ценность будет выше суммы ценностей отдельных народов и будет для них играть притягательную роль, если государство — система обеспечит расцвет индивидуальных особенностей каждой из своих многонациональных и многорегиональных частей с сохранением общей идеи: богатство — через многообразие.

Российское язычество как кровная связь каждого со своим эколого-родовым прошлым; *российский социум* как стремление к социальной справедливости (от каждого — по способностям, каждому — по труду), вместо мнимой уравнительности; *российский космизм* как вера в духовное возрождение евразийского суперэтнуса — вот три составные части российской идеи.

Россияне — это не просто обитатели определенной территории, это люди, чье жизненное кредо совпадает с общим смыслом российской идеи. И они останутся россиянами, где бы ни жили в данный момент — на Урале или за океаном, в Москве или в Севастополе, в Тюмени или в Прибалтике.

Российское же государство — это не столько административно-территориальное образование, а ядро будущего Евро-Азиатского Союза, в котором главной функцией будет не военно-полицейское умиротворение внешних и внутренних «противников», а организация системы жизнеобеспечения и интеллектуального духовно-экологического развития общества, состоящего из граждан любой национальности, проживающих в различных частях мира, но с гордостью ощущающих себя членами одной большой семьи: мы — российский народ. И чем скорее мы поймем, что будущее российского государства — не в силовой защите его порубежной целостности, а в экономическом и духовном возрождении страны (и в первую очередь ее культурных, ресурсных центров), тем более притягательной станет идея Большой России для всех народов и национальных образований.

Возрождение России — это, прежде всего, государственная забота об инфраструктурной основе экономики: энергетике, железных дорогах, связи, местах

отдыха; с тем, чтобы они не дезинтегрировали страну на изолированные друг от друга части, а позволяли разумно распорядиться нашими богатейшими природными ресурсами в интересах всех граждан.

Возрождение России — в сочетании хозяйственной самостоятельности регионов и государственной политике развития и размещения производительных сил, включая стимулирование закрепления населения в жизненно важных для всей страны районах Дальнего Востока и Севера, Западной и Восточной Сибири, в селах и малых городах, откуда родом большинство из нас.

Возрождение России — не только в реставрации церквей и мечетей, а в поддержке отечественной науки и культуры, основанных на пока еще не иссякших талантах нашего народа, желающих трудиться на пользу своей страны, а уже затем — всего человечества.

Возрождение России — в моральной и материальной поддержке своих соотечественников, куда бы их не забросила судьба.

Возрождение России — в ее отказе от своей нынешней фиктивной государственности и в ускорении создания нового Евро-Азиатского Союза, основанного не на национально-государственной обособленности его субъектов, а на их экономической и духовной интеграции с сохранением собственных культурно-этнических, природно-экологических особенностей, собственного языка, могил предков и колыбелей новорожденных граждан одновременно своей республики и Большой России.

Россия в силу своей разноликости и духовного единства не может быть просто одним из государств мира.

Либо она, не дай бог (но сие не зависит от наших силовых министров), рассыплется на множество национальных и региональных самостийных государств.

Либо — и в этом наше будущее — она первая откажется от своей территориальной ограниченности и бессмысленных территориальных притязаний на исконно русские территории, в пользу создания многоликого Союза, где все внутренние границы останутся лишь на географических картах, но будут стерты в сознании и душах ее единого многоликого народа.

Индивидуализм и коллективизм

Индивидуализм — коллективизм, частная ферма — колхоз, предприятие — отрасль, унитарное государство — союз (содружество). Это все крайности, противопоставляя и отстаивая которые, мы не только зря тратим время и энергию, но и уничтожаем самих себя. Наш шанс на спасение — не в жестком «или — или», а в осознании того, что мир устроен по принципу «и — и», где частное и общее не противостоят друг другу, а составляют единую систему. Мы живем в мире систем, где цели и эффект совместного функционирования составляющих, как правило, не совпадают с механической суммой интересов и индивидуальных действий отдельных

субъектов и объектов. Человек — коллектив — народ — человечество. Технологический участок — предприятие — фирма — корпорация. Район — край — республика — Союз. Весь мир развивается от частного к общему. В процессе объединения, когда количество переходит в качество, у системы появляются новые свойства и новые возможности.

За счет специализации и кооперации производств растет производительность труда. В единой энергосистеме допустим меньший резерв мощности, чем у автономных систем энергоснабжения. Сообща легче защищаться от врага, противостоять природным и экологическим катаклизмам. Но одновременно с ростом размеров объединений и сообществ теряется индивидуальность личности, «эффект толпы» приводит к классовой обособленности или к национализму, порождаются иждивенческие настроения, раболепие или повышенная требовательность по отношению к власти и имущим.

Гипертрофированная централизация, обобществление всего и вся в нашей стране при жесточайшей гулаговской дисциплине позволило нам решить многие хозяйственные военные проблемы, но люди от этого счастливее не стали. Так, одна из основополагающих тенденций мирового процесса — идея единения людей труда, всех народов, идея социального равенства была абсолютизирована и доведена до абсурда. Не надо отрицать саму социалистическую идею. Она — прекрасна... как идея. Не надо обвинять коммунистов — они сознательно подчинили себя принципу «коллектив выше личности». Не надо поносить и госаппарат — в массе своей чиновники отстаивали не только свои шкурные интересы, а общие интересы государства как единого предприятия и единого общежития. История показала не порочность самих интеграционных тенденций. Они объективны. Но... не единственны. Умом мы и сейчас понимаем, что жить в общем экономическом пространстве дешевле и надежнее. Но почему-то хочется все же иметь **свой** автомобиль, **свой** садовый участок, **свою** индивидуальную квартиру, а лучше коттедж, вести **свое** «дело», иметь **свой** язык, **своего** президента, **свою** государственность. Вот хочется... и все тут. И никакие доводы экономистов и политиков, заклинания Горбачева и Ельцина сохранить Союз и Россию, общую валюту, единые вооруженные силы не действуют, лишь распаляя устремления к «самостийности» и суверенизации, усиливая дезинтеграционные процессы. И это, по-видимому, не чья-то прихоть, а такая же объективная тенденция человеческого существования. Плохо «за деревьями не видеть леса», но ведь лес состоит из отдельных деревьев, и не замечать их опасно — легко набить шишку себе на лбу. Каждое дерево в лесу тянется к свету, оттого у них и такие стройные стволы. Человек научился говорить, только общаясь с себе подобными. Но нельзя любить человечество, не любя конкретного человека.

Так давайте осознаем, для начала, что «я» и «мы» — это не антиподы, а диалектическое единство.

А единство в системе достигается не противопоставлением, а согласованием целей, функций и структуры между различными иерархическими уровнями объединения. Система — это не самоцель, а наиболее рациональная форма

совместного существования субъектов, волею судеб вынужденных жить на одной земле и одной планете.

Разумные пределы интеграции

Человек — комплексная натура. Выступая той или иной своей гранью: физиологической, психологической, общественной или космической, он остается единой целенаправленно функционирующей и развивающейся системой. Но эта цель многокритериальна, и вес того или иного факта, соответствующего каждой грани человеческого феномена, меняется под влиянием среды и внутренних побудительных мотивов. Человек — существо биосоциальное. Он выступает одновременно и как биологическая особь и как элемент экосистемы и как субъект социального общества, а если принять позицию Вернадского, то и как элемент ноосферы. Но во всех этих качествах человек проявляется прежде всего как эгоцентристская натура, ибо только через собственное восприятие действительности, прошлого и будущего, он формирует цели и модель своего поведения. «Теория разумного эгоизма» Рахметова — героя романа Чернышевского «Что делать?» и есть попытка обосновать мотивацию поведения Homo sapiens. В этой реакции индивидуума очень много значит синэргический эффект, обусловленный особенностями коллективного поведения ему подобных. «Чувство стадности» — одно из естественных не только биологических, но и общественных проявлений мотивации человеческих действий, проживающих на единой территории, в одном пространстве.

Глобальная цель — выживаемость человечества перед угрозой природных, военных и техногенных потрясений. Организация Объединенных наций — устойчивая форма взаимодействия всех стран в осуществлении этой цели. Консенсус в Совете Безопасности, ориентация на рекомендательный характер решений, редкие, но действенные меры экономического бойкота и даже военного воздействия (против агрессии Ирака по отношению к Кувейту) на правительства, нарушающие международные соглашения, в том числе и в части прав и свобод человека. Такой способ решения мировых проблем интегрирует все страны. НАТО и Европейское экономическое сообщество акцентируют внимание на региональных военных и экономических проблемах, не препятствуя национальному самоопределению государств. Европарламент не принимает законов, но его роль в формировании общественного мнения на континенте чрезвычайно высока. Заключение Энергетической хартии Европы является наглядным примером не только декларации о совместной политике, но и соблюдаемых всеми соглашениями о сотрудничестве в этой жизненно важной для всех сфере.

Мы призываем всех следовать интеграционным процессам, протекающим в Западной Европе, но почему-то обязательно сводим все к единой государственности. А ведь государственность — не самоцель, а средство, инструмент для объединения народов, позволяющий лучше организовать их сотрудничество в решении весьма конкретных функций: обороны от внешнего врага, коллективной безопасности, поддержания определенного равновесия между отдельными социальными слоями

(взамен диктатуры одного класса), организации рационального использования природных ресурсов и окружающей среды, развития духовной среды. Пожалуй, и все. Государство не должно напрямую вмешиваться в экономику — это прерогатива не министерств и других государственных органов, а хозяйствующих субъектов — предприятий и их объединений. Государство не должно быть идеологизированным настолько, чтобы подавлять одни политические движения в угоду другим, одни социальные классы в пользу других (наемных работников или собственников). Единственной идеологией государства должна стать защита нравственности, поддержка духовности, развитие философских взглядов и идей, основанных на разумном отношении людей к окружающему миру. Даже многонациональное государство не должно брать на себя защиту интересов какой-либо одной нации в области собственного языка, искусства, этнических особенностей, не говоря уже об экономическом и политическом приоритете какой-либо группы. Это — прерогатива деятелей культуры, а не госорганов.

Если посмотреть с этих позиций, то в сегодняшнем мире, при нынешнем уровне мировой цивилизации, развития транснациональных экономических структур, средств коммуникации, традиционные функции государства как регулятора военных, экономических, правовых отношений претерпевают существенные изменения. Одни функции оказывается целесообразнее осуществлять с помощью межгосударственных координирующих органов. Например, комиссии европейского сообщества формируют рекомендации и правила налоговой политики, МАГАТЭ — в области использования атомной энергии, ИКАО — в области безопасности воздушных сообщений. Объединенные вооруженные силы сегодня лучше решают вопросы коллективной безопасности стран — участников таких союзов, чем армии отдельных государств.

Функции госорганов в области занятости населения, развития территорий, охраны окружающей среды, использования природных ресурсов все чаще передаются в ведение штатов, земель, национально-территориальных округов. Государственность не отмирает (пока), она формируется наново путем перехода от директивных к координирующим органам.

Наше стремление удерживать любой ценой Союз именно как государство провоцировало его субъектов к автономизации. Действие равно противодействию. Законы природы действуют и в общественной жизни. И первым шагом на пути к распаду СССР стало так называемое усиление исполнительной власти введением поста Президента. Это был полуконституционный (без всенародного референдума и всенародных выборов главы государства) переворот. Съезд народных депутатов СССР, избранных гражданами (в том числе и через общественные организации) более или менее демократично, сам лишил страну народовластия, а потому свел вопрос: быть или не быть Союзу — к борьбе личностей. Провозглашение российского суверенитета фактически добило Союз, ибо объективно России Союз не очень-то уж и нужен. Прежнее фактическое отождествление российских и союзных структур было разрушено, одна из этих структур оказывается лишней. Но этим же решением Россия поставила под вопрос и свое существование. Нельзя отобрать власть у верхов и не

отдать ее вниз. Единственное, что помогло сохранить РСФСР, это заявление Ельцина о том, что он готов отдать автономиям столько прав, сколько они «проглотят». Тогда он сделал удивительно верный ход, зато стараниями своих соратников — Руцкого и Хасбулатова вновь обострил проблему. Один объявил чрезвычайное положение в Чечено-Ингушетии, чем всколыхнул весь Кавказ. Другой пригрозил разогнать руководство Татарстана и других «самостийщиков», что не способствовало добровольной интеграции автономий в федеративное государство. Хотя национализм, поднимающий голову в прежних автономиях — отнюдь не в интересах их народов.

Если говорить в принципе, то сегодня ни СССР (или СНГ) ни РСФСР как государственные образования с прежними и даже видоизмененными функциями неэффективны. Как неэффективным оказался и СЭВ.

Мы думаем, что перейдя со странами Восточной Европы на валютную торговлю нефтью, газом и другими сырьевыми продуктами по мировым ценам, пополним свою казну. А оказалось, наоборот. Объем внешней торговли сократился более чем на 30%, и мы (мы, а не они) остались и без топлива и без импортных товаров ширпотреба. Сегодня ту же ошибку повторяет и Россия, ограничивая свой экспорт ресурсов в другие суверенные государства. Пора бы уже понять, что на рынке недостаточно иметь товар, главное — уметь его продать. Суверенные Балтия, Беларусь, Украина надежно перекрывают России путь на европейский рынок. Да и потребности в российских энергоресурсах на этом рынке не столь уж велики. Он достаточно сбалансирован, особенно после ликвидации ближневосточного кризиса. Запад хочет иметь не наши миллионы тонн нефти и миллиарды кубометров газа даже по демпинговым ценам, а надежный дополнительный энергоисточник, к которому при необходимости можно было бы подключить своих и восточноевропейских потребителей. Раньше такой надежностью наш государственный союзный топливно-экономический комплекс, включающий не только месторождения Западной Сибири, но и нефте-газотранспортные магистрали, проходящие по территориям всех республик, обладал, а ныне... нефтекачалки — из Азербайджана, трубы — с Украины, пластификаторы для подготовки скважин — из Беларуси, бурильщики — из Татарии и Башкирии. Государственные органы (бывшие союзные и нынешние российские) не в состоянии ничего спланировать, никому приказывать. Они могут (и должны) разрешить создание независимых межгосударственных концернов, которые бы взяли на себя добычу, транспортировку и переработку нефти и газа, организацию рыночного взаимодействия внутри России, бывшего Союза и с западными фирмами. Первые попытки создания наших фирм делаются нефтяниками Тюмени, но опять... кто «самое» — добытчики и переработчики. Раз уж союзной собственности не осталось, ее всю захватили республики (а это похлеще национализации 1917 года), то необходимо дать право всем предприятиям значительную часть их фондов, не подлежащих приватизации, передать в виде паев в совместную собственность объединенных фирм акционерных компаний, а дивиденды от реализации на рынке конечного продукта делить между пайщиками пропорционально их вкладу. Мы много говорим о демонополизации, о свободных

рыночных ценах, о свободе предпринимательства. Но ведь все это — не самоцель, а лишь средство для более эффективного хозяйствования. Как известно, американский экономист, Нобелевский лауреат, Рональд Коузеще в 1937 г. в работе «Природа фирмы» показал, что рыночные издержки могут быть достаточно велики, и потому внутри фирмы действуют директивно-договорные отношения со своими бюрократическими издержками, а вне — «рыночная стихия». Оптимум — не в противопоставлении рынка и директивы, а в размере фирмы, обеспечивающем минимум издержек.

В определенной мере положение о необходимости искать оптимальные размеры объединения касается не только экономических структур, но и самих государственных преобразований. Государство-монстр не в состоянии удовлетворить духовные потребности человека, тяготеющего к «камерности» нематериальной сферы обитания.

Материализм и социальное развитие

«Все великие успехи в цивилизации всегда совпадали с глубокими изменениями в экономическом быте населения» (Жиро-Тэлон, цит. по Плеханову Г.В. «К вопросу о монистическом взгляде на историю», Геополитиздат, 1949, с. 148). Этот тезис в той или иной его формулировке отражает материалистический (а значит единственно правильный — абсурд) взгляд на историю.

Отсюда — и лысенковщина, будто среда — главный источник изменения вида, а не генный механизм.

Истинность такого примитивно материалистического взгляда на историю может быть оправдана только с точки зрения гносеологии: потребность в пище движет поступками животного. Но ведь даже растения — еще более ранние формы живого обладают не непосредственной реакцией на внешние изменения среды, а своего рода памятью: цветы распускаются утром и в затемненном помещении, деревья сбрасывают листву, даже если вы создадите им затянувшиеся летние условия. Т.е. среда воздействует на объект и субъект не только прямо, но и косвенно, через его структурные связи, в которых воздействие может циркулировать долго без выхода на реакцию (память). И чем развитее эта память, тем все более опосредованной становится связь между материальной причиной и реакцией субъекта. Все более важным становятся его субъективное преобразование причины в следствие.

Поэтому возвращаться в практической деятельности только к материальным стимулам жизнедеятельности человека — это делать шаг назад.

Да, социальное положение человека в обществе с общенародной собственностью создает отчуждение работника от конкретных результатов его работы. Между произведенным им продуктом, попадающим в большой общий котел и тем, что ему достанется из этого котла, слишком много промежуточных элементов, в т.ч. и паразитирующих на своем месте в системе распределения благ. Поэтому эти связи, безусловно, должны быть короче. Отсюда необходимо развитие не

общегосударственных, а коллективных форм собственности, однако самое главное — найти эту степень обобществления и собственности, и производственных отношений. Шараханье от полной централизации к полной децентрализации — неуместно. «Совокупность ... отношений производства составляет, по Марксу, экономическую структуру общества» (Плеханов, с. 165). «Анатомию гражданского общества надо искать в его экономии» (К. Маркс. К критике политэкономии). Это — экономизм, сужающий общественный дух. Ибо можно добиваться одинаковых экономических результатов и при частной и при общественной собственности, и при диктатуре, и при демократии. А человек будет чувствовать себя совсем по-разному.

Сегодня одни материалистические (т.е. экономические) факторы недостаточны. Необходим новый виток общественной мысли: от марксовой монополии экономизма к дуализму действия материальных и духовных стимулов, объединяемых понятиями социального развития. Дуализм материального и духовного, дуализм собственного и коллективного не только в производственной, но и в общении людей, приоритет социальных мотивов (экологических, нравственных, коллективистских) над чисто меркантильными — это возвышение нового витка раскручивающейся спирали человеческого развития над Марксовым экономическим материализмом. Конечно, и у него можно встретить высказывания о том, что «человек для поддержания своего существования... изменяет свою собственную природу», однако главное же у него — отношения собственности. Абсолютизация же этого вопроса ведет к догматизму и задерживает развитие мысли, без чего невозможно и развитие общества.

Французские материалисты призывали к возрождению идеалистической точки зрения: среда создается мнением людей. Не в этом суть.

А в том, что человек воспринимает среду не непосредственно, а через собственное субъективное восприятие, хотя этот субъективизм может быть врожденным для конкретного человека, но вызван объективными воздействиями среды на многие-многие поколения людей.

Заслугой Маркса, безусловно, является то, что он показал связь между формами собственности и развитием производительных сил, а затем и производственных отношений. Однако, делать эту причинно-следственную связь единственным фактором развития человеческих отношений — значит, обеднять возможную палитру этих отношений, а следовательно и само развитие, которое якобы предначертано на все времена. Даже в физике действует «принцип неопределенности», тем более нельзя абсолютизировать связь между следствием и причиной в таком сложном сообществе, как человечество.

Маркс, как пишет Плеханов, не отрицал значения ни политики, ни философии, ни нравственно-религиозных начал в жизни общества, он якобы только выяснил их генезис. С этим чисто гносеологическим ранжированием факторов в развитии общественной жизни можно было бы и согласиться, однако тут же следует категорическое утверждение, что «всякая данная ступень развития производительных сил необходимо (подчеркнуто мной — В.Б.) ведет за собой

определенную группировку людей в общественном производственном процессе, т.е. определенные отношения производства, т.е. определенную структуру всего общества» (Плеханов, с. 178,). А это уже не имеет такого категорического подтверждения.

Может быть, я чересчур примитивно подхожу к диалектическому материализму, подчеркивая лишь его экономическую подоснову.

Плеханов делает такое предостережение, но, по-моему мнению, недостаточно аргументированно.

Семья как ячейка общества сегодня не имеет никакого отношения к уровню производительных сил. Люди сходятся и расходятся не по экономической нужде, а по нравственно-биологическим интересам. При примерно одинаковом уровне производительных сил в одних странах могут быть национализированные и частные предприятия, т.е. различная структура общественных отношений. В кооперативах и на госпредприятиях форма собственности различна, а уровень производительных сил одинаков.

Как шагать по российскому бездорожью

Дабы разобраться в нынешнем хаосе, надо взглянуть на события не изнутри, а извне, в общеисторической общечеловеческой перспективе. Ибо «все возвращается», что движет миром в течение заканчивающегося и предстоящего столетий? Насколько усилия отдельных людей, групп, классов и наций способны повлиять на это движение в мировом и отечественном масштабах?

В канун XX века Европа, разрушив свои «дворянские гнезда», стала одной большой мануфактурой, где человек даже в отличие от своего крепостного предка, бывшего основным субъектом производства, превращался в объект-придаток неодушевленного фабричного механизма. Человек — деталь конвейерного производства — становился «машинным зверем». И как бы ни восторгались нынешние исторические оракулы тогдашним благоденствием на Руси, пройти через это мануфактурное чистилище суждено было и нам. Привыкший к сельскому раздолью свободолюбивый русский мужик корячился, упирался, не желая лезть в пасть ненасытному «молоху», но сие было неизбежно. И все же жива была в русской душе тяга не к монотонному размеренному машиноподобному существованию, а к иррационализму труду и жизни. Русский умелец мог подковать блоху, но усидчиво и качественно работать длительное время у него не хватало терпению. Он мог «вкалывать до одури», но не из-за накопительства, а из стремления сделать дело, а потом гулять так гулять. Рачительный хозяин никогда не был идеалом на Руси. Вспомните гончаровского Обломова, горьковского Челкаша,... Труд на Руси был не средством к существованию, а источником наслаждения, испытываемого как в самой работе, так и в ее разгульных последствиях. Контрастность жизни, связанная с контрастностью природной среды обитания, формировала натуру русского человека, который мог отдать случайному встречному последнюю рубаху, и смертным боем биться с соседом из-за залетевшей в чужой огород курицы. Период между

крепостничеством, когда крестьянин еще не имел своего земельного надела, и развитием капитализма в России, когда город стал переманивать из деревни наиболее способную часть населения, исторически был слишком мал, чтобы воспитать в россиянина индивидуального собственника.

Укоренившееся идолопоклонничество переросло в веру в доброго всемогущего царя-батюшку и слилось с православной религиозностью, которая, по сути, ничем не отличалась от веры в идолов. А их мужик либо умащивал за удачный поворот судьбы, либо стегал розгами, вымещая на них свои беды. Только если раньше он делал это втихаря, то артельность труда и жизни, сохранившаяся в деревенском укладе и усилившаяся на многолюдных фабричных производствах, понуждала его не к индивидуальному, а коллективному молению, крестным ходам, шествиям к царю с коллективными петициями о заступничестве. Огневой разгон январского 1905 г. шествия подорвал эту веру, а военные поражения в русско-японской и первой мировой войнах окончательно dokonчили царепокорность у многих, если не у большинства прозревающего народа.

Царизм пал как поверженный идол, но идолопоклонство осталось. В кого верить? В попов, которые не чурались земных грехов, а проку от них было мало? Марксистская религия оказалась ближе, особенно рабочему люду, который был организованнее в силу нахождения большого числа людей под одной фабричной крышей, связаннее пролетарскими цепями в силу производственных отношений.

Ближе, потому что говорила не о потустороннем, а о здешнем мире, правдоподобно говорила о причинах бедственного положения рабочих и крестьян, вынужденных продавать свою рабочую силу за гроши, называла конкретного врага — капиталиста, играла на исконно российской тяге простолюдина к равенству и артельному братству.

Марксизм как экономическое учение, рассчитанное на цивилизованные формы перехода к социалистическим производственным и общественным отношениям, в России принял форму очередного религиозного догмата. «Пролетариям нечего терять кроме своих цепей, а завоюют они весь мир». Все или ничего. И именно сегодня, 25 октября 1917 года, ибо «завтра может быть уже поздно». Правильно оцененная революционная ситуация, когда «верхи не могут, а низы не хотят больше жить по-старому», позволила партии большевиков не только взять власть в свои руки, но и закрепиться по всей стране. Не только в силу субъективных качеств Ленина и большевиков, проявивших жестокую решительность и ответивших террором на террор. Российский экстремизм — объективное свойство нашего народа. Доходя до фанатизма в полуслепой вере в новые идеалы и столь же яростно выступая против них теми силами, которые остались верны старому режиму.

Гражданская война дала перевес большевикам. Этот феномен изумлял не только в течение 10 дней, но и многих десятилетий весь мир. Октябрьская революция действительно была великой, ибо на одной шестой части земного шара создала общественные отношения, принципиально отличные от остального мира. На это оказалась способна только Россия, ибо венгерская и немецкая революции того

времени не сумели сохранить новый порядок. А Россия сумела, ценой крови своих сограждан, но сумела. И это было не насилие над историей, это была сама история.

И когда сегодня некоторые «историки» говорят о трагедии русского народа, попавшего «под пяту большевизма», и на этом основании отрицают историзм социалистического пути развития, то это — антиисторизм. Ибо нельзя смоделировать иные сценарии исторического развития мира. Назвать историческое событие ошибкой нельзя, ибо нам не дано установить, как развивался бы мир, победы тогда не большевики, а их антиподы. Уж одно можно сказать с уверенностью, что террор был бы не меньшим. Ибо низведение своего «противника» до морального и физического уничтожения — было и еще долго будет единственно понимаемым на Руси способом преодоления хаоса, вызванного противостоянием мнений и сил.

Мы не привыкли уважать, зато привыкли подчиняться силе. Любая власть на Руси чего-либо стоила, когда умела защищать себя. На Руси не уважают слабых, тем более слабую власть. Поэтому и любые реформы можно проводить у нас только с помощью сильной власти.

Новгородцы призвали Рюриковичей: «Прийдите и владейте нами», когда поняли, что порядок лучше междоусобицы. Каждому в одиночку существовать на Руси невозможно: климат не тот. Поэтому издревле все кучковались, расталкивая друг друга, пока не появлялся «голова», который всех расставлял по ранжиру.

Сталин выдвинулся в лидеры еще и потому, что в сумятице, вызванной смертью Ленина, первым взял на себя ответственность, скомандовав в Горках: «Выносите». И вынесли тело прежнего вождя, а «свято место пусто не бывает». Уничтожая своих оппонентов, Сталин исходил не только из чувства собственного страха потерять власть. Он понимал, что потерять власть на Руси — это значит ввергнуть страну в хаос. И чем сильнее «оппоненты», тем безжалостнее власть. Хотя естественное чувство самосохранения власти привело к тому, что стало уже самоцелью — ликвидировать в зародыше любые отклонения от привнесенного сверху порядка. Но чем жестче действовала власть, тем больше нарастало противодействие этому порядку, и тем безжалостнее пытались верхи искоренить всякое не только инакодействие, но даже инакомыслие.

А чрезвычайное положение в мире в 20-30-х гг. XX века, когда, подгоняя друг друга, два «мировых порядка» пытались сформировать мир по-своему, заимствуя друг у друга опыт карательных действий, способствовало тому, что идеи пролетарского интернационализма и национал-социализма, как два религиозных догмата-антипода, приводили к фанатизму двух лагерей. И попытки демократических правительств Англии, Франции урезонить тех и других были бессильны, как бессильны морализмы старого, потерявшего зубы волка, по отношению к молодому клыкастому преемнику, почувствовавшему опьяняющий запах крови.

И только силовая ошибка Сталина и Гитлера могла решить: кто кого. А для этого каждый в своем лагере должен был навести жесточайший порядок. И наводили, с большим перехлестом от требуемого, ибо боязнь потерять власть оказалась для

каждого самодавяющей причиной действий, которые были обусловлены личным противостоянием, хотя обозначались как противостояние идей. Не надо только вместе с грязной водой выплескивать и ребенка: идеи пролетарского интернационализма по сути своей, а не по форме их проявления в СССР, были гораздо привлекательнее, ибо звали к извечным нравственным идеалам: равенству и братству. В то время как фашизм звал к мировому расслоению по расовому принципу: одна нация выше другой. И это нельзя оправдать никакими нравственными идеалами. Вот почему большинство стран мира выступило против фашистской Германии, опасаясь власти не социалистических, а националистических идей.

Разумеется, диктатура одного класса над другими тоже далека от всеобщего мира. Но из двух зол мир выбрал меньшее.

И когда сегодня некоторые наши либерал-демократы хулят большевиков за то, что они не поддались «немецкому порядку», дабы избежать разрушения Ленинграда и огромного числа жертв в Великой Отечественной войне, то они просто ни черта не смыслят ни в истории, ни в социальной психологии, когда свободолюбие русского народа подняло всех на священную войну уже не за идеалы социализма, а за собственную свободу.

Россиянам, а через них всему советскому народу не свойственен рационализм холодных атлантических стран, согласных существовать при любых порядках. «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях» — этот призыв пламенной Пассионарии как нельзя лучше отвечал и русской душе. А уж потревоженный, тем более раненый русский медведь сильнее становится во сто крат, тем более, когда его подняли в собственном логове. Так было, и так будет. Не надо задирать русского человека, если в нем еще осталось кое-что от прежней гордой и свободолюбивой крови.

И напрасно пытаются нынешние прозападники привнести на наши нравственные просторы спокойные и рассудительные строения холодного рационализма. Триумvirат и равноправие властей: законодательной, исполнительной и судебной еще долго будет инородным понятием для нашего массового сознания. Все попытки послесталинских реформаторов управлять страной сообща не приводили к результату — неизменно выдвигалась Личность или выдвигали безличную Фигуру, понимая, что в противном случае система рухнет.

И рухнула, как только решительный реформатор Горбачев отпустил вожжи. Нет, он не «злой гений» русского народа, он просто «агент влияния», когда западные демократические институты использовались в Советском Союзе не для трансформации системы, а для ее разложения.

Система «развитого социализма» действовавшая в нашей стране до 1991 г. — система программно-целевого управления. На верхнем уровне извне, от идеологических органов, в нее закладывались целевые установки в соответствии с директивами очередного Съезда КПСС. И, как правило, эти установки были самые благородные: мир во всем мире, поддерживаемый военным стратегическим паритетом, медленное, но неуклонное повышение благосостояния населения, а

главное, религиозно-верноподданническое следование идеям социального равенства и развитие духовных потребностей общества в рамках общедозволенного, с приматом общественных интересов над личными.

В отличие от религиозного христианства, где идеи абсолютного добра воспринимались как индивидуализированные нравственные цели, марксизм-ленинизм исходил из приоритета общественного сознания, формируемого партийными идеологами. Надо признать, что эти идеи были близки и понятны большинству населения, у которого индивидуализированное сознание было подавлено и неразвито. А ведь особь сама по себе и особь в стае — поведенчески далеко не одно и то же. Разумеется, увлекаясь макросознанием, партийные идеологи не сумели разрешить естественного противостояния: мое и общее. Индивид биологически стремится все собрать к себе. Отсюда — и поголовное растаскивание общественного имущества, естественный приоритет личного над общественным. А так как бесребреников становилось все меньше и меньше, то налицо был явный разрыв между делом и словом тех, кто значился как народный наставник. Разомлевшая от бездеятельности, от отсутствия аргументированного спора с оппонентами, партийная, советская и вообще административная олигархия оказалась неспособной противостоять индивидуалистическим устремлениям населения и справедливым нападкам интеллигенции как носителя всякого бунтарского духа и по духу своему защитнице индивидуальной свободы и так называемой демократии. Так называемой, потому что она — интеллигенция всегда была выходцем из народа, но отнюдь не выразителем массовых интересов населения.

А масса по-прежнему воспитывалась по типу осредненного субъекта — в массовых детских и школьных учреждениях, в массовых театрах и демонстрациях, на массовых мероприятиях.

И система действовала в интересах этой массы: создавала условия для того, чтобы у каждого была работа, квартира, средний достаток и средние блага. Однако ориентация на средний уровень всего и вся приводила и привела к отсутствию у каждого и всех вместе стимулов для развития. Ибо развитие возникает вследствие некоей разности потенциалов, стимулирующей отстающего догнать уходящего и в материальном и в духовном. Но эта разница будет стимулом к совершенствованию только тогда, когда дистанция не чрезмерна. И стимулом является белая зависть — осознание того, что при некоторых усилиях и мне станет доступно то, чего достиг другой. Если же этот разрыв слишком велик, то цвет меняется, и черная зависть понуждает меня не стремиться к лучшему, а осадить его до своего уровня.

Отсюда — и грабь награбленное. Массовые поджоги и грабежи индивидуальных садов и дач, кооперативов и вообще «джентльменов удачи». Особенно невоспринимаемо для массового сознания материальное расслоение общества. Разве явится стимулом к труду тот факт, что творится сейчас в России. Отношение 10% самых богатых к 10% самых бедных людей составляет: в Китае — 3, в бывшем СССР — 5, в Швеции — 7, в США — 17, а в нынешней России — аж 54.

В свое время в Царской России такое расслоение уже привело не только к идеологическому равенству, но и к экспроприации экспроприаторов. Нынешнее возвышение одних произошло не за счет накопления общего достатка, а опять-таки за счет перераспределения уже имеющегося, а отсюда — и обнищание довольно заметной части населения.

Хотя и при всевластии КПСС были нувориши, но их было мало, и они были общественно непризнаваемы, а потому и расслоение общества не было столь значительным и столь взрывоопасным.

Главный недостаток «развитого социализма» состоял в том, что программное управление жизнью общества обеспечивало его устойчивость, но не допускало саморазвитие. Общество топталось на месте, разувераясь в прежних идеалах.

Постепенное открытие границ наглядно показало, что в плане материального благосостояния мы уступаем тем странам, где стимулом к действию была так называемая частная собственность, а фактором, сдерживающим чрезмерное расслоение общества — социальное партнерство, уровень которого поддерживался государством.

Но мы опять-таки бросились в крайность, пытаясь в одночасье сделать всех частными собственниками не вновь созданного достатка, а путем передела прежнего. Стимула к труду как не было, так и не стало, а страсть к перераспределению проявилась во всех своих безобразных формах. Сплошное торгашество — это тот же передел, когда ничего не создается, а капитал у отдельных лиц — посредников между изначальным производителем и конечным потребителем накапливается за счет обирания и тех и других.

Купечество никогда не было и не может быть надежной социальной базой власти. Вождь и кумир тех слоев российского общества, которым обрыдла серятина, застой материальный и духовный, поддерживавшийся прежними руководителями, Ельцин возглавил общенародное разрушительное движение отнюдь не из симпатий к демократии и частной собственности. Его природный индивидуализм оказался сродни потребности в личностном самовыражении у наиболее активной части общества, кого стесняли путы уравнительности. Но, вырвав власть у Горбачева, который действовал более осмотрительно, хотя и нецелеустремленно, Ельцин не только выпустил джина из бутылки, он разбил саму пустую бутылку.

И джин стал царем хаоса в экономике и умах людей. Рынок стал не средством повышения жизненного уровня, а толкучкой, где главное — выгоднее перепродать. Но ведь общество всегда стремится к динамическому балансу, когда устойчивость обеспечивается за счет выравнивания возможностей продавца и покупателя, а движение достигается за счет того, что товар производится дополнительно теми, кто имеет для этого средства и возможности. А когда весь накопленный торговый капитал оседает в кубышках или зарубежных банках и не работает на новое производство, такое общество обречено на взрывоопасное противостояние имущих и неимущих.

Нежелание вкусить опасность этого противостояния и стремление как можно дальше разойтись от прежней уравнительности означает неспособность нынешнего российского руководства стать движущей силой общества, а само оно еще неспособно соизмерять свои шаги, тем более в условиях российского бездорожья.

Задачи под заданный ответ

(по поводу некоторых статей И.А. Ильина «Наши задачи» Париж-Москва, 1992 г.)

Так и хочется начать с тезиса: интеллигент — тот, кто способен сомневаться.

Пример Ивана Александровича Ильина, к сожалению, подтверждает представление о том, что ортодоксальность мышления не приближает нас к истине, понимаемой не как единственно верное суждение, а как объемное многогранное многокрасочное представление о сути проблемы.

Уверовав «раз и навсегда» в единственно спасительный для России монархический способ организации общества, Ильин волей-неволей тщится выпятить позитивные стороны своего идеала, мрачной краской малюя все остальные очевидные или дискуссионные доводы.

Большевики (да и все другие антимонархисты) для него завзятые враги, т.к. они несогласны с его позицией и поступают вопреки ей.

Можно не соглашаться, не принимать доводы своих оппонентов-врагов, как и они — твои собственные, но это не приближает нас к истине (в ее объемном виде).

У Ильина есть два великолепных качества: стиль — лаконичный, четкий, когда любой выдвигаемый тезис обозначен так ясно, что и не нужны пространные комментарии; его искренняя симпатия и вера в Россию (без национал-шовинистического угара) и конструктивный анализ этой веры на основе исторического опыта развития русской нации и российской государственности.

Поэтому крайне важно обогатиться его суждениями, особенно в части идентификации особенностей государственного устройства России и особенностей социального и национального типа того народа, которому это государство соотносится.

Очень разумно рассуждая о том, «что есть государство — корпорация или учреждение», И.А. Ильин настаивает для России на третьем исходе и считает его единственно верным (с. 84). Мысль настолько же верная, насколько и очевидная. Хотя исподволь внушается читателю мысль, во многом справедливая, что «государство есть учреждение», которое «строится по принципу опеки над заинтересованными людьми». А корпорация (кооператив) состоит из правосознательных индивидуумов, какими мы — россияне еще не стали (это мои слова, вытекающие из контекста Ильинских рассуждений). А раз так, то да здравствует «авторитарный строй», который «не исключает народного представительства, но дает ему лишь совещательные права». Почему-то этот авторитарный строй Ильин олицетворяет лишь с одной его разновидностью —

монархизмом. Хотя русские монархи в большинстве своем тяготели к так ненавистному Ильину (и нам) тоталитаризму. Уж очень прозрачна и призрачна эта граница между пожизненным монархом, становящимся таким не по своим качествам, а по своей родословной, и диктатором, пришедшим к власти «всерьез и надолго» на волне социальной (или другой) революции.

Ильин ненавидит (по вполне понятным объективным и субъективным причинам) всех диктаторов, особенно большевистское полукolleктивное (при Ленине) руководство России, но обожествляет русских царей. И это противопоставление далеко не всегда аргументировано и справедливо.

Но не в этом главное достоинство Ильина И.А. Он — даже в эмиграции, как человек искренний (даже и в своей ортодоксальности) не поет панегирик или анафему русскому народу, а вскрывает его исконную сущность — духовность, обусловленную географическим и историческим прошлым России и ее настоящим.

Да, «Россия первую пошла на суд истории» (с. 131). И Ильин берет на себя и по праву роль если не судьи, то присяжного заседателя, пытающегося быть честным и видеть в «подсудимом» прежде всего не негатив, а позитив. Ибо субъект развивается к лучшему не под влиянием поношения, а под влиянием стимулов.

«Родина — это стихия национального языка, ширь ландшафта, острота климата и аромат быта» (стр. 52). Жаль, что автор не пошел дальше — не показал, как языковые, природные и бытовые условия сформировали тот тип русского человека, который и закрепил за русским народом его «богоизбранность». Наверное, здесь не обойтись и без геодинамического влияния евроазиатского порубежья на психику русского человека, без влияния континентальности климата на нашу приверженность к крайностям, на наше природное богатство, способствующее затягиванию периода «отхожих промыслов» вместо хозяйственной оседлости других народов.

И уже все эти факторы как причина формирования особого русского характера, особенностей русской нации, развивающейся в многогранных контактах с «монголами» и европейцами, должны показать истоки особой духовности россиян.

«Богоизбранность» не есть национальная привилегия, возвышающая один народ над другим. Это — особенность даже не нации, а народа, в котором так сильны не консервативные, а бунтарские начала.

И заслуга большевиков (вопреки мнению Ильина), по-моему, и заключается в том, что европеизированную теорию коммунизма, построенную на социально-экономической теории взаимосвязи производительных сил и производственных отношений (капитала, труда и собственности), они привнесли в Россию не как чужеродное веяние, а как интернациональную идею всеобщего равенства людей труда, созвучную русской идее общинности и братства.

По-моему, Ильин вопреки своим собственным заявлениям о инородности большевизма для России, по сути подтверждает тезис о том, что новые социальные отношения прижились на благодатной российской почве. Я думаю, что и нынешняя победа западничества над славянофильством — это временный перегиб в одну из

крайностей. На исторически значимом отрезке времени русская духовность и западный рационализм дадут именно здесь в особых географических и психологических широтах России тот сплав, который сулит не уничтожение одного другим, а интегрированность как новый расцвет всего человеческого общества.

Поиски этого сплава, который в системном плане даст новые качества обществу, отсутствующие у нынешних его составляющих, надо вести на соединении духовного и рационального в одном субъекте. Не на противопоставлении классов или наций, не на примате какой-либо одной стороны сложной общественной (организованного интеграла индивидуализированных поведенческих функций) жизни.

Общество есть двойной интеграл (по времени и по территории) от поведенческой функции человека, отражающей его экономические национальные и биологические качества.

Это — огромное поле для рассуждений и философских обобщений. Заслугой Ильина является попытка сформулировать связь России как общества и государства с национальными (но не националистическими) особенностями проживающих в этом государственно-общественном образовании народов.

«Нет одинаковых народов и не должно быть одинаковых форм и конституций. Каждому народу причитается поэтому своя, особая, индивидуальная государственная форма...» (с. 47).

«Социальность» есть цель и задачи государственного строя, создаваемого, по слову Аристотеля, «ради прекрасной жизни». Социализм же есть только один из способов, предложенных для осуществления этой цели и этой задачи» (с. 41).

Однако Ильин не удерживается на общем тезисе, что «социальность — это живая справедливость и живое братство людей». Он гипертрофирует одну сторону «социальность есть состояние духа, порядок духовной жизни». Он опускает экономические условия жизни людей, стремление не только к духовному, но и материальному равенству людей. С высоты своего философского профессорства он увидел в большевизме лишь разрушительную силу, на первых порах действующую по принципу «грабь награбленное». Но ведь было «награбленное». И в России этот контраст между уровнем жизни высшего общества, к которому принадлежал и Ильин, и низов, «на дне» которых обретал молодой Горький, был ой как велик, не менее чем контраст между знойным летом и суровой зимой российского внутриконтиненталья. Поэтому упреки Ильина в адрес русской интеллигенции, справедливо возмущавшейся несправедливостью такой жизни и подталкивавшей российское общество к революции, несостоятельны. В авторе откровенно говорит адепт царизма как якобы единственного государственного устройства, пригодного для русского народа. Поэтому с таким сарказмом Ильин относится к формальной демократии, которая «погасит всякую власть и организацию, разложит государство и приведет его к анархии». Это верно. Как верен и тезис-антипод, «что анархия не лечится каторгой» (с. 86).

Безусловно верно, что организация государственной формы должна учитывать и уровень народного правосознания (которого у нас в отличие от европейцев не было и пока нет) и условия жизни, среди которых особо значимы: размеры территории, плотность населения, национальный и социальный состав, религиозный и культурный уровень народа, уклад народного характера, державные и хозяйственные задачи страны.

Я думаю, эти факторы должны быть учтены и при формировании новой Конституции и новой государственности России. Однако об этом почему-то молчат нынешние правоведы. Ильин был им полезен, когда речь шла о разрушении коммунистического Советского Союза, а Ильин как сторонник «русской идеи» монархического авторитаризма им менее интересен. Хотя так называемая президентская форма обустройства России по духу близка идеям Ильина.

И все же путь от демократии (к которой мы пока не готовы) к тоталитаризму (который мы пережили и не только за последние 70 лет), а точнее обратный путь не столь однозначен.

Идея советской власти на дух не воспринимается И. Ильиным из-за того, что эту идею гипертрофированно и искаженно реализовали большевики. Он не только отождествляет, но даже более сочувственно относится к национал-социализму Гитлера, якобы лишь дискредитировавшего в общем неплохую идею фашизма.

При Гитлере были и частная собственность, и национальный дух. Все якобы испортило его личное самомнение и тоталитаризм. И. Ильин (как и современный коллаборационист А. Суворов — автор «Ледокола») не понял сути идеи Советов, которая для России является вполне приемлемой формой государственного устройства. Основной принцип демократического централизма, предложенный большевиками, разрешает противоречие между анархией и каторгой более демократическим способом, нежели конституционная монархия. Разумеется, и та и другая формы не уберегут от тоталитаризма. Однако Советы с их всеобщей выборностью и пусть формальной подотчетностью избирателям гораздо демократичнее, чем пожизненно наследуемая монархия. А уж по части централизации управления и организации жизни людей как граждан всего государства и населения территорий Советы всех уровней имеют несомненно русскую традицию и земских общин и казачьего круга и государственной думы. Поэтому апологетика монархизма у И. Ильина — это заранее принятый ответ на «Наши задачи».

А вот вере И. Ильина в светлое будущее России можно не только позавидовать, но и поучиться. Ибо эта вера — не слепа, а базируется на одной из важных ипостасей нашей прошлой и нынешней жизни — на «русском духе». «Быть русским... значит — воспринимать Россию сердцем, видеть любовью ее драгоценную самобытность и ее во всей вселенской истории неповторимое своеобразие, понимать, что это своеобразие есть Дар Божий ... и указание Божие... Душа русского народа всегда искала своих корней в Боге и Его земных явлениях: в правде, праведности и красоте.

Быть русским — значит... любовью принимать ее как одну из главных и заветных святынь своей личной жизни» (с. 90-91).

Как подняться наверх?

Все развивается от простого к сложному. Мысль человеческая — тоже. Любой из нас, представителей Homo Sapiens, с той или иной степенью частоты сверяет смысл и цели своего индивидуального поведения с общечеловеческими устремлениями к всеобщему благу и счастью. Особенно часто мы вынуждены это делать на переломных этапах человеческой, национально-государственной, общественно-групповой истории. Наша перестройка — такой переломный этап не только в экономике, политике, но и в социально-общественной нравственности. И чем ближе в сознании мы будем связывать интересы индивидуума и всего человечества, исходить в своих целях от общего к частному, тем больше мы будем оправдывать высокое предназначение Человека на земле.

Революция 1917 года вызрела в умах авангарда российского общества не на основе материальных интересов, а на основе стремления к возрождению человеческого достоинства, попранного бездарной административной властью царя и экономическим гнетом бездуховного капитализма. Общедемократические лозунги «свобода», «равенство», «братство» в сочетании с понятными массам требованиями: «мир — народам», «заводы и фабрики — рабочим», «земля — крестьянам» стали главной объединяющей целевой установкой, позволяющей поднять на борьбу весь народ.

Когда же революция в России не была поддержана всемирным пролетариатом (не переросла в мировую революцию), то в неоднородном мире на первое место из всего множества общечеловеческих отношений стали выходить межгосударственные, классовые и другие групповые критерии. Молодому советскому государству пришлось защищаться от Антанты — внешних врагов и от врагов внутренних — белого движения, стремящегося вернуть утраченные позиции, и от неудовлетворенного новой властью зажиточного крестьянства.

Пролетариат — авангард революции, которому было «нечего терять кроме своих цепей» объективно был более революционным. И заслугой большевиков было то, что классовые интересы пролетариата в захвате основных средств производства не вступали какое-то время в противоречие с частнособственническими интересами крестьянства и ремесленников. А затем, не найдя правильных пропорций между темпами индустриализации, необходимой для развития и защиты победившего государства — диктатуры пролетариата, и реальными экономическими возможностями страны, базирующейся в основном на сельхозпроизводстве, была допущена поляризация сил в обществе. Классовая борьба разрешалась при помощи партийно-государственного аппарата (а он отстаивал, главным образом, интересы гегемона-пролетариата, а в последующем — свои собственные) в основном силовыми методами насильственной коллективизации, репрессий и т.д. Плоха была не платформа социализма, вызывавшего в массах неподдельный энтузиазм, а методы

достижения целей, когда унижалось в угоду классовым целям общечеловеческое достоинство граждан.

Дальше — больше. Партийно-государственный аппарат (не смешивать с отдельными лицами в этом аппарате, которые оставались искренними высокопорядочными и активными людьми), перерастая определенные рамки, стал саморазвивающейся системой, живущей не по внешним причинно-следственным связям, а по собственным стимулам, потребностям и законам (как и любая сложная система). Даже по отношению к государственной собственности этот аппарат стал выступать не приказчиком, исполняющим волю хозяина — народа, а распорядителем — владельцем многих материальных и духовных благ (обкомовские дачи и санатории, магазины с дефицитными товарами). Аналогично и в крупных капиталистических фирмах институт менеджеров-управляющих стал не просто категорией наемных рабочих, а структурой совладельцев (акционеров) своего предприятия. Только в государственной системе нет прямой связи между вкладом каждого, общим доходом и индивидуальной реализацией благ для отдельного человека, а в акционерных компаниях есть. Поэтому у нас было трудно не поддаваться искушению все-таки зачерпнуть из общего котелка чуть-чуть более жирный кусок. Плюс не только материальный, а и психологический стимул к власти, особенно у тех, кто эту власть хотя бы частично вкусил. Мы плохо себе представляем мотивацию поведения человека в толпе, соотношение личности и массы народа. Подчиняться всегда проще. Не надо думать, если думают «вожди». Поэтому одни с достаточным внутренним удовлетворением скатывались в положение духовного, а затем и гражданского раба, другие — наоборот, карабкались по ступеням власти к сияющим вершинам. И чем выше им удавалось подняться, тем страшнее становилась возможность упасть вниз, в скопище безвластных, безгласных рабов, перемалываемых жерновами чисто житейских забот. Вот почему всяк поднявшийся по лестнице хоть на одну ступеньку видел свое дальнейшее существование и продвижение вверх не в опоре на тех, кто был внизу, а в страховочной веревке, находившейся в руках тех, кто был наверху. И эта связка держалась не на прочном фундаменте, а на подвесках в руках сильного вверх забравшегося. Вот почему все приподнявшиеся всячески старались эту связь не только удержать в руках, но и укрепить в виде собственной страховочной веревки. Им было безразлично, кто был наверху. Лишь бы это был сильный человек. Конечно, от каждого веревка спускалась и вниз. Ведь кто-то снизу должен был подвязывать к ней корзину с провиантом, ведь и скалолаз, чтобы достичь сияющих вершин, не мог обходиться без материальных благ, производимых и произрастающих не на скалах, а на грешной земле, у подножья горы.

И вдруг оказалось, что верховный лидер умер, а его ближайšie верховые такой силой, чтобы тащить весь народ, не обладают. Да и веревки от долгой натуги истерлись, истлели. И все посылалось! Но не все. Некоторым удалось зацепиться за расщелины, корневища и прочие выступы. Склон скалы — не гладок. Так что же, ждать, когда кто-то сильный вновь заберется на вершину и кинет спасительный конец всем прилепившимся на склоне или новым скалолазам. Веревка протянется

мимо тех, кто ближе к вершине. И именно им, уже обессиленным и неспособным самостоятельно подняться на вершину, такой вариант выгоднее всего. Стоит только протянуть руку, ухватиться за конец этой веревки, и ты снова в связке. В противном случае падать высоко, расшибешься. Вот почему весь административный аппарат живет ожиданием сильной руки сверху. Да и те, кто пока внизу, но желает подняться наверх, были бы не прочь сделать это, цепляясь за кинутый сверху конец. В противном случае пришлось бы строить не только фундамент, но и лестничные марши, по которым уже поднимешься не ты один, а все вместе. А ведь вырваться вперед и вверх, это — в натуре любого, не сдавшегося рутине человека.

Так как совместить собственное стремление к подъему, к индивидуальному счастью и благу, к стремлению других соперничать с тобой, сотрудничать с тобой или сопротивляясь, виснуть гирей у тебя на ногах? Можно ли вытащить самому себя из болота житейской повседневности за волосы как барон Мюнхгаузен, или нужно это болото гатить. Ведь даже если мы будем тащить друг друга вверх за волосы, не имея под ногами твердой опоры, то кроме взаимно причиненной боли, мы ничего не достигнем.

Поэтому тех сияющих вершин, которые мы представляем себе как высшую цель нашего существования, можно достичь, не подсаживая друг друга вверх и подтягивая друг друга вверх до своего уровня, а совместно по кирпичику возводя здание, равное по высоте тем скалам, которые невозможно преодолеть в одиночку или в групповой связке с лидером.

Демократизм и централизм. Личность и масса.

Родителей — не выбирают. Историю — тоже.

Две эти силы воздействуют на нас генетически, ибо гены души есть продукт не менее устойчивый, чем гены тела. Любовь к родителям — генетическое наследие, любовь к Родине — не менее врожденное чувство.

Тот, кто пожелает откеститься от прошлого — человек без корней. Чтобы на ветвях были цветы и плоды, надо не отсекал корни, а фильтровать с их помощью из земли прошлого те живительные силы, которые дадут будущее.

Чтобы в доме было чисто, важно не только вовремя выметать мусор, главное — не сорить.

Из песни слова не выкинешь, из Истории не выкинешь ее лидеров.

Любовь — это органическое соединение телесного и душевного влечения, Разум и Вера (рационализм поведения и помыслов и иррациональное движение души, в конечном итоге приводящее к поступкам) также неотделимы в нас одно от другого. Не надо думать, что одно — первично, другое — вторично. Первичность материи, вторичность сознания — это лишь гносеологический тезис.

Механически привносить его в текущую жизнь, значит, строить будущее на бездуховной основе. На сытый желудок — не до идеалов. Аппетит приходит во время

еды. Сытый стремится не вверх, а вниз, к еще большей сытой тяжести. Голодный легче воспарит в небеса, оторвавшись от шальной грешной земли. Для того чтобы совместить сытость и подъемность, нужен баланс этих двух начал, а не попытки ранжировать их в порядке значимости.

Что дала Революция? В феврале 1917 г. были сброшены с ног России кандалы царизма. Духовные силы народа, ощутив свободу, воспряли. Но — начался хаос, ибо нарушилось единство между личным и общественным. Личность стала общественным достоянием, а собственность осталась личной.

Октябрьская революция перевернула все с головы на ноги: собственность стала всеобщей. Но разом диктатуру царизма и капитализма сменить на общенародное самоуправление невозможно было тогда и, по-видимому, невозможно вообще. По крайней мере, таких примеров мировая история пока не знает. Но это была идея, подвигнувшая большую часть народа (не только количественную, но и качественную, если считать цветом нации не только революционеров, но и интеллигенцию) на поступки и подвиги.

Всеобщность собственности — понятие абстрактное. Поэтому более понятным большинству стал лозунг: земля — крестьянам, фабрики — рабочим. Диктатура владельцев собственности была заменена на диктатуру производителей. В этом была высшая (на то время) социальная справедливость. Монархия и государство капиталистов было заменено на государство рабочих и крестьян. Но государство — осталось. А это — уже не власть народа. Это власть представителей народа. Отождествляя весь народ и его пусть даже законных выборных представителей — неправомерно. Ибо власть данная или тем более взятая — это чувство сильнее чувства собственности. Собственность — это собственный горб, власть же — нарядные одежды. Собственность без власти зависти и вождения у окружающих не вызывает. Власть же даже и без собственности возвышает. А человеку всегда хочется возвыситься над окружающим, вырваться из его плена. Человек как «прямоходящее существо» почувствовал себя в мире увереннее. Он — не раб природы, он — царь.

Стимул власти — феномен не только общественный, это феномен природы. Сильный пожирает слабого, «пожирает» не только ради сытости, а ради возвышения над другим, заставляя его служить себе. Властный человек объективно может приносить пользу. Вожак стаи сохраняет порядок внутри нее, ведет ее к более богатой добыче. Стаи без вожаков не бывает. Она распадается, ибо в ней наступает хаос.

Природа развивается, когда в ней образуются центры неустойчивого равновесия. Такими центрами в обществе являются Личности, творящие историю.

Развивается ли история по объективно существующим законам? И да и нет. В замкнутой системе без катаклизмов, вызванных внешними воздействиями или субъективными намерениями Личностей, обладающих властью или стремящихся к ней, в так называемом равновесном поле истории действуют законы, характерные именно для этих исторических условий.

Но меняются условия — меняются и законы; подобно тому как в точке неустойчивого равновесия траектория неустойчивого движения случайна, на нее действует слишком много случайных факторов, чтобы можно было выявить закономерности этого движения.

Движение есть преодоление покоя, развитие как качественное изменение системы — это выход ее из равновесного состояния. Этот выход в общественной системе происходит не сам по себе, его осуществляют Личности.

Личность — это порождение общества и его целеустанавливающая сила. Личность осуществляет свое влияние не только рациональными мыслями, но и эмоциональными чувствами. Гипнотизирующая сила Личности в ее неординарности (поведения и слов, даже внешнего вида), обращающей на себя внимание толпы (масс), в выдвигаемых идеях, отражающих всеобщее желание перемен устоявшейся неудовлетворительной жизни, в умении увязать их либо с меркантильными либо с духовными чаяниями людей (еще лучше, когда эти чаяния неосознанно существуют в людях, но еще не поняты и не названы ими). Указать заманчивую цель — непременное условие выдвижения лидера. Сохранение статус-кво не позволит появиться лидеру.

Исторически оценивать Личность-лидера следует, во-первых, по выдвигаемой им цели (с точки зрения соответствия этой цели общечеловеческим нравственным или государственно-национальным категориям). Роль общечеловеческого всегда ценилась и будет цениться выше классового, национального или государственного приоритета.

Роль Христа как носителя общечеловеческих идеалов нравственности, а во многом благодаря тому, что с его именем связывается формулировка этих идеалов, предопределила его неугасающую историческую фигуру— Личность. Богатые и бедные, люди разных национальностей и оттенков вероисповедания, даже атеисты связывали с этим именем свои надежды и чаяния. И это не было только выжидательной позицией масс, хотя во многом именно надеждой на свершение всего благого сверху, без усилий конкретного человека определяется обожествление Христа как мессии-спасителя. Но его именем освящались и крестовые походы, и средневековое инквизиторство, и многие крупные благовидные и не очень дела. Все старались прикрыться именем Христа, понимая (и чаще всего искренне веруя), что тем самым любые их деяния станут богоугодными, а значит, облеченными доверием всего Человечества. Вот почему цари прежде всех земных титулов звались наместником божьим на Земле.

Разумеется, христианство за многие века Истории запачкало себя в массе неблагоприятных (с точки зрения общечеловеческих понятий добра и зла) деяний: та же инквизиция, когда веру в Церковь как аппарат божий (выражаясь современным бюрократическим языком) пытались вдолбить и поддерживать насильно методами террора в отношении неугодных авторитарному руководству и чиновничье-исполнительному аппарату Церкви; служение Церкви (но не христианства) власть

предержавшим (царизму в России); освящение религией гитлеровских планов и других чуждогоконенавистнических войн.

Но вера в Христианские нравственные идеалы всегда была и будет свойственна людям.

Атеистическая работа после революции велась настолько грубо, что «вместе с водой выплеснули и ребенка». Наши попытки заменить веру чистым разумом обедняли духовный мир человека. Мы попытались классовые идеалы поставить выше общечеловеческих, вместо того, чтобы совместить их, направив на социалистические цели материальные и духовные силы народа.

У людей должны были остаться святые идеалы.

Идеалы революции были таковыми. Однако реальные деяния: сначала неизбежные перегибы военного коммунизма, затем НЭП как отступление от этих идеалов, чтобы прокормить страну, затем волна репрессий — и все это сопровождалось гонением на Церковь, раздвоили душу и сознание народа. В последние годы, когда принцип материальной заинтересованности по сути дела стал единственной целевой установкой государства, что привело к падению общечеловеческих нравов, именно религия стала, по сути, единственной обителью для духовных потребностей людей. Именно религия. Ибо Церковь, как недозволенное, привлекало своей ритуальностью, торжественностью для конкретного человека, а не для всего собрания, где каждый терял свое «Я», становясь элементом системы. А религия возрождала нравственные категории: моральную (что чаще бывает необходимее) заботу о ближнем, уважение семейных начал. Одним словом, сегодня стало очевидным, что одни материальные идеалы не могут стать длительным фактором развития общества.

И даже капиталисты, где эти идеалы наиболее сильно развиты, не умаляют, а наоборот, поддерживают религиозные верования людей. Набожность Рейгана (м.б. и показная) наверняка добавила ему немало сторонников.

Возвращаясь к Истории. Одними духовными идеалами сыт не будешь. Человечество состоит из отдельных наций и государств. А Государство, выражая национальные чаяния и интересы не только самосохранения, но и самоутверждения, уже стремится к власти, к господству над своими соседями.

Мы — русские, гордимся тем, что защитили Европу от татаро-монгольского ига, что сумели собрать в себе силы и освободиться от его владычества. А для этого нужна была сильная централизованная власть, объединение всех князей удельных под сильным началом Москвы. Приписывают Герцену слова о том, что освобождением от татаро-монгольского ига (за счет централизации власти) Россия заковала себя в цепи царизма.

Что слаще или горше: национальное самоунижение или зависимость от центральной (но русской же) власти.

Демагог — буквально «вождь народа»

У М.А. Алданова в романе «Самоубийство» содержится попытка изложения мотивов деятельности людей устами молодого Муссолини: «Я теперь вижу и ошибку Маркса. Он исходил из предположения, будто люди руководятся своими интересами. Отсюда и его классовая борьба. Она, конечно, есть, но очень большого значения не имеет... А еще какой-то француз, — кажется, Декарт? — в основу жизни клал разум, и оба они ошибались: люди руководятся не разумом и не интересами, а страстями и вековыми инстинктами».

Попытки противопоставить друг другу мотивы человеческого (и общественного) поведения принципиально неверны. Только симбиоз биологических, физиологических и социально-нравственных мотивов есть движитель массы людей.

Принципиальное отличие фашизма в Италии и Германии, фундаментализма в Иране и других ближневосточных странах от коммунизма в России и демократизма в Америке именно в том, что первые два «изма» действительно развились на основе подыгрывания инстинктам мононациональной толпы, обвинявшей во всех смертных грехах евреев и неверных; в то время как капитализм сыграл на индивидуализме, на частном интересе человека, и в этом он более следовал Марксу, а большевизм опирался на особо свойственную русскому народу идею всеобщего равенства, идею антииндивидуализма.

Соединив в себе духовно-созерцательные идеи разумных утопистов, мечтавших построить «город солнца», с исконно русской верой в благостность артельной жизни, большевики материализовали высокие идеи, доведя их до уровня, понятного каждому простому жителю России, чем и смогли увлечь за собой значительную часть населения.

Октябрьская революция была не просто переворотом, осуществленным группой заговорщиков. Если бы их действия противоречили настроениям масс, большевиков бы не поддержали на местах, где силы градоначальников и полиции были гораздо сильнее тех боевых групп солдатских и рабочих депутатов, которые так быстро и повсеместно передали всю «Власть — Советам».

Если вернуть первоначальный смысл греческому слову «демагогия», означавшему «веду народ», то все политические деятели, опирающиеся либо на разум, либо на инстинкты народа, а в конечном итоге, на его интересы, были демагогами: и древнегреческие полководцы и римские цезари, и их современные последователи в лице Муссолини и Гитлера, израильские правители и исламские фундаменталисты, ратующие за интересы своих сограждан, своих единомышленников. К таким можно отнести и Сталина и де Голля, ведших свои страны к экономическому и духовному расцвету, что бы ни говорили и обоснованно об их антигуманности и даже геноциде в отношении инакомыслящих.

Самым же крупным демагогом всех времен и народов был Христос, пытавшийся с помощью биосоциального инстинкта веры в божье наставление привить людям некие нравственные общечеловеческие догмы, их мало кто когда

придерживался, даже сами адепты этого учения. Но образ великомученика, находящегося под покровительством таинственных небесных сил, учителя-бессребренника, которому его паства в своей практической жизни не очень-то и следовала, образ этот своей иррациональностью привлекал всеобщее внимание деятелей искусства, сделавших его хрестоматийным. Но в силу того, что реальная жизнь большинства человечества подчинялась не духовному, а материальному началу, образ Христа не оказался замаран всеми грязностями, свойственными миру наживы и земных деяний людей. А как приятно, погрешив ради хлеба насущного и земных радостей, покаяться потом перед «чудодейственным» изображением Иисуса и получить индульгенцию: валяй, грехи дальше. Вот эта возможность совместить материальные интересы и духовное отпущение всех грехов за пару поклонов, овечку или пожертвование на храм и способствовала тому, что существовали совместно и духовная и светская власти, играя на дуализме интересов каждого человека и всей человеческой «братии».

Маркс не пытался разрушать этот дуализм — он просто сделал акценты на материальных интересах людей труда, показав, что прибавочный продукт в обществе капитала становится собственностью не человека производящего, не всего человеческого сообщества, а владельцев того капитала, с помощью которого организован труд и приобретены средства производства. Эта несправедливость, понимаемая многими, подвигла Ленина на абсолютизацию другой крайности: ничто не принадлежит каждому, все — всеобщее, но не божеское, а земное, общечеловеческое, Ленин пытался оторвать человека от его инстинкта собственника, ликвидировать частную собственность вообще.

В попытке ликвидации общественного неравенства, вызванного противоречием между общественным характером труда и частной формой присвоения его результатов, Ленин сумел опереться отнюдь не на самые плохие заповеди христианства, призывавшего к всеобщему равенству и социальной справедливости, к обобществлению всех материальных средств производства и потребления. Разумеется, в учении Христа было много взаимоисключающих положений, поэтому оно и поддерживалось многими, находившими в нем для себя наиболее подходящие утверждения.

Ленин абсолютизировал всеобщее в противовес индивидуальному. При этом он оперся на ту часть общества — пролетариат, который был объективно наиболее ущемлен капитализацией производства. Однако из его стратегических замыслов мало что бы вышло, если бы он не сумел воспользоваться ситуацией военного кризиса, наиболее остро проявившего разрыв между интересами власть предержащих и широких слоев населения. Кризис власти после русско-японской войны привел к революционным выступлениям 1905 г., двинувшим Россию на путь активного развития капиталистических начал, сдерживавшихся до того административно-чиновничьим царско-дворянским руководством. Но за исключением отдельных меценатов-буржуа, пытавшихся как-то улучшить за счет своих прибылей и положение рабочих, основная масса пролетариата люмпенизировалась и становилась благодатной почвой для движения социалистов

под лозунгом «Пролетариату нечего терять кроме своих цепей, приобретут же они весь мир».

Да, Ленин опирался не на весь народ, жаждущий демократических перемен. Он понимал, что лозунги буржуазной демократии «Свобода, равенство, братство» весьма абстрактны и не затрагивают сущность производственных отношений, которые он, следуя Марксу, абсолютизировал. Но он был вождем не всего русского народа, а вождем Мирового пролетариата. В этом была его слабость и сила.

Да, Ленин материализовал многие положения учения Христа, обещая благо не на небе, а на земле, но не для всех, а лишь для людей труда. И он повел себя не как абстрактный учитель, а как подлинный демагог — вождь трудового народа.

И как конкретный деятель-практик, он воспользовался всеобщим желанием большинства народа, познавшего все мерзости мировой бойни, быстрее покончить с войной и вернуться к мирной жизни. Да, он не был патриотом в обычном националистическом понимании этого слова, желая поражения своему правительству. Но он играл на интересе людей труда, и победил. Его не абстрактные, а конкретные призывы «земля — крестьянам, фабрики — рабочим, мир — народам» подыгрывали собственническим интересам не владельцев капитала, а владельцев своих рабочих рук. И винить его за это нельзя. В первоначальном смысле слова Ленин был демагогом, и дай бог, чтобы каждый народный вождь сочетал свои вождические намерения с интересами ведомых им народных масс. Не надо только иконизировать Ленина, как нелепы попытки и вычеркнуть его из истории. Да, он был лидером одной из ветвей общественного развития человечества. И если сегодня эта ветвь перестает плодоносить, она дала жизнь другим побегам, оплодотворила своими идеями тех, кто с умом использовал результаты социалистического развития применительно к новым условиям человеческого бытия и человеческого желания найти компромисс — баланс духовного и материального, индивидуального и общественного, баланс интересов всех народов, всех слоев населения всех стран, баланс интересов нынешнего и последующих поколений. Не в противостоянии одних групп людей, другим, а в признании общности главных интересов человечества в мире, в сохранении среды обитания, в духовном развитии всех и каждого, в умении при этом не пренебречь частными интересами отдельных наций, отдельных слоев международного сообщества и состоит современный вождизм, — который сегодня нужен как никогда как умение вести народ, быть его лидером, быть полноценным демагогом.

Партия и партийные организации

Партия говорит от имени народа. Голос партии — это голос народных масс. Партия — это авангард общества. Это — самореклама, которая мало отражает истинную взаимосвязь партии и народа. Партия — это организация, созданная из представителей народа для реализации определенных целевых установок, выдвинутых и сформулированных ее лидерами — организаторами и руководителями в интересах, как им представляется, всего народа или его определенного класса.

Партия — это организованная группа людей, старающаяся свое видение перспектив развития общества, свое понимание путей этого развития сделать всеобщим. И если она преуспевает в пропаганде своей точки зрения, если принципы ее деятельности получают поддержку широких масс населения, партия становится лидером общественного сознания, становится правящей партией.

Она старается подчинить своим установкам не только общественное сознание, но и сделать массы населения прямым исполнителем своей воли, своих планов. Не народ делегирует в партию своих лучших представителей (такого не было, нет и быть не может), а партия отбирает из народа тех, кто ей нужен, отбирает наиболее авторитетных, наиболее активных людей, обогащаясь их интеллектом и энергией, возвышая этих людей по мере сил, возможности и необходимости, включая их в свою организацию, подчиняя их своей программе действий.

Но так как мечта, так как желания людей всегда обгоняют действительность, то очень скоро лидеры становятся объектом критики, на них сваливаются действительные и мнимые причины недовольства людей в недостижении тех идеалов, тех рубежей, того экономического состояния, которое было обещано этими лидерами. А если меняются лидеры, а программные установки партии по-прежнему остаются недостижимыми, то теряется вера, как в саму партию, так и в выдвинутые ею идеалы.

И это все при том, что все члены партии, ее лидеры действительно ставят во главу угла общенародные интересы, а не свои собственные. На самом же деле любой человек, естественно, думает и о себе не в последнюю очередь. А в такой массовой партии, как КПСС, тем более партии правящей, понятно, людей, ставящих свои личные интересы на первый план, не так уж и мало. А эти люди на виду. И естественно, недовольство народа общей обстановкой многократно усиливается и переносится с отдельных личностей на партию в целом.

Тем и тяжела «шапка Мономаха», что она возлагает на голову лидера всю ответственность за содеянное и неслеланное, за действительные промахи и несвершение обещанного. И от этой ответственности никуда ни уйти. А народу всегда верится в то, что были бы другие лидеры, другая партия, все было бы гораздо лучше. И он готов сменить идолов, веру. И если кто-то такие новинки готов ему предъявить, народ отдаст свои голоса, свое доверие новым людям, ибо ему всегда верится в то, что новое всегда лучше прежнего. Массы хотят выбора лидеров, хотят альтернативы. В возможности выбора они видят главное свое назначение. А ведь дело заключается не в том, Сталин или Бухарин, Горбачев или Ельцин станут руководителями. Главное, чтобы каждый человек перестал верить в спасительного мессию, который приведет нас в страну обетованную. Каким бы ни было горящее сердце Данко, оно само по себе не сделает людей счастливыми и Счастливым человек может стать только сам. И счастье это не в том, чтобы было хорошо одному человеку. Счастье человека в том, чтобы всем было пусть не одинаково, но хорошо. Всем: в своей семье, в своей общине (трудовом коллективе и коллективе по месту жительства — многомиллионные города резко разъединяют эти коллективы), в своей стране, во всем человечестве.

И главная задача партии — суметь привить каждому чувство Хозяина своего счастья: материального достатка и духовного богатства.

В этом отношении у нас совершенно принижена роль партийных организаций, особенно первичных. Тем, кто входит в эти организации, кто активно работает в них, тем интереснее жить, тем кажется, что они все делают для счастья своего коллектива. Но они заблуждаются.

Партийная организация как лидер коллектива должна стать и духовным наставником каждого, и организатором коллективных дел.

У нас же она делает что-то, а коллектив остается либо пассивным наблюдателем, либо послушным ведомым, либо активно сопротивляющимся стадному чувству «идти в ногу со всеми» и критиканствующим, благо поводов для критики всегда достаточно, а гласность позволяет это делать без опаски.

Роль партийной организации — организовать не маршеобразное строевое движение коллектива в заданном направлении, а помочь каждому найти свой темп, свой маршрут, свой режим движения, показать на конкретных примерах, близких и понятных каждому, что человек только сам может быть творцом своего счастья, но это счастье не в обособлении людей друг от друга, а, наоборот, в их общении, в их совместном труде и проживании, в их совместных делах, в общих интересах, в общем движении. Подобно тому, как электрический ток образуется из отдельного, но упорядоченного движения электронов, так и развитие общества есть упорядоченное развитие каждого. Предложить и ввести в действие эти факторы упорядочения, создать ту разность потенциалов, которая и определяет движение отдельных электронов, в этом и есть задача партийных организаций в жизни своего коллектива, задача партии — в жизни народа.

Андре Жид: притча и резекция социализма

Трудно объяснить, почему Нобелевская премия была присуждена Андре Жиду в 1947 г., вскоре после выхода его итогового во многом философского произведения — притчи «Тесей».

В устах и поведении мифологических персонажей автор в первую очередь выделяет мотивы человеческого поведения. «Я свергаю с алтаря Бога и возношу на его место человека», — писал он. Человека с его жизнелюбием, эгоизмом и с неизбежным для лидера общественным сознанием.

Чтобы стать лидером, человек должен пройти не только жизненную школу, но и пройти по душам и трупам своих близких.

Не только по рождению, по силе и уму Тесей становится царем Афин. Он признается, что не просто забывчивость помешала ему сменить черные паруса на белые, в результате «чего его отец Эгей, думая о якобы погибшем сыне, бросился с отчаяния в море. «Эгей мешал мне, ... поставив под удар мою карьеру. Ведь каждому — свое время». И автор нисколько не обвиняет Тесея в его эгоистическом стремлении

к власти. «Оружие... значит меньше чем рука, которая его держит; рука значит меньше, чем разумная воля, которая ее направляет». Не есть ли это оправдание принципа «цель оправдывает средства». Ведь став царем, Тесей стремился к тому, чтобы объединить и централизовать власть, для чего пустил в ход силу и хитрость.

«Считая, что благополучие граждан подорвано распрями, я увидел источник почти всех зол в разновеликости состояний и в желании каждого умножить свое личное богатство. Сам мало заботясь об обогащении и занимаясь общественным благосостоянием столько же, если не более, сколько и собственным, я подавал пример простой жизни. Разделив земли поровну, я разом устранил порождаемые ими превосходство и соперничество. Это была суровая мера, которая, конечно же, удовлетворила неимущих, то есть большинство, и встретила сопротивление богачей, которых я лишил владений. Их было мало, но это были ловкие люди. Я собрал самых значительных из них и сказал: — Я ценю исключительно личные качества и не признаю иных достоинств. Вы сумели разбогатеть благодаря своему умению, знаниям, упорству, но чаще всего — благодаря несправедливости и злоупотреблениям. Соперничество между вами подрывает безопасность государства, которое я хочу видеть могущественным, защищенным от ваших интриг. Только в этом случае оно сможет противостоять вторжениям иноземцев и процветать. Проклятая жажда денег, что одолевает вас, не приносит вам счастья, ибо на самом деле она неутолима. Чем больше приобретаешь, тем больше хочешь приобрести. Итак, я собираюсь урезать ваши состояния и буду действовать силой (а она у меня есть), если вы не согласитесь на это добровольно...

Я смогу заставить уважать законы, заставить уважать, если не бояться, себя и заявляю, что скоро кругом заговорят: Аттикой управляет не тиран, а народное правительство, ибо каждый гражданин этого государства будет иметь равные права в Совете и его происхождение никак не будет приниматься в расчет. Если вы не пойдете на это по доброй воле, я сумею, говорю вам, принудить вас...»

Столь пространная цитата из притчи «Тесей», приписываемая автором своему возлюбленному герою, лишь географическими названиями и собственным именем отличается от речей Ленина и Сталина после Октябрьской революции (да и от поведения нынешних руководителей России).

А отношение Тесея к Ариадне, помогшей ему победить Минотавра, и к любимой Федре. Не напоминает ли это отношение «вождя народов» к своим женам. Тесей погубил собственного сына, а его друг и сподвижник Пирифой, которого царь Афин охарактеризовал как «пройденный этап, дальше которого можно идти лишь одному».

А. Жид не видит и в этом ничего предосудительного. Переступая через близких на пути к власти, позволяющей действовать во имя своего предназначения. Значит, автор в своей итоговой для своего творчества притче еще раз подтверждает, что только так и должен был действовать лидер (царь, вождь), стремящийся сделать свое государство процветающим, а народ — счастливым. Это ли не апологетика живших и действовавших в то время лидеров социалистического строительства. Действовавших

не в мифическом, а реальном пространстве. Действовавших не ради потустороннего христианского рая, а ради земного процветания государства и его граждан.

И в диалоге Тесея с уважаемым им Эдипом автор подчеркивает, что земная жизнь праведнее сверхчеловеческой мудрости. «Надо перестать видеть мир, чтобы увидеть Бога», — заявил слепой мудрец. Однако Тесей признается, что ему ближе его предназначение — создать свой город на земле. «Мне приятно думать, что после меня, благодаря мне люди будут знать, что стали счастливее, лучше и свободнее. Ради блага человечества в будущем я свершил свой труд. И прожил свою жизнь».

Эти слова Тесея — Андре Жида есть синоним известного изречения Н. Островского «Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы».

Встречаясь с Н. Островским в г. Сочи во время своего путешествия в СССР в 1936 г., А. Жид назвал его «святым». Фактически Н. Островский совместил в себе обоих героев А. Жида: и слепого мудреца Эдипа и твердого руководителя государства — царя Афин Тесея.

Но «святость» Н. Островского, в отличие от Эдипа, не в уходе от мира сего в божественное правдоискание, а в стремлении до конца содействовать земному благоденствию человечества, чему отдался и Тесей.

Он, а точнее автор, вложивший в уста героя свои мысли, понимал, что «равенство среди людей неестественно и даже, более того, нежелательно. Хорошо, когда лучшие люди властвуют над массой простонародья с высоты своей добродетели. Без соревнования, соперничества, зависти эта масса становится аморфной, застойной и разлагается. Нужна опора, которая бы подымала ее... Хочешь ты того или нет, но, несмотря на это изначальное равенство... очень скоро из-за различий в способностях, различий жизненных обстоятельств все образуется снова, а именно страдалец плебс и аристократия...

Но... я не вижу, почему этот плебс будет страдальцем, если эта новая аристократия... будет... не аристократией денег, а аристократией духа»

Разве не это проповедовал и Н. Островский, который был для народа истинным «аристократом духа», и многие другие лидеры большевиков.

Так почему же воплощение своей мечты, заявленной в притче, Андре Жид не увидел в СССР, хотя перед поездкой в нашу страну также заявлял, что его целью и мечтой стала страна социализма, что отныне будущее культуры и гуманизма для него связано с судьбой СССР.

Разумеется, морализовать всегда проще, чем осуществлять дело с помощью не только убеждений, но и принуждений.

Ведь и в притче А. Жид признавал необходимость применения силы ради укрепления государства. Чего же испугался он, увидев воочию на деле результаты осуществления обоих идеалов.

Гомеровский гимн Деметре, с которого начинается книга А. Жиды «Возвращение из СССР», казалось бы, также отражает понимание автором необходимости жестких мер для выработки «крепкого и здорового будущего человечества».

Великая Деметра «с притворной жесткостью, а на самом деле с безграничной любовью, желая ребенка превратить в бога, укладывала его обнаженным на ложе из раскаленных углей... Я представляю себе великую Деметру, склонившуюся над лучезарным ребенком, словно над будущим человечества. Он страдает от жара раскаленных углей, и это испытание закаляет его. В нем вырабатывается нечто сверхчеловеческое, крепкое и здоровое, предназначенное для великой славы. И как жаль, что Деметра не смогла завершить задуманное. Встревоженная Метанайра... оттолкнула от огненного ложа богиню, разбросала угли и, чтобы спасти ребенка, погубила бога» (А. Жид, Л. Фейхтвангер, М.: Политиздат, 1990, с. 62).

Не стал ли сам А. Жид, восхищаясь Деметрой, той «встревоженной Метанайрой», которая «погубила бога».

По-видимому, на этот вопрос можно ответить утвердительно, поняв мотивы самого писателя.

Он восхищался древнегреческими героями, сердцем и разумом понимал необходимость крутых действий для достижения благих целей. Но жил в нем все-таки некий чистоплуд, идеалист, которому хотелось, чтобы угли жгли не так горячо, чтобы все сразу превратилось в «аристократов духа». А, увидев, что большинство и при социализме — это самодовольный серый плебс, испугался. А, может быть, не стоит излишне досадовать на А. Жиду, как это сделали Р. Роллан и Л. Фейхтвангер после «Возвращения из СССР». Ведь всю жизнь Андре Жид был приверженцем «критического реализма», и он подчеркивает это в обращениях к советскому читателю, считая, что «ценность писателя определяется его связями с революционными силами, стимулирующими творчество, или, точнее —... оппозиционность».

Как объективный человек, А. Жид понимал, что «пока идет борьба, победа еще не достигнута, художник сам может участвовать в этой борьбе и отражать ее, способствуя там самым достижению победы. А дальше...».

А дальше А. Жид оставался верен своему кредо — быть писателем-оппозиционером.

И напрасно от былого восхваления писателя наши политические лидеры бросились к его поношению. Другого от А. Жиды и ждать было нельзя и критика самой книги вызвала у автора необычно болезненную реакцию, когда он присовокупил к своему первоначальному произведению так называемые «поправки», в которых усиленно постарался найти криминал и обрести сторонников в лице хулителей Советской России.

Все, что подметил А. Жид в российской действительности: и недопустимость критики «основной линии», и самодовольство серого плебса, и доносительство как

стиль существования — все это, действительно, было, и, возможно, А. Жид был одним из первых, кто публично назвал вещи своими именами.

Он произвел настоящую резекцию советской действительности, уже пораженной в то время бактериями мелкобуржуазного загнивания, которое показалось автору одним из самых опасных симптомов. «Экономика СССР находится на подъеме, но не следует упускать из виду, что она содержит в себе зародыши капитализма, она не избавлена от свободного рынка и существует неравенство в заработной плате со всеми вытекающими последствиями», — так заканчивает А. Жид свою книгу.

Так в чем заключается критика А. Жида: в том, что всеобщее равенство порождает бездуховность, или в появлении экономического неравенства и зародышей капитализма?

Видимо, в этом и сказывается дуализм его писательской и гражданской личности.

Он — за социализм, дарующий человечеству всеобщее равенство и братство, даже при наличии жестких мер по насаждению этих принципов. Но он же — за многомыслие среди граждан, приводящее к нарушению «единой линии».

Поэтому из писательской критики надо не механически, а творчески брать то, что льет воду на мельницу новой идеологии, не акцентируя внимания на его беллетристическом описании действительности.

«Ошибки одной страны не могут скомпрометировать истину, которая служит общечеловеческому, интернациональному делу». А. Жид — не ниспровергатель, а апологет социализма.

И недаром его «Тесей» появился в 1946 г., после известного кровопускания 30-х годов в СССР, после Второй мировой войны, когда началось новое противостояние СССР и мира капитала.

Появился и призвал не к смертельной резекции социализма в лице СССР, а к его силовому (но цивилизованному) насаждению во благо и на счастье человечества.

Все-таки притча, а не путевые очерки, отражает вековые устремления человечества.

И это не следует забывать нашим нынешним ниспровергателям социализма, ратующим за возрождение в нашей стране капитализма, несущего людям лишь материальное благоденствие ценой уничтожения бесценных идеалов, без которых невозможно подлинное восхождение человечества к светлому завтра, о котором мечтали и над которым трудились еще древнегреческие герои.

Где мы? Кто мы? Чего мы хотим?

(по поводу и вне связи со статьей Г. Лисичкина «Мифы и реальность»,

Новый мир, 1988, №11)

Homo Sapiens есть существо общественное. Поэтому «мы» его всегда интересует даже больше чем «я», и кроме «хлеба насущного», удовлетворяющего биологические потребности человека, он живет духовной жизнью. И то и другое связывает его пуповиной с окружающей средой, с окружающим обществом. Чем меньше интеллект человека, тем больше его волнуют вопросы материальные (пища, энергия, вещи), чем выше уровень его умственного развития — тем выше приоритет морального, нравственного.

И то и другое в своем неразрывном единстве составляет социальную комфортность жизни, становящуюся в значительной степени целью его поведения. А когда человек от интересов своего «я» поднимается к интересам некоего сообщества «мы», он становится не просто Личностью, а социальной личностью.

Именно о таком статусе человека мечтали лучшие из людей во все времена и во всех странах.

Производственные отношения как наиболее значимые из отношений между людьми в значительной степени определяются их отношением к собственности.

Существуют 4 типа собственности: частная, общественная, государственная и общечеловеческая.

Последняя включает в себя такие понятия как собственность на воздух, на космос, на нематериальные вещи, в т.ч. научные, художественные идеи и т.д.

Своим антропогенным, техногенным, военным воздействием на окружающую среду мы покушаемся на эту собственность. И хотя каждый конкретный индивидуум, казалось бы, слабо ощущает свое право на владение этой собственностью, однако чье-либо покушение на нее вызывает у него все более заметную реакцию. Борьба за мир, экологическое движение сегодня становится решающим фактором общечеловеческого развития.

Государственная, общенародная собственность становятся для многих пустым звуком, потому что почувствовать что «все вокруг мое» отдельный человек не может ни материально, ни экономически, ни психологически. Слишком длинна связь между личным вкладом в приумножение этой собственности и отдачей от нее для отдельного гражданина, и на этом длинном пути всегда есть промежуточные звенья, которые нивелируют, губят этот вклад и воруют возможные блага. Колхозник (крестьянин) вырастил урожай, а в хранилищах его сгноили. Построили новый дом, а вселились в него власть имущие. Завезли в магазин товар, а он «прилип к рукам».

И хотя идея общегосударственной собственности остается весьма привлекательной, ее реализация становится утопичной. Социализм, главной отличительной чертой которого является 100%-ная общенародная собственность, как

и любая полностью централизованная система, неэффективен. Нельзя только вместе с водой выплескивать и ребенка, шархаться от обобществления к индивидуализму.

Если Ленин предостерегал от канонизации, абсолютизации каких-либо форм социализма, то Сталин на деле показал плюсы и минусы одной из этих форм. Но главное — не в том, чтобы казнить его за это, а в том, чтобы научиться на ошибках прошлого и взять из него достойное внимания. Огульное восхваление и охаивание — экстремизм, а самый большой порок у человека — впадать в крайности (Аристотель).

И тут здравые мысли Г. Лисичкина легко потерять под налетом словесной шелухи. А они есть, хотя бы в акцентировании внимания читателя на антидюринговских воззрениях Энгельса. Только не надо богов, оракулов, знающих все и вся на все времена. Ленин всего не знал и не скрывал этого.

Безудержное восхваление Г. Лисичкиным (со ссылкой на Энгельса) частной собственности капитализма как (даже на сегодняшний день) обеспечивающего наивысшую производительность труда касается лишь экономической стороны дела. А политика, хотя и есть концентрированное выражение экономики, не может свестись к ней.

Человеческие идеалы свободы, равенства и братства не есть понятия экономические, однако движут поступками людей и целых народов достаточно эффективно. Не говоря уже о национализме (в плохом и хорошем смысле этого слова).

Нельзя порознь сначала накормить, ублажить человека материально, а затем взывать к его нравственности.

Порядочные люди чаще всего там, где приходится постоянно иметь дело с трудностями. Трудности поляризуют людей: одни — слабые сдаются и звереют, другие — объединяясь с себе подобными — их преодолевают.

В этом смысле, казалось бы, община (самых разных видов) есть идеальное социальное устройство, где люди, объединившись, за счет рационализации и организации повышают производительность труда, а за счет более короткой дистанции между своим вкладом и отдачей для себя чувствуют экономическую потребность лучше работать и возможность лучше жить.

Но кооператоры должны быть цивилизованными, т.е. работать не для того, чтобы лучше жить, а жить для того, чтобы с большим интересом и пользой для себя и окружающих работать. Весь вопрос — в размерах этой общины. Семья во все времена была той ячейкой общества, где соединялись воедино биологические, экономические и нравственные интересы людей. Однако социальной общности, социальных интересов у нее нет, и не надо абсолютизировать патриархально-семейный уклад.

Коммуна, колхоз задумывались как то производственное, бытовое и социальное единение людей, где плюсы артельного труда еще не ликвидируются минусами уравниловки и не приводят к социальному расслоению.

Сегодня эти коммуны возрождаются (частично) в МЖК, потому что на отношения людей влияют не только их производственные, но и бытовые отношения, общность их эстетических, этических, мировоззренческих интересов. Старые коммунальные квартиры были (не призываю вернуться к их варианту из-за возросших бытовых потребностей людей) ячейкой коммуны, отличая их обитателей (в семье не без урода) сплоченностью, дружеским участием.

Коллективные дачи более необходимы, чем индивидуальные, общественный транспорт, кино, небольшие театры, маленькие клубы крайне необходимы людям для общения. Это воспитывает этику общения, которой нельзя научиться, живя по принципу «мой дом — моя крепость», «моя хата с краю» и т.д. В то же время общение — это не только производственные отношения, собрания и демонстрации. Человек нуждается и в более интимном круге друзей.

Оптимальные размеры коммуны зависят от уровня интегрированности людей в производственном цикле (коллективная посадка картофеля, сенокосы, плавание на одном корабле, научная лаборатория, где все работают над одной темой) и от степени их личностных контактов вне производства.

Не противопоставляя экономические и социально-нравственные цели людей, а объединяя их в разумные коммуны, мы и придем к той оптимальной ячейке общества, кооперирование которых между собой позволит избежать классового расслоения (неизбежного при частной собственности) и неотчужденности человека от общественной собственности и общечеловеческих (биологических, нравственных, этических и др.) форм общения. Может быть, это тоже утопия, но истина где-то рядом.

Конвергенция: вчера и сегодня

Любой здравомыслящий человек понимает, что шараянья от одного полюса к другому не продвигают нас вперед, а вся энергия расходуется лишь на волнообразное движение по кругу и все — суeta суeta. Еще Аристотель говорил, что самое большое зло — это впасть в крайность. К сожалению, эту простую истину мы так и не поняли, а если и слегка уразумели, то в жизни руководствовались отнюдь не ею.

Теорию классовый борьбы, оспаривать которую и сегодня нет никаких оснований, мы восприняли слишком упрощенно и прямолинейно: тот, кто не с нами, тот против нас. А точнее, мы — против него.

Мы слишком долго размахивали жупелом «загнивающего» капитализма, противопоставляя ему объективно прогрессивный социализм. И при этом не заметили, что наш идеологический контрпартнер (я сознательно избегаю слово противник, дабы оттенить некоторые особенности нашего совместного существования на земле и не впасть в прежнее ничего не давшее противостояние) оказался не настолько ортодоксален, как мы. Вначале, видя притягательную для масс идею социалистичности в том или ином виде, многие партии в той или иной степени использовали сам термин социалистический, социал-демократический, национал-

социалистический даже в своих названиях, а руководители многих государств не погнушались применить в своей «капиталистической» деятельности некоторые принципы, отнесенные ортодоксами в арсенал социализма: плановое регулирование наиболее важных отраслей экономики в предкризисные периоды, акционирование как идея социального партнерства всех работников предприятия, социальную уравниловку для той части населения, которая живет и функционирует во внерыночной сфере.

Тем самым они трансформировали образ капиталиста, единственной целью которого якобы являлась погоня за прибылью и сверхприбылью, в образ демократа, занимающегося в основном благотворительной деятельностью. Просто они поняли, что жить в обществе и не быть социалистом (социальный — значит, общественный, коллективный) невыгодно. Поняли и сделали шаги навстречу нашей системе с тем, чтобы частично потрафить идее всеобщего равенства, которая всегда была и будет мечтой лучших умов человечества, а с другой стороны не допустить в своей среде тех вывертов в виде всеобщего огосударствления и централизации управления всей жизни общества, что мы настойчиво и твердолобо осуществляли и защищали.

Поэтому социалистические идеи — это знамя XX века, и пока мы размахивали этим знаменем, многие страны и правительства реализовывали эти идеи на практике — без громких слов, а деловито. Ну, как тут не вспомнить фильм «Джек Восьмеркин — американец». Наши краснокосыночницы и красnobантовцы под красными флагами ходили по всей деревне, а американец, привлеченный этими же идеями, пахал и сеял, создавая материальную базу социализма. И я не виню наших людей. Просто на Руси всегда было впереди слово, в потом — дело, если для него оставались силы и время.

Наши идеологи первых лет революции слишком понадеялись на сознательность общества, а оно оказалось весьма неоднородным и весьма неподготовленным для этой миссии. Вот и пришлось (и это не злая воля злого гения, а во многом объективная необходимость) спасти не идею, а страну, и спасти не теми демократическими методами, которые просто еще не прижились на российской почве, а более привычными для россиян методами железного диктатора. И ведь спасли, чтобы сейчас об этом ни говорили новоявленные интерпретаторы истории. И железной рукой проведенная индустриализация, и даже насильственная коллективизация были объективно необходимы для принятого Россией ортодоксального социализма.

Искренняя эйфория в связи с несомненными успехами Страны Советов в области промышленного производства, в области всеобщего образования, бесплатного медицинского обеспечения и во многих других сферах экономики и социальной жизни умело сопровождалась партийно-правительственной пропагандой, убедившей всех и вся в неодолимости социалистического строя.

ВОВ была выиграна благодаря многим субъективным и объективным факторам, в первую очередь, обширным промышленно-географическим размерам, всосавшим в себя и растворившим в себе немецкие войска, способные к «блиц-

кригу», а, главное, благодаря сознательной дисциплине наших граждан, в коих патриотические чувства возобладали над остальными. Чувство общности народа (а не классов) является национал-социальным чувством, прерывающим немецкий национал-социализм, в котором были сильны индивидуалистические начала.

Но подобно Отечественной войне 1812 г., когда русские солдаты увидели и другую жизнь, жизнь в несоциалистических странах для солдат и офицеров 1945 г. оказалась отрезвляющим душем. И трудно стало жить на одном патриотическом энтузиазме.

И опять мы упустили момент — продолжали эксплуатировать энтузиазм народа, вместо того, чтобы дать ему возможность соединить индивидуальное предпринимательство в производстве с коллективным социалистическим принципом распределения.

Конечно, за счет жесткой централизации мы опять многого достигли — восстановили разрушенное войной хозяйство, создали атомную промышленность, освоили космос. Великая честь и хвала тем, кто сделал это. Но уповать на прежние достижения, не заботясь о том, что новое время, время интеграции народов, требует не замыкания экономики и жизни внутри пространства, огороженного берлинской стеной, а интеграции хозяйственных и социальных методов, все это похоже на охотника, ранившего зверя и уповающего на добычу. А зверь-то так поддал нам, что мы не только не обогнали Америку, а остались лежать в полубездыханном состоянии.

И опять в конце 60-х годов умные западные экономисты (Гэлбрайт и др.) призвали к конвергенции, а мы снобистки зашорено отмахнулись от этих идей, более того, объявили их враждебными нашим идеям. Вот уж воистину не ведали, что творили.

А Запад не погнушался взять у своих идеологических противников все, что было у нас заслуживающего внимания: и государственные социальные программы, и планы, и соревнование как разновидность конкуренции, может быть, не столь очевидное, но действенное средство повышения производительности коллективного труда.

В США и других развитых капиталистических странах степень государственного регулирования экономики, политики, социальной жизни несколько не ниже нашей. Но это регулирование, а не диктат. И это регулирование личной частной индивидуальной деятельности граждан. Особенно в Швеции: производством занимаются частные фирмы, но все они кооперированы в вопросах сбыта, переработки, снабжения. Вот и наши колхозы должны были стать такими индивидуально-кооперированными хозяйствами. И пора перестать спорить о том, что лучше — индивидуальный или коллективный сектор хозяйствования. Хорош их синтез, а не баррикады друг против друга.

Что это «было»?

(попытка анализа событий августа 1991 г. и сентября 1993 г.

во время самих событий)

Сегодня, когда опасность не миновала, а лишь отодвинулась за спину, особенно важно не эйфористическое восприятие событий, а попытка понять, почему они имели место и сохранятся ли условия для этого в будущем.

Сработала классическая формула «Верхи не могут, а низы не хотят жить по-старому». Она подходит и для объяснения причин путча, я для объяснения причин его неудачи.

Прав Горбачев, когда назвал одной из главных причин поражения путчистов то, что народ за годы перестройки стал другим, он уже не собирается слепо слушать руководящие ЦУ, а по многим вопросам каждый гражданин начинает иметь собственные мнения.

Вот этого и не поняли лидеры КПСС, которые обратились не к людям, объясняя им свои призывы и призывая последовать за ней, а схватились за палку. А она — о двух концах.

21 сентября 1993 г.

Да, в России скучать не приходится. Столкновение лбами двух лидеров на узком бревнышке нашего существования закончилось запрещенным ударом в пах одному другим. Вместо того чтобы обоюдно добровольно уйти в отставку, предложив одновременные выборы обеих ветвей власти, сделана силовая попытка одного свалить другого. Два мнения в России ужиться не могут. В случае противоречий вместо поиска виноватых начинается наказание невиновных.

То, что было объявлено, чистейшей воды демагогия. За исключением одного справедливого факта, что депутаты частенько голосуют друг за друга. А в остальном «хороши» оба. Публичный оскорбительный жест спикера парламента по поводу Президента, естественно, спровоцировал того на решительные действия.

Но реакция на личное оскорбление неадекватна, т.к. обращать силу Президента на такие «мелочи», значит, забывать о главном.

А, главное в том, что жизненный уровень населения падает катастрофически. И дабы отвлечь народ от этих повседневных забот, придумывают либо пустые киносерии, либо врага в собственном доме.

Если поведение Б.Н. на танке 2 года назад, его решительное противостояние ГКЧП, конституционные прегрешения которых были столь малы по сравнению с нынешними, вызывали чувство уважения, то принятие им сегодняшнего кавалерийского указа никак не отнесешь к разряду мудрых и законных. Даже Г.Х. Попов вынужден был признать их антиконституционность, хотя и пытался говорить о малой и большой легитимности.

Ложь не имеет размера. Она — ложь.

Опять приоритет революционного правосознания по сравнению с законностью.

Но ведь «ежу понятно», что нарушившему закон в малом ничто уже не мешает сделать это и по-крупному.

А нынешний Указ просто-напросто ликвидирует Верховный Совет, за что импичмент должен быть объявлен незамедлительно. И, похоже, так оно и было сделано, но властнопоислушные СМИ замолчали и заявление Руцкого и заявление Хасбулатова.

О каком правовом государстве можно говорить, если Президент объявляет, что Конституция действует постольку, поскольку та не противоречит данному Указу, и это пытаются выдать за законный акт. О, страна! Почто тебе досталась такая участь — быть послушной лошадей под седлом ерзающего от нетерпения седока.

И все-таки народ мудрее своих правителей. На местах органы представительной и исполнительной властей, хотя и придерживаются разных, а зачастую полярных оценок происходящего, понимают, что противостояние — не лучший способ решения проблемы. И идут навстречу друг другу, ищут если не взаимопонимания, то компромисс. И они видят его в одновременных досрочных выборах и Президента и парламента. Пожалуй, это могло бы успокоить страсти и перейти к следующему этапу — подготовке таких выборов. Предложение о полугодовом сдвиге между выборами парламента и последующих выборов Президента обосновывается Б.Н. невозможностью оставить Россию без руководства. А его и так нет.

Регионы заняли не только выжидательную позицию, но и просто отторгают центральную власть, от которой они не видят никакой помощи и проку. А это и есть — развал России под словесный гам о «единой и неделимой».

За что воет Виктор Суворов?

(по поводу книги «Ледокол» — Кто начал вторую мировую войну?)

Забыв на время, кто такой Виктор Суворов, попытаемся оценить, что же нового сказал он своей книгой, в которой излагает собственное мнение по поводу событий 1939-41 гг. Разумеется, любой автор имеет право на собственную точку зрения и даже на то, чтобы ее публично высказать. Хотя так было (у нас, по крайней мере) далеко не всегда, и вполне уместно перед началом книги цитировать Вольтера:

— Я не согласен ни с одним словом, которое Вы говорите, но готов умереть за Ваше право это говорить. (Хотелось бы найти полный текст Вольтера, откуда взяты эти слова, ибо их отрывочное представление внушает некоторое сомнение, за что же в действительности был готов умереть великий философ).

Однако попытка сопроводить книгу безапелляционным суждением журнала «Интернэшнл дифено ревью» (Женева, сентябрь 1989г.) о том, что «мнение Виктора Суворова в области обороны становится общественным мнением. Он его формирует», — сразу вызывает недоверие.

Мнение В. Суворова о том, что заряженное ружье рано или поздно выстрелит, тривиально. А по поводу интригующего подзаголовка, кто же начал вторую мировую войну, автор не сообщает никаких новых фактов кроме собственном интерпретации известных вещей. И выдавать эту интерпретацию за общественное мнение — это попытка выдать желаемое за действительное, навязать читателю собственное мнение рецензента. Попробуйте, мол, не согласиться, если общественное мнение уже сформировано. Попробуем.

Отметим 3 момента, которые автор пытается поставить во главу угла своего «исследования»:

- «открытие» автором «тайных» намерений коммунистов «завоевать мир»;
- «открытие» автором «тайных» намерений Сталина вести наступательную войну с Германией на ее территории после того, как она будет обескровлена в борьбе с Западом;
- желанием автора провести новый Нюрнбергский процесс и «повесить Кузнецова, Жукова, Молотова» (непонятно, почему не Сталина).

По поводу первого «открытия». Это — секрет полишинеля. Марксисты во всем мире (а не только в России), и в первую очередь сами основатели этого отнюдь не национального, а классового учения ратовали, чтобы их идеи завоевали весь мир. Вспомните хотя бы «Интернационал» — гимн коммунистов всего мира, где, что ни слово, то призыв к разрушению старого мира и возведению нового здания, в котором будут новые хозяева — партия рабочего класса.

Стремление к «завоеванию» мира свойственно любой идеологии. Походы крестоносцев для «защиты» Гроба Господня, война Антанты с Советской Россией — разве это не стремление повсюду насадить свои идеалы. А сегодняшние претензии США на, то чтобы силой утвердить «человеческие ценности» по американскому образу и подобию на всех континентах, неизменно объявляемых ими зонами национальных интересов США: от Гренады до Персидского залива, от Вьетнама до Сомали. При этом даже в 90-е годы XX столетия не гнушаясь применять напалм и другое оружие массового уничтожения. Даже если оценивать с сегодняшних позиций присоединение Прибалтийских государств к СССР как аннексию (это выходит за рамки данного комментария), то это никак не противоречило мировой практике того периода да и нынешнего. Только сейчас на смену военной силе приходят более изощренные методы «проталкивания» своей идеологии. Так что обвинения руководства СССР в какой-то особой завоевательской роли мирового господства — это попытка не воздать каждому за дела его, и воздать за намерения, истинность которых очевидна лишь для автора и его единомышленников. А вообще — это попытка не объективного исторического освещения событий, а попытка с одних идеологических позиций «заклеймить» своих противников. Страдали этим и коммунисты, но и «адепты» буржуазной свободы, к сонму которых примкнул В. Суворов, не изобрели ничего нового, а более изощренно действуют по принципу «держи вора».

Я подчеркиваю, что с сегодняшних позиций можно и нужно бороться с попытками силового передела мира в пользу любой из идеологических догм, но в историческом плане В. Суворов по этому поводу никаких «открытий» не сделал. Считая, что Сталин провоцировал Гитлера на захват власти с целью борьбы с капиталистами старой Европы, автор, скорее всего, недалек от истины. Но за это надо, с исторической точки зрения, не хулить, а хвалить Иосифа Виссарионовича. Ибо любой стратег старается в максимально возможной степени решать свои задачи не лобовым методом, а своими политическими действиями ослабляя противника физически. Все так поступали; наверное, будут и впредь, стараясь меньше растратить сил своего собственного класса, собственного народа либо другого союза единомышленников.

И если Сталин «переиграл» Гитлера тем, что заставил его воевать на два фронта, то это говорит об известной политической мудрости тогдашнего российского руководителя. И, надо отдать должное, В. Суворов не пытается представить хозяина Кремля глупцом, параноиком, идиотом, что свойственно некоторым новоявленным историкам. Но ведь Сталин и не скрывал своих намерений в стратегическом плане, хотя пытался переиграть противника в определении момента наиболее удобного начала военных действий, ежели таковые неизбежны.

Была ли неизбежна вторая мировая война? Можно лишь гипотетически предполагать возможность в первой половине XX века «мирного» передела мира — экономическими либо психологическими методами. Попытки передела мира были неизбежны. Победа социализма в России могла быть окончательно закреплена либо полупроводниковым занавесом, допуская проникновение коммунистической идеологии вовне и препятствующим воздействию идеологии меркантилизма и индивидуализма в Россию, либо попыткой силовой поддержки соидеологов, пришедших к власти в той или иной стране, граничащей с Советской Россией. В любом случае эйфория от этой победы была столь впечатляюща, что и политическая и военная доктрина советского руководства никогда не ограничивалась пассивно-оборонительным поведением. Как и любая страна мира, Советская Россия морально и материально поддерживала своих соидеологов во всех странах, и готова была прийти к ним на помощь по первому зову.

Но обвинять СССР в агрессии ни у кого в истории не было оснований. Принципиальное различие поведения Гитлера и Сталина не как личностей, а как носителей той или иной идеологии заключается в том, что Гитлер был агрессором-авантюристом, исходя из расовой идеологии, проповедовавшей человеконенавистнические чувства ко всем неарийцам, а Сталин, как правило, готовился силой поддержать прокоммунистические режимы, исключая войну с Финляндией, в которой Советский Союз действовал как держава, претендующая на передел границ, во всех иных случаях советское руководство действовало по призыву тех сил, которые были у власти в соседних государствах. И хотя морально можно и нужно осуждать это руководство и за Венгрию, Чехословакию, Афганистан, но принципиальное отличие Гитлера от Сталина в том, что именно фашизм начал вторую мировую войну неспровоцированным нападением на Польшу, а до этого —

аннексией Австрии, захватом Дании, Чехии на основе националистических и территориальных притязаний.

Так что «открытие» В. Суворова, обнаружившего стремление русских воевать не на своей территории, а на европейском плацдарме, это попытка самоутверждения автора в том, что ни для кого не было секретом. Он же цитирует в начале 12-ой главы полковника А.И. Родимцева на XVIII съезде партии в 1939 г. «В грядущих боях мы будем действовать на территории противника. Так предписывают наши уставы». Полковник А.И. Родимцев не излагал свое собственное мнение и не раскрывал никакие военные секреты; «так предписывают наши уставы», такова советская военная доктрина — была и есть. Да и не только советская. А разве английский и американский военно-морской флот базируется в гаванях Великобритании и США. А разве американцы когда-нибудь вели оборонительные войны на своей территории. Так разве за это их надо судить новым Нюрнбергским процессом. Что-то такого предложения не делает «историк» и «судья» В. Суворов.

Агрессор, по юридическим понятиям, не тот, кто готовится «громить зверя в его собственной берлоге», куда уползет истекающий кровью хищник после нападения на людей. Агрессор — тот, кто первым перешагнет свои границы и вторгнется без спроса в чужие владения. Таким агрессором Советский Союз во второй мировой войне не был и потому на риторический вопрос автора «кто начал вторую мировую войну?» никакого нового ответа В. Суворов не дал. Агрессором был фашизм, за что и был коллективно разгромлен объединенными усилиями коммунистов и капиталистов в его собственном логове и осужден международным трибуналом.

Попытки уравнивать вину Сталина и Гитлера в этой войне не новы и несостоятельны и лишь провоцируют поиски врага не там, где поднимает снова голову возрождающийся нацизм или претендующий на единолично устанавливаемый «мировой порядок» американский воинствующий империализм, а там, где в «холодной войне» благодаря «пятой колонне» таких как В. Суворов терпит не моральное, а физическое поражение великодушный русский народ, прощавший и своих прямых супостатов и своих предателей. Как бы жалостливо ни просил пощады В. Суворов у своего отца, брата, у своего народа, ссылаясь на то, что он защищает свою идею, судим автор не за «идеологическое прозрение», а за попытку обвинить не только советское руководство, а советский народ в мировой агрессии.

20 миллионов советских людей, павших во второй мировой войне, которая стала для них Великой Отечественной войной, содрогнутся цинизмом такой идеи. И восстанут мертвые, те, что «смертью смерть поправ», принесли Миру свободу от человеконенавистнического фашизма, восстанут и пустыми глазницами взглянут в глаза нового «идеолога» — «Да как же не стыдно». Но... спите спокойно. Защитить вашу добрую память — удел живущих.

О Маяковском, поэзии и вечном искусстве

(о гражданственности литературы)

Личность рождается не от самой себя, ей нужно общественное порождение. Общество — не аморфная масса. Если бы это было так (если бы его энтропия была близка к нулю), то это было бы смерти подобно. Негэнтропия является признаком развития. Вот почему общество аккумулирует в какой-либо своей части, наиболее подверженной духу возмущения, потенциальный заряд, способный нарушить устойчивый привычный уклад жизни. И если этот заряд саккумулирует в себе Человек, обладающий генетическими способностями мыслить, чувствовать, действовать нешаблонно, рождается Личность.

Начало XX века создало в России (а она расположена не на отгороженном от мира острове, а являлась хотя и окраиной цивилизованного мира, но той его частью, где дух бунтарства всегда был ощутим) ситуацию, когда общество не могло развиваться далее эволюционным путем. Именно окраина наиболее способна на революцию. Бифуркации возникают не в середине системы, а на ее периферии.

Если партия — организатор революции, то литература — ее глашатай, ее буреветник.

К сожалению, Горький, хотя и был провозвестником литературы нового типа, нацеленной на образное поэтическое осмысление и переустройство жизни, не считался ее основателем. Роман «Мать», если снять с него позднейший хрестоматийный глянец, скорее исключение в его творчестве, а не правило.

И только Маяковский стал новатором, творцом новой поэзии. И пусть юношеская революционная деятельность стала лишь эпизодом его жизни, она, несомненно, во многом, определила выбор его последующей позиции.

Литературное общество (точнее оказать, среда) пыталось через разных своих представителей выразить и свое отрицание прошлой жизни, и готовность творить новую. Разумеется, в жизни мало что предопределено, и потому Личности необходим и внешний антураж, чтобы стать заметным явлением, кристаллизатором нового состояния среды. Но из всех «измов» (футуризма, имажинизма и т.д.), «лефов-рефов», желтой кофты — внешних атрибутов выростала и возвышалась Личность, ставшая на долгие годы «призванным и мобилизованным революцией» создателем и лидером новой поэзии.

Величие Маяковского не в том, что он изобрел лесенку, не в его возмутительстве, а в том, что он впервые совместил в поэзии три начала: окровавленную (не истекающую, а питающуюся кровью) душу свою (только у В. Высоцкого в лучших его песнях можно встретить такую же большую и открытую людям душу), новый поэтический строй, рожденный как отзвук голоса масс и возвращаемый массам же в виде образной речи, и главное — нацеленностью поэзии на революционное преобразование мира, на конкретные дела по его переустройству.

И все это — не как отражение внешних факторов, а пропущенное и усиленное через свое «Я». Недаром Маяковский так часто подчеркивал, что говорит от первого

лица. Такого соединения партийной нацеленности на практическое переустройство жизни с глубоко личным мироощущением и новаторством языка и образов до сих пор в литературе нет. Многие и прежние и современные поэты и прозаики таким единением в себе всех трех начал так и не обладают.

И даже после Маяковского, показавшего пример органического соединения Личности с общественным началом, соединения новой формы и нового содержания поэзии, многие поэты пошли не вперед, а назад, к классическим ямбам, хорям и т.д., к воспеванию своего Я, не оплодотворенного заботами, которыми болеем «МЫ» — конкретное общество, конкретный народ конкретной страны в конкретный исторический отрезок времени.

Попытки витийствовать на общечеловеческие темы любви, благостности природы, бренности жизни, свойственные таким ярким поэтическим звездам как Ахматова, Пастернак, Цветаева, Есенин, Э. Стюарт (она ничем не хуже многих общепризнанных поэзинь) хороши на «сытый желудок» при естественном желании человека оторваться от дел насущных. Разумеется, стихи этих весьма почитаемых мной поэтов облагораживают душу, что в наш урбанистский век очень и очень немаловажно, но когда видишь их социальную пассивность (а иногда к ним присовокупляют и откровенных эмигрантов), понимаешь и чувствуешь, как беден мир, которым они себя ограничили и которым ты ограничиться не можешь. С другой стороны, Симонов и Твардовский, при всем их несходстве, мне очень импонируют тем, что сумели поэтически выразить общенародную боль, радость и чаяния. Но их язык слишком традиционен, не несет в себе черты грядущей образности и формы.

Разумеется, никто не собирается упрекнуть их в том, что они не пишут лесенкой под Маяковского (повторение формы уже не возвеличивает поэта — от слова личность), но дух новаторства формы под стать отображаемой жизни у них развит недостаточно.

Все-таки в большинстве своем поэты через свое Я отображают жизнь, ее различные позитивные и негативные аспекты, отображают через свое Я внутренний мир человека. Но этого мало. Поэзия должна стать не зеркалом, а путеводной звездой.

Может быть с чисто литературоведческой (технологической) точки зрения есть недостатки у романа Н. Островского «Как закалялась сталь», но это — воспитывающее не дидактически, а образно произведение не для избранных, а для многих поколений.

Маяковский же совместил в себе поэта и чернорабочего, что и придает ему непреходящее значение в русской литературе и советской действительности.

Общественное бытие и индивидуальное мироощущение

(«*Душа человека при социализме*» — О. Уайльд, Соч. в 2-х т., т. 2,

М.: «Республика», 1993 г.)

«Социализм, Коммунизм — называйте как угодно — благодаря превращению частной собственности в общественное достояние и выдвиганию кооперации взамен конкуренции возвращает общество к нормальному виду, преобразуя во вполне здоровый организм и гарантируя материальное благополучие каждого. По сути говоря, он создает нормальную основу и нормальную среду для Жизни. Однако для наиболее полного развития Жизни на пути к наивысшему совершенству необходимо нечто большее. И это — индивидуализм» (с. 346).

Как это перекликается с недавними программными документами КПСС, декларировавшими, что непременным условием развития Каждого является непременное условие развития Всех. Только в Обществе проявляется истинная индивидуальность Человека. «Социализм будет ценен исключительно потому, что он приведет к Индивидуализму» (с. 345).

Истинная цель общества — не умиление и христианское сочувствие страждущим, а попытка преобразовать самое себя, дабы покончить с нищетой и другими язвами социальной несправедливости.

Конечно, при этом очень важно понимать, что развитие и природы и общества и человека — это не путь с односторонним движением, а единство и борьба двух противоположных тенденций — стремление к социальному равенству и духовному индивидуализму.

Частная собственность стимулирует материальное развитие, по-видимому, лучше, чем обезличенная кооперация. Но она и порождает те пороки общества, которые органично присущи расслоенному обществу. Где одни — унаваживают почву, а другие — вдыхают аромат цветов.

И траекторий движения может быть две: одна — революционные переходы от крайности к крайности — то частная, то общественная собственность, то капитализм — то социализм; другая категория — это эволюционная флуктуация с малой амплитудой шараханий, своевременное преодоление начинающих проявляться пороков того или иного плана в системе индивидуализм-коллективизм. Это — не застывший компромисс, а непрерывное предотвращение крайних перегибов, работа на опережение. Современный западный мир, особенно Англия, а отчасти и Япония дают хороший образец такого социального партнерства между личностью и обществом.

Партия тори — за цивилизованное развитие производства преимущественно за счет частнособственнических усилий владельцев капитала; партия лейбористов — за усиление социальных начал в жизни общества. Попеременно сменяя друг друга в моменты времени, когда меняются не сами интересы общества, а их производная, эти партии достигают определенной гармонии между общим и частным, между «Я» и «МЫ», сохраняя мир и прогресс в развитии своих стран. Гармония достигается не

путам омертвления тенденций, а путем их последовательной заблаговременной смены, индикатором необходимости которой служит прогноз общественного настроения.

К сожалению, в России всегда были развиты стремления идти по траектории «от упора до упора».

Поэтому в России социализм — это порождение западного мышления, лежащее на благодатную почву большего социального неравенства и на биологическое стремление русских к экстремизму, приобретал столь крайние формы проявления. Уж если равенство, то абсолютное, если братство — то поголовное. И даже семьи — общие, хотя это вовремя и было предотвращено. А ведь эта абсолютизация равенства и однородность людей противоестественна для человеческой природы. Как противоестественно для человеческой природы стремление к покою, раз и навсегда заданности.

«Эволюция есть закон жизни» (с. 370).

Разумеется, О. Уайльд не пытался дать какое-либо законченное социологическое учение. Это, на мой взгляд, в значительной степени на основе обобщения всех условий материального и духовного развития Личности и Общества, на основе обобщения предшествующих философских, экономических и этических учений дали основоположники научного социализма и коммунизма. Не надо только абсолютизировать и канонизировать классиков и их идеи. Но надо отталкиваться от них, чтобы «плыть дальше», а не баламутить воду позади себя.

О. Уайльд дает свой вклад в эстетику миродвижения, говоря о том, как Индивидуализм порождается Социализмом и порождает его саморазвитие.

Частная собственность и Индивидуализм трудно совместимы.

«Человек по природе своей существо общественное» (с. 372). Этим признанием эстет О. Уайльд полнее характеризует Человека, чем певец абсолютного Индивидуализма Ф. Ницше и другие.

«Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» — этот тезис классиков марксизма-ленинизма есть синоним тезиса О. Уайльда.

«Признание обществом частной собственности на самом деле для Индивидуализма пагубно, оно угнетает это, т.к. о человеке начинают судить, исходя из его достатка, а не из личных его качеств... Истинное совершенство человека определяется не тем, что у него есть, но тем, что он сам собой представляет... Частная собственность, разрушив истинный Индивидуализм,... лишила одну часть общества индивидуальности, повергнув ее в нищету. Она лишила индивидуальности и другую часть общества, обременив ее заботами, толкнув на неверный путь» (с. 349).

В обществе, где правит дух частного предпринимательства, дух наживы, где «посягательство на частную собственность карается (законом) с большей суровостью, нежели оскорбление личности, где по масштабам частной собственности судят о достоинствах граждан» (с. 350), нравственные идеалы уступают место стяжательству.

«С упразднением частной собственности мы получим истинный здоровый Индивидуализм. Никто не станет растрачивать жизнь на накопление вещей и символов вещей. Человек станет жить» (с. 350). Еще Иисус говорил, что «человек достигает совершенства не благодаря тому, что имеет, даже не благодаря тому, что делает, но всецело благодаря тому, что носит в себе» (с. 352).

Понимая, что «индивидуализм содержит и спорные моменты» (с. 353), в частности, отрицание семьи и брака в его нынешней форме, все же О. Уайльд утверждал, что «Индивидуализм — это то, к чему придем мы через Социализм». И будущее государство должно отказаться от идеи управления индивидуумами. Еще за много столетий до Христа китайский мудрец Чжуан-Цзы говорил, что, «истина в том, что человечество должно быть свободным, а не в том, что им следует управлять. Все формы правления несостоятельны. Деспотия — это несправедливость ко всем. Олигархия, — несправедливость по отношению ко многим, охлократия — к избранным... Демократия — не что иное как припугивание толпой толпы в интересах толпы...» (с. 354).

«При Социализме и Индивидуализме оно (чувство собственности) отомрет... Государство должно стать добровольным объединением организаторов труда, производителем и распределителем необходимых предметов потребления. Государство должно производить полезные вещи. Индивидуум должен создавать прекрасное... Техника должна служить человеку... Что это, Утопия?... Прогресс есть претворение Утопий в жизнь» (с. 356-357).

Действительно, многое в рассуждениях О. Уайльда о будущей роли государства утопично. Природа Человека — это не только кладезь Добра, но и сонмище Зла, с которым нельзя не бороться и силой закона, власти и силой общественного мнения. Утопично и то, что только морально-нравственные поучения способны организовать жизнь общества. Нет, государство в той или иной форме, стремясь к системе общественного народоустройства, будет долго, если не вечно, формой этого народоустройства. И будет прибегать не только к моральным, но и силовым методам для наведения общественного порядка, устои которого будут выбраны самими людьми по подсказке своих водителей. Здесь — необъятное поле для развития взаимоотношений «человек (индивидуум) — общество». Но обоснованным и оправданным, особенно в устах эстета, а не социолога О. Уайльда, является тезис о том, что «общественное мнение» исходит из лучших побуждений, стремясь **контролировать поступки людей**, однако становится преступным и зловредным, когда стремится контролировать **Мысль или искусство**» (с. 362).

И здесь О. Уайльд буквально вопиет против деспотии. Деспотии Государя над телом, деспотии Церкви над душой, деспотии Черни (толпы, общественного мнения) над Индивидуализмом. Особенно его возмущает пресса, которая теперь заменяет средневековую дыбу, угождая низменным потребностям публики, вторгаясь в частную жизнь мужчин и женщин, нередко через замочную скважину, вторгаясь в творчество Художников.

«В нашей стране самые профессиональные в мире журналисты и самая непристойная печать» (с. 364). Это чрезвычайно актуально и для России конца XX века, ибо четвертая власть сегодня вышла на первое место в формировании образа жизни граждан благодаря сверхдоступности «голубого экрана» и других средств массовой информации. А так как сами СМИ зависят от власти денег, то они и формируют те искаженные идеалы «человеческого бытия, против которых еще сто лет назад» выступал и О. Уайльд.

Это касается не только материальных, но и духовно-нравственных идеалов, формируемых средствами искусства.

«Произведение искусства должно влиять на зрителя, а не зритель на произведение искусства» (стр. 365). В искусстве важно не то, что уже есть в жизни, а то, что Художник видит и открывает зрителю новое видение мира. «Свойство человека посредством воображения и в воображаемых условиях познавать новые и прекрасные ощущения и есть то самое исключительное свойство, которое способно оценить произведение искусства» (с. 365).

Поэтому «диктат над художником и его творчеством — нелепость», само обкрадывание общества, лишение человечества возможности познавать новое, а, следовательно, жить.

И хула так называемому эгоизму художника как его временной непонятности другим — это отторжение новаторства, сведение искусства к копированию уже известных истин — это замораживание, самоторможение эстетического развития человечества. Разумеется, не все новое закрепляется. Многие — лишь проба, не закрепляющаяся затем в сознании и восприятии зрителя. Но чем больше индивидуальных проб, тем больше вероятность общего эстетического саморазвития человечества.

«Эгоизм не в том, что человек живет, как хочет, а в том, что он **заставляет** других жить по своим принципам... Думать о себе не есть эгоизм... Но крайне эгоистично требовать от ближнего мыслей и суждений, подобных своим» (с. 370).

Можно судить за поступки, но нельзя судить за образ мыслей.

Мысль будит сочувствование. Индивидуальные мысли художников больше делают для нравственного сообщения людей, чем властные призывы политиков толпы и власть имущих.

«Сочувствие радости способствует преумножению радости на земле, сочувствие боли вовсе на умаляет самой боли» (с. 371).

Эпоха Возрождения тем и прекрасна, что выдвинула идеал человека в радости, противоречащей христову идеалу мученичества и святости. Христос — «он нищий с необъятным сердцем, он — прокаженный с божественной душой, он — Бог, воплощающий свое совершенство через боль». Через страдания на земле — к потусторонней радости, через тернии — к звездам.

«Ни один из современных россиян не способен самовыразиться иначе, чем через боль... мироощущение русских художников близко к средневековому, т.н. доминирующий мотив — самовыражение через страдание».

Индивидуализм страдания — это и экзистенциализм Кирьегора.

Социализм в отличие от христианства ратовал за жизнь обетованную на Земле. И то, что эти идеалы насаждались силовым путем, не должно нас стремить к отторжению самих идеалов радости жизни. И социалистическое искусство по духу своему было далеко от упадочнического декаданса. Это не следует забывать, не следует вместе с формой реализации выбрасывать и содержание социалистических идей, которые всегда несли в себе идеалы Гуманности, идеалы духовного развития Человека, с которого сняты путы частной собственности, путы боли и отчаяния, путы пессимизма и неверия в собственные, а не в потусторонние провиденциальные силы.

«Наше современное общество предполагает покончить с нищетой и лишениями..., стремится избавиться от боли и от мук... И в действиях своих оно опирается на Социализм и Научную Мысль. Оно движется к Индивидуализму, воплощаемому в радости. Индивидуализм станет в будущем многомерней, полнее, прекрасней... Боль не есть наивысшая степень совершенства. Это лишь преддверие, лишь реакция протеста. И это связано с порочными, болезненными, несправедливыми условиями жизни. Когда же порок, болезнь и несправедливость исчезнут, тогда не будет больше боли...

Но человек не испытывает жалости утраты. Ибо то, к чему он стремится, не есть только боль или только наслаждение, но сама Жизнь... Наслаждение — мерило Природы... Когда человек счастлив, он в гармонии с самим собой и с окружающим миром. Новый индивидуализм, на службе которого состоит, сознает он это или нет, Социализм явится идеальной гармонией» (с. 373). К этому стремились и древние греки посредством Мысли и Возрождение посредством Искусства. Но достичь не могли, т.к. имели рабов, и содержали их, и угнетали их.

«Новый Индивидуализм — это новый Эллинизм» (с. 374). Так говорил О. Уайльд сто лет назад.

Мудрость предков — наша сила.

Энергия и стиль жизни

Мой покойный учитель профессор Эдуард Степанович Лукашов говорил:

— Если хочешь понять завтрашний день, слушай ученых. Если хочешь понять направление жизни — слушай поэтов.

Мироощущение поэтов полнее отражает чаяния человека, его стремления не только к материализации бытия, к рациональному устройству собственной и общественной жизни, но и к трансцендентальности мышления, пониманию своего места в ноосфере.

Конечно, физиологические потребности человека в пище, воде, воздухе оказывают более существенное влияние на поведение индивидуума, но и требования комфорта своего жилища, своей среды деятельности обитания становятся все более значимыми.

Тепло и свет домашнего очага; уют, создаваемый ненавязчивым, но и незаменимым сервисом электробытовых установок, электрифицированного рабочего инструмента; замена изнурительного и малопродуктивного физического труда на повсеместное применение машин, не только напрямую использующих различные энергоносители, но и созданные благодаря целенаправленному энергетическому (механическому, физико-химическому, технологическому) преобразованию исходного природного сырья в новые материалы и конструкции; потребность в коммуникабельности, осуществляемая с помощью различных энергетических транспортных движителей, — все это энергетическая основа современного человеческого существования.

Потребность человечества в энергии возросла не просто многократно, но и на порядки. За годы своего существования земляне израсходовали 2 триллиона тонн условного топлива, причем половину этой величины — за последние четверть века. И, если верить прогнозу ученых, то энергопотребление сохранит свой безудержный рост. Но, если прислушаться к поэтам, то человечество не станет самоубийцей, а поймет необходимость ограничения своих потребностей в пользу сохранения природных ресурсов и природной среды обитания. Экологические границы энергетического роста уже появились на горизонте.

Не надо только противопоставлять одно другому. Надо чаще обращаться к воззрениям древних, которые лучше нас, к сожалению, умели понять и оценить смысл жизни человека и всего живого. Древнегреческий «экос», от которого произошло нынешнее опоэтизированное понятие «экология», означает «дом, жилище, местопребывание».

Голоса минувшего будущего

Время — это удаленность «Я» от предмета моего внимания, как по координате продолжительности «прошлое — настоящее — будущее», так и по глубине восприятия созвучного и диссонирующего в душе.

Настоящее — это всегда утрата прошлого и обретение будущего. «...За счет того, что потери считались меньшими, чем приобретения, идея прогресса жила» (Арс. Гулыга. Русская идея и ее творцы. М: Соратник, 1995, 10 с). Сегодня — баланс отрицателен. Но и вернуться назад в серебряный век русской культуры, отказавшись от несомненных достижений своего недавнего прошлого, — это значит не подняться вверх по спирали жизни, а спуститься вниз, потеряв прожитый опыт. Потеряв не только для себя, но и для всех будущих поколений, которым придется приобретать его заново, учась уже на собственных ошибках. Ибо есть вечные проблемы: научиться ходить, научиться разговаривать, научиться любить — которые должен освоить

каждый самостоятельно. Но если есть рядом умный наставник, который уже прошел через все это, навыки придут не безболезненно, но быстрее.

Одна из таких вечных человеческих проблем — смысл жизни. Для русского человека эта проблема идентифицируется с проблемой положительного идеала, состоящего в гражданско-соборном служении Русской Идее, определяющей не только индивидуальное отношение к своей Родине — России, но и ее роль в истории всего человечества.

Русская Идея — это вневременное понятие для всякого, в ком говорит если не голос русской крови, то осознание себя принадлежащим к этому великому и еще не до конца понятому народу.

«Россия — семья народов» (Вл. Соловьев). Но все семьи счастливы — одинаково, а несчастна каждая — по-своему. В единой российской семье «славянофилы любили Россию как мать, а западники — как дитя» (Н. Бердяев. Русская идея, цит. по Арс. Гулыга, с. 15). А. Блок воспринимал Россию как «жену поэта».

Может быть, именно это семейно-любное отношение россиян к своей Родине и позволило И.А. Ильину высказаться: «Русская идея есть идея сердца» (с. 236).

Однако это мало о чем говорит, так как любая идея — это прежде всего голос разума и души, голос, проходящий через сердце. В противном случае это будет уже не идея, а бесчувственная догма. Идея же — это самовыражение всего «Я», его соборного начала, выражение всего МЫ, объединяющего группу лиц в единое синергетическое (согласованно действующее) целое потому или иному организующему принципу.

Эта группа может формироваться по языковому, этническому, классовому, национальному, духовному и по множеству иных принципов общественных образований. Главное — что объединяет группу — это ее идея, консолидирующая в одних рядах самых разных индивидов. Эта консолидация — далеко не однородное собрание, а, как правило — четко организованная иерархическая система со своими лидерами-идеологами, распорядителями-организаторами и сознательными исполнителями.

К сожалению, книга Арс. Гулыги, как и многие цитированные в ней первоисточники «творцов русской идеи», не дают полного и убедительного раскрытия заявленной темы. Не потому, что эта идея не далась в руки величайших мыслителей России начала XX века, а потому, что Русская Идея — идея столь многообразная и непрерывно обновляющаяся в свете происходящего в мире, что для каждого человека в момент «теперь» она — своя соборная.

Поэтому и мне хочется внести свою лепту в раскрытие этой вечно живой для всякого русского Идеи, ставшей в конце нынешнего столетия актуальной не только в теоретическом, но и в чисто практическом смысле. Практичность этой проблемы заключается в том, что обретение Россией своей собственной государственности в конце нынешнего столетия не может быть долговечным и действенным без опоры на объединительную Русскую Идею, понятную и близкую всем проживающим на ее

территории представителям разных народов и национальностей, а также всем, кто считает себя русским по духу, разуму и сердцу.

При этом «Биография Русской Идеи», как названа издателями книга Арс. Гулыги, дает богатую пищу для каждого, кому дорога Россия, и лучшими образчиками выражений цитируемых мыслителей, ставших известными нам лишь в самое последнее время (и то, больше по их именам, а не по их произведениям), и блестящей авторской интерпретацией талантливому биографу.

В данном опусе, который будет не простым рефератом рассматриваемой книги, а размышлениями на заданную тему, обзор Арс. Гулыги дает повод особо остановиться на таких категориях как **соборность, этические ценности и идеалы, творчество** (в индивидуальном и общественном смысле).

При этом мне особенно хочется коснуться реалий и утопий все-единства (в рациональном и чувственном плане), а также плюсов и минусов социальной эволюции и коммунистической революции в достижении желаемого будущего самой России и ее места в человеческом сообществе на Земле и в Космосе.

Разумеется, столь широкий перечень заявленных вопросов не сможет получить исчерпывающие ответы не потому, что «релятивизм ценностей — знамение времени» (с. 10) и удел личностей. Абсолютной Истины — не существует, а есть лишь неодолимая тяга и вечный процесс движения к ней.

Но насколько же легче двигаться к вечной цели, стоя на плечах гигантов, каковыми без сомнения являются не только в российском, но и в общемировом мыслительстве «Творцы Русской Идеи».

Соборность

Кредо любого человека: пуповинное ощущение связи каждого с отечеством (землей предков), семьей (близкими родственниками) и своим экосом (окружающей природной и духовной средой) Арс. Гулыга дополнил российским отличием — предначертанием каждого действовать «по уничтожению личного бытия и замены его бытием социальным и вполне безличным. Отсюда самозабвение в общих начинаниях...

Роевое начало — залог успеха. Но и знак беды» (с. 17).

Непонятно только, почему эти слова приписаны П.Я. Чаадаеву. В своем «философском письме» Чаадаев с прискорбием и горечью пишет, будто «нет в нас ничего лично нам присущего,... не восприняли мы и традиционных идей человеческого рода» (цит. по кн. В. Ванчугова «Очерк истории философии самобытно-русской», изд. Пилигрим, 1994 г., с. 31). Правда, он же в «Апологии Сумасшедшего» полагает, что мы пришли «после» других, чтобы делать «лучше» их: «Мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, которые занимают человечество... Мы ... самой природой вещей

предназначены быть настоящим совестным судом (курсив мой — В.Б.) по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества» (там же, с. 33). В разных словах одного и того же человека всегда можно найти примеры, иллюстрирующие собственные мысли автора, поэтому нельзя абсолютизировать цитаты пусть даже самых мудрых людей. Надо лишь использовать их для иллюстрации собственных представлений. В приведенном отрывке из Апологии Чаадаева мне представляются наиболее существенными слова о «совестности» русского человека как его главным отличительным предназначением. Совестьность в данном случае понимается мной как *ответственность* перед Богом, Царем и Отечеством (перед самим собой, людьми и природой).

Православие, Самодержавие, Народность — три начала исконного русского любомудрия. Разумеется, эти начала не остаются неизменными во времени, а трансформируются в зависимости от изменения условий природно-общественного обитания людей и их собственных представлений о жизни. И сегодня эту триаду можно было бы сформулировать как Соборность, Державность, Экологичность.

Русский путь в любомудрии — это не блуждание в изолированной пустыне. Это — особый оттенок в мировой философии, определяемый особым характером народа, живущего на необозримых пространствах Евразии. «Русскому Сократу» — Гр. Сковороде приписывают слова: «...народ должен иметь свою собственную, созданную особым развитием его особенного духа философию, в которой, как в высшем простейшем выражении всех элементов народной жизни, соединены были бы основные понятия его ума, лучшие верования его сердца, оригинальное воззрение на природу...» (В. Ванчугов, с. 53). И то, что в газетах того времени критически писали, будто «Сковорода есть отпечаток настоящего малороссийского юродивого, которого не столь удачные склоки можно встретить в этой стороне довольно часто» (там же, с. 56), говорит о типичности взглядов «первого русского философа», который утверждал: «Троякое есть познание себя... Первое познание есть познание себя как бытия самоличного, самоособного, самосущего, то есть как человека одинокого, от всех людей отличного, только на самого себя похожего... другое познание есть познание себя как бытия общежительного, гражданского, народного, государственного, то есть как человека,... похожего на других людей, вкуче живущих в одной земле, которой имя — родина, отчизна, речь общая: *respublica*... Третье познание есть познание себя как бытия сотворенного по образу и по подобию Божию, общего со всяким бытием человеческим... По первому познанию ты узнаешь свое собство: почему ты Еремей? и какой ты Еремей? По второму ты узнаешь свою статью: почему ты рус? и какова Русь? По третьему ты узнаешь свою общность: почему ты человек? и что есть человечество? По всему узнаешь себя и отлично и слично, и неслитно и слитно» (там же, с. 55- 56).

Столь обширные выдержки из другого издания мне пришлось привести для того, чтобы показать — неправомерно приписывать русскому народу и любым его представителям в качестве главного «предначертания» — работу «по уничтожению личного бытия и замены его бытием социальным и вполне безличным».

«Роевое начало» — понятие Л. Толстого и личностное начало «маленького человека» — понятие Н. Гоголя и Ф. Достоевского — антитезы лишь по форме. Сущностное «органическое единство общего и единичного «русского характера» нашло выражение в понятии *соборности*. Это зерно русской идеи, центральное понятие русской философии... «Соборный — по Л. Карсавину — не означает признающий соборы как высший авторитет... Соборность — это симфония, гармоническая согласованность, всеединство» (Арс. Гулыга, с. 19).

Единство — это не уравнивание всех и вся. Единство — в многообразии индивидуальностей, совмещающих свое Я с общим МЫ. При этом часть тождественна целому не в своих внешних проявлениях, а в сущности своей. В этом соответствии, в этой не абсолютной, но идентичной в своей структурной и функциональной тождественности, которую скорее можно назвать монадической конгруэнтностью, и заключается то всеединство, которое и приводит к соборности, иерархической когерентности, согласованной коллективности действий группы, в которой каждый, не теряя своего Я, становится частью общего собрания — сбора — Собора.

Бесмыслен спор о примате Личности над Коллективом или Коллектива над Личностью. Я и МЫ — две равновеликие системы, уже хотя бы потому, что мы сосуществуем совместно, дополняя и обогащая друг друга и вместе создавая то нечто новое, чего нет в каждой из составляющих частей гармонического Собора.

Может быть, и не к месту, но мне хочется процитировать здесь одно стихотворение, говорящее о равновеликости двух, казалось бы, несопоставимых частей, которые образуют единую Миросистему.

Я и Солнце

Нас ласково обманывает Солнце,
оно глядит напыщенно на Землю
и мнит себя венцом всего и вся.

А мы,
поддавшиеся властному его очарованью,
вдруг забываем,
как устроен мир.

Ведь человек разумен
как никто.

А разум —
это жизненная сила,
способная разрушить и создать
чего не в силах Солнце.

Впрочем, что гадать:

самое — кто.
И Я — не пуп Земли,
на той шкале,
которой
пытаемся измерить мы Вселенную.
И в то же время Я —
огромный мир,
вмещающий материю и дух,
и время, и энергию и жизнь.
Но Я — и Солнце —
разные миры.
Мы несравнимы
как большой и малый,
Мы —
разные пространственные грани,
Мы —
разные физические яви,
Мы —
мироздания разные слои.
Но мы —
равновеликие системы.
Величье наше —
в том уже хотя бы,
что существуем Мы.
Мы —
это часть Вселенной,
лишь один этап,
один виток спирали бесконечной,
но не от частного —
к всеобщему
Началу и Концу.
Спираль сама — часть тора,
незамкнутого в естестве своем.
И нет предела Разуму и Свету,
и мирозданию
вовсе нет границ.

Я и МЫ — как живые человеческие индивидуальные и коллективные системы равновелики и ответственны друг другу, но степень их соответствия определяется их отношением к некоторым общим началам — абсолютным ценностям общего бытия.

Понятие и принятие общих абсолютных ценностей — смысла и цели существования и развития — делает любое объединение системой, собранием индивидуальностей.

*«Соборность означает сочетание свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же **абсолютным ценностям**»* (Н.О. Лосский, цит. по кн. Е. Троицкий. Что такое русская соборность, М: 1993, с. 27).

Абсолютные ценности — это не только ценности Православия и даже Христианства вообще. Россия никогда бы не стала Державой, если бы ориентировалась только на одну религию. Спасти Россию объединением только славянских наций — невозможно. Единый советский народ — одно из возможных понятий «абсолютных ценностей». Надо только в этом (или другом возможном) понятии, характеризующем реалии современной российской действительности, подчеркнуть единство Разума и Веры, рациональной иерархической организованности государственного уклада с духовностью интимной идеи, которой живет индивидуум как Личность.

Я думаю, глубоко неправ Н.А. Бердяев, слова которого приводит Арс. Гулыга, будто революционеры «неспособны проникнуть в интимную тайну национального бытия» (с. 169). Скорее, наоборот, именно революционеры-большевики, число которых не превышало в 1917 г. и 50 тысяч, подняли на ноги и повели за собой большинство русского народа, потому что использовали в своей пропаганде и своих действиях именно глубинные чаяния 150 миллионов людей, как экономические, так и интимно-чудоожидательную тягу народа к свободе, равенству и братству не в далекой загробной жизни, а здесь — на земле.

При этом не национальный и не религиозно-православный фактор стал главной действующей силой революции, а именно социалистическая, а затем и коммунистическая идея осуществления рая не на небесах, а в земных условиях — и немедленно.

Разве не этому учили нас русские народные сказки — о золотой рыбке, о скатерти-самобранке, о Емеле на печи и об Илье Муромце, который вдруг ни с того ни с сего стал чудо-богатырем. Уж если быть откровенным, то самым сокровенным желанием русского человека было ожидание чуда. И православие было принято им не в последнюю очередь потому, что такое чудо — обещало. На Руси была особенно почитаема Владимирская икона Божией Матери за то, что сама по себе отвратила от стен Москвы Тамерлана в 1395 г., хана Ахмата — в 1480 г. и Гирея — в 1521 г. Не доблесть и мужество народа русского — а именно чудотворная икона. Разумеется, вера приумножала силы народа, как военные, так и мирные. Но пословица «на бога надейся, а сам — не плошай» все же отражает приоритет богорасположения по сравнению с собственными усилиями.

Трудолюбие и воинская доблесть достались россиянам не от православия, а скорее — от язычества и от практической жизненной потребности существовать в тяжелых условиях окружающей действительности. Владимир Мономах, Александр Невский, Сергей Радонежский и многие другие святые почитаемы на Руси и по сей день не только за свои усердные моления, но и за практические дела, связанные с правдоустройством жизни народной. Пусть не прозвучит богохульством, но я бы переиначил слова Александра Невского. Вместо его (или приписываемого ему) призыва к воинам: «Не в силе Бог, а в Правде», на мой взгляд, более характерно суть русской интимной и практической жизни отражает тезис: «Не в Боге сила, а в Правде».

Правда и совесть — вот характерные черты русского истинно народного духа, которые составляли и составляют основу российской духовно-эстетической соборности, те абсолютные ценности русского народного характера, которые о все времена и во всех общественных формациях были нашей непреходящей ценностью. Другое дело — как и во имя чего были использованы нашими правителями и духовными наставниками эти ценности.

Правда, Правой Православие — однокоренные слова, но далеко не тождественны по смыслу.

Высшее право — это совесть самого человека. «Судить не по праву, а по совести» — главная заповедь русского правосудия, основанного больше не на писаных законах, а на осознанном общественном мнении, которое выражает высшую цель права — справедливость. Не формально-юридическую и бездушно-уравнительную, а по-человечески совестливую справедливость. «Совесть есть состояние *нравственной очевидности*», — писал И.А. Ильин — сторонник «естественного» права, которое дается человеку «от природы», связано с его совестью, сливается с моралью» (цит. по кн. Арс. Гулыга, с. 244). Мораль же — это не писанное, а духовно вызревшее состояние общественного правосознания. Разумеется, массе можно внушить многое, что она сочтет самоочевидным и будет требовать: «распни его», как это было и во времена Понтия Пилата, инквизиции, сталинских репрессий и «охоты за ведьмами». Но ведь и строгое соблюдение формальной юриспруденции в законопослушном Риме, в Веймарской республике и в «демократических» Соединенных Штатах Америки не спасало граждан от жестокостей Нерона, фашизма и Ку-клукс-клана.

«Право есть низший предел или определенный минимум нравственности» (Вл. Соловьев). Продолжая эту мысль, Арс. Гулыга пишет: «Нравственность не может ограничиваться жизнью отдельного человека, таковой вообще нет: жизнь человека протекает в обществе. Право — минимум нравственности; максимум ее и всеполнота ее реализации — любовь» (с. 112). Поэтому истинное правосознание (если бы знать, что такое истина) должно основываться на сочетании формально-логического и духовно-совестливого начал, соединяющихся в соборности — единстве Любви и Разума, Чувства и Мысли.

Совесть — вот главный критерий и самого человека и всей его деятельности. Живи по совести — главная заповедь русского человека. При этом не столь важно, чем конкретно ты занимаешься — трудишься в поле или у печи, пишешь книги или рисуешь картину, молишься или купечествуешь — главное, будь в ладу со своей совестью, а именно она определит твое место и в обществе и в «миру». Совестьливый человек — высшая народная похвала в соборной Руси.

На Руси суд — «мирской суд», а суд Божий — это суд общественной совести. И высшим наказанием для провинившегося было его изгнание из «мира». Да и тюрьма по замыслу своему — это изоляция от общества. А мы пытаемся сегодня сделать ставку на индивидуализм в хозяйственной и духовной жизни, что противостоит русскому природному характеру.

Но духовная жизнь не исчерпывала бытия русского человека, как простолюдина, так и любомудра. «Русская мысль», при всей своей насыщенности духовным созерцанием, «была всегда существенно конкретна» (В. Эрн, цит. по В. Ванчугову, с. 213) и стремилась к поиску Истины.

Истина — естина — от слова «есть» (П. Флоренский) — это живое естественное существование, единство идеально-духовного и практического начал, проявляющихся особенно явственно в российском соборном мироощущении и миробытии.

«Истина, Добро, Красота...это одна и та же духовная жизнь, но под разными углами зрения рассматриваемая» (П. Флоренский). Явленная истина есть любовь. Осуществленная любовь есть красота» (там же, с. 225).

Идеал целостной жизни русского человека — «всеобщее исцеление во всеобщем преображении» (Е. Трубецкой).

Но всеобщее преобразование — не есть пассивное ожидание чуда. Преобразование есть творческий процесс, требующий организации мироустройства, причем «мир» — это прежде всего человеческое общежитие, которое должно быть соответствующим образом обустроено.

Но обустройство России — не создание мононационального славянского государства, что предлагает А. Солженицын и иже с ним.

Соборность тем и отличается от национализма, что предполагает в качестве главного действующего фактора общенародной жизни не голос крови, не голос веры (православия и даже христианства вообще), не голос разума, приводящий к научной логически обоснованной картине мира, а всеединство людей, идей и вещей.

Соборность есть интегрирующее начало жизни, свойственное в наибольшей степени именно русскому народу, и означает такую организацию общинной жизни, где общее есть не сумма частных, а их интегральное системное единство, когда интеграция создает новое качество — полноту жизни, самоценной самой по себе.

Обустройство России может быть жизнеспособным только как иерархически организованное общежитие всех народов, независимо от национальностей, рас и

вероисповеданий, объединенных даже не общей территорией и условиями проживания, а общей идеей соборной жизни.

Русская этика

Этика — это искусство жизни, вечный поиск смысла жизни, своего предназначения и самореализации в этом мире. Мораль русского общественного бытия — это стремление гармонизировать свои отношения с окружающим миром, причем «мир» — это и человеческая и природная среда, неразделимые в нашем сознании и интегрируемые в общее понятие — экос, означающее дом, жилище, среда обитания.

В доме всегда должен быть достаток, должна быть красота, должно быть счастье.

В российском доме достаток всегда ассоциировался не с полными закромами, а с материальными благами, самодостаточными для осмысленной, одухотворенной жизни. «Беден не тот, у кого мало, а тот, кому мало» — гласит русская пословица. «Велик тот человек, кто глиняной утварью пользуется как серебряной, но не менее велик и тот, кто серебряной пользуется как глиняной...Высшее богатство-отсутствие жадности» (Сенека, цит. по кн. «Разум сердца. Мир нравственности в высказываниях и афоризмах», М: Политиздат, 1990, с. 167, 164). И хотя этот афоризм Сенеки был неизвестен русскому простолюдину, но он следовал во всей своей жизни этому принципу и потому с полным правом может слыть «великим человеком».

Довольствоваться малым — это не унижение, а высшая добродетель. И именно она была свойственна неписанной русской этике, в которой высшим пороком значилась жадность к материальным благам. Разумеется, эта этическая норма родилась не по велению свыше, а по народной привычке обходиться в обыденной жизни скромным пропитанием, скромным одеянием, скромным украшением. «Скромность украшает человека» — правило русской нравственности, обусловленное всем образом жизни многих поколений. Причем скромность никогда не становилась самоцелью, она была естественным состоянием русского человека. И эта языческая скромность как подражание природному началу была свойственна многим русским историческим деятелям, которые, казалось бы, могли позволить себе и внешне более богатый образ жизни. И Петр Первый, и Суворов, и Сталин отличались внешней скромностью в одежде, в образе жизни не в силу имущественного недостатка, а в силу принятой ими и ставшей привычкой — второй натурой народной мудрости: богатство не в имуществе, а в таланте. И даже роскошь русских царей, заимствованная ими у византийского православия, не вытравила природную самодостаточность материального благосостояния, составляющую основу русской народной этики.

Постулаты футурологии

Всем нам свойственно желание представить заранее свое будущее: одним из естественного любопытства — одного из важнейших жизненных стимулов, другим — из намерения не пассивно воспринимать ход грядущих событий, а попытаться либо защититься от их негативных проявлений, либо осознанно воздействовать на них, добиваясь развития будущего в благожелательном для нас направлении.

Будущее, как и прошлое, достаточно субъективны в силу активной роли в них личностного начала. И все же многое зависит от того, насколько наше индивидуальное или групповое (не перерастающее в объективное абсолютное) восприятие динамически развивающегося мира, в котором мы живем, совпадает с тенденциями его развития, определяемого иными силами, более могущественными, но отнюдь не божественными — силами внешней среды, взаимодействие с которой и составляет суть жизни.

Для понимания этих тенденций глобального развития, что позволяет найти свое место в мире — либо плыть по течению, либо с учетом естественного течения прокладывать свой курс — необходимо подняться над самим собой, распознать свое место с высоты не своего личностного «Я», а с высоты коллективного «Мы», живущего в общем земном доме — Экосе (oikos — групповой дом, жилище, среда обитания). Человек — не центр мироздания, возможно, и не вершина разумной природы. И Земля наша — не центр солнечной системы, а всего лишь — одна из планет, движущаяся в мировом пространстве по законам геоэлектромеханики. Все определяется энергетическими взаимодействиями субъектов и объектов, составляющих наш бесконечный пространственно-временной мир, в котором нет единого центра, а есть только та или иная «кочка зрения», определяющая свои горизонты видения и свое понимание окружающего.

При этом всегда есть некие аксиомы, принимаемые в качестве базового инструмента для познания, осмысления мира и творческой деятельности по соучастию в его развитии.

На наш взгляд, такими постулатами, способствующими более полному пониманию тенденций общего развития, с которыми каждый сопоставляет и свои действия и помыслы, могут быть:

1. **Принцип динамического дуализма**, подразумевающий реальное существование материального и духовного начал, но не противопоставленных друг другу, а находящихся в динамическом единении — переход одного в другое или хотя бы их попеременное, но не абсолютное доминирование.

2. **Принцип субстрата**, т.е. наличие между двумя любыми факторами (событиями, объектами) прямых и обратных связей, что исключает абсолютизацию причинно-следственных зависимостей (основной вопрос догматической «философии» — о первичности материи или духа) и приводит к осознанию того, что в основе (не с точки зрения первичности, а с точки зрения базового принципа устройства) мира лежит осциллятор — колебательное звено, в котором за счет

последовательного (но не одновременного) воздействия одного начала на другое и обратного их взаимодействия возникает колебательное (а в общем случае спиралевидное) развитие в природе и обществе.

Энергия цивилизации

Вот мы и встретили многожданный миллениум.

Каждое вековое порубежье, а уж тем более переход в новое тысячелетие - это не просто круглая дата, это — своего рода бифуркация, точка слома привычного хода истории, проявление новых тенденций мирового развития.

И пусть эти тенденции в новогоднюю ночь еще не стали зримой, осязаемой явью, важно своевременно понять их — дабы соотнести с ними свои текущие дела и намерения.

Хотя кажется, что человек живет сиюминутными заботами, на самом деле он тем и отличается от неразумных собратьев, сожителей на Земле, что его сегодняшнее бытие — это проявленный синтез прошлого и будущего, сложившийся в его сознании и подсознании, сложившийся в результате того, что живя настоящим, Человек думает о вечном.

При этом и сама Вечность не есть нечто заданное, неизменное, боготворимое, а есть бесконечное во времени циклообразное развитие мира; с суточным, годичным, вековым и тысячелетним кругооборотом.

«Начало» и «конец» — однокоренные слова, основой которых является чередование «к-н» и «н-к(ч)» — перемена направления вечного движения.

Миллениум, по большому счету, это не просто 1000-летний отрезок времени, это эпоха со своим началом и концом, между которыми уместаются свои периоды зарождения, становления, стагнации и упадка с последующим повторением цикла. На столь длительном интервале само время становится уже не внешним независимым фактором развития, а внутренним атрибутом (параметром) самого развития, трансформирующимся в пространство и энергию, физическую материальность и информационную (в т.ч. духовную) сущность.

Историческое развитие — это есть циклическое перемещение по поверхности Земли некой многоликой живой Сущности, воплощающей в себе единство мира в его материальной и духовной ипостаси, пребывающее в вечном взаимопревращении одного в другое.

Подобно чередованию «инь — янь», мужского и женского «начал» мира, материя (физическая) и дух убивают и порождают друг друга и это их вечное взаимодействие проявляется в чередовании эпох с соответствующими доминантами (вещество — идея, логос) на различных участках земной ойкумены.

Любое чередование — это есть смена доминирующих факторов развития, обусловленная его циклическостью, а сама циклическость (периодичность) порождается

взаимодействием, как минимум, двух сил (начал), находящихся между собой не в причинно-следственной связи, а в системе прямых и обратных связей, где причина и следствие как бы меняются местами в глазах внешнего наблюдателя, а на самом деле находятся во взаимно-однозначном (неоднозначном) соответствии. Неоднозначность проявляется, когда система находится на границе устойчивости (в точке бифуркации), и дальнейшее ее развитие зависит от случайных внешних или внутренних воздействий со стороны сопряженной системы. Вход и выход системы — понятия субъективные, а ее свойства, определенные динамикой взаимодействия составляющих систему объектов, не зависят от принятого обозначения «начало — конец».

Передаточная функция любой системы в направлении «начало — конец»

$$W_{нк}(p) = \frac{A_{нк}(p)}{D(p)}$$

где $p = \frac{d}{d\tau}$, временной оператор,

а характеристический определитель системы

$$D(p) = 1 \pm A_{нк}(p) \cdot B_{кн}(p)$$

определяет период возможных циклических колебаний, когда прямые и обратные связи взаимодействуют с некоторым запаздыванием друг относительно друга, а также устойчивость системы (в граничном случае — режим автоколебаний).

$$y = Ax \pm By$$

или

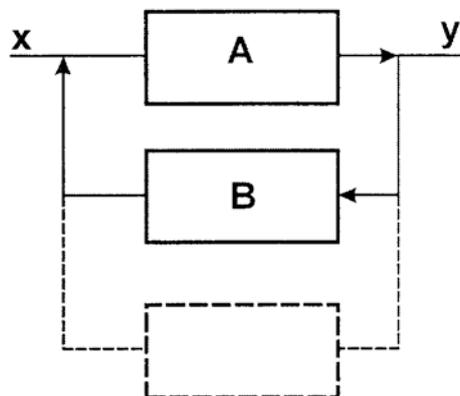
$$y = \frac{A}{1 \pm AB} x = Wx$$

Знак «+» или «-» зависит от характера обратной связи: положительной — усиливающей процесс или отрицательной — стабилизирующей систему.

По большому счету, x — это внешнее воздействие Космоса, а y — «плоды человеческой цивилизации».

Тогда $A(p)$ — это потребительская деятельность человека, изымающая из окружающей среды ресурсы, неизбежно воспринимаемая деградацией этой среды (диссипацией — рассеянием ее энергии — вещества), подчиненной второму термодинамическому началу.

Но Мир не прекращает своего существования, а развивается благодаря обратному воздействию $B(p)$ живого вещества на косную среду. Если это воздействие дополнительно дезорганизует среду (повышает ее энтропию) за счет вредных отходов

своей деятельности, то и вся система стремится к «умиранию». Если же это воздействие через ноосферу приводит к большей организованности используемого ресурса, то положительная обратная связь стимулирует негэнтропийное развитие всей системы, достигаемое путем увеличения свободной энергии биосферы во время неравновесного процесса обмена «вещество — энергия — информация» в открытой космической системе.

В аналогичной взаимосвязи находятся и такие «объекты» как «Вещество» и «Идеи». Идеи движут миром, хотя сам мир формируется из вещества. Но чисто «вещный мир», так же как и «мир идей» — сами по себе не существуют, а являются взаимосвязанными частями общего Универсума.

По-видимому, периодичность циклического развития этого Универсума содержит в себе и 1000-летнюю гармонику.

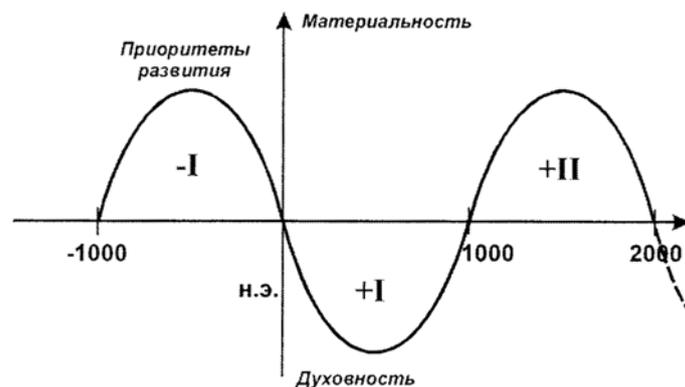
Не вдаваясь в начало т.н. «основного времени» (К. Ясперс), с которого начинается отсчет нынешней (не первой и не последней) космической цивилизации, ограничимся 4-мя миллениумами: тремя прошедшими и одним — начавшимся.

Последнее тысячелетие до н.э. было периодом расцвета античной науки и производства. Оно началось с дорийского вторжения на Пелопоннесе и греческой колонизации Малой Азии, распространения железа, вызвавшего подъем хозяйства, морской торговли, последующей чеканки монет, развития ремесленных мастерских. Но период хозяйственного, а затем и культурного подъема (Гомеровский период) в середине тысячелетия сменился периодом персидских войн — противостоянием Древней Греции и Персии, а затем и Пелопонесской войной Спарты и Афин. Несмотря на усилия Македонии централизовать государства — полисы и успехи Александра в Малой Азии вторая половина этого последнего до н.э. тысячелетия прошла под знаком распада военно-хозяйственной Империи и возникновением нового идейного течения — христианства. Это совпало с возникновением Римского государства, повторяющего военно-хозяйственный опыт Древней Греции.

В середине I-го тысячелетия н.э. центр тяжести мировой истории переместился на восток — в Византию. Однако попытки возрождения Юстинианом идеалов и принципов античности ничего не дали — колесница Истории покатила в Западную Европу, где инквизиция к концу тысячелетия искоренила духовные устремления народов, открыв дорогу феодальному хозяйственному развитию.

Феодализм в середине II-го тысячелетия уступил дорогу мануфактурному производству, достигшему к настоящему времени своего максимального развития. Грядет — постиндустриальное общество с приматом, с одной стороны — информационных технологий в США, с другой — духовных начал из России, Индии и Китая.

Поэтому «I-е» тысячелетие можно назвать античным малоазиатским периодом материального развития, вершиной которого стал расцвет Империи Александра Македонского.

«+I-е» тысячелетие — это Римско-Византийский период становления христианской (а в середине периода — исламской) религии, когда миром правили «не короли, а папы».

А «+II-е» тысячелетие — вновь период торжества материальности над духовностью — период безудержного покорения природы ради приумножения вещественных благ.

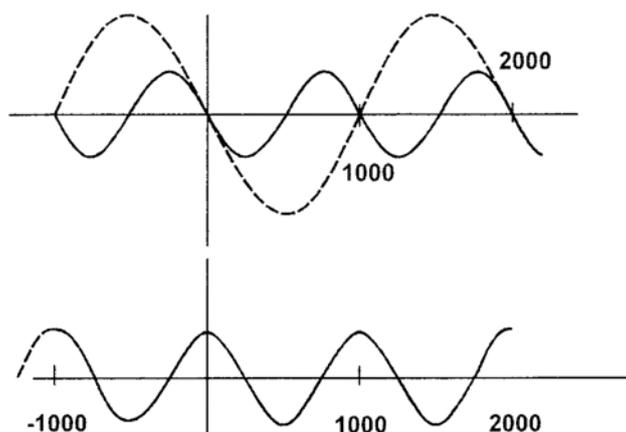
И сегодня — мы на сломе эпох: на смену материальной доминанте жизни вновь приходят нематериальные факторы, по-разному проявляющиеся в Америке и Азии, там, где духовность порождена сытостью и там, где «духовный хлеб» заменяет хлеб насущный.

Учитывать этот большой, «миллениумный» цикл (с периодом 2000 лет), в критической точке которого мы сегодня находимся, необходимо для правильной ориентации на новые потребности людей и формирования системы предпочтений дальнейшего развития общества в единой эволюционирующей социально-природной системе.

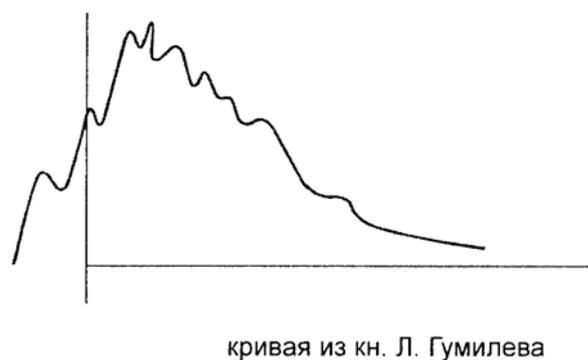
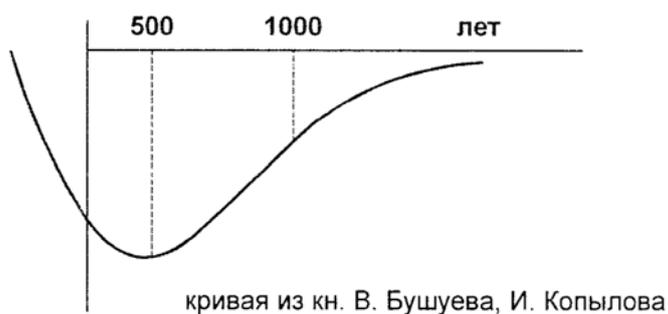
Разумеется, не один этот цикл определяет развитие системы «природа — общество — человек». Значимой является и вторая и третья гармоника и другие субгармонические составляющие мировой истории.

Так, по-видимому 1000-летние циклы, смещенные по фазе по сравнению с «миллениумным» на четверть (на 90°) соответствуют пику материального развития общества, когда появляется понимание невозможности продолжения прежних тенденций жизни.

Тысячелетний период совпадает с периодом жизни этноса (по Л. Гумилеву «Конец и вновь начало» — М: Рольф, 2000 — с. 384), содержащему 4 фазы: подъем, акматическая фаза, надлом и угасание.

На стр. 265 Л. Гумилев приводит 1000-летний полуцикл развития Византии и смещенный по отношению к нему на 500 лет полуцикл (с тем же периодом) католической Европы.

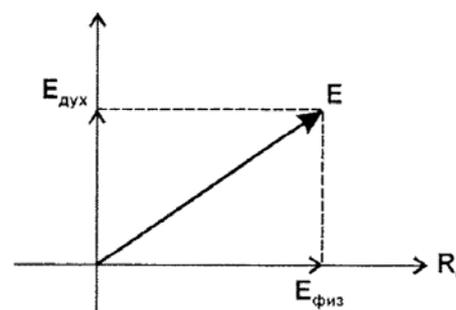

Такие смещения означают, что пассионарные толчки, приводящие к возникновению активного этноса под влиянием космической энергии, не наступают одновременно для всей ойкумены, а смещаются по земной поверхности в виде неких волн. Говоря о взаимозависимости зарождения этноса с всплеском космической энергии (в той или иной точке земли), следует обратить внимание, что выделение энергии, воспринимаемой этносом, происходит в результате замедления вращения Земли (В.В. Бушуев, И.П. Копылов «Энергокосмизм России» — М.: ИАЦ «Энергия»,

2002), имеющего вид кривой, напоминающей перевернутую кривую жизни этноса (по Гумилеву).

И у Гумилева и у Копылова эти кривые перемещаются по поверхности Земли.

Говоря об энергетической основе развития этноса под влиянием космической энергии, можно предположить, что космическая энергия — это не скалярная величина, а векторная. На комплексной плоскости по оси вещественных чисел — физическая энергия, изымаемая человеком из окружающей природы в виде механической, тепловой, электромагнитной энергии самого человека как материальной части природы.

По другой мнимой оси — нефизическая (духовная) энергия, измеряемая пассионарностью этноса.

И этот энергетический вектор — вращается, как уже отмечалось, с полуциклом в 1000 лет, приводя то к духовному, то к материальному приоритету развития. В то же время он и перемещается в пространстве земной ойкумены.

Не этим ли объясняется и спираль человеческой миграции по планете (В. Бушуев, И. Копылов, стр. 96 и 102).

На рубеже III-го тысячелетия энергетический эпицентр планеты вновь перемещается в восточную часть Евразии (хотя другая ветвь сместилась через Скандинавию на северо-американский континент).

Существуют и более короткие исторические циклы энергетической активности общества. Так, Г. Кваша и Ж. Аккуратова в книге «Поиски империи» — М: Рипол Классике, 1998. Обосновывают 144-летний цикл, свойственный России и другим имперским государствам (Иудее, Риму, Византии, Англии, исламским империям). Согласно этой периодике «истинную свою мощь Россия явит в 4-й фазе нынешнего имперского цикла (1989-2025)» — с. 35. При этом именно России предстоит, по мнению авторов, стать опорой мирового развития. «Государственная идея наиболее эффективна ... именно в 4-й фазе, когда она становится осознанной необходимостью.... Сочетание полной внешней свободы с сохранением внутренней преданности государству (а не себе лично) дает высшие достижения всей мировой истории» (с. 37). Наши мировые «напарники» (Китай и США) в этот период будут переживать каждый свой кризис: в Китае — продовольственный в связи с нынешней интенсивной эксплуатацией сельскохозяйственных земель и продолжающимся ростом населения; США — крах виртуальной экономики.

Ну что же, поживем — увидим.

Формирование ожиданий

*«Практика глобализации: игры и правила новой эпохи» —
под ред. М.Г. Делягина, М: Инфра — М.: 2000, с. 342).*

Часть 1. Новые тенденции развития человечества.

На пороге III-го тысячелетия человечество вступает в новую эпоху своего развития. И сегодня та среда, в которой мы обитаем, которую сами создаём и с которой взаимодействуем, формируется быстрее, чем наши представления о том, какой она может и должна быть.

«Современный человек создал слишком сложный для себя, для своих интеллектуальных возможностей мир и потому больше не может ясно сознавать и эффективно предсказывать направление своего собственного развития» (с. 14-15).

Человек сдался «на милость слепого общественного прогресса... практически так же, как в конце XIX века он сдался на милость не менее слепого прогресса технического» (с. 15).

Действительно, промышленная революция того периода, включая век пара и электричества, а затем автомобилизации и атомной энергии, сегодня повторяется в виде информационно-виртуальной революции, когда человечество погружается во «всемирную паутину» Интернета, в мир компьютерных игр, в море электронной техники, в оазис бытового комфорта, забывая о хлебе насущном, о живом человеческом общении, о своём неразделимом единстве с природой.

Средой его обитания становится виртуальный мир, а логика его индивидуального поведения всё больше формируется пиаровскими технологиями СМИ, превращая личность в атавистический пережиток, создавая человеку иллюзию свободы, а на деле превращая его в послушного исполнителя чужой воли — воли информационного Молоха.

И даже «превращение труда из библейского проклятия в развлечение» (с. 21) не делает человека менее зависимым от непрерывного поиска «хлеба насущного», который нужен развитой части человечества в виде виртуальных переживаний не менее, чем населению отсталых и развивающихся стран — для физического пропитания и выживания .

Авторы правы, называя период освоения информационных технологий не «веком развлечений», а «веком скорбным». Хотя скорбеть об уходящем — это удел эмоциональных людей, а мы всё больше и больше либо вообще утрачиваем это свойство, либо соотносим его с физиологическими и психологическими проявлениями фильмов ужасов и секса, также всё более становящегося виртуальным.

Отрыв от физического существования, от материального производства и переход к финансово-экономическому срезу жизни, который также является нечто виртуальным, когда деньги и ценные бумаги становятся не только средством жизни, а и целью всякой деятельности. Это ещё отмечал и Драйзер в своём «Финансисте», подчёркивая, что стремление к накоплению денег является такой же естественной

задачей людей, работающих в этой среде, как и стремление к изобилию пропитания — у древних римлян и стремление к комфорту — у европейцев XX века.

Но если деньги, ставшие самостоятельной ценностью, всё же рассматривались многими как эквивалент жизненных благ, то информация просто-напросто вводит человечество в мир иных виртуальных ценностей и понятий.

Человек, существуя в этой среде, развивается уже не как биологическая особь (хотя налицо и регресс человека к животным страстям, возбуждаемым примитивизмом виртуального мира), а как преобразователь (генератор, трансформатор и потребитель) информации, замещающей сам окружающий мир.

В этой связи показателен переход от технологий освоения природных ресурсов и антропогенного взаимодействия общества и биосферы к метатехнологиям, формирующим само общество и связи людей в нём.

Цитируя А. Кончаловского: «картина сильнее слова» (с. 38), авторы рисуют технологическую пирамиду жизни — от простого собирательства даров природы к формированию новой «искусственной» среды, где роль природы якобы перестаёт доминировать. Но оторванность от физических реалий грозит самому существованию человечества.

И несомненной заслугой авторов является то, что они эту опасность пусть неявно, но подчеркивают, акцентируя внимание на переходе от промышленной к информационной революции.

Авторы по сути сводят естественный процесс развития общественных формаций к смене технологических укладов, не очень заботясь об анализе социальных причин такой смены. И все же их анализ достаточно интересен.

1-й этап технологий связан с созданием индивидуальных и коллективных орудий труда, обеспечивающих физическую выживаемость человека.

2-й этап характеризуется иной системой взаимоотношений индивида и общества, когда технологии становятся сложными и недоступными отдельному человеку: системы орошений, мануфактурное производство. Владельцем этих средств становится государство, а человек — наемным работником у феодала (как части государственной власти) и у капиталиста (ибо в период первоначального накопления капитала «бойкие люди» присваивают себе то, что принадлежало ранее всему обществу в лице государства).

3-ий этап знаменует собой организацию технологического мира посредством финансово-экономического управления.

4-й этап означает переход к информационным технологиям управления. «С возникновением информационного общества деньги начинают терять свое значение» (с. 112) — парафраз М. Фридмана. Это объясняется тем, что эти технологии являются интеллектуальным продуктом, а «способность к творческому труду ... невозможно продать: продаже поддается лишь доступ к ним и право их использования» (с. 112).

Наконец, 5-й этап — этап метатехнологий, когда целью становится организация самих общественных потребностей, а средством — управление подсознанием людей.

III-е тысячелетие — это «переход от создания «обычных» информационных технологий к high-hume'у и метатехнологиям, к их распространению» (с. 111), что наглядно демонстрирует У. Гейтс.

Прежние технологии не исчезают, а как бы уходят в тень внутри новых технологических отношений. Так, «рынок труда сохранился внутри рынка товаров, рынок товаров — внутри рынка капитала, рынок капитала — внутри рынка информации, а рынок информации, в свою очередь, внутри рынка ожиданий, формируемого современными информационными технологиями, в первую очередь, технологиями high-hume» (с. 112). «Различие стратегических ориентации развитых стран Европы и США лучше всего показывает то, что первые впитали преимущественно финансы, в то время как вторые — преимущественно интеллект» (с. 127).

Если старая колониальная политика XIX века остановилась на выкачивании из колоний природных ресурсов и превращении их за счет более качественной переработки в метрополиях в продукт с высокой добавленной стоимостью, то нынешняя политика США ориентируется на выкачивание из развивающихся стран интеллектуальных сил и устранение возможной конкуренции с кем бы то ни было в сфере метатехнологий.

Взамен развитые страны возвращали в третий мир колониальные товары (продовольствие и примитивную технику, а сегодня грязное промышленное производство и инвестиции для их поддержания, в последнее время — мобильные средства информации и связи — для поддержания рынка собственной продукции), сосредотачивая у себя новейшие финансовые, информационные технологии и средства управления всем миром для предотвращения угроз своему существованию.

«Происходит относительное обесценение всех старых технологий и продуктов их применения по мере распространения новых..., в первую очередь, технологий добывающей промышленности» (с. 128).

Авторы делают вывод о том, что будут и дальше снижаться цены на нефть, а нынешний всплеск — случайное недоразумение. По-моему, вопрос сложный.

Будет снижаться суммарная плата (финансовые затраты — Z) общества за эти ресурсы, равная произведению цены (C) на объем потребляемых ресурсов V :

$$Z = V \cdot C$$

Цена будет неизбежно расти, чтобы покрыть издержки добычи (по моим оценкам к 2020 г. — на 40% по сравнению с 2000 г.) При этом объем потребляемых (и производимых) ТЭР должен снизиться не менее чем на 40%, чтобы общая плата Z снизилась, так как у общества появятся и другие потребности (связь, жилье, культура), требующие средств при ограниченной величине «потребительской корзины» общества. И нынешние транснациональные компании — ТНК (в первую

очередь, нефтегазовые) уже диверсифицируют свое производство, в том числе и в сторону финансовых и информационных услуг.

В этой связи заслуживает серьезного анализа факт формирования самых богатых ТНК.

В первой десятке — половина ТНК (и их персональных хозяев и руководителей), работающей в сфере информационных коммуникаций, часть — финансовые олигархи, но остаются на плаву и воротилы нефтяного бизнеса.

Это означает, что и новые рынки не могут развиваться, не опираясь на прежние и определенная пирамида сохраняется. Будет ли отмирать часть ТНК, находящаяся в основании пирамиды, уступая место новым банковским и информационным супермонополиям, или произойдет постепенное сращивание этих структур, покажет время.

Уже сегодня на смену производственным ТНК приходят «глобальные финансовые группы, во многом вырастающие из старых производственных структур и контролирующие развитие уже не столько производства и торговли, сколько технологий и мировоззрений» (с. 136).

«Важнейшим ресурсом для наиболее эффективного класса технологий — технологий high-hume — стало само человеческое сознание» (с. 114).

Для развития этих технологий привлекается и свободный спекулятивный капитал, которому нужна быстрая оборачиваемость, а не производственные «долгострой».

Сегодня в США (по данным И. Бушуева) 80% всех сделок связано не с торговлей товарами, а торговлей опционами — ожиданиями будущих изменений.

И хотя есть разговоры, что американский фондовый рынок, который является первой стадией этого рынка ожиданий, представляет собой «мыльный спекулятивный пузырь», на самом деле львиная доля этих средств вкладывается в развитие информационных технологий, являющихся для общества уже необходимым товаром. Этот товар в чем то сродни наркотикам, обо отказаться от телевидения и СМИ, наносящих обществу непоправимый моральный урон, оно уже не может.

Характерный переход фондового рынка в торговлю сознанием — CNN и Интернет, которые манипулируют сознанием граждан уже не одной какой-то страны, а всего мира.

И то, что эти ТНК сосредоточены в США, дает этой стране возможность через свой язык, свою «культуру», свою рекламу, свои технологии массового гипнотического воздействия на людей формировать рынок сбыта информационных метатехнологий, на котором доминирует не покупатель, а формирующий его сознание продавец.

Американский афоризм прошлого века «хочешь стать миллионером — создай религию» сегодня становится практическим аргументом серьезных учебников по

бизнесу (с. 57), хотя речь идет о самом прибыльном бизнесе — воздействие на сознание, торговля ожиданиями.

При этом навязывается миру т.н. «система общечеловеческих ценностей», базирующаяся на т.н. «правах человека». Но подразумевается при этом система ценностей американского потребительского общества, права элиты диктовать свои условия остальному человечеству... Подобно тому как минимально необходимое образование нужно всем гражданам — покупателям новых товаров.

В массовом сознании, а это главный рынок бизнеса метатехнологий, значение события (товара) определяется не его реальными последствиями, а преимущественно господствующими ... в медиапространстве мнениями и восприятиями» (с. 62).

Так, даже во время израильско-арабской войны 1967 г. энергетический кризис и скачок цен на нефть был вызван не реальным снижением объемов ее поставок с Ближнего Востока, а психологическими ожиданиями дефицита.

И сегодня — мировая конъюнктура на нефтяном рынке определяется не реальным поступлением товара, а опять-таки психологическими факторами: как поведет себя ОПЕК, откроют ли американцы свои стратегические запасы, поставит ли Россия на экспорт дополнительные ресурсы дизельного топлива и более общими ожиданиями: кто победит на выборах в США, удастся ли погасить арабо-израильский конфликт, куда пойдет Россия, Китай и АТР, как поведет себя «мусульманский мир».

Сегодня именно он пытается противостоять идеологическому (идеология — новый товар) давлению США, формируя свои «мусульманские банки» и концепцию «мусульманского предпринимательства» (с. 107).

Это — пожалуй, единственный способ региональной интеграции финансовой и общественно-психологической среды в противовес глобальной американской универсализации, которая может спасти мир, развитие которого основано на многообразии и разнообразии культур и менталитетов наций и народов, а не на унификации и однообразии.

«Любые права человека де-факто признаются США, а значит, и существуют в сегодняшнем мире лишь в той степени, в которой это не противоречит «национальным интересам» США» (с. 222).

Стремясь к созданию наиболее комфортного для себя однородного мира, живущего по американским правилам игры, США объективно превращают себя в непримиримого врага любой личности, любой специфичности за своими пределами (с. 225). Этот критерий тоталитарности, выведенный Дж. Соросом, означает не просто стремление доказать, а стремление навязать другим народам свой образ жизни и свою систему ценностей, сделав их универсальными для всех.

Последнее есть возрастание энтропии и конец развитию. В противовес этому стратегию региональной интеграции осознанно или подсознательно вырабатывает Европа, вводя свою валюту — евро.

Китай заявил о своей поддержке этой стратегии. То же должна сделать и Россия.

Только тогда монополизм одной «религии США» уступит место полицентризму, означающему конкуренцию в «битве за умы» и в «битве за сознание (подсознание)» и способствующему развитию мира, а не его стагнации пусть даже на высоком технологическом уровне.

Именно поэтому США, не имея возможности при помощи традиционных финансовых рычагов, доступных Дж. Соросу и другим финансовым спекулянтам, защитит от евро доллар и связанную с ним систему американского глобального монополизма, приняли решение решить эту задачу путем достаточно разрушительной и болезненной войны в Европе, сделав объектом этой войны Югославию. Хотя выбор этот практически никак не был обоснован, в т.ч. и пресловутой заботой о «сфере жизненных интересов США». Сферой этих интересов была и остается интегрирующаяся Европа. «Юристы — это для слабых» (с. 222).

Стратегически правильные советы Дж. Сороса обеспечить американское могущество путем создания под эгидой США глобального финансового Госплана были отвергнуты, т.к. руководство США интересовали краткосрочные проблемы собственно американского развития.

И экономическая по своей сути задача — обеспечить среднесрочную дестабилизацию евро, не допуская ее превращения во вторую мировую резервную валюту — стала решаться путем применения примитивной военной агрессии против Югославии. Американцев не остановило при этом и возникновение еще одного мусульманского анклава в центре Европы, хотя сегодня и в будущем ислам — даже не фундаментальный, а самый что ни на есть «светский», гражданский, но противостоящий американским жизненным ценностям, — один из основных факторов, стратегически препятствующих глобализации (по-американски) мира.

Характерно, правда, и то, что использование метатехнологий high-hume (промывания мозгов) втянуло в эту войну и самих европейцев как кроликов в пасть удава.

Решив в результате своей агрессии частичную задачу — замену Милошевича на возможно более проамерикански настроенного Коштуницу, США показали всему миру свои гегемонистские устремления, которые ничем не отличаются от политики Гитлера, ратовавшего за жизненное пространство для немцев и от политики СССР, стремившегося расширить идеологическое пространство идей коммунизма.

Для европейского капитала разрушенная Югославия представляется желанным «Livenstraum» по аналогии с фашистским «Lebensraum».

Но если последние хоть по форме соответствовали чаяниям большинства людей в мире, жаждущих справедливости, то навязывание американской гегемонии не несет человечеству ничего хорошего, усиливая разрыв между бедными и богатыми, стремясь к роботизации первых и абсолютизации вторых.

Отсутствие сдерживающих начал в этом материальном и идеологическом расслоении мира, какие имели место в лице СССР, повергает мир в глобальный хаос, в котором «сгорят и сами США».

Так, в 2025 г. предполагается, что президентом США станет представитель афро-американского большинства, что приведет к расколу Америки и новой войне на собственном континенте между «севером и югом».

США как наиболее сильная в финансовом и информационно-технологическом отношении страна призывает весь остальной мир к открытости экономики и культуры. Но эта открытость в условиях равновесного соотношения сил просто уничтожает национальную экономику и национальную культуру других стран.

Это имело место применительно к Японии, где американское влияние уже привело страну к потере своего национального суверенитета в политике, а теперь и в экономике.

Это же имеет место и в отношении России, где стремление американцев поддержать курс либеральных реформ делает страну беззащитной по отношению к импорту, уничтожившему национальное производство, а также и по отношению к национальному языку и культуре (американизация русского языка посредством интернетизации средств СМИ; разрушение русского общинного духа в угоду легко подавляемой теми же СМИ индивидуализации образа жизни).

Чем же ответит Россия? Превращением страны в беспрекословного поставщика природных ТЭР и других богатств — лесов и территорий, чистой воды и интеллекта? Высасывание последнего неизбежно приведет страну к призыву очередных варягов, обращению к тем же «западным учителям»: придите и владейте нами. Велика Русь и богата, только порядка в ней нет.

Деятельность нефтяных компаний в России уже сегодня строится по американскому образу, во главе многих уже встали американцы: Кукек и др. Поэтому не за горами стремление ТНК напрямую (через СРП) или косвенно (через скупку акций) стать хозяевами российских недр — нашего главного национального богатства.

Энергия недр — это и энергия народа (по Л. Гумилеву). Дух недр — это и дух народа.

Сделав первое открытым для мирового сообщества, со вторым можно не церемониться — само придет на поклон к сильным мира сего.

Российский ВПК через 10 лет уже перестанет существовать, российская наука — через 20...30 лет в связи с массовой утечкой мозгов, а общинный дух российский — в городах уже перестал существовать, а в деревнях — живет прошлыми воспоминаниями.

Россия при сохранении своего сегодняшнего сиюминутного мышления и отсутствия стратегических решений уже через 5...7 лет лишится всякого военного

потенциала, а еще через 10...15 лет — и ресурсного, не говоря уже об интеллектуальном и духовном уровне.

Поэтому попытка даже начать обсуждение некоей значимой национальной идеи была встречена в штыки проамерикански настроенными специалистами избирательных метатехнологий. Ни в 1996 г. во время избирательной кампании Ельцина, ни в 2000 г. кампанией Путина эта тема даже не озвучивалась, а словесные упражнения Зюганова были совершенно примитивными и неискренними.

Яркий пример отсутствия стратегического мышления продемонстрировал В.С. Черномырдин во время своего повторного (после Кириенко) представления на должность премьер-министра в Государственной Думе. Даже демагог Жириновский (а демагог, по определению, вождь народа) на этом заседании произнес ту речь, которая могла бы сделать власть привлекательной в глазах избирателей: противовес американизации страны, альянс с исламом, возрождение гордости у народа за свои ценности.

Но... власть ничего этого так и не поняла.

Поэтому Россия безнадежно застряла на 2-ой ступени технологической лестницы — эксплуатации своих недр с помощью достаточно примитивных средств добычи и использования ТЭР.

Это означает, что на этой лестнице нас всегда будут пинать сверху, либо на наших плечах другие (читай США) поднимутся ещё выше, сбросив нас окончательно вниз либо сохранив для своей остойчивости, пока наш ресурсный фундамент не прогнил окончательно.

А выход один — сойти с *этой* лестницы и начать строить другую, свою собственную либо в альянсе с восточными народами, также тяготящимися американско-европейской зависимостью.

Только переход от американской глобализации мира (единственной лестницы, где все уже расставлены по своим ступеням) к полицентрическому его устройству, где «расцветают все цветы», создает миру необходимые импульсы его долгосрочного устойчивого развития.

Формирование этих ожиданий в сознании масс — главная задача политической и интеллектуальной элиты России.

Поскольку обеспечение «информационного господства» авторы рассматривают в качестве неотделимой подготовки к военным действиям «на уничтожение» (экономическое или физическое), то в качестве ответных действий рассматривается доктрина коллективной безопасности, основанная на принципах асимметричности и неадекватности ответов на агрессию. Одним из важных ответных действий авторы считают разработку компьютерного оружия в виде системы т.н. мутирующих вирусов и вспомогательных программ, разрушающих информационные системы анализа и управления агрессора, а также использование различных «пиаровских средств» не завоевать, а убедить мир, мировое общественное мнение против агрессора и создать ему (и поддерживающим его группам людей в разных странах) реальные

психологические, экологические и прочие неудобства в четкой их увязке с ответными действиями на агрессию. Так, авторы не исключают постановку вопроса об угрозе передачи третьим странам и превентивном использовании оружия массового поражения против США и его напарников по агрессии (агрессор всегда боится сдачи). В качестве ответных асимметричных действий против агрессора авторы предлагают набор террористических мер, в виде ударов по инфраструктуре, создающих массовые и болезненные неудобства населению (например, переключение насосов на городских канализационных установках на обратный ход), что должно понудить граждан выступить против агрессивных правительств на чужих территориях.

Асимметричность ответных воздействий со стороны России на глобальную информационную, экономическую, технологическую и военную агрессию означает не соревнование с США и другими странами-лидерами в заранее проигранных видах, а разрушение их компьютерных систем виртуального мира путём программного их заражения и физического уничтожения, используя тот факт, что без «компа» американец не компетентен ни в какой области — ни в военной, ни в медицинской, ни в финансовой, ни в технологической.

Однако эти действия могут дать лишь выигрыш времени для переключения на новые траектории развития, на которых она может «перегнать не догоняя» США и другие индустриально развитые страны.

Главное средство для этого — использование традиций как основного восточного менталитета: традиций общинного коллективизма, внимание не только к будущему, но и к прошлому, сочетания и примата духовности над материальными благами, забота о ближнем в надежде на ответную адекватную реакцию, усиление роли государства как организатора общественной жизни. «Близость сегодняшнего состояния России к состоянию стран «третьего мира» создаёт серьёзные предпосылки для превращения нашей страны в (лидера — В.Б.), глашатая, защитника и кристаллизатора его интересов, и в достаточно эффективный инструмент гармонизации интересов развивающихся и развитых стран, «Севера и Юга», — с другой» (с. 291).

С этой целью Россия может и должна усилить своё влияние на энергетических рынках этих стран, обеспечивая им условия для формирования собственной инфраструктуры и для проникновения на эти рынки не только со своими сырьевыми ресурсами, но и с соответствующим технологическим оборудованием добычи, переработки и использования жизненно необходимых энергопродуктов и услуг.

Дэн Сяопин писал, что «быть конкурентноспособным в современном мире — значит продавать продукцию на его наиболее ёмких рынках» (с. 292).

Европейские и американские рынки имеют достаточную ёмкость для российских ТЭР, хотя и они ограничены вследствие конкуренции со стороны ОПЕК и прикаспийских государств. Ни с чем другим, тем более с технически конкурентноспособной военной техникой нас туда не пустят. Безнадёжно даже пытаться. Поэтому наш основной взор — на Юг и Восток Азии, где наши позиции более предпочтительны в силу исторически неприемлемого для этих стран диктата

американских монополий во всех технологических, финансовых и информационно-идеологических сферах жизни.

Находясь посредине двух региональных интегрирующихся систем — европейской зоны евро и азиатско-тихоокеанской зоны юаня Россия может выжить как мост трансевроазиатской интеграции, возрождая энергетические, железнодорожные, авиационные, а, главное, информационные коммуникации по оси Восток — Запад и Север — Юг, что неминуемо усилит региональную интеграцию и самих субъектов РФ.

Россия не конкурентноспособна на мировом рынке и пытаться вновь завоевать позиции по старой номенклатуре товаров бессмысленна.

«Условием национальной конкурентноспособности России является сложность — интеллектуалоёмкость производства... Россия может выжить, только будучи умной и решая сложные задачи» (с. 318).

Провозглашаемая либералами «политика малых дел — частных улучшений для России бессмысленна и преступна по своей сути и последствиям. Ведь Россия... просто физически не имеет времени ждать» (с. 322).

«При сохранении современного географического положения Россия может играть роль мирового лидера на таких формирующихся рынках, как *рынки пространства* (для разнообразных коммуникаций...) и *экологических услуг*...» (с. 324).

Необходимо «перейти от задач выживания к задачам развития,... но Россию можно вести только туда, где она нужна миру» (с. 325).

«Просто ещё один источник традиционного минерального сырья развитым странам не нужен» (А. Кох, с. 326).

«Ценность России для человечества не в богатстве её недр, теряющем значение по мере распространения информационных технологий. Ценность России для информационной эры прежде всего в оригинальном взгляде на мир, в становящейся главным фактором производительности труда национальной культуре, нестандартном мироощущении, наконец, в интеллекте... Наше преимущество... кроется в общественной психологии, национальном характере, который в целом не позволяет им (другим странам) создавать творцов и революционеров — только добросовестных исполнителей, хотя и высокого уровня» (с. 326-327).

«России пора решительно взять долгосрочный курс на формирование единой российской нации, единого российского народа «по типу новой исторической общности людей — советского народа» и «единого суперэтноса, наподобие сложившегося в США».

«Поддержание самоидентификации, включающей сильные элементы мотивации, особенно важны для технологически отсталых обществ (пример СССР в период индустриализации — В.Б), которые не могут обеспечить гражданам навязываемой мировой культурой уровень жизни и стандарты потребления и

поэтому должны прибегать к дополнительным нематериальным мотивациям для сохранения в стране национального капитала и интеллекта...

Критическое значение имеет наличие национальной (на самом деле общественной) идеи.

И здесь мы можем и должны в максимальной степени использовать свой собственный исторический дореволюционный и послереволюционный опыт: взяв на вооружение современные метатехнологии формирования сознания — общественную идею — «государство для всех» и «служение (такому) государству» — объединить усилия в реальном восстановлении Россией своего общественно-политического статуса.

Формирование позитивных ожиданий, целей и механизмов нашего собственного развития — реальный путь к развитию России и её граждан.

Биотическая регуляция устойчивого развития Земли

*В.И. Данилов-Данильян, К.С. Лосев «Экологический вызов и устойчивое развитие»
— М: Прогресс — Традиция, 2000, 413 с.*

XX век стал предкризисным периодом для нашей Планеты, ибо резко возросла антропогенная нагрузка на окружающую среду.

Оксид азота	ВВП, млрд дол.	Население	Метан	Концентрация CO ₂ , (частей/милл)	Оксид азота
1990 г.	60	1,6	1,0	300	300
1995 г.	—	—	1,2	315	400
2000 г.	20000	6	1,65	350	510

При собирательстве человек использовал свою метаболическую мощность 130 Вт, при первобытном скотоводстве — 300 Вт, во время промышленной революции — 3,2 кВт.

Скорости технического прогресса и биологической эволюции различаются на порядки.

Отсюда авторы делают выводы, что для сохранения устойчивого развития есть только один путь — сохранение регулятивного потенциала природной среды, т.е. снижение антропогенной нагрузки на природу до уровня естественного потребления энергии человеком, т.е. не выше 1 ТВт, а сейчас уже — до 10 ТВт.

«На душу населения в мире добывается ежегодно около 53 т сырья, которое с помощью 800 т воды и энергии мощностью порядка 3 кВт перерабатывается в конечные продукты...

Проводя эту гигантскую работу, человечество, в конце концов, получает столько же отходов, в т.ч. 0,1 т опасных отходов на одного жителя планеты» (с. 37).

Ссылаясь на работы В.Г. Горшкова, авторы утверждают, что человек «замыкает на себя поток энергии в биосфере в виде примерно 40% глобальной чистой первичной продукции... Из этих 40% непосредственное потребление в антропогенном канале не превышает 10%» (с. 30).

Со ссылкой на Шлихтера (1996 г.) приводятся данные о разведанных и доказанных запасах нефти в мире в зависимости от производственных издержек на ее добычу.

Так, при издержках менее 30 дол./т общие и доказанные запасы равны 90 млрд т; менее 140 дол./т — общие запасы — 270 млрд т, а доказанные — 165 млрд т; всего же, включая шельф при издержках более 220 дол./т — 530 и 165 млрд т соответственно» (с. 82).

Готово ли общество оплачивать такие издержки?

Сегодня стоимость энергоносителей в мире составляет почти 1000 млрд дол. (100 дол./т x 10 млрд. т н.э.), из которых $\frac{3}{4}$ субсидируются государствами (в т.ч. и США, Китаем и Россией).

Если мировой ВВП составляет 20 000 млрд дол., из которых 90% — стоимость виртуальных продаж, и только 2 000 млрд дол. — стоимость реального продукта. Готово ли общество платить и дальше почти 50% от этой суммы — на свое энергоснабжение.

Наверное, нет.

Будут исчерпаны дешевые ТЭР и их действительно может хватить не более чем на 50...100 лет.

При нынешних издержках (и ценах) и ежегодном потреблении нефти 6 млрд т доказанных запасов хватит на 15 лет (??!). Даже 4-х кратный рост цен (и издержек) при нынешнем объеме потребления нефти удлинит этот срок на 25...30 лет.

Разумеется, надо проверить данные Шлихтера, но это не меняет общей тревожной картины энергетического будущего мира.

То же и по газу.

«Мировые доказанные извлекаемые запасы природного газа (1996 г.) составляли 148 трлн м³ (121 млрд т н.э.), а годовая добыча газа — 2,2 трлн м³ (1,8 млрд т н.э.), т.е. обеспеченность запасами только текущей добычи составляют 66 лет». (О.М. Ермилов, К.Н. Миловидов, Л.С. Чугунов, В.В. Ремизов — Стратегия развития нефтегазовых компаний — М: Наука, 1998, с. 34).

Разумеется, есть нетрадиционные ресурсы газа, запасы которых на порядок больше (1400 млрд т н.э.), но... каковы издержки (и цена) этого газа?

Ясно одно, что обеспеченность запасами (число лет)

$$T = \frac{V_3 / \text{Изд}}{V_2 / \text{Цена}}$$

Отношение Изд./Цена будет непрерывно расти, поэтому обеспеченность ресурсами будет падать.

Возникает вопрос, что раньше: исчерпаемость экономически приемлемых для общества ТЭР (как и других энергоресурсов — например, солнечной, освоение которой сопряжено с неизменным удорожанием для общества — а готово ли оно нести эти расходы) или экологические ограничения на техногенную (антропогенную энергетическую) деятельность человечества.

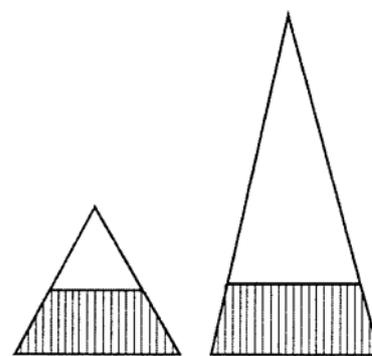
«Человек живет в биосфере и развивает в ее пределах хозяйственную и другую деятельность, т.е. строит свою цивилизацию внутри биосферы и за счет разрушения части биосферы» (с. 96-97). Основой биосферы является биота — совокупность всех живых организмов. Именно за счет биоты осуществляется регуляция окружающей среды, что позволило иметь на земле $t^o = +10^o \dots +20^o$ при всех глобальных изменениях.

Но связывать все с биотой некорректно. Стабилизация климата на Земле есть следствие и электромеханики ее вращения (Копылов И.П.). «Живая Земля» находится под воздействием и электромеханических процессов (замедление ее вращения высвобождает энергию больше всей энергии ТЭС) и термодинамических (солнце и парниковый эффект) и биохимической энергии.

Авторы обсуждают различные определения понятия «устойчивое развитие» и его качественные индикаторы. При этом они исходят из того, что любая энергия (а, следовательно, и любая хозяйственная деятельность — В.Б.), используемая человеком, направлена на разрушение окружающей среды» (с. 131). Поэтому, по их мнению, «экономическая подсистема должна... сократить потребление ресурсов, но величина и разнообразие конечной продукции должны расти» (с. 109). По сути дела — это призыв к развитию виртуальной экономики, оторванной от реальных потребностей общества.

Можно говорить о росте мирового ВВП **преимущественно** за счет сферы нематериальных услуг (и сегодня 90% всех сделок в США — с виртуальным товаром), но, чтобы финансовая пирамида не перевернулась, у нее должно быть надежное материальное основание.

Соотношение материальной (заштриховано) и нематериальной (белое) доли ВВП может меняться в сторону последней (объем чистой площади треугольника), но материальная база (объем

заштрихованной части) не должен сократиться, чтобы пирамида не перевернулась. Угол наклона не должен быть близок к 90°, чтобы «боковой ветер» не опрокинул пирамиду, уже сегодня на 90% состоящую из виртуальной экономики.

Поэтому принять основной тезис авторов (стр. 109) нельзя, как нельзя отрицать (а они это делают) и коэволюционное развитие природы и человека (Н.Н. Моисеев).

«Нет ни малейших причин предполагать какую бы то ни было эволюцию биосферы «в сторону человека», а стало быть, и научно обоснованных мотивов применять термин коэволюция» (с. 149).

Авторы не совсем правы (совсем неправы) утверждая, что человек только разрушает природу, а восстанавливает ее — только биота. Даже если оставаться на позициях биологического происхождения нефти и газа (что оспариваемо), то утверждать, что скорость восстановления природной среды за счет действия биоты на несколько порядков меньше, чем скорость изъятия человеком этих ресурсов, и потому фактически призывать к мораторию на хозяйственную деятельность — ничем не обосновано.

Авторы как бы и противоречат сами себе, утверждая, что до 1900 г. человечество потребляло 1 ТВт энергии, и это было допустимо с точки зрения восстановительных возможностей среды, то в XX веке потребление достигло 10 ТВт, и это 10-кратное превышение допустимого уровня не привело к необратимым природным последствиям, а явилось только спусковым крючком для грядущих экологических катастроф (каких — ?). Что это за предел, который можно превышать в 10 и более раз — и ничего страшного не происходит. «Биосфера едина как саморегулирующаяся система, таковой и останется, что бы ни творил человек» (с. 151). Авторы возражают против того, чтобы биосфера рассматривалась как составная часть ноосферы (предложение А.Д. Урсула и др. философов), они за то, чтобы биосфера, наоборот, включала в себя любые человеческие сообщества и цивилизации, в т.ч. и образуемую ими ноосферу.

Это противопоставление — бесперспективно.

И то и другое образуют единый Экос.

Поэтому некорректно говорить, что уют в доме может быть создан только за счет «чистого воздуха».

Если, как говорил В.П. Казначеев, человечество научится создавать автотрофные организмы как независимые от биоты источники пищи, а для этого нет принципиального запрета, то роль биоты не будет столь определяющей.

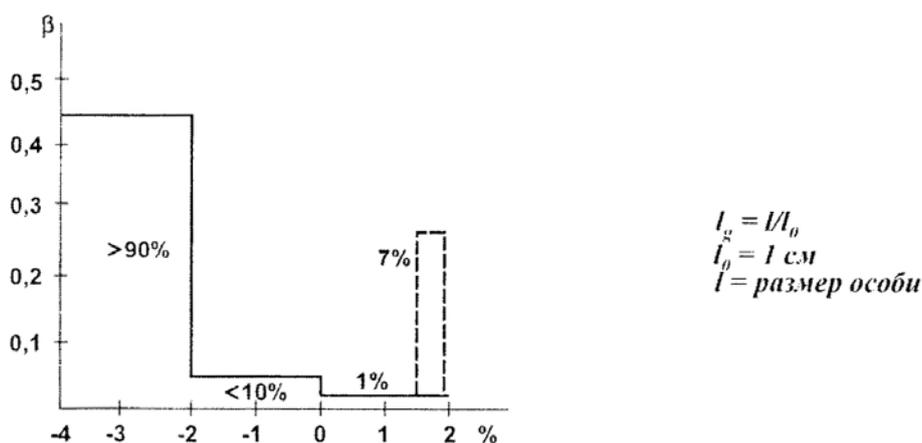
Поэтому биоту и биосферную часть природы надо не демонизировать, не делать из нее «табу» на хозяйственную деятельность, а пытаться использовать ее возможности регулировать связи в природной среде для построения единого эколого-энергоэкономического Экоса.

Нельзя согласиться с основным выводом авторов, что «исходя из невозможности и нецелесообразности передачи регулятивных функций биоты

техническим системам (почему техническим, а не химическим или социально-духовным и др. — В. Б.), единственный способ разрешения экологических проблем — сокращение антропогенного воздействия на биосферу до уровня, при котором она возвратится в невозмущенное состояние и сможет устойчиво оставаться в нем, поскольку регулирующие способности биоты будут достаточны для его поддержания (этот предельный уровень называется хозяйственной емкостью биосферы). Выполнение данного условия и является критерием **«устойчивого развития»**.

Если сама биота остается стабильной за все время своего существования и не допускается никакого (сверх предела, уже превзойденного в 10 раз и ничего) антропогенного вмешательства человека в природу, то о каком развитии идет речь. А неразвивающаяся система гибнет. И уже безразлично от чего — от отсутствия внешних биоресурсов или от загнивания внутри себя, не допуская эти отходы во вне.

«Научной» основой для утверждений авторов о т.н. биотической регуляции окружающей среды является приведенный в книге рисунок 4.2.1. на с. 165 из работы В.Г. Горшкова о распределении скорости разложения (деструкции) органических веществ на суше по размерам тел организмов.

β = отношению спектральной плотности относительной деструкции, производимой организмами с размером тела l , к чистой первичной продукции (продукции растений суши).

Честно говоря, не очень понятно, что же такое плотность деструкции. Если это — величина расходуемой биоты, 90% которой приходится на долю бактерий, то как это увязывается с энергетической характеристикой — величиной предельного потока энергии, который человечество имеет право потреблять.

Этот предел авторами (со ссылкой на рис. Горшкова В.Г.) оценивается в 1%, считая, что 90% естественного притока энергии извне (от солнца) должно идти на питание мелких (до 1 см) организмов, формирующих биоту.

Но ведь биота (и с ее помощью углеводороды, флора и фауна) формировалась многие годы, а затраты энергии = 1-2 ТВт в год.

В то же время человек потребляет уже 7% (вместо допустимого 1%) чистой первичной продукции, что адекватно (по мнению авторов) величине потока энергии, замыкаемого на человеческую популяцию, превосходя предел возмущения глобальной экосистемы в виде величины потребления чистой первичной продукции 1 Гт С/год (одну гигатонну углерода).

«Чистая первичная продукция — это общее количество биомассы, выраженное в тоннах, ваттах или джоулях, производимое растениями на данной территории за год, после вычитания из нее затрат на поддержание и рост самих растений» (с. 204). Для Австрии, например, общая энергия наземной растительности оценивается величиной 1,5 Пдж/год, однако за счет человеческой деятельности эта величина снижается почти в половину (на 42%), что примерно соответствует среднемировому уровню биопотребления (40%). Есть ссылка на работы Лосева (1993 г.) для России, где величина потребления только для центральных районов приближается к среднемировым, а в целом — ниже.

Отсюда делается вывод, что России проще перейти на путь устойчивого экоразвития, однако оценки эконокапитала (Тарко А.М.) или предела хозяйственной деятельности остаются открытыми.

Это — самый главный вопрос: каков предел хозяйственной емкости экосистемы, измеряемой величиной антропогенного потока энергии. Однако вопросов остается больше, чем ответов на основе одного этого рисунка:

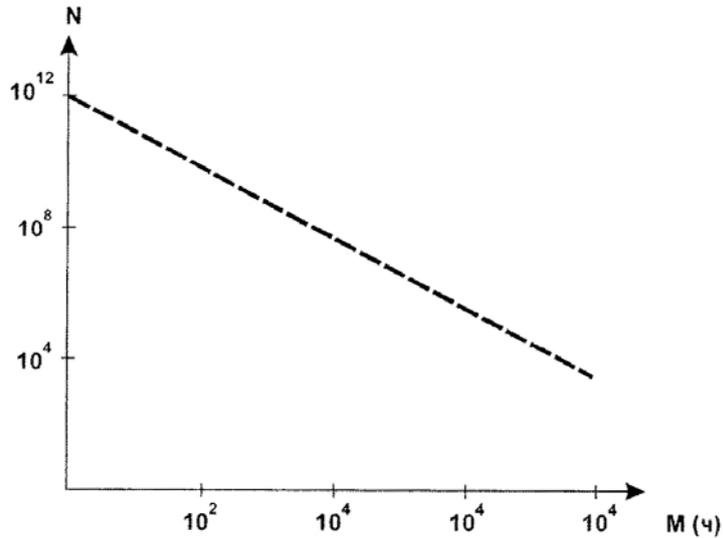
- как связать поток падающей (от солнца и др. источников) энергии с долей ее потребления (и производством энергоносителей и др. составляющих хозяйственной деятельности) человеком;
- как соотнести антропогенные энергетические выбросы в окружающую среду с естественными колебаниями энергетического потенциала планеты сточки зрения их влияния на климат планеты, на биоту;
- каков предел устойчивости биоты с точки зрения ее способности регулировать и поддерживать среду обитания человека.

Поэтому польза этой книги не в ответе на поставленные вопросы (их нет), а в стимулировании новых подходов к выявлению роли природного, экономического и духовного (этического — по мнению авторов) факторов в обеспечении устойчивого развития всей системы Экоса, а не отдельной биотической, цивилизационной или ноосферной подсистемы.

Что такое человек в этой системе Экоса?

Авторы приводят любопытную зависимость (со ссылкой на Акимову) между массой тела и численностью млекопитающих (рис. 5.9.1. на с. 321).

Можно сделать вывод, что $M \cdot N = 10^{12} = \text{Const}$.

По этой кривой (оставаясь на позициях животной физиологической сущности человека) людей на планете должно быть $N = 10^{12}/M = 7 \cdot 10^4 = 13 \cdot 10^6 = 13$ млн человек, а на самом деле — 6 млрд = $0,6 \cdot 10^{10}$, т.е. на 3,5 порядка больше.

Даже на 1900 год численность населения Земли составляла 1,6 млрд человек, на 2 порядка выше, чем следует из приведенной диаграммы. В то же время никакой экологической катастрофы от перенаселения Земли авторы на тот период не видели.

Значит, нельзя популяцию человечества отождествлять с данной зависимостью. По-видимому, дело в том, что адаптационные возможности Homo sapiens много выше, чем у других млекопитающих и живых существ вообще. И поэтому условия развития этой популяции определяются не только биологическими, но и социальными законами.

Рассматривая различные проекты устойчивого развития, представленные на конкурсе в Минэкологии РФ, авторы резко отрицательно отнеслись ко всем.

Но особо подробно ими рассмотрен (в отрицании предложенного) проект В.С. Голубева и др., основанный на «соцэволюционной теории устойчивого развития» (с. 231-236).

Авторы (голословно) утверждают, что «биота не описывается термодинамикой... Поток солнечной энергии биота использует для поддержания этой упорядоченности (жизни — В.Б.) — стабилизации генетической информации и окружающей среды, но не для создания упорядоченности» (с. 234).

Отрицая эволюционный путь негэнтропийного развития живых систем, авторы просто игнорируют общеизвестные факты о пассионарности (по Л. Гумилеву) живых, в т.ч. человеческих сообществ, о мутационном происхождении новых видов жизни, о том, что сама биота сформировалась путем перехода от анаэробного развития к аэробному кислородному энергетическому обмену.

Эта тема достаточно подробно обсуждена и у Т. Шардена и у В.П. Казначеева и в моей работе «Я — Мы — Они»: живой и неживой мир развиваются от простого к

сложному, однако это усложнение связано не только с количеством атомов, молекул и популяций, а с их организованностью, в т.ч. и за счет пополнения структурной энергией биоты в результате фотогенеза.

Но биота — это только часть биоценоза, где между живыми субъектами действуют не только биологические связи, но и полевые контакты, а биоценоз, в свою очередь, это часть биосферы, в которую Человек входит так же, как он входит и в социум.

Поэтому социоприродная теория, которая может быть построена не просто на биотических представлениях, а на базе теорий негэнтропийного развития* — это база для научного обоснования устойчивого экоразвития единой системы Экоса, включающего и природную и социальную среду, в которой живет и с которой взаимодействует Человек.

Постиндустриализм

«Новая постиндустриальная волна на Западе»

Антология/под ред. В.Л. Иноземцева, М: Academia, 1999, 640 с.

Запад переживает «переход от товаропроизводящего хозяйства к сервисной экономике» (с. 5). В этом авторы сборника видят суть постиндустриального развития, которое завершает триаду о трех обществах: первое (доиндустриальное — В.Б.) представляет собой взаимодействие с природой, второе — взаимодействие с преобразованной человеком природой, а постиндустриальное общество выступает в таком случае как взаимодействие между людьми» (Д. Белл. с. 30).

В первом обществе (аграрном) основным ресурсом было сырье, извлечение продуктов из природных материалов, а не их производство, труд, а не капитал; второе (индустриальное) общество использует энергию для получения необходимых материальных благ; третье — постиндустриальное — своим основным ресурсом имеет знания (информацию), причем их использование не уничтожает продукта (как при материальном производстве), а, наоборот, приумножает их (с. 25-27).

«Каждая новая формация ... не отрицает и не замещает предшествующей, а «покоится на ней как на своем базисе (К. Маркс) или «добавляет к ней новое измерение» (Д. Белл, стр. 33).

Отсюда — схема 3-х секторов общественного производства — первичного, охватывающего сельское хозяйство и добывающие отрасли, вторичного, к которому относилась (и относится — В.Б.) прежде всего обрабатывающая промышленность, и третичного, представленного сферой услуг» (с. 37).

* (См. В.С. Голубев. Введение в синтетическую эволюционную экологию — М.: Папирус Про, 2001 и В.В. Бушуев, В.С. Голубев «Основы эргодинамики» — М.: ИАЦ «Энергия», 2003)

В 1991 г. в США впервые расходы на приобретение информации и информационных технологий, составившие 112 млрд дол., стали больше затрат на приобретение производственных технологий и основных фондов, не превысивших 107 млрд дол.» (с. 38).

Поэтому понятие ВВП становится анахронизмом, ибо «не в состоянии отразить ущерб, который наносится обществу и окружающей среде их использованием... За пределами содержания ВВП остается значение и роль нематериальных активов» (Иноземцев В.Л., с. 53).

Объем ценных бумаг (акционерный капитал) далеко не всегда соответствует значению реального хозяйственного потенциала. Так, многие компании, производящие информационные ресурсы, перераскручены с помощью СМИ, тогда как в России искусственно занижалась курсовая стоимость акций многих компаний ВПК и ТЭК и они за бесценок перешли в частную собственность, в т.ч. и зарубежных акционеров.

Это еще раз говорит о возросшем значении «рынка ожиданий», формируемого рекламой, пиаровскими и другими информационными средствами. Наблюдается эффект положительной обратной связи, когда информация возбуждает новый информационный бум.

В этой связи повышается субъективная роль человека как генератора и потребителя информационных услуг, СМИ воздействуют на его индивидуальное подсознание. Однако значимым становится и социальный фактор в виде совокупности межличностных отношений. Не отношений между собственником и наемным работником, а межличностных отношений на работе, в быту и т.д.

В этой связи Фр. Фукуяма говорит, что «благополучие нации обусловлено единственной всепроникающей культурной характеристикой — уровнем доверия, присущим данному обществу» (с. 129). «Человеческий капитал — это знания и квалификация, способность людей общаться друг с другом» (там же).

Поэтому «закон, договор, экономическая целесообразность необходимы, но не достаточны в качестве основы стабильности и благополучия постиндустриальных обществ; к ним следует добавить такие понятия, как принципы взаимности, моральные обязательства, долг перед обществом и доверие, которые основаны на традициях и обычаях, а не на рациональном расчете» (с. 131).

Хотя здесь несомненно сказалась естественная приверженность автора японскому семейному коллективизму, но не считаться с возрастающей ролью межличностных отношений в XXI веке нельзя.

«Основные характеристики социальной системы будущего, где доминирующая роль материального производства окажется в общем и целом преодоленной», определятся «ролью и значением человека как субъекта производства и активной личности» (Иноземцев В.Л., с. 59).

Сегодня «знания начали рассматривать как среду **действия** (П. Дракер, «Посткапиталистическое общество», с. 70).

Это смыкается с доминирующим принципом ноосферы, где, по определению Вернадского, человеческая **разумная** деятельность станет не просто важнейшей производственной силой, а самоцелью и средством активной материальной и духовной жизни в их органическом единстве.

Если «Сократ полагал, что единственная функция знания — это самопознание. .., то Протагор утверждал, что цели знания — сделать деятельность человека более успешной и эффективной» (П. Дракер, с. 78).

В XXI веке оба эти понятия слились в одно, ибо цель деятельности все больше и больше сводится к самопознанию, к осознанию места человека в едином социально-природном мире, в Экосе.

Экономика как наука о хозяйствовании все больше уступает место экологии как науке о гармонии в Экосе.

И если сторонники «информационного общества», приходящего на смену постиндустриальному, пытаются втиснуть знание как главный ресурс в систему экономических взаимоотношений социума, то на самом деле происходит переход к постэкономической формации, где знание из средства переходит в самоцель личностного и общественного развития, ибо только осознанные знания представляют собой совокупность отношений в системе «природа — общество — человек».

В этом отношении материального и ноуменального вновь возникает тезис Аристотеля: «богатство — отнюдь не то благо, которого мы ищем, оно лишь средство достижения чего-то еще... Удовольствия, добродетель или почести с большим основанием могут рассматриваться как благо, поскольку их жаждут ради них самих» (цит. по ст. Ч. Хэнди, Алчущий дух, с. 167).

В этой связи Ч. Хэнди рассуждает об ограниченности роли денег и рыночных механизмов для достижения истинных целей человеческого развития.

«У коммунизма была всеобщая цель — искоренение бедности, гарантированная работа и крыша над головой у каждого — но не было механизма ее достижения, тогда как у капитализма есть механизм, но нет общей цели» (Ч. Хэнди, с. 179).

Поэтому «развитие личности идет по поступательной от поиска средств к существованию, через ориентацию на внешний мир к ориентации на мир внутренний» (Ч. Хэнди, с. 183), т.е. по лестнице: Выживание— Достижение — Самовыражение.

Поэтому рынок «представляет собой лишь механизм, а не философию». Рынок — великое изобретение, но работает он лишь тогда, когда... представляет покупателю возможность выбора» (с. 170-171). По сути дела, рынок есть отражение той обратной связи, которая существует в системе с взаимодействующими частями. Когда человек обменивает свой товар на чужой, но желаемый ему, меновые рыночные отношения стимулируют адекватность этого обмена и стоимость производства этого товара. Но когда человек начинает интересоваться не товарами и услугами массового производства, а желаемыми отношениями (вещный товар заменяется функциональным отношением человека и интересующего его продукта деятельности

других субъектов: знаниями, дружбой, искусством, впечатлениями от природы и т.п.), деньги перестают быть эквивалентом такого обмена, уступая место индивидуальной оценке приглянувшегося ему продукта или желаемым им отношениям с другими субъектами, в т.ч. социально-природными субъектами-объектами.

Экономические отношения в их абсолютизации рынка привели к неоправданно широкому расслоению людей и стран по их материальным доходам, тогда как человеческие способности не поддаются такой дифференциации.

Так «на один процент населения (в США— В.Б.), владеющего 40% богатства, вовсе не приходится 40% общего коэффициента умственного развития» (Л. Туроу. Будущее капитализма, с. 189). Имущественное расслоение отнюдь не соответствует такому же различию человеческого капитала. «Человек, чьи способности на 10% превышают средний уровень, зарабатывают в 4 раза больше, чем тот, чьи способности превышают средние на 5%..., (а уже затем — В.Б.) богатство производит богатство, и этот процесс не имеет предела» (стр. 190).

Для того, чтобы поднять этот средний уровень (человеческого капитала и дохода), необходимо формировать средний класс, который «был создан демократическими правительствами, а не рынком» (с. 192), стимулирующими образование, науку и культуру как главный источник пополнения человеческого капитала. «Капиталистические рынки способны эффективно обеспечить людей необходимыми им товарами и услугами, за исключением того малого, что именуется чисто общественными благами» (с. 195). К числу таких благ относится и состояние окружающей среды, в т.ч. безопасность и социальная стабильность в обществе, а также духовный комфорт и экологическая обстановка в регионе, стране и на земле в целом. В последнее время к числу таких внеэкономических благ относятся и национальный дух, стимулирующий либо интеграцию народов либо этнический сепаратизм.

«Нации объединяет либо внешняя угроза, либо мощная внутренняя идеология, какой и был коммунизм» (Л. Туроу, с. 214).

Сегодня перед каждой страной стоит задача формирования национальной идеи, цементирующей государство. И разговоры об «общечеловеческих ценностях» нужны США только лишь для того, чтобы возвысить свою нацидею «Америка превыше всего», как это было в своё время и в Германии и в СССР.

Поэтому государство во все времена использовало всевозможные рычаги для того, чтобы обеспечить национальное самосознание, базирующееся на материальном и духовном благосостоянии своих граждан.

«Без вмешательства государства современная экономика не может функционировать нормально и стабильно» (Дж. Гэлбрейт Справедливое общество, с. 230). Гэлбрейт оспаривает мнение о всеобъемлющей роли рынка, основанного на частной собственности. «В качестве общего правила всеобщая приватизация сегодня также неприемлема, как и социализм... Существует огромная область хозяйственной деятельности, в которой роль рыночных механизмов не подлежит сомнению и не

должна оспариваться; но есть и не менее обширная... постоянно разрастающаяся... область, где услуги и функции государства или жестко необходимы, или представляются весьма целесообразными с социальной точки зрения» (с. 231).

«Активное регулирование является исключительно важным для эффективного функционирования экономической системы» (с. 242). Но кроме экономики, возрастает роль моральных, экологических и других нематериальных факторов, которые становятся все более значимыми «для обеспеченного человека», но которые не составляют предмета заботы рыночных сил, действующих в сиюминутных интересах, а не ради прогресса общества. Поэтому «в справедливом обществе более равномерное распределение доходов должно стать основным принципом современной государственной политики» (с. 238).

В будущем постиндустриальном обществе «особое значение имеет грядущее крушение системы ценностей, в основе которой лежит достижение материального богатства» (О. Тоффлер. Адаптивная корпорация, с. 456).

Для постэкономической системы ценностей, когда минимальные материальные нужды людей будут удовлетворены, очень важно учитывать следующие положения, которые позволят правильно выбрать стратегию менеджмента корпораций:

- «—Существуют пределы экономии, получаемой за счет масштабов деятельности...

- Информация играет столь же важную, если не большую роль, как земля, рабочая сила, капитал и сырье.

- Мы движемся от массовой фабричной системы в направлении «кустарного» производства, «штучного» интеллектуального труда, в основе которых лежат информация и супертехнологии; конечным продуктом этого движения будут не миллионы стандартизованных законченных изделий, а индивидуализированные товары и услуги.

- Организационная форма наиболее эффективна, если строится не по бюрократическому принципу, а по принципу адхократии, когда каждый организационный компонент представляет собой модуль, созданный для решения одной конкретной задачи, и взаимодействуют со многими другими по горизонтали, а не только в соответствии с вертикальной иерархией...

- Развитие технологии не обязательно равнозначно «прогрессу» и, если не будет постоянно контролироваться, может фактически уничтожить уже достигнутые результаты...

- Для большинства людей работа должна быть разнообразной и ответственной, требующей способности принимать решения, выносить собственные суждения и оценки» (О. Тоффлер, с. 458-459).

Еще более важным становится проблема постэкономических ценностей, когда от уровня одной корпорации мы переходим к взаимоотношениям между государствами.

«Вселенная — это область субъектов, а не комплекс объектов» — по словам преподобного Томаса Берри (цит. по А. Гор. Земля на чаше весов, с. 571). Современные технологии включают в себя не только орудия труда и устройства, но и системы и методы организации Социума и Экоса.

Информационные технологии должны не просто производить новые данные — знания, а должны способствовать их целенаправленному использованию для организации социально-общественной и природно-этического бытия человека.

«Очевидный экономический рост во многом может оказаться иллюзией из-за неспособности учитывать сокращение природных богатств» (Математик Колин Кларк — цит. по А. Гор, с. 566).

«Самое легкое — это искусственно увеличить ценность того, что находится внутри круга, за счет недооценки всего, что осталось за его чертой» (с. 565).

«Стремление к односторонне понимаемому экономическому росту... является главной причиной нарушения экосистемы» (Иноземцев, с. 573).

«В интересах физической устойчивости (системы «население — экономика — среда») материальное производство и выработка энергии в обществе должны, согласно экономисту Герману Дали, удовлетворять трем условиям:

- Коэффициенты использования возобновляемых ресурсов не должны превышать коэффициентов их регенерации.
- Коэффициент использования невозобновляемых ресурсов не должен превышать темпов производства их возобновляемых заменителей.
- Коэффициент интенсивности выброса загрязняющих веществ не должен превышать коэффициента их ассимиляции окружающей средой» (Д. Мидоуз, Д. Мидоуз, Й. Ранддерс. За пределами допустимого, с. 594).

Однако эти тривиальные условия не отражают динамику и адаптивные свойства самоорганизующей системы (природа — общество — человек)».

Важно не превышение некоторых пороговых значений — пределов отбора полезных ТЭР из природной среды или выбросов (отходов), поступающих в среду, важна реакция всей системы Экоса на наши действия.

Более предпочтителен в этом плане «индекс устойчивого экономического благосостояния» (Index of Sustainable Economic Welfare — ISEW), который разработан неправительственной экологической организацией New Economic Foundation (NEF), который по сравнению с ВВП дает более объективную картину эколого-экономического развития общества (с. 598).

Э. Вайцеккер, Э. Ловинс, Л. Ловинс в работе «Фактор четырех», говоря об эффективности производства и рациональном использовании природного сырья и

энергии, предлагают принцип «в 4 раза», означающий, что «производительность ресурсов (энергетическая производительность — energy productivity) может и должна увеличиться в 4-кратном объеме, т.е. в 4 раза должно увеличиться богатство, получаемое за счет разработки природных ресурсов, что даст возможность жить в 2 раза лучше и тратить в 2 раза меньше» (с. 600).

Эффективность совсем не тождественна ограничениям, дискомфорту и лишениям.

Эффективность (ресурсоэффективность = производительность ресурсов) имеет целью:

- 1.бПовышение качества жизни.
2. Уменьшение уровня загрязнения окружающей среды и преодоление проблемы истощения ресурсов.
3. Экономия финансовых средств (снижение расходов на ТЭР — В.Б.)
4. Контроль над рынком и активизацию бизнеса (рынок энергосберегательных технологий — В.Б.)
5. Многократное использование средств (вложения в другие жизненно важные сферы при ограниченности общих ресурсов — В.Б.).
6. Повышение безопасности (снижение борьбы за обладание ресурсами — В.Б.).
7. Обеспечение равенства и занятости (повышение производительности человеческого капитала — В.Б.)...

Фирмы должны избавляться от непроизводительных киловатт/часов, тонн и литров, а не от своих работников» (с. 606-607).

«Экономическая эффективность — это всего лишь средство, а не самоцель» (с. 629). «В экономике не находит своего полного отражения цель существования человека...» (с. 628). Мы должны «вернуть экономике тот смысл, который некогда был заложен в этом греческом слове, буквально означающем «управление домом» (с. 625). «Пытаясь создать устойчивую цивилизацию, мы должны научиться ценить все неэкономические преимущества и потребности и признать при этом, что их разрушение зачастую бывает результатом прямого предложения экономических благ» (с. 625). Поэтому понятие «ВВП служит отражением не благосостояния, а всего лишь той деловой активности, финансовые результаты которой поддаются определению» (с. 622).

Поэтому более предпочтителен индекс ISEW, говорящий о том, что «те ресурсы, обретение которых является нашей настоящей задачей, таятся не в физическом мире, а заложены в каждом из нас» (с. 629).

Тенденции и противоречия постэкономического общества

(Вл. Иноземцев. *Расколота цивилизация* - М: Academia - «Наука, 1999, 724 с.)
«Всеми свое время...» Екклизиаст

Конец II-го тысячелетия и вхождение мира в новую эпоху знаменуется переходом от индустриально-экономического к постиндустриальному постэкономическому обществу, наиболее выразительно проявляющемуся в развитых странах, достигших достаточного материального развития, чтобы не заботиться о «хлебе насущном» для своих граждан и все чаще выступающих за приоритет нематериальных ценностей — информации и знаний.

Однако эти приоритеты западными социологами и футурологами, а Вл. Иноземцев по факту самого обобщения их подходов относит себя к их числу, выводятся не как самодовлеющие ценности в общественном сознании, а как стимулы, обеспечивающие гражданам более высокий уровень материального благополучия и других общественных благ.

Автор все время пытается подчеркнуть, что постэкономическая революция конца XX века — принципиально отличается от феодальной и капиталистической революций II-го тысячелетия, направленных якобы только (преимущественно) на рост производительности труда для укрепления материальных основ жизни. Отличие он связывает с «переходом к постматериальной мотивации, преодолением традиционных форм товарного обмена и частной собственности» (с. 6-7). В то же время он небезосновательно утверждает, что, цитируя Р. Инглегарта, «постмодернистами становятся чаще всего те, кто с рождения пользуется всеми материальными благами... люди же, с юности стремившиеся добиться экономического успеха, впоследствии гораздо реже усваивают творческие модели поведения и становятся носителями постматериалистических идеалов» (с. 488).

В этом коренное отличие американских постматериалистов и сторонников абсолютного приоритета духовного саморазвития личности, каковым выступал Н. Рерих и др. идеалисты.

Последние опережали события и их теории личного самосовершенствования как отражения буддийского подхода самотстранения от материальных интересов не получили широкого распространения.

В директивах и программах КПСС была сделана попытка провозгласить не примат одного над другим (духовности и материализма), а гармоническое развитие личности в общественной среде. Однако при этом происходило забегание вперед реалии: гуманизм без материального достатка так же неустойчив, как и бездуховный материализм, приводящий к деградации личности. «Не хлебом единым жив человек» — также верно как и противоположный тезис: «нищий богатого не разумеет».

Поэтому сегодня именно в развитых странах, прежде всего именно в США и Западной Европе, где обеспечены достаточные условия материального благосостояния граждан, вполне естественно вызревают постматериалистические (не

отрицающие материального достатка, а следующие за достигнутым уровнем качества жизни) приоритеты развития. Они не ликвидируют прежних ценностей, а, наоборот, говорят об их сохранении и приумножении за счет более полного раскрытия личностных устремлений элиты общества.

«Источником той энергии и инициативы, которые служат движущей силой *современной экономики* (курсив мой — В.Б.), является не просто жажда богатства, а желание превзойти других в его накоплении» (цит. Дж. Гэлбрейта, с. 493), а также превзойти других в своем личностном развитии и самовыражении.

Однако «новые тенденции не замещают предшествующие общественные формы как «стадии» общественной эволюции, а существуют, углубляя комплексность общества и природу социальной структуры» (Д. Белл, с. 4-5). Развивать новые информационные технологии, приносящие сегодня основной доход обществу и его элите, можно лишь на основе неснижающегося (в абсолютном виде) материального производства.

Происходит заметное снижение доли (курсив мой — В.Б.) материальных факторов производственного процесса.

Если в 1900 г. 63% занятых в народном хозяйстве США производили материальные блага, а 37% — услуги, то в 1990 г. это соотношение составило уже 22 к 78%. Прекратился совокупный рост занятости в сфере материального производства, а число фермеров в США сократилось до 2% занятых, тогда как еще в 40-х годах XX столетия оно составляло 20%, а в начале столетия — 50% рабочей силы (с. 35-36).

С другой стороны, доля «индустрии знаний (Knowledge industries) в ВВП США, составлявшая в 60-х годах XX столетия до 35%, сегодня выросла до 60%» (с. 39).

С середины 70-х до середины 80-х годов ВВП постиндустриальных стран увеличился на 32%, а потребление энергии — на 5%, при росте валового продукта более чем на 25% американское сельское хозяйство сократило потребление энергии в 1,65 раза (с. 40). «В результате возникает экономика «нелимитированных ресурсов» (П. Пильцер), безграничность которых обусловлена не масштабом добычи, а сокращением потребности в них» (А. Гор, с. 40). В то же время 95% добавленной стоимости (в обрабатывающих отраслях и сфере услуг) произведены не независимо от 5%, приходящихся на добывающую промышленность, а скорее, основываются на них; таким образом, впечатление об относительной независимости всей добывающей промышленности не соответствует действительности» (Дали, с. 38).

И все же основной рост ВВП США и других стран обусловлен широкомасштабным внедрением новых технологий, информации и знаний. Сегодня расходы американских компаний на приобретение информационных технологий составляют до 250 млрд дол. И вдвое превышают затраты на приобретение основных производственных фондов.

«Знания являются важнейшим стратегическим активом любого предприятия, источником творчества и нововведений, основой современных ценностей и

социального прогресса — т.е. поистине неограниченным (самовоспроизводящимся — В.Б.) ресурсом» (Халал, с. 41).

В результате происходит естественная трансформация 3-х видов активности (деятельности, энергии — В. Б.): интенсивной деятельности, порожденной непосредственно материальными потребностями человека, собственно труда и его энергетических усилителей и творчества, вызываемого внутренними стремлениями и предпочтениями.

Рассматривая энергию как синоним всякой деятельности, можно сказать, что на 3-х стадиях: доэкономической (1-е тысячелетие), экономической (2-е тысячелетие — становление и расцвет материального производства) и постэкономической (3-е тысячелетие н.э. — информационное общество) — энергия трансформируется: от механической мускульной деятельности, включая воинские действия, к скрытой энергии в материальных продуктах (прямые энергетические услуги от первичных добываемых ТЭР составляют всего 13%, а остальная часть «скрыта» в металлах, машинах и др. материальных товарах) и к информационной (нематериальной) энергии с негэнтропийными свойствами (не расходуемой на подогрев окружающей среды, а создающей новые структурные свойства высокоорганизованной среды).

Даже чисто экономические результаты информационной энергии, проявляющейся на рынке ожиданий, приводят к тому, что не материальные активы, а ожидаемые доходы формируют рыночную цену компаний. Сегодня отношение рыночной стоимости компаний стран ОЭСР (превышающие 50 трлн дол.) к балансовой выросло почти до 2-х раз, тогда как в России оно снизилось до 0,1...0,5 (в лучшем случае).

В высокотехнологичных информационных компаниях оно намного выше: у «Майкрософт» 10:1, у Нетскейп — 60:1 (с. 65).

«Реальное богатство постиндустриальных обществ достаточно точно отражено в финансовых показателях их развития, т.к. за ним стоит не только совокупность материальных активов, цена которых снижается и будет снижаться, но и ценности, воплощенные в человеческом капитале, значение которых растет и будет расти» (с. 119).

Все это говорит о том, что не только наука, а само творчество, как индивидуальный человеческий капитал, становится непосредственной и самой эффективной производительной силой общественного, экономического и постэкономического развития.

Все больше становится частных (не акционерных) компаний, где «бизнес воспринимается как проявление собственной творческой деятельности» интеллектуально развитой личности.

Именно такой высокодоходный информационный бизнес, основанный не на собственности на средства производства, а на интеллектуальном человеческом капитале, является причиной и источником бурного развития постиндустриальных

стран, недоступного тем странам (Японии, странам АТР России и другим), которые встали на путь т.н. индустриального «догоняющего» развития.

Разрыв не только не сокращается, но все более и более увеличивается по мере того, как происходит отток интеллектуальной молодежи этих стран в США и Европу и развития там научных школ, творческих коллективов и систем образования.

Продукция «развивающихся» стран встречает ограниченные возможности на рынках развитых стран, включая сырьевые ресурсы при активно проводимой ими ресурсосберегающей политике. Так, странами ОЭСР одобрена «стратегия, согласно которой на протяжении ближайших 3-х десятилетий их потребности в природных ресурсах из расчета на 100 дол. произведенного национального дохода должны снизиться в 10 раз — до 31 килограмма по сравнению с 300 кг в 1996 г.» (см. World Resources, 1998-1999 г., №4 — Oxford, 1998, P. 163 —цит. на с. 92).

За счет новых технологий после «энергетического кризиса» 1973 г. запасы нефти выросли с 500 до 900 млрд баррелей и способны увеличиться до 2 трлн баррелей. С 1970 по 1987 г. оценки запасов газа выросли с 1,5 до 4 трлн куб. футов. Поэтому срок исчерпаемости разведанных запасов увеличился как для нефти, так и для газа с 31 до 41 и с 38 до 60 лет соответственно. При этом снижаются и издержки производства: в США с 16 дол./баррель в 1983 г. до 4,5 дол. в 1994 г. При этом индекс цен на сырьевые товары (при всех их колебаниях, обусловленных импульсивными действиями ОПЕК) остался на уровне 1975 г., тогда как цены на индустриальную продукцию, производимую в США, выросли не менее чем на 133% (с. 95-96).

Все это привело к дальнейшей экономической поляризации мира: США и страны Западной Европы своей ресурсосберегающей политикой обезопасили себя от возможного сырьевого диктата развивающегося мира, поставляя туда (с помощью мощной рекламной компании) дорогой массовый информационный продукт (сотовые телефоны, программное обеспечение и т.п.), не позволяя развиваться национальным научным школам.

В США и Западной Европе доля экспорта в структуре ВВП не превышает 10%, ориентируясь на внутренний рынок. В то же время инвестиции, направляемые в страны АТР Японией и теми же США для поддержки экспортно ориентированных производств, привели к их краху при малейших признаках антидемпингового регулирования на рынках развитых стран. Поэтому сегодня произошла переориентация и американских инвестиций на развитые страны: доля ЕС как реципиента инвестиций США составила 50%, т.е. выросла за 30 лет в 2 раза, а в структуре инвестиций ОЭСР превысила 80%. И эти инвестиции вкладываются в дальнейшее развитие информационных технологий, науки, образования, экологии, восполнение человеческого капитала, являющегося самым мощным источником дальнейшего высокоинтеллектуального и материального и постматериального развития.

«Накануне XXI века мы наблюдаем фактический крах модели (индустриального — В.Б.) догоняющего развития» (с. 136), ибо уйдя за предыдущие годы далеко вперед и переключившись на производство высоконаучной

продукции и производящего ее человеческого капитала, страны ОСЭР сосредоточили (и развивают) у себя тот интеллектуальный потенциал, который сам является мощнейшим стимулом (органически присущим человеку III-го тысячелетия) саморазвивающегося постиндустриального развития, обеспечивающего и материальный уровень и качество жизни граждан этих стран в гармонии с окружающей средой.

При этом в отличие от стран Западной Европы, где сильна государственная социальная политика (в Германии на социальные нужды расходуется до 37% ВВП), в США ориентируются все больше на собственное развитие граждан и корпораций, стимулируя тем самым более высокие темпы экономического развития и (при меньших налогах) добиваясь увеличения абсолютной суммы средств, расходуемых на выполнение и развитие человеческого капитала.

При этом «постматериалистически настроенные индивиды получают от своей деятельности результат, к которому фактически не стремятся. В то же время доходы тех, кто сосредоточен на задачах приумножения материального богатства, не только не повышаются, но снижаются (относительно — В.Б.) по мере хозяйственного прогресса.

Таким образом, эти люди не получают от своей деятельности результата, которого жаждут» (с. 14).

То же самое имеет место и для стран, в частности Японии, остающейся приверженной традиционной модели догоняющего индустриального развития. Опыт Японии показал, что быстрый хозяйственный прогресс индустриального типа (на основе инвестиционной накачки экономики, увеличения затрат труда и финансового капитала) не является достаточным условием становления саморегулирующейся экономики (с. 339). Результатом чего стало «превращение Страны восходящего солнца в Страну заходящего индекса» (с. 616).

Россия должна осмыслить свой путь в III-е тысячелетие!!!

Америка, Россия и мир

(А.И. Уткин. Американская стратегия для XXI века. - М: «Логос», 2000 г., 271 с.)

XX век для Америки прошел не под знаком противостояния с коммунистической Россией (СССР) — «Москва имела очень малые шансы выиграть холодную войну» (W. Odom), ибо основой послевоенного мира был экономический альянс США с Германией и Японией. «Запад должен был действительно играть бездарно, чтобы с такими картами не выиграть» (W. Odom). И он не упустил своего шанса — Москва в холодной войне сдалась на милость победителя, СССР распался. «А что же Россия? Куда ты мчишься..., тройка-Русь? — в пропасть» (Строуб Тэлботт). В 1998 г. «эксперимент Москвы с построением капитализма рухнул» (ж. «Ньюсуик»), а итоги шестилетнего штурма П. Авен оценил: «русского чуда не произошло — и не ждите его в будущем» (с. 8).

Американские конгрессмены признали, что «западная либеральная экономическая модель потерпела крах в России и... надо поддерживать те страны, которые разрабатывают программы под себя, а не пытаются навязывать им наши (западные — В.Б.) идеи» (с. 11). «Америка (и только она) наслаждается своим статусом сверхдержавы» (О. Харрис, с. 264), осмысливая, каким путем ей поддерживать эту роль гегемона — то ли продолжая выполнять функции мирового жандарма и управляющего взамен ООН, то ли сосредоточиться на своих внутренних проблемах, еще больше приумножая свою экономическую роль и посредством новых информационных и иных технологий воздействуя на мир.

Анализируя различные доводы ведущих американских политологов, автор — директор Центра международных исследований Института США и Канады РАН — противопоставляет позицию «неоизоляционизма» официального Вашингтона, намеренного «не приносить больших жертв» и... не отвлекаться на неблагодарную за границу», позициям, требующим сохранения и укрепления (противостояния возможной неконтролируемой конкуренции) лидирующих положений США в разрешении мировых глобальных проблем — экологических, экономических, военных и интеллектуальных.

Цитируя Дж. Ная, автор считает, что «главным элементом новой стратегии» должно быть лидерство США ради укрепления глобальной взаимозависимости — в противном случае «полиархия может возникнуть достаточно быстро и оказать свое негативное воздействие» не только на стабильность мирового экономического и политического порядка, но и на саму Америку.

«Соединенные Штаты могли бы сберечь (собственные — В.Б.) деньги в краткосрочной перспективе (предавшись позиции «неоизоляционизма» — В.В.), но было бы гораздо выгоднее израсходовать деньги сейчас, чем терять гораздо больше в ходе военного конфликта будущего» (W/Kristol — с. 265-266).

«Америка... сумела создать связь между своим благосостоянием и общей пользой, а это — основа лидерства» (Дж. Муравчик — с. 255)

«Оставить поле действия другим — неразумно» (с. 254)

Несмотря на собственное экономическое могущество, «огромную опасность для США представит экономическое соревнование с союзными странами» (с. 254). Но еще большую опасность для мира и США представляет радикализирующийся исламский мир, рвущийся к ядерному оружию. Уже 15 т.н. развивающихся стран в состоянии строить баллистические ракеты и 8 из них владеют химическим оружием, а 10 — биологическим. Еще более опасными представляются возможные альянсы этих стран, неизбежно обращенные против общего врага — США. Уйти из этого мира означает (для США) встретить смертельную угрозу на пороге своего дома (с. 254). В частности, «враждебная Россия, если она войдет в союз с Китаем, создаст огромную проблему для Соединенных Штатов» (Д. Каллео, с. 28).

Существуют две теории: теория однополярной стабильности, основанная на тезисе «чем сильнее держава — гегемон, тем стабильнее международный порядок» (с.

21), и теория взаимозависимости, исходящая из необходимости не противостоять, а контролировать складывающиеся альянсы неизбежно многополярного мира.

«Мировому лидеру... угрожают два явления: подъем претендентов на статус сверхдержавы и резкая дестабилизация (хаос) в стратегически важных районах мира. ... При этом аргумент о невоинственности демократических государств не выдерживает исторического анализа. Равно как и то, что рыночная экономика якобы неотделима от демократии» (с. 24).

Япония и Германия, наиболее близкие по своей экономической мощи к США, никогда не были странами с либеральными рыночными экономиками американского типа. «Вера в возглавляемые США союзы может быть подорвана, если... Германия и Япония придут к заключению, что существующие соглашения неадекватны угрозам их безопасности» (с. 46). Россия унижена, но не раздавлена, и она всегда будет стремиться выйти из-под американского влияния. Китай в силу своих исторических национальных корней не станет надежной опорой американского влияния в АТР. Ислам все более радикализуется в пику США.

«Европа и Атлантика теряют свою роль как фокуса международных событий в XXI веке. Вместо них АТР будет диктовать ход событий в мире» (Дж. Муравчик, с. 30), поэтому меняются и приоритеты американской внешней политики, «при этом не идеология, а *геополитические реальности* определяют правила мировой политики (с. 51).

«Соединенные Штаты и Россия попросту обречены быть противниками» (М. Макфол — с. 49). Поражение коммунизма не изменило этого взаимоотношения, определяемого и разным геополитическим положением, и различным национальным менталитетом.

«Никакая прозападная «гибкость» российской (посткоммунистической — В.Б.) элиты не может в одночасье изменить того обстоятельства, которое является частью национального генетического кода: никогда не быть ничьим сателлитом, идти на любые жертвы ради самостоятельного места в истории» (с. 51). «Величие державы (а Россия была и остается ею в силу хотя бы своей территории, своих ресурсов, своей численности — В.Б.) не следует загонять в угол» (с. 52). Какой выход найдет Россия — пока неизвестно, но... мало не покажется ни ей самой, ни всем окружающим.

Россия не вошла (и ей не дали войти) в просвещенную Европу, она осталась в унижительной роли поставщика сырьевых ресурсов, у нее откачали интеллектуальный потенциал, под предлогом необходимого обновления стимулировали разрушение основных производственных фондов, придвинули НАТО к ее границам и т.д. и т.п.

Что остается России?

1-й вариант — возврат к политике интеграции с восточной Европой в виде нового СЭВ, ибо именно эти страны зависят от поставок российских ТЭР, продукции этих стран трудно пробиться на западно-европейский рынок, а в России она всегда найдет себе сбыт. И это для американских стратегов самый благоприятный вариант.

2-я крайность — «найти союзников вне элитного западного клуба — прежде всего в Азии, в мусульманском, индуистском и буддийско-конфуцианском мире», (с. 78)

«Запад будет отождествлен с эксплуатацией, безработицей, коррупцией, криминалом, (аморальностью — В.Б.).

Неоевразийство будет править бал, резко усилится тихоокеанская обращенность, ориентация на азиатскую дисциплину, а не на западный индивидуализм, Россия должна посмотреть на Восток... и начать параллельное движение» (с. 81).

У России для этого нет сейчас (как и не было в начале XX века) достаточных экономических ресурсов (всего 5% ВВП США), но есть традиционный для русских способ — не в первый раз проводимая национальная мобилизация» (с. 62) и «азиатский альянс».

«Закроется петровская глава русской истории. Не Амстердам, а Манила станет ее аллегорическим будущим» (с. 84).

Определяющими станут отношения России с Китаем, Индией и с исламским миром (внутри себя, на Кавказе, в Средней Азии и далее), нацеленные на выход к Индийскому океану. И США не останутся безучастны к этому процессу, хотя «Россия и Китай уже устали от вторжения США в их среды влияния» (С. Престович — с. 99).

При этом «Союз прозападных бизнесменов и чиновников обеспечивает движение в пользу приобщения России к ведомой США экономической системе» (D. Calleo — стр. 96). У России, стоящей на пути (бесперспективном) догоняющего индустриального развития, есть для этого объективная предпосылка — потребность в западных инвестициях и технологиях. При опоре на собственные силы и противостоянии с Западом Россия заинтересована в развитии восточного направления своей политики, включая продажу в АТР не только сырьевых товаров, но и атомных технологий, вооружения и другой наукоемкой продукции, что позволит ей сохранить ВПК — гордость страны и народа, все более привязывая к себе развивающиеся азиатские страны.

Поэтому США будут всячески сталкивать лбами Россию и ее ближайших соседей, пугая их прежней имперской позицией СССР. «Если материальные условия начнут улучшаться в России и население увидит в будущем проблески надежды, руководители России получат шанс поддерживать, «сбалансированную» внешнюю политику в направлении Запада... Но если экономика не покажет признаков выздоровления и снижение уровня жизни будет продолжаться, все прежние стандарты будут отринуты» (с. 96).

Объективность сближения России и Китая определяется не только территориальной близостью, но и общей судьбой — преодолением «голодной идеологии», многонациональностью своих стран, противостоянием общему врагу — индустриализировавшимся США и Японии, общностью военного обеспечения (поставкам в Китай новейшего вооружения) и многими другими факторами.

Разумеется есть и внутренние противоречия — иммиграция китайцев в дальневосточные районы России, борьба за влияние в Центральной Азии, индийско-пакистанский конфликт, где Россия и Китай — по разные стороны «баррикад».

США понимают, что этот альянс означает потерю их гегемонистского положения в наиболее населенном евроазиатском пространстве, поэтому лавируют, сталкивая Россию с ее соседями, пытаясь охватить своим политическим и экономическим влиянием прикаспийские страны Центральной Азии.

Отношения США и своего традиционного союзника — *Европейского Союза* также претерпевают изменения. Три тенденции:

- бурное экономическое развитие США (свобода рынка) и стагнация ЕС (большая доля социальных расходов государства);
- региональная обособленность (НАФТА — в Северной Америке и Маастрихтское решение о введении евро в пике доллару);
- различная военная позиция по отношению к мировым проблемам (США как международный жандарм и ограниченность ЕС преимущественно невоенными акциями в рамках Европы);
- различная военная позиция по отношению к мировым проблемам (США как международный жандарм и ограниченность ЕС преимущественно невоенными акциями в рамках Европы).

«Кумулятивный эффект трех указанных процессов однозначен: Соединенные Штаты и Европейский Союз видят себя в мире отлично друг от друга... и в целом дрейфуют... в различных направлениях» (с. 141-142).

Особое внимание в мире вызывает позиция в отношении национального самоопределения этносов и нерушимости границ существующих государств. 3 удара по Хельсинским соглашениям:

- объявление суверенитета России и распад СССР,
- размежевание Чехии и Словакии,
- отделение от Югославии и признание суверенитета Словении и Хорватии.

XXI век — век образования примерно 200 новых государств (проблемы Косово, Кашмира, Ольстера, басков, Чечни, Тибета, Эритреи и т.д. и т. д.). Именно эта национальная самоидентификация, а не интеграция через Интернет и систему «общечеловеческих ценностей» — магистральное развитие мира в начале III-го тысячелетия.

«Хотя националистическое государство представляет собой менее просвещенную форму социальной организации с политической, культурной, социальной и экономической точек зрения, чем мультиэтническое государство, его приход и господство попросту неизбежны» (W. Krisfol — с. 231)... «Мировые границы неизбежно будут перекроены» (с. 233).

Поэтому выработка стратегии отношения к новым тенденциям и новому миропорядку, к образующимся союзам многополярного мира — задача, актуальная как для США, так и для России.